Альберт ПАЙК

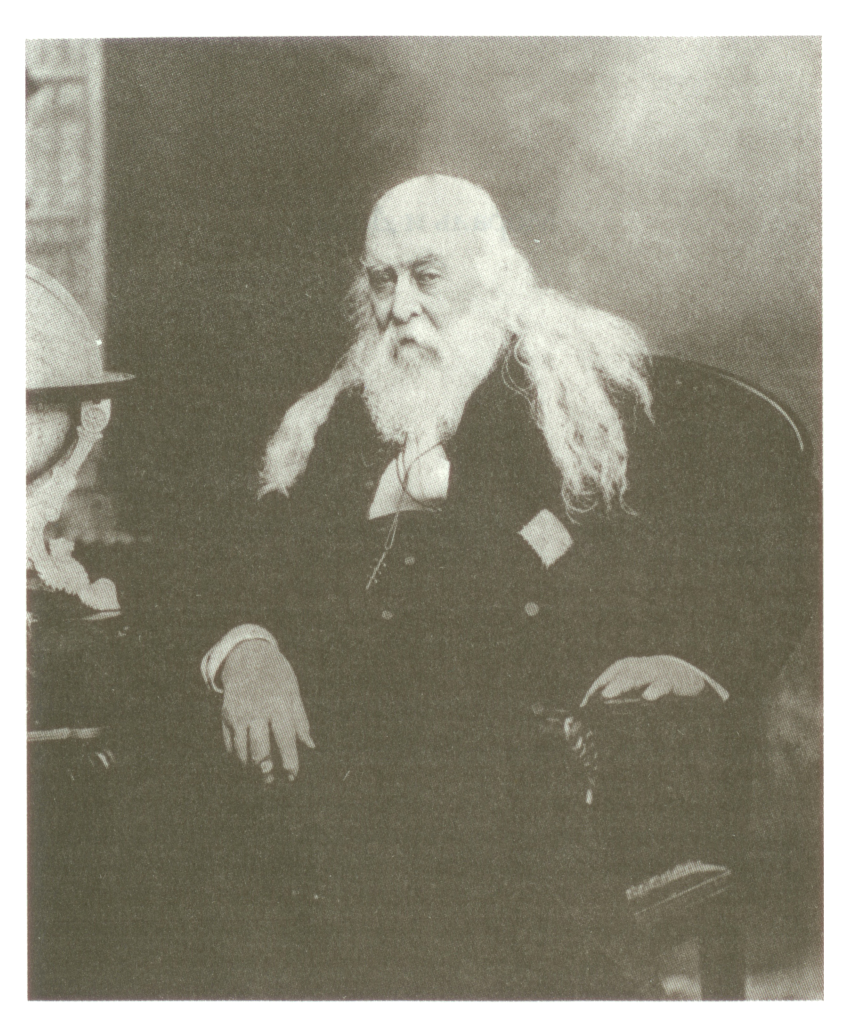
МОРАЛЬ И ДОГМА

ДРЕВНЕГО И ПРИНЯТОГО ШОТЛАНДСКОГО УСТАВА ВОЛЬНОГО КАМЕНЩИЧЕСТВА

I

Энциклопедия масонства

Мораль и Догма

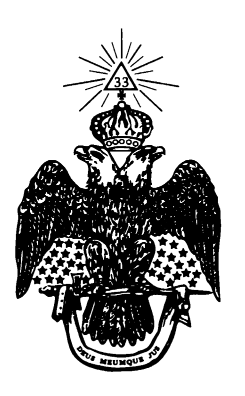

∓ ALBERT PIKE, Grand Commander 33°

Альберт Пайк

Мораль и Догма

Древнего и Принятого Шотландского Устава
Вольного Каменщичества

Том I

**Подготовлено для Верховного Совета
Тридцать Третьего и Последнего Градуса
Южной Юрисдикции
Древнего и Принятого Шотландского Устава
для Соединенных Штатов Америки
и публикуется его властью**

А∴М∴ 5767

2007 E. V.

УДК 1/14
ББК 76.42
П 12

Альберт Пайк
Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава /
Альберт Пайк / Пер. с англ. Е. Л. Кузьмишина. –
М.: Издательство «Ганга», 2007. – 392 с.
ISBN 978-5-98882-026-0

MORALS AND DOGMA
OF THE ANCIENT AND ACCEPTED SCOTTISH RITE OF FREEMASONRY
Charleston, A∴M∴ 5632

Книга «Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава» – основополагающий труд по истории и философии масонства как посвятительного Ордена, носителя мировой эзотерической традиции. Альберт Пайк – один из наиболее авторитетных масонских ученых всех времен, и его труд стал итогом многолетней работы по преобразованию и совершенствованию системы Шотландского Устава в США, а также лег в основу всех последующих масонских исследований в рамках данного Устава. Структурно книга «Мораль и Догма» воспроизводит систему масонского посвящения, поскольку изначально представляла собой цикл лекций, с которыми более опытные вольные каменщики обращались к посвященным в очередную степень. «Мораль и Догма» представляет собой путеводитель по практически всем основным мировым эзотерическим учениям и обществам от Мистерий Осириса и Исиды до современных Пайку неотамплиеров. Книга «Мораль и Догма» впервые переведена на русский язык.

Мораль и Догма

Morals & Dogma

Масонское Наследие Альберта Пайка

«Черный Папа мирового масонства», «Верховный Понтифик вселенского масонства», «основатель черного люциферианского масонства», «учредитель и идеолог Ку-Клукс-Клана», «глава сатанинского Ордена Бафомета»... И все это один и тот же человек. «Некий Альберт Пайк», как было указано в «Мемуарах одной палладистки», вышедших в Париже в 1896 г. под «редакцией» некоего Лео Таксиля. Кроме описания кровавых жертвоприношений «идолу Бафомету», отвратительных оргий «посвященных» обоего, кстати, пола, кроме текстов богохульных «присяг» и описания ритуалов «ордена Палладия», там содержится «стенограмма» речи Альберта Пайка перед собранием посвященных 33-го, 32-го и 31-го градусов, посвященная «падению Распятого и грядущему царству Люцифера – нашего бога, света истинного, зари неугасимой»[1]. Уже 19 апреля 1897 г. Таксиль (провинциальный журналист Габриэль Жоган-Пажес) собирает огромную пресс-конференцию, где собирается предъявить людям свою «знакомую-палладистку», с чьих слов были, якобы, записаны «Мемуары», однако вместо этого в течение полутора часов рассказывает потрясенной аудитории, как именно сочинял это и многие другие произведения по заказу и с благословения Римско-католической церкви, получая за них достойное вознаграждение и обретая все большую популярность, являвшуюся единственной его целью во все времена – и тогда, и раньше, в годы написания им печально известных «Забавной Библии» и «Забавного Евангелия», направленных против теперешних «работодателей». Публика шокирована. Таксиль

предан общественному остракизму. Популярность его невероятна. Цель достигнута.

С тех пор, в течение более чем полутора веков после скандала, по миру идет молва о Пайке единственно как о «черном Папе» и пр., основывающаяся на отрывке из бездарного памфлета беспринципного борзописца. На нем основывают свои фундаментальные «исследования» авторы «Протоколов Сионских мудрецов», Розенберг, Гитлер, Стивен Найт, Пэт Робертсон и прочие нынешние «масоноборцы», включая российских, причем как «видных исследователей» типа Замойского и Дугина, так и пропагандистов вроде Воробьевского.

«Всемирного масонства» не существует, потому что масонский Орден основан на верховной власти территориальных Великих Лож; «люцифернанского масонства» не существует в силу заложенной в основополагающих масонских ландмарках веры его членов в Бога и их верности добродетели; «ордена Бафомета» не существует и не существовало в природе; с Ку-Клукс-Кланом Пайка связывает единственное письмо генералу Форресту (основателю Клана) относительно ритуала Алабамского ковена[2]... Таким образом, становится более или менее понятно, кем не был Альберт Пайк.

Кем же он был?

Он был реформатором и самым известным Державным Великим Командором Материнского Верховного Совета Тридцать третьего и последнего градуса Древнего и Принятого Шотландского Устава Южной юрисдикции для Соединенных Штатов Америки, величайшим, по нашему субъективному мнению, масонским ученым всех времен и народов, как ни одиозно это звучит, боевым генералом армии Конфедерации, государственным и общественным деятелем, защитником и почетным вождем арканзасских индейцев, губернатором Индейских территорий, вошедших в 1861 г. в состав США, талантливым и плодовитым журналистом, видным юристом, соавтором конституции Арканзаса, редактором нескольких журналов и газет, средней руки поэтом – автором духовных гимнов, несомненно одаренным историком и глубоким, оригинальным философом.

Альберт Пайк родился 29 декабря 1809 г. в Бостоне, штат Массачусетс, в семье Бенджамина и Сарры (в девичестве Эндрюс) Пайк. Обучался в Байфилде, Ньюберипорте, а затем в академии Фрэмингхема, штат Массачусетс. Большую часть своего времени с 1824 по 1831 год он посвятил преподаванию и самостоятельному обучению, в свободные часы писал стихи. В 1850 г. Гарвард удостоил А. Пайка

почетной степени Магистра искусств. В качестве учителя он работал в средних школах Глостера, Фэйрхейвена и Ньюберипорта.

В марте 1831 г. фактически без денег и каких-либо конкретных планов он устремляется на Запад. Добравшись на перекладных до Сент-Луиса, он записывается в странствующую партию охотников и торговцев, направляющуюся в Санта-Фе. Прожив некоторое время в этом городе, он затем присоединяется к другой партии и совершает вместе с ней экспедицию в Стейкед-Плейнз, откуда, встретив на своем пути множество тягот и лишений, набравшись жизненного опыта, попадает в Форт Смит, штат Арканзас. В 1833 г. он преподает в средней школе в округе Поуп, штат Арканзас. В тот же год под псевдонимом «Каска» он пишет для “Arkansas Advocate” с редакцией в городе Литтл Лэйк серию статей на политические темы, озаглавленную «Перехваченные письма». Эти статьи получили такое широкое признание, что издатель газеты предложил Пайку стать его компаньоном. Пайк принял это предложение, одновременно получив и место помощника клерка в местном законодательном органе во время его сессии. 10 октября 1834 г. он женится на Мэри Энн Гамильтон. Ей принадлежала некоторая собственность, которая позволила ему приобрести дополнительные паи в «Advocate», и в 1835 г. он становится его единственным владельцем и издателем.

Несмотря на то, что родился и вырос в Массачусетсе, Пайк выступал в поддержку положения о сохранении рабства в конституции Арканзаса образца 1836 г., мотивируя это тем, что, поскольку Арканзас окружен штатами, поддерживающими рабство, и в значительной степени заселен рабовладельцами, декларировать свободу в конституции было бы политически невыгодно.

В 1837 г. он продает “Advocate”, получив к тому времени лицензию на юридическую практику. В последующие годы он стал одним из наиболее знающих и опытных адвокатов на всем Юго-Западе. Он был одним из первых официальных пресс-секретарей Верховного Суда Арканзаса, и его отчеты содержатся в пяти первых томах пресс-архива Верховного Суда за 1840–1845 гг. В 1842 г. он опубликовал «Свод законодательных актов Арканзаса», включавший в себя также и извлечения из общегосударственного законодательства. В тот же самый год он был допущен к работе в Верховном Суде Соединенных Штатов. Он принимал активное участие в Мексиканской войне в качестве командира кавалерийского соединения, которое сам и набрал.

Во время Гражданской войны его карьера не удалась. Хотя он и испытывал неприязнь к рабству и, как он сам позднее утверждал, к концепции апартеида (если это только не вынужденная и единственно возможная мера), все же он решил занять сторону штатов Конфедерации, не желая предавать своих друзей и терять собственность. Летом 1861 г. он был отправлен с миссией обсуждения условий мирного договора с индейскими племенами к западу от Арканзаса. В этом деле ему удалось добиться частичного успеха. Позже ему было присвоено звание бригадного генерала, а когда по приказу от 22 ноября 1861 г. индейские земли к западу от Арканзаса и к северу от Техаса составили департамент Индейских Территорий, Пайк был назначен его главой ("Official Chronicles", I, series VIII, 690).

В течение нескольких лет после войны он вел жизнь путешественника. Собственность его была конфискована, и на него с подозрением смотрели как на Севере, так и на Юге. В 1865 г. он приезжает в Нью-Йорк, но, опасаясь ареста по обвинению в подстрекании индейских племен к восстанию, бежит в Канаду. Его друзья не прекращали попыток выхлопотать ему официальное прощение, и 30 августа 1865 г. президент Джонсон отдает распоряжение, позволяющее ему вернуться домой при условии, что он принесет клятву верности и пообещает вести себя как человек, послушный властям. Пока он ведет себя таким образом, он не должен подвергаться преследованию гражданскими или военными властями. Он выполнил эти условия. В 1867–1868 гг. он проживал в Мемфисе, штат Теннеси, где занимался юридической практикой и некоторое время был издателем "The Memphis Appeal". В 1868 г. он переехал в Вашингтон, округ Колумбия. Там он продолжил свою юридическую практику, был помощником главного редактора "The Patriot" (1868–1870), много писал и много занимался исследовательской работой, большую часть своих творческих сил и внимания посвящая франкмасонству.[3]

Пайк был посвящен в общество франкмасонов в 1850 г., в степени Шотландского Устава – в 1853 г., а в 1859 г. он был избран Великим Командором Верховного Совета Южной юрисдикции для Соединенных Штатов Америки и этот пост занимал в течение 33 лет. Как организатор, исследователь и толкователь франкмасонства, а также как писатель он сослужил неоценимую службу франкмасонству Шотландского Устава, снискав величайшее почитание в Соединенных Штатах и широкую известность за рубежом. Хотя заслуги его были многочисленны и разнообразны, величайшими из них были, по всей

видимости, новая редакция масонских ритуалов, над которой он кропотливо трудился много лет, и его труд «Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава Вольного Каменщичества» (издания 1872, 1878, 1881, 1905 гг.).

Под два метра ростом, широкий в кости, грузный, с внешностью Юпитера, волосами до плеч и длинной бородой, Пайк производил неизгладимое впечатление на всех знавших его. Таланты его были разносторонни, и он находил применение своим способностям во множестве различных наук. Кроме родного, он прекрасно знал древнееврейский, греческий, латинский и французский языки, а в последние годы жизни много времени посвятил переводам восточных поэтов. В периодических изданиях было опубликовано великое множество его статей по самым разным вопросам.

В своей собственной специальности он был не только замечательным юристом-практиком, но и исследователем права. Его перу принадлежит пространное сочинение «Максимы Римского Права, а также извлечения из древнего Франкского Права, распространенные и рассмотренные в свете доктрины юриспруденции», которое «будь оно опубликовано, поставило бы его в первый ряд американских авторов в области гражданского права» (С.С. Лобинжье в “American Bar Association Journal” за апрель 1917 г., с. 208).

Он получил немалую известность как поэт. В начале своей карьеры в Арканзасе он отослал в “Blackwood's Edinburgh Magazine” сборник «Гимны богам», который редактор издания Кристофер Норт опубликовал в июне 1839 г. с примечанием: «Эти чудесные гимны... дают их автору право занять достойное место в первых рядах поэтов этой страны». Этот сборник был позднее включен в фундаментальный труд «Гимны богам и другие стихотворения» (1872), изданный за счет автора. Время не подтвердило поэтических достоинств Пайка. У него было живое воображение, отличные навыки стихосложения, но он явно отдавал ритму предпочтение перед благозвучием. Многие его стихотворения полны неподдельной страсти, но в целом его работы в этой области весьма неравноценны, часто им не хватает оригинальности, и иногда они просто напоминают цитаты из других поэтов.

Пайк умер 2 апреля 1891 г. в здании Храма Шотландского Устава в Вашингтоне на восемьдесят третьем году жизни. Он оставил после себя письменное распоряжение относительно своего тела, в котором указывалось, что оно должно быть кремировано, а пепел – зарыт

в землю у корней двух акаций, растущих у фронтона здания Верховного Совета; но это распоряжение не было выполнено, и Пайк был похоронен на кладбище Оук Хилл в Вашингтоне. Верховный Совет Южной Юрисдикции установил на территории, специально выделенной ему для этих целей Конгрессом, монумент памяти А. Пайка.

Его жена умерла в 1876 г. Он потерял троих своих детей: один сын был убит, сражаясь на стороне штатов Конфедерации, другой утонул в Арканзасе, третий умер от лихорадки; после его смерти остались еще двое сыновей и дочь.

Опубликованные труды А. Пайка составляют в различных изданиях 16 томов. Неопубликованные рукописи хранятся в библиотеке Верховного Совета Южной Юрисдикции Древнего и Принятого Шотландского Устава в Вашингтоне, округ Колумбия.

Как уже говорилось, главным трудом Пайка является «Мораль и Догма». Это монументальное произведение является основой его титанического труда по оживлению Шотландского Устава в США и приданию ему нового смысла, однако они далеко не исчерпываются данной работой. Перу Пайка принадлежат обновленные, усовершенствованные и упорядоченные ритуалы всех градусов («литургия»), их наставления («лекции»), уставы и регламенты, административные и правовые уложения и акты.

Во второй половине XIX в. Шотландский Устав, пришедший в США из Пруссии через Францию, находился в упадке как в плане численности членов, так и в области учения и литургии, довольно эклектичных и маловразумительных. Только Пайку мы обязаны нынешней стройной и всеохватывающей организационной и философской системой этого Устава, включающего в себя практически все лучшее, что может предложить ищущему Света мировая эзотерическая традиция. Предлагая идеологическую основу для духовных исканий посвященного, Пайк разворачивает перед его взором обширную палитру мировых нравственных учений, ни в чем его, тем не менее, не ограничивая, а лишь поощряя к дальнейшему стремлению к Свету. Одновременно предлагается четкая организационная структура, ритуальная практика; Пайком разработаны облачения, ритуальные атрибуты, стройная система знаков и символов. Он предлагает посвященному готовый, если так можно выразиться, «посвятительный продукт», вместе с тем, являющийся не догмой[4], но стартовой точкой, побудительным мотивом для собственного духовного развития.

«Мораль и Догму» Пайка невозможно понять, не будучи хотя бы в общих чертах знакомым с мировой философской, религиозной, художественной и литературной традициями. Да и знакомство с ними отнюдь не гарантирует свободной ориентации в его фундаментальном труде, а уж о желании почитать на досуге нечто увлекательное можно просто забыть. Более того, чтение Пайка – труд, труд нелегкий, зачастую неблагодарный, но необходимый. Необходимый каждому человеку, стремящемуся не только расширить философский кругозор, но и приобщиться к истинам, которые лишь на первый взгляд кажутся непостижимыми, а в действительности буквально лежат на поверхности, сокрытые от наших взглядов вековыми наслоениями извечной человеческой глупости, догматизма, упрямства и лжи. Будучи сам человеком энциклопедически образованным, библиофилом, создателем и хранителем огромной библиотеки, ставшей для него фактически домом на протяжении последних лет его, Пайк составлял свой труд, полагая его главным делом своей жизни, а поэтому вложил в него все свои знания, всю душу. Отсюда и его стремление объять необъятное: представить в сжатом виде всю мировую эзотерическую традицию так, чтобы она была понятна человеку, не обладающему его образованностью и интеллектом.

В отличие от Е.П. Блаватской, ставившей себе несколько иную задачу, а именно составление своего собственного учения из отрывков учений всех религий и философских школ мировой истории, которые она сама полагала «правильными» и «укладывала» в рамки собственного понимания мира (или, если угодно, «откровений Махатм»), Пайк ставил перед собой задачу скорее представить потенциальному читателю весь спектр мировых религиозных и философских учений, чтобы доказать их изначальное родство и единство их источника.

Во всех своих наставлениях он постоянно апеллирует к «изначальным, первозданным Истинам», дарованным человеку Богом в начале времен, и подчеркивает, что лишь естественное развитие человека как личности и человеческого общества, цивилизации привели к тому, что со временем образовывались различные течения мысли, по-разному толковавшие эти истины и строившие на их основе различные предположения, каждый раз в меру своих способностей.

Таким образом, Пайк идет путем синтеза и анализа, сначала обобщая всемирный опыт познания мира, Бога, человеческой природы, законов общества, а затем «убирая» все лишнее, все напластования

человеческого ложного умствования и извлекая то, что считает истинным и благим. В его выводах, на первый взгляд, нет ничего особенного: Бог существует, Он – Творец мира и человека, Он – это высшие Мудрость, Сила, Совершенство, Милость и Благо, Отец человека, никогда не упускающий его из вида, любящий его и желающий ему добра. Человек несовершенен, но он способен обрести совершенство, почитая Бога и исполняя Его заповеди, главной из которых является относиться к ближнему своему, как к самому себе. Тогда во Вселенной воцарятся равновесие, мир и порядок, и она приблизится к Богу. Вот, собственно, и все.

Оригинал «Морали и Догмы» состоит из 863 страниц мелкого шрифта. Стоило ли исписывать их от руки пером, макаемым в чернила, если все можно было уложить в 68 слов?

Вероятно, стоило, потому что в результате перед нами не просто очередная проповедь, которая столь немного бы стоила в наше время, когда практически все святые и чистые слова и понятия – духовность, церковь, патриотизм, общечеловеческие ценности, мир, демократия – поруганы и испачканы своими лицемерными проповедниками, а настоящая энциклопедия человеческой мысли. Ознакомившись с ней, прочитав хотя бы «по диагонали», начинаешь верить в то, что еще существует возможность возвратить этим понятиям былую чистоту и тем приблизить их торжество в мире в целом.

Орден Вольных Каменщиков гордится своей историей, которую различные исследователи ведут от незапамятных времен: от строительства Храма Царя Соломона в Иерусалиме, от времени возведения Вавилонской башни и пирамид Гизы, от Всемирного потопа, от времен допотопных... История эта в значительной степени легендарна, но вместе с тем и исполнена глубокого исторического символизма. Как в грамматике существует парадоксальное настоящее историческое время глагола, так и в истории масонства реальные исторические факты парадоксальным образом перемешиваются с фактами эзотерической литературы, образуя совместно с ними некую третью реальность – реальность непрерывной посвятительной цепи, единства прошлого, настоящего и будущего, вселенского континуума, преобразующего не только историю, но и настоящее. Действительно, проникая в глубины масонской философии, начинаешь осознавать, что, в принципе, не столь уже важным кажется установить с той или иной степенью вероятности реальность происходивших в масонских легендах событий. Приоритет остается

за той смысловой нагрузкой, которую они несут тем, кто дерзнул проникнуть сквозь окутывающую их пелену аллегорических хитросплетений.

Язык Пайка сложен для читателя. Пайк многословен, у него часты повторы, предложения перегружены синонимами и даже целыми синонимическими конструкциями, занимающими по целой странице. Однако необходимо, во-первых, помнить, что этот стиль вообще характерен для авторов его времени, особенно пишущих о данных материях, а во-вторых, что изначально «Мораль и Догма» были задуманы, чтобы служить источником нравственных и символических наставлений, с которыми обращаются более опытные масоны к своим братьям, прошедшим посвящение в очередную степень. Каждое новое наставление содержит в себе повторение «задов» – основ учения первых трех символических градусов, основ масонского мировоззрения вообще. Кроме того, Пайк достаточно вольно «витает» среди великих мудрецов и текстов прошлого, временами цитируя их по памяти, не всегда сохраняющей ему верность, «забывая» время от времени ставить кавычки, и нужно признаться, изредка выдавая желаемое за действительное. Пайк – человек, а не ангел: ему свойственно было как находить единственно возможный выход из запутанного теологического хитросплетения, так и кое в чем искренне заблуждаться.

Тем не менее, прочесть великий труд Пайка просто обязан каждый стремящийся обрести истинное духовное посвящение в градусы Шотландского Устава и просто постичь великие и нетленные истины древнего и священного Братства Вольных Каменщиков. Отнюдь не возбраняется это и любому вообще человеку, желающему погрузиться в величественный мир Мысли, мир Духа, мир извечного стремления к Свету.

Предуведомление

Данная работа подготовлена по поручению Верховного Совета 33-го градуса Южной юрисдикции Древнего и Принятого Шотландского Устава для Соединенных Штатов Америки его первым Великим Командором и ныне публикуется его именем. В ней содержатся наставления по Древнему и Принятому Шотландскому Уставу в соответствии с его работой в данной юрисдикции, и особенно она рекомендуется для прочтения масонским Братьям, принадлежащим к данному послушанию, согласно и соответственно ритуалам степеней посвящения. Издатели полагают желательным, если не необходимым, чтобы каждый из них имел собственный экземпляр данного труда и подробнейшим образом ознакомился с ним, по каковой причине цена данной работы, себестоимость которой состоит только в расходах на издание и переплет, должна быть как можно более умеренной. Никто не должен получать личной прибыли от переиздания данной работы, кроме агентов по ее продаже.

Братьям Шотландского Устава в США и Канаде будет предоставлена возможность приобрести данное издание; это не запрещено и для других масонов, однако никакими преимуществами при приобретении они пользоваться не будут.

В ходе подготовки данного труда к публикации Великий Командор выступал в роли как автора, так и составителя, поскольку около половины данной работы составляют выдержки из трудов величайших и красноречивейших писателей, мыслителей и философов.

Возможно, для всех было бы полезнее, если бы он привел больше выдержек и меньше собственных пассажей.

Тем не менее, около половины труда принадлежит ему самому; включая в свою работу высказывания и мнения других авторов, он постоянно дополнял, изменял и приукрашал их, зачастую несколько перемешивая цитаты – прямые и косвенные – с собственными словами. Поскольку данная работа не предназначалась автором для широкой аудитории, он посчитал возможным использовать все доступные ему источники для составления своего рода сборника избранных положений морали и догм Шотландского Устава, при этом весьма свободно дополняя цитаты собственными словами, изменяя их в соответствии с собственной волей, перестраивая предложения и пользуясь чужими мыслями так, как если бы они принадлежали ему самому, дабы написанный в конечном итоге труд приносил пользу и удовольствие читателю и служил претворению в жизнь намеченной автором цели. Он не имел в виду претендовать на авторство во всей полноте связанных с ним прав, а посему не проводил четкого разграничения между написанным им самим и позаимствованным из других источников, предполагая и даже желая, чтобы каждое предложение книги считалось его читателями позаимствованным из более древнего и авторитетного источника.

Данные наставления не являются непререкаемой святыней; они не претендуют на то, чтобы выходить за рамки нравственных поучений в область прочих разновидностей поисков Истины или философской мысли. Древний и Принятый Шотландский Устав использует слово «догма» в его первоначальном, истинном смысле – «доктрина», или «учение», а не в смысле составляющей части догматики в ее нынешнем одиозном смысле. Каждый имеет полное право отвергать и не соглашаться ни с чем из того, что может показаться ему несправедливым или неверным в данной работе. От любого читателя требуется только одно: с открытой душой прочесть и непредвзято взвесить все то, что он встретит в тексте книги. Само собой, древние теософские и философские поучения не следует воспринимать как обязательную составную часть доктрины Устава; однако важно и интересно знать, что Разум Древности думал о рассматриваемых вопросах, поскольку ничто не демонстрирует столь явно и очевидно разницу между нашей, человеческой душой и примитивной природой животного, как способность нашего человеческого

разума строить умозаключения о себе самих и о Божестве. Но что касается самих этих мнений и умозаключений, мы вполне можем сказать, повторяя мысль великого доктора канонического права Людовика Гомеса: "Opiniones secundum varietatem temporum senescant et intermoriantur, aliæque diversæ vel prioribus contrariæ renascantur et deinde pubes-cant".[1]

~

Symbolical Lodge

Символическая Ложа

Apprentice

1

Ученик

Сила, не управляемая вовсе или управляемая плохо, не просто тратится впустую, как сила пороха, сожженного на открытом воздухе, или как пар, не использованный учеными; но и, ударяя в темноту и попадая своими ударами лишь в воздух, лишь принимает их назад, получая ушибы. Это разрушение и упадок. Это вулкан, землетрясение, ураган, а отнюдь не рост и не продвижение вперед. Это слепой Полифем, наносящий удары в пустоту и падающий головой на острые камни от силы собственного удара.

Слепая сила людей – это Сила, которую следует экономить и которой следует управлять, как слепой силой пара, поднимающей могучие стальные рычаги и вращающей огромные колеса. Эта сила создана для того, чтобы передвигать и заряжать огромные орудия, но одновременно с этим и прясть тончайшее волокно. Она должна управляться Мыслью. Мысль представляет собой для людей и их Силы то же, что тонкая стрелка компаса для корабля, – это их душа, вечно управляющая огромной массой дерева и железа и вечно указывающая на Север. Чтобы повергнуть крепости, со всех сторон воздвигнутые против человека предрассудками и деспотизмом, Сила должна руководствоваться Мыслью и Законом. Тогда ее дерзкие деяния приводят к ощутимым результатам, и в них мы видим продвижение вперед. Следовательно, существуют высшие завоевания. Мысль есть Сила, а философия должна стать энергией, находящей свою цель и свои результаты в улучшении человеческой породы. Два наиглавнейших двигателя – это Истина и Любовь. Когда все

эти силы объединяются и находят руководителя в Мысли, и управляются в соответствии с правом Истины и Справедливости, и отличаются совместными и систематическими движением и усилием – тогда начинает свое движение к апогею великая революция, подготовленная веками.

Сила самого Божества уравновешена Его Мудростью. Единственно возможным следствием этого равновесия является Гармония.

Это происходит обычно потому, что Сила плохо ограничивается, что обычно приводит к краху любой революции. Поэтому и столь часто восстания, приходящие с высоких гор, нависающих над горизонтом, – Справедливости, Разума, Истины, – созданных из чистого снега идеалов, после долгого падения со скалы на скалу, отраженные сотнями и сотнями эпигонов, распухшие от тысяч последователей на своем пути великолепного триумфа, неожиданно затихают и исчезают в горизонтах миражей, как калифорнийские реки – в песках.

Продвижение человеческой расы вперед требует того, чтобы высоты вокруг нее лучились достойными и назидательными уроками доблести. Дерзкие деяния украшают историю и формируют те огни, которые служат ориентирами для человечества. Существуют звезды, существует сияние, отражающее великий мир природного электричества, Силу, неотъемлемую от человечества. Бороться, стремиться, выстаивать в борьбе со всеми опасностями, погибать, упорно добиваться, быть верным самому себе, бросаться друг другу на помощь по воле Судьбы, встречать поражение признанием правоты Провидения, грудью вставать против неправедной Силы, порицать неправедный триумф – вот пример, которому должны следовать все нации в достижении Света, который наполняет их природным электричеством.

В великих пещерах Духа Зла, пролегающих под обществом, содержатся огромные силы, которые в своем отвратительном разложении, в убожестве, в пороках и самоуничтожении, в грехах и преступлениях, вопиют к отмщению в этой тьме среди существ, стоящих ниже людей, но обитающих в больших городах. В этой атмосфере каждый теряет интерес к ближнему своему и ютится, и работает, и страдает лишь ради самого себя. На Мысль в этом обществе никто не обращает внимания, и никто не задумывается о продвижении вперед. У этих людей две матери, и обе – мачехи: Невежество и Ничтожество. Единственный их руководитель – Нужда; только своим

плотским аппетитам они ищут удовлетворения. Но даже их можно задействовать. Тот ленивый прах земной, который мы попираем ногами своими, просеянный, рафинированный, прошедший очищение огнем, может превратиться в сверкающий хрусталь. В грубых ударах их Молота есть Сила, но Великую Пользу эти удары приносят лишь тогда, когда их наносят, руководствуясь Линейкой мудрости и благоразумия.

Но, тем не менее, это та самая людская Сила, ни с чем не сравнимая титаническая Сила, которая воздвигает крепости тиранов и воплощается в их армиях. Отсюда и возможность таких тираний, о которых в свое время было сказано, что «Рим пахнет при Виттелии еще дурнее, чем при Сулле. Под властью Клавдия и Домиана допущено искажение всех основ, соответствующее отвратительности тирании. Леность рабов есть прямое следствие ужасной сущности деспота. От их совести, отражающей совесть господина, исходят миазмы; институты народной власти нечисты, сердца – пали, совесть – низложена, души – низринуты в Ад. Такое положение вещей существует при Каракалле, неизменно оно и при Коммоде, неизменно оно и при Гелиогабале, в то время как от римского Сената при Цезаре исходило лишь благоволение, освещенное орлиным взором».

Именно сила людей поддерживает все эти деспотические режимы, как наихудшие, так и наилучшие. Сила эта действует посредством армий; но армии чаще обращают в рабство, чем освобождают. Здесь деспотизм применяет Право. Здесь Сила – это стальная булава, приторoченная к седлу рыцаря или облаченного в латы епископа. Бессловесное подчинение Силе поддерживает троны и олигархии, испанских паладинов и венецианский сенат. Мощь любой армии, основой которой служит тирания, складывается из всех ее недостатков; так же и человечество воюет с человечеством, не оглядываясь на идеалы Человечества. Так же и какой-либо народ с радостью склоняется перед деспотизмом, и рабочий люд соглашается с тем, что ему суждено быть вечно презираемым, а солдаты соглашаются с тем, что их можно пороть; следовательно, сражения, проигранные какой-либо нацией, часто способствуют ее прогрессу. Меньше славы – больше свободы. Когда молчат барабаны, иногда говорит разум.

Тираны используют силу людей для того, чтобы пленять и подчинять, то есть закабалять людей. После этого они пашут на людях, как на быках. Тогда дух свободы и новаторства подавляется штыками, принципы уничтожаются залпами из пушек, в то время как

монахи обычно сопутствуют военным отрядам, а сама Церковь – военизирована и полна предвкушения победы, все равно, католическая она или пуританская: она все равно распевает "Te Deum"[1] после побед над восставшими.

Военная мощь, не подчиненная мощи светской, тоже своего рода молот или булава Силы, не зависящие от Права, – это вооруженная тирания, родившаяся уже вполне зрелой, как Афина из мозга Зевса. Она порождает династии и начинается с Цезарей, чтобы загнить в образах Вителлия и Коммода. В настоящее время династии имеют тенденцию начинаться там, где прошлые династии заканчивались.

Люди постоянно тратят огромные усилия на то, чтобы всего-навсего положить конец своей неописуемой слабости. Людские силы растрачиваются в борьбе с неопределенными факторами преждевременной смерти, в управлении человечеством с помощью давно отмерших тираний, основанных на Вере, в восстановлении давно приказавших долго жить догм, в поклонении древним, изъеденным червями святилищам, в обелении и профанации древнейших предрассудков, в попытках спасения людского сообщества путем увеличения количества его паразитов, в поддержке существования организаций, которые кажутся ему вечными, в поощрении поклонения символам как реального пути к Спасению, а также в провозглашении вечной связи недвижимого трупа Прошлого с живым Настоящим. Следовательно, одной из неизбежных реалий человечества является то, что оно навечно приговорено сражаться с призраками, предрассудками, лицемерием, фанатизмом, ошибочными суждениями, суевериями и зовом тирании. Деспотизм, известный нам из прошлого, обрел в наших глазах некое уважение, точно гора, блистающая вулканическим кратером, пылающим и ужасным, но издали кажущимся в небесно-голубой дымке изысканно-прекрасным. Гораздо большего стоит видение хотя бы одного узилища тирании, поскольку оно развеяло бы иллюзии и посеяло бы в сердцах священную ненависть к деспотизму, а также сумело бы направить Силу в нужном направлении гораздо лучше, чем многие тома самых красноречивых свидетельств. Французам стоило бы сохранить Бастилию как урок всем временам; итальянцам – узилища инквизиции. Именно людская Сила создала ту Власть, которая построила эти мрачные застенки и поместила человеческую Душу в гранитные могилы.

Человеческая Сила своим ничем не сдерживаемым судорожным действием не может создать и поддерживать однажды созданное свободное Правительство. Эта сила должна быть ограничена, сжата, направлена и распределена по разным оттокам, по обводным каналам, откуда она, выведенная в отстойники, выпускается в виде закона, действия и решения Государства; так мудрые правители Древнего Египта распределяли по узким каналам вспухшие приливные воды Нила, заставляя их оплодотворять, а не опустошать земли. Должны существовать "jus et norma", Закон и Право или мера Конституции и законности, только и лишь в рамках которой должна действовать Сила народа. Допустите брешь лишь в одной из этих структур – и гигантский паровой молот своими сокрушающими и неудержимыми ударами разнесет на мельчайшие атомы все сложные механизмы, а затем саморазрушится и будет лежать бессмысленной и бесполезной громадой посреди им же созданных руин.

Сила народов, или народная воля в действии или упражнении, символизируемая Молотком, регулируемая и управляемая, удерживаемая в допустимых рамках Законом и Порядком, символизируемыми Двадцатичетырехдюймовой линейкой, имеют своими плодами Свободу, Равенство и Братство: свободу, регулируемую законом, равенство прав в глазах закона, братство в единстве налагаемых законом обязанностей и привилегий.

Вскоре вы услышите о Грубом и Отесанном камнях как о новых для вас светочах Ложи. Грубый камень определяется как «камень, только что вынутый из каменоломни, в своем грубом и естественном облике». Отесанный же – как «камень, приуготовленный руками рабочих к тому, чтобы к нему прикоснулся своими инструментами Подмастерье». Мы не будем повторять объяснение этих символов, которое предлагает Йоркский Устав. Его можно прочесть в опубликованном ритуале. Там сказано, что они обозначают самосовершенствование каждого отдельно взятого каменщика, и это простое развитие давнего поверхностного толкования.

Грубый камень – это народ как масса, грубая и неорганизованная.

Отесанный камень, камень кубической формы, символ совершенства – это государство, то есть то состояние общества, когда правители выводят свои распоряжения и приказы из пожеланий тех, кем они правят; конституция и законы отражают волю народа; правительство – гармоничное, симметричное, эффективное, следовательно,

сила в этом обществе правильно распределена, соответственно применена и находится в равновесии.

Если мы расположим куб на плоской поверхности следующим образом:

то перед нашим взором предстают три его грани и девять внешних ребер, соединяющие семь точек. У полного куба есть еще три грани, чтобы всего получилось шесть; еще три ребра, чтобы вместе с видимыми было двенадцать; еще одна точка, то есть всего точек – восемь. Поскольку число 12 включает в себя священные числа 3, 5, 7, а также 3, умноженное на 3, то есть 9, причем оно получается также и прибавлением священного числа 3 к 9; а сами цифры, его составляющие, 1 и 2, являются сложенными вместе Элементом, или монадой, и диадой, которые, в свою очередь, при сложении образуют священное число 3 – оно было названо древними числом совершенства; поэтому символом совершенства и стал куб.

Созданный Силой, действующей в рамках Закона; вытесанный по линиям чертежа, отмерянным Мерой, из Грубого камня, он, несомненно, является символом силы народа, выраженной в Конституции и Законах Государства; а что касается Государства как такового, то три видимые грани отображают три ветви его власти: Исполнительную, которая следит за исполнением законов, Законодательную, которая законы создает, и Судебную, которая толкует законы, применяет их в спорах между гражданами и гражданами и Государством и заставляет их выполнять. Три невидимых грани – это Свобода, Равенство и Братство – триединая душа государства, его жизнеспособность, дух и разум.

~

Хотя масонство и не пытается заменить собой или оскорбить пародией религию, молитва является наиважнейшей частью наших церемоний. Это стремление души к Абсолютному и Бесконечному Разуму, который есть Единое Верховное Божество, в высшей степени ошибочно и простодушно определяемое как «Строитель». Определенные способности человека направлены на Неизвестность: мысль, созерцание, молитва. Неизвестность – это океан, в путешествии по которому совесть служит компасом. Мысль, созерцание, молитва – это великие таинственные указания стрелки компаса. В этом

случае некий духовный магнетизм соединяет человеческую душу с Богом. Это волшебное излучение человеческой души пронизывает тень, стремясь к свету.

Непоследовательно и неумно рассуждают те, кто говорит, что молитва абсурдна, поскольку с ее помощью мы не способны заставить Господа изменить Его планы. Он достигает своих собственных, одним Им предусмотренных и обоснованных целей с помощью сил Природы, которые все суть Его силы. И наша сила – всего лишь часть Его силы. Наша свобода действий и наша воля – это Его силы. Мы не можем безрассудно перестать предпринимать усилия для того, чтобы обрести достаток и счастье, продлить собственное существование, поддерживать здоровье, поскольку никакими усилиями мы не изменим того, что предначертано.

Если усилия предначертаны нам, они от этого не становятся в меньшей степени нашими усилиями, предпринятыми нами по собственной нашей воле. Таким же образом мы и молимся. Воля – это сила. Мысль – это сила. Молитва – это сила. Почему же не посчитать, что, по Господню закону, молитва, как и Вера, и Любовь, может принести плоды? Человека не следует понимать как точку отсчета, а прогресс – как цель, если все это пребывает вне этих двух великих сил, Веры и Любви. Молитва возвышенна. Сожаления достойны клянчащие и напыщенные воззвания к Божеству. Отрицать силу молитвы – значит, отрицать силу Любви и Веры. Но вот результаты того, что наша рука, направленная нашей волей, бросает в море камень, никогда не прекращают возвращаться к нам; так и каждое произнесенное слово навечно остается на невидимых воздушных скрижалях.

Каждая ложа есть Храм, и она символична и как единое целое, и в отдельных своих деталях. Вселенная сама по себе снабдила человечество образцом для первых храмов, посвященных Верховному Божеству. Планировка Храма Соломона, символические орнаменты, составившие основу его внутреннего убранства, одеяние Первосвященника – все это тогда напрямую соотносилось с внутренним порядком Вселенной, как он тогда понимался в те времена. Храм содержал в себе многочисленные эмблемы времен года: Солнце, Луну, планеты, созвездия Большой и Малой Медведиц, знаки Зодиака, стихии и части света. Именно Мастер этой ложи, то есть Вселенной, Гермес, представителем которого является Хурум, является одним из светочей Ложи.

Для дальнейшего изучения символизма небесных тел, священных чисел и Храма, а также отдельных его частей вам следует терпеливо подождать вашего продвижения в масонстве, пока что проводя дни в упражнениях разума, в самостоятельном их изучении. Изучать и пытаться правильно истолковать символы Вселенной – вот работа мудреца и философа. Она состоит в расшифровке посланий Господа и проникновении в Его мысли.

Именно об этом задаются вопросы и получаются ответы в той части нашего катехизиса, которая относится к Ложе.

~

Ложа определяется как «собрание вольных каменщиков, соответственно собранное, имеющее в своем распоряжении Священное Писание, Наугольник и Циркуль, внутренний регламент и книгу Конституций, которые дают ему право проводить работы». Комната, или место, в котором она собирается, представляет собой ту или иную часть Соломонова Храма и также носит название ложи; именно это значение мы и имеем в виду сейчас.

Ложа, как известно, должна поддерживаться тремя великими колоннами: Мудростью, Силой и Красотой, представленными Мастером, Первым и Вторым Стражами, и сказано, что именно они являются колоннами, поддерживающими ложу, «потому что Мудрость, Сила и Красота являют собой совершенство во всем, и ничто не может существовать без них». «Поскольку, – утверждает Йоркский Устав, – необходимо, чтобы существовала Мудрость, дабы постигать; Сила – дабы поддерживать; Красота – чтобы ей поклоняться, – все это великие и важные начала». «Разве не знаете, что вы – храм Божий, и Дух Божий живет в вас? – пишет апостол Павел. – Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм – вы».[2]

Мудрость и Сила Господа находятся в равновесии. Законы природы и нравственности – это не просто деспотические причуды Его Всевышней Мощи, поскольку все его решения могут быть изменены Им же самим, порядок может обратиться в беспорядок, а благое и правое – в дурное и неправое; честность и преданность могут стать грехами, а ложь и неблагодарность – добродетелями. Всевышняя Мощь, бесконечная и существующая сама по себе, ни за что не обретет последовательность. Ее пути и направления невозможно предсказать. Господни законы не потому обязательны для нас, что они суть Его упражнения в Силе, отражение Его воли, а потому, что

они суть проявления Его бесконечной Мудрости. Они справедливы не потому, что они Его законы, а они суть Его законы потому, что справедливы. От равновесия бесконечной мудрости и бесконечной силы и исходит совершенная гармония, гармония в физической и моральной Вселенных. Мудрость, Сила и Гармония составляют масонскую Троицу. Они обладают также и более тайными и развернутыми значениями, которые, возможно, когда-нибудь также будут открыты вам.

Что же касается обычного, тривиального объяснения, можно добавить еще, что мудрость Строителя проявляется в умелом совмещении, как может совместить лишь опытный Строитель, и как Господь совмещает все и вся – например, части дерева, человеческого тела, яйца, медовой соты, и точно так же Он совмещает силу с изяществом, красотой, симметрией, соразмерностью, светом и изысканностью. В этом же состоит совершенство оратора и поэта: совместить силу, мощь, энергию с изяществом стиля, музыкальностью, красотой образов, игрой и сказочным излучением воображения и фантазии; так же это и в Государстве: воинственная и созидающая сила народа, титаническая его Мощь должна сочетаться с красотой искусства, наук и разума, если государство поднимается по лестнице прогресса к совершенству, а народ ощущает себя свободным. Гармония этого процесса, как и всего того, что исходит от Господа – вещественного ли, человеческого ли, есть результат равновесия, или единства и борьбы противоположностей, при условии единой Мудрости, которая удерживает весы. Как примирить нравственный закон, людскую ответственность, добрую волю с абсолютной властью Господа; существование Зла – с Его абсолютной мудростью, добродетелью и милостью – вот две великие загадки Сфинкса.

~

Вы вошли в Ложу меж двух колонн. Они представляют собой те колонны, которые стояли у Восточных врат Храма. Это были бронзовые колонны, в четыре пальца толщиной, судя по наиболее древним текстам, которые в Первой и Второй Книгах Царств передает Иеремия, в восемнадцать локтей высотой и с капителями высотой в пять локтей. Ствол каждой из них был четырех локтей в диаметре. Один локоть – это 1,707 фута[3]. Это значит, что ствол каждой из них был немногим выше тринадцати футов восьми дюймов в высоту, капители – немногим выше восьми футов шести дюймов, а их диаметр – шесть футов десять дюймов. Капители были увенчаны бронзовыми

яблоками, покрытыми бронзовой же отделкой и резьбой по бронзе; они, как оказывается, были выполнены в форме бутонов лотоса, или египетской лилии – священного символа египтян и индусов. Правая, или южная, колонна получила имя, приведенное в нашем переводе Библии как «Яхин», а левая – «Боаз». Наши переводчики говорят, что первое слово означает «Он установит», а второе – «В сем – сила». Эти колонны были созданы Хурумом, мастером из Тира, как подобия двух великих колонн, посвященных ветрам и огню и стоявших при входе в знаменитый храм Малкарт в городе Тире. Йоркский Устав обычно утверждает, что на одной из этих колонн был изображен небесный глобус, а на второй – земной; но это допущение не стоит принимать во внимание, если мы говорим о том, как выглядели эти колонны в действительности. Пока что мы оставим без объяснения символическое значение этих колонн, добавив лишь то, что Ученики хранят свои рабочие инструменты в колонне Боаз, и сообщив вам этимологическое и буквальное значение этих двух слов.

Слово Яхин по-древнееврейски записывается как יכין. Возможно, его произносили как «Яхайан», и оно означало в качестве отглагольного существительного «Тот, кто дает силу», и отсюда – «твердый, стабильный, сильный».

Слово Боаз записывается как בעז – «Бааз», где עז означает «сильный, сила, власть, мощь, источник силы, тыл, крепость». Приставка ב означает «с» или «в» и придает слову значение, близкое латинскому "roborando" – «усиливая».

Первое слово еще означает «Он установит» или «Он поставит вертикально» – от глагола כון [kun] – «Он стоял прямо». Возможно, этим словом обозначали деятельную или жизнетворную энергию и силу; а Боаз – постоянство, непрерывность в значении пассивного отношения.

Измерения Ложи, как говорят наши Йоркские братья, «неограниченны, а потолок ее – не что иное, как небесный свод». «Именно к нему, – утверждают они, – постоянно направлено сознание масона и именно туда он надеется проникнуть посредством Божественной лестницы, которую Иаков видел в своем сне поднимающейся от Земли до Небес; и три основных ее пролета носят названия Веры, Надежды и Милосердия; они поощряют нас к обладанию Верой в Господа, Надеждой на бессмертие и Милосердием ко всему человечеству». В соответствии с этим лестница, иногда о девяти ступенях,

бывает изображена на табеле с первой ступенькой на земле и последней – в облаках, и звезды сверкают над ней; утверждают, что это изображение должно представлять собой таинственную лестницу из видения Иакова с подножием на Земле и вершиной в Небесах, и «ангелы Господни восходят и нисходят по ней»[4]. Приспособление к этому символу трех традиционных степеней – весьма необоснованное новшество.

Древние насчитывали семь планет, расположенных в следующем порядке: Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн. Существовало семь небес и семь сфер этих планет; на всех алтарях Митры – по семь огненных жертвенников, посвященных семи планетам, точно так же, как семь золотых паникадил, освещавших Храм. В том, что они олицетворяли планеты, нас уверяет Климент Александрийский в своих «Строматах», а также Филон Иудей.

Чтобы возвратиться к своему источнику в Бесконечности, человеческая душа, как считали древние, должна возвыситься ровно настолько, насколько ранее пала, то есть на семь сфер. Лестница, по которой совершается повторное восхождение, по Марсилио Фичино, в его «Комментариях к Введению в философию» Плотина, состоит из семи пролетов; а в Мистериях Митры, проникших в Рим в период Империи, лестница с ее семью пролетами была символом восхождения через сферы семи планет. Иаков видел, как по ней восходит и нисходит Божий дух; а над ним царит Сам Бог. Обряды Мистерий Митры совершались в пещерах, ворота которых несли на себе отметки, соответствовавшие солнцестояниям и равноденствиям; также там были представлены семь планетарных сфер, через которые, по идее, должны пройти душевные стремления в своем пути от Небес с недвижимыми звездами до стихий, окутывающих Землю; также там было семь врат, по одним на каждую планету, от которых шли лестницы вниз, по которым спускались или поднимались, возвращаясь, посвящаемые.

Все это мы узнаем от Оригена из его труда «Против Цельса», в котором говорится, что этот символический проход меж звезд, используемый митраическими Мистериями, представлял собой лестницу от земли до неба, разделенную на семь пролетов, к каждому из которых вели ворота, а на вершине были восьмые, составленные из недвижимых звезд. Символика здесь та же, что и на пирамиде Борсиппа из обожженного кирпича недалеко от Вавилона, построенной в виде семи ступеней, каждая из которых окрашена в другой цвет.

В митраических церемониях кандидат должен был пройти через семь степеней посвящения, каждая из которых отмечалась опаснейшими испытаниями; и символом их являлась лестница с семью пролетами.

Ложу, ее убранство и эмблематику отдельных его деталей вы узнаете по ее Светочам. Вы уже знаете эти светочи, великие и малые, как их называют наши Йоркские братья.

Священное Писание, Наугольник и Циркуль не только считаются великими светочами Масонства, но также носят и название оснащения Ложи; и как вы видели, ни одна ложа не может существовать без них. Иногда это использовалось для того, чтобы избегать в наших ложах присутствия иудеев, поскольку они не могут признать Новый Завет своей священной книгой. Библия является незаменимой частью оборудования христианской ложи, и именно потому, что это священная книга христианской религии. Иудейское Пятикнижие в иудейской ложе и Коран в мусульманской ложе все равно кладутся на алтарь; и они также, вместе с соответственно расположенными Наугольником и Циркулем, являются светочами данной ложи и руководством к поведению братьев и ведению работ.

Священную клятву кандидат обязательно должен приносить на Священном Писании своей религии, дабы для него она была как можно более священной и обязывающей; именно поэтому вас спрашивали перед посвящением, к какой конфессии вы принадлежите. Других причин интересоваться вашим вероисповеданием у нас нет.

Наугольник – это прямой угол, составленный из двух прямых линий. Он применяется только к плоскости и принадлежит лишь геометрии, землемерию и тому разделу тригонометрии, который имеет дело только с плоскостями и землей, которую древние также считали плоскостью. Циркуль описывает окружности и имеет отношение к сферической тригонометрии, науке о сферах и небесах. Следовательно, первый из этих символов относится к Земле и телу; второй – к Небесам и душе. Тем не менее, Циркуль используется также в плоскостной тригонометрии для построения перпендикуляров, следовательно, этим вам напоминают о том, что хотя в этом градусе оба конца Циркуля находятся под Наугольником и, значит, вы имеете дело только лишь с нравственными и политическими значениями символов, а не с их духовными и философскими значениями, все равно Божественное переплетается с человеческим; духовное переплетается с приземленным; и в любом самом при-

земленном аспекте человеческой жизни есть нечто духовное. Нации – это понятия не только политики тела, но и политики духа; и горе тому, кто взыскует лишь материального, позабыв обо всем том, что составляет его духовную сущность. Тогда пред нами предстает нация, закосневшая в догме, предполагающая наличие в человеке лишь памяти и инстинкта и отрицающая наличие души, либо же эту нацию полностью захватывают низменные инстинкты. Такая человеческая природа не может возглавить путь цивилизации. Коловращение вокруг идола Доллара заставляет отмирать мышцы, осуществляющие движение, и волю, побуждающую к нему. Погружение в роскошь и первостепенность выгоды лишают народ Божественной искры, удаляет от него горизонт, снижая общий его уровень, и даже исключает горизонт из его поля зрения в том, что касается универсальной Цели, одновременно и человеческой и Божественной, за счет которой и созидаются миссионерские нации. Свободный народ, забывший о том, что у него есть душа, требующая заботы, все свои усилия направляет на обеспечение собственного материального процветания. Если он затевает войну, то лишь в силу интересов своего предприятия. Граждане такого государства во всем берут с него пример и почитают благосостояние, роскошь и помпу главнейшими благами мироздания. Такая нация быстро наращивает материальные блага, но плохо распоряжается ими.

Отсюда происходят две крайности: ужасающая роскошь и ужасающая нищета; все развлечения – немногим, все тяготы – остальным, то есть народу; привилегии, избранность, монополия, удельность проистекают сами по себе из процесса Труда; это несправедливое и опасное положение, которое, превращая Труд в слепого и опутанного цепями циклопа – в шахте ли, в мастерской ли, на лесной ли просеке, на рытье ли канала, среди ядовитых испарений ли, в затхлых ли лачугах, в непроветриваемых ли зданиях фабрик, – ставит общественную мощь над личным ничтожеством и тем самым строит величие Государства на страданиях отдельного человека. Это величие ложно по своей сути, ибо в нем переплетены только материальные стихии, но в него не входят стихии духовные. Если у народа, как у звезды, есть право на эклиптику, свет все равно непременно должен вернуться. Эклиптика не должна раствориться в ночи.

Три малых, или Священных, Светоча, как вы уже слышали, – это Солнце, Луна, и Досточтимый Мастер Ложи; а также вы слышали, что говорят о них наши братья Йоркского Устава, почему они

причисляют их к светочам ложи. Однако Солнце и Луна не освещают ложу в буквальном смысле слова, а лишь символически, и следовательно, светочи – не они сами, а те явления, символами которых они являются. Символами чего они являются, в этом Уставе масонам не сообщается. Точно так же Луна ни в коем случае не правит ночью в буквальном смысле этого слова.

Солнце – древний символ созидания жизни и животворящей силы Бога. Для древних свет был первопричиной жизни, а Бог был Первоисточником, из которого проистекал весь свет; сущность Света, Незримый Огонь, развившийся в Пламя, выраженное в зримом свете и великолепии. Солнце было Его выражением и видимым образом; вероятно, почитая Свет-Бога, сабеяне почитали Солнце, в котором они видели выражение Божества.

Луна была символом пассивной способности природы к рождению, женщины, животворящая сила и энергия которой привнесены в нее мужчиной. Это был атрибут Исиды, Астарты и Артемиды, или Дианы. «Господь Жизни» был Верховным Божеством над обеими ипостасями и находил свое выражение в обеих; Зевс, сын Сатурна, стал царем над богами; Гор, сын Осириса и Исиды, стал Господом Жизни; Дионис, или Вакх, как и Митра, стал прародителем Света, Жизни и Истины.

~

Мастер Света и Жизни, Солнце и Луна обычно символизируются в ложах Мастером и Стражами, и это налагает на Мастера обязанности распространения Света среди Братьев, лично и через посредство Стражей, которые суть проводники этого света. «Не будет уже солнце служить тебе светом дневным, и сияние луны – светить тебе; но Господь будет тебе вечным светом, и Бог твой – славою твоею. Не зайдет уже солнце твое, и луна твоя не сокроется, – обещает Исаия Иерусалиму, – ибо Господь будет для тебя вечным светом, и окончатся дни сетования твоего. И народ твой весь будет праведный, на веки наследует землю, – отрасль насаждения Моего, дело рук Моих, к прославлению Моему. От малого произойдет тысяча, и от самого слабого – сильный народ. Я, Господь, ускорю совершить это в свое время».[5] Вот это и есть свободные люди.

Наши северные предки поклонялись триединому Божеству: Одину, Всемогущему Отцу, Фрее, его жене, эмблеме всевселенской Матери, Тору, провозвестнику их воли. Но надо всеми ними стоял Верховный Бог, «создатель всего сущего, вечное и древнее, живое и ужасное

Существо, открыватель сокрытого, Существо неизменное вовеки». В храме Элевсина (святилище, освещенном лишь малым окошком в крыше и представлявшем собой Вселенную) были представлены изображения Солнца, Луны и Меркурия.

«Солнце и Луна, – утверждает высокоученый Бр. Делоне, – представляют собой две величайших основы всех поколений, активное и пассивное, мужское и женское начала. Солнце олицетворяет реальный свет. Оно отбрасывает на Луну свои оплодотворяющие лучи; вместе они затем отбрасывают лучи на своего отпрыска, Пламенеющую Звезду, или Гора. Все же трое вместе являют собой равноугольный Треугольник, в центре которого располагается всемогущая каббалистическая литера, которой, как говорят, осуществилось Творение».

Убранство же Ложи составляют Мозаичный пол, Шахматная клетка и Пламенеющая Звезда. Мозаичный пол, разделенный на равные квадраты или ромбы, должен представлять собой покрытие пола первого этажа Храма Царя Соломона, а Шахматная клетка – кедровое дощатое покрытие, проходившее по всему его периметру вдоль стен.[6] Пламенеющая Звезда в центре должна олицетворять собой «Божественное Провидение, а также ту самую звезду, которая, поднявшись высоко над горизонтом, направила волхвов с Востока прямиком к тому месту, где был рожден Спаситель». Но внутри Храма не было видно камня. Стены были обиты кедровыми панелями, а пол устлан мехами. Не сохранилось свидетельств того, что в Храме пол был таким, каким он был обрисован выше. В древности в Англии Чертежную доску[7] окружал плинтус в виде шахматной клетки; и только в Америке укоренился обычай проводить такой плинтус вдоль стен Ложи.

Цвета украшения пола, черный и белый, олицетворяют – не имеет значения, целенаправленно, или нет, – принципы Добра и Зла, взятые из египетской и персидской веры. Это цвета Михаила и Сатаны, богов и титанов, Бальдура и Локи, света и тени, то есть тьмы; это цвета дня и ночи, свободы и деспотизма, свободы совести и «навечно» установленных догм Церкви, которая считает себя вправе рассуждать за своих прихожан, понтифик которой почитается безгрешным, а декреталии Соборов которой, по ее мнению, заменяют Евангелие.

Грани этого покрытия пола, если его клетки имеют форму ромба, обязательно будут выщерблены, подобно лезвию пилы; и чтобы

ограничить их, необходим плинтус. И его роль в этом случае выполняет шахматная полоса. Если приписывать ей какое-либо символическое значение, то оно в любом случае будет субъективно и небесспорно.

Также небесспорно было бы и обнаружение в Пламенеющей Звезде с пятью лучами символа Божественного Провидения; а утверждение, что именно такой звезде поверяли свои пути волхвы, привносит в этот символ несколько более современное значение, чем того бы хотелось. Поначалу же она символизировала Сириус, или Звезду Пса, предвестницу разлива Нила, а также бога Анубиса, спутника Исиды в ее поисках тела Осириса, ее брата и мужа. Позже она преобразовалась в символ Гора, сына Осириса, олицетворяемого также и Солнцем, первоисточника смены времен года и бога Времени; сына Исиды, то есть универсальной природы, самого по себе являющего изначальную материю, неисчерпаемый источник Жизни, вспышку нерукотворного огня, единое семя всего сущего. Кроме того, это и Гермес, Мастер Учения, имя которого для греков было именем бога, тождественного римскому Меркурию. Это был полный наиглубочайшего значения и силы знак магов, так называемая Пентальфа, многозначительная эмблема Свободы и Независимости, светящаяся ровным и постоянным светом среди бушующих стихий добра и зла во время общественных потрясений, обещающая спокойное небо и плодородную землю всем народам после всех постигших их бурь и социальных потрясений.

На Востоке Ложи, над головой Досточтимого Мастера, заключенная в треугольник, сияет древнееврейская литера Йод [י или ℳ]. В английских и американских ложах она заменена на литеру G∴, инициал слова "God" – «Бог», причем, столь же бессмысленно, сколь и во французских ложах – на литеру D, то есть инициал слова "Dieu", все это – вместо истинной буквы. В Каббале Йод – символ Единства, Верховного Божества – представляет собой первую букву Священного Имени; кроме того, это символ Великой Триады Каббалы. Чтобы понять все скрытое значение этой литеры, необходимо открыть книги «Зогар» и «Сифра де Цниюта», а также другие книги Каббалы и долго и пристально изучать их скрытые смыслы. Короче, достаточно будет сказать, что это – Созидательная Энергия Божества, представленная в форме точки, заключенной в Круг бесконечности. В этом градусе она для нас служит символом невыраженного Божества, безымянного Абсолюта.

Наши французские братья помещают литеру Йод в центр Пламенеющей Звезды. А в древнейших поучениях наши английские братья прошедших времен утверждают: «Пламенеющая Звезда, или Слава, в центре обозначает величайшее светило, Солнце, которое освещает Землю и через свое неделимое влияние распределяет высшее благо среди людей». В тех же поучениях они также называют ее эмблемой осторожности. Латинское слово «prudentia», лежащее в основе этого понятия, в частности, в английском языке, первоначально означало «предусмотрительность», и соответственно, Пламенеющая Звезда обозначала Всеведение, Всевидящее Око, которое для инициируемых древнего Египта, в свою очередь, означало Осириса, Создателя. Если в ее центре расположена литера Йод, Звезда приобретает каббалистическое значение Божественной Энергии, находящей свое выражение в Свете, созидающем Вселенную.

~

По традиции существует шесть так называемых сокровищ ложи. Три из них называются «движимыми», и три – «недвижимыми». Наугольник, Отвес и Уровень издревле и по праву носят название Движимых сокровищ ложи, поскольку они могут переходить от брата к брату. Новые веяния перемещают их в разряд недвижимых, поскольку их постоянное присутствие в ложе необходимо. Традиционно же недвижимыми сокровищами ложи являются Грубый камень, Отесанный – или Кубический – камень (в некоторых Уставах – Двойной куб) и Чертежная доска.

В отношении сокровищ наши братья Йоркского Устава утверждают: «Наугольник символизирует Нравственность; Уровень – Равенство; Отвес же – Праведную жизнь». Такое толкование сокровищ можно прочесть в их ритуалах.

~

Наши братья Йоркского Устава утверждают, что «в каждой должным образом управляемой ложе представлен знак, изображающий точку, заключенную в круг; в этом знаке точка олицетворяет каждого конкретного брата, а круг – границы его добронравного поведения, внутри которых его предрассудки и его страсти никогда не смогут предать его».

Это, собственно, не может являться толкованием масонского символа. Многие говорят, что точка внутри окружности представляет собой Бога в центре Вселенной. Это древний египетский символ Осириса и Солнца, который до сих пор используется как астрономический

символ великого светила. По Каббале точка обозначает Йод, или созидательную энергию Бога, озаряющую своим Светом некое округлое пространство, которое Бог, Вселенский Свет, оставил свободным для того, чтобы создавать там миры, распространяя Свою Божественную Сущность далее по кругу во все стороны от этой точки.

Далее наши братья добавляют, что «круг ограничен двумя параллельными линиями, олицетворяющими собой Св.·. Иоанна Крестителя и Св.·. Иоанна Богослова, а сверху все это увенчивает Священное Писание» (открытая книга). «Следуя данной окружности, – говорят они, – мы не можем не коснуться этих линий, и если Вольный Каменщик следует по своей жизни в этих границах, для него невозможным становится оступиться».

Было бы просто потерей времени комментировать это. Некоторые авторы предполагали, что параллельные линии представляют собой тропики Рака и Козерога, которые Солнце проходит во время Зимнего и Летнего солнцестояний. Но ведь тропики – не прямые линии, и поэтому вся эта идея кажется нам надуманной. Если параллельные линии вообще когда-либо принадлежали древней мифологии, то их значение наверняка было более таинственным и, если можно так выразиться, более плодовитым. Возможно, они имели то же значение, что и колонны Яхин и Боаз. Но это их значение не для Ученика. Посвященный может найти их и в Каббале. Справедливость и Милость Господа находятся в равновесии, и результатом этого является Гармония, поскольку над всем царит Единая и Совершенная Мудрость.

Священное Писание – это привнесение совершенно нового значения в древний символ, точно так же, как и глобусы земной и небесной сфер на колоннах храмового портика. Таким образом, древний символ был лишен своей древней значимости, как и образ Исиды, рыдающей в Библосе над обломками колонны, содержащей останки Осириса.

~

Масонство располагает своими собственными десятью заповедями, которые являются законом для каждого посвященного. Вот они:

1. ⊕∴ Бог есть Вечная, Всемогущая и Неизменная Мудрость и Высший Разум, и Неисчерпаемая Любовь.
   Поклоняйся Ему, восхваляй Его, люби Его!
   Служи ему, упражняясь в добродетели!

2. ○∴ Религией твоей да станет: творить добро потому, что для тебя это счастье, а не потому лишь, что это твоя обязанность.
Ежели суждено тебе стать другом мудрого человека, руководствуйся его наставлениями!
Душа твоя бессмертна! Не унизь же ее никаким своим поступком!
3. ⊕∴ Неустанно борись с пороками!
Не делай ближним своим того, что ты не желал бы, чтобы сделали тебе!
Будь покорен неисповедимым путям своей судьбы и не давай угаснуть священному огню Мудрости!
4. ○∴ Почитай родителей своих!
Почитай и уважай тех, кто старше тебя годами!
Наставляй молодых!
Охраняй и защищай молодость и невинность!
5. ⊕∴ Люби жену свою и детей своих!
Люби свою страну и живи по ее законам!
6. ○∴ Друг твой да будет тебе вторым «я»!
Да не отдалят тебя от него невзгоды!
Ради памяти его делай все то же, что делал бы ради него самого, будь он жив!
7. ⊕∴ Избегая, беги от неискренней дружбы!
Ни в чем не допускай излишества!
Бойся каким-либо своим поступком очернить память, которая по тебе останется!
8. ○∴ Не позволяй страстям управлять тобой!
Извлекай необходимые уроки из проявлений чужих страстей!
Прощай тем, кто оступился!
9. ⊕∴ Больше слушай, меньше говори – и ты будешь поступать верно!
Забывай обиды!
Плати добром за зло!
Никогда не пользуйся силой своей или преимуществом без нужды!
10. ○∴ Учись познавать людей: так ты можешь научиться познавать самого себя.
Вечно следуй по пути добродетели!
Будь справедлив!
Избегай безделия!

Но самая главная заповедь масонства заключается в следующих строках: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил

вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»[8].

Таковы моральные обязательства масона. Но также перед масонством стоит задача повышения нравственного и культурного уровня общества в целом; реализоваться она может через собирание знаний, введение в обиход новых идей, побуждение к развитию разума юных, а также через приведение человеческой расы путем обучения простейшим аксиомам бытия и проповеди законов праведной жизни в гармонию с ее судьбами.

Именно этой работе во имя достижения этой цели и обучается посвященный. Ему не должно казаться, что он не может ни на что повлиять, и тем более непозволительно ему, пребывая в этом суеверии, впадать в отчаяние и отказываться от каких бы то ни было действий. Эта работа должна осуществляться везде, во всей повседневной человеческой жизни. Многие великие поступки совершаются именно в таких мелких боях с бытовыми трудностями. Есть здесь, как нас учат, определенная, хоть и не заметная простому смертному, отвага, которая защищается сама, в полной темноте, грудью отражая атаки Необходимости и Бесчестности. Есть и благородные и таинственные победы, которых не видит никто, за которые не награждают и которым не сопутствуют трубный глас и праздничные салюты. Жизнь, бедствия, одиночество, отвержение, нищета – вот поля этих битв, на которых есть и свои герои – герои неизвестные, но зачастую гораздо более великие, нежели те, чьи имена славят по всему миру. Точно так же и с точно такой же отвагой масон должен сражаться против Необходимости и Бесчестности, которые могут завоевывать целые нации, равно как и души отдельных людей. Он также должен встречать их грудью, пусть и в кромешной тьме, и всегда возвышать свой голос против несправедливостей и пороков целых наций, против узурпации и, что самое главное, против многоглавой гидры Тирании. Ничто не сравнится в красноречии с возмущенной Истиной. Народам зачастую гораздо труднее сберечь свою свободу, нежели завоевать ее. Поэтому протестующий голос Истины нужен всегда. Правда призвана всегда выступать против существующего положения вещей. Действительно, в Истине – Вечность. И масон должен стать проповедником и воином этой Истины. Ежели даже его стране суждено потерять свободу, он не должен отчаиваться. Противостояние Истины и жизненных условий пребудет вечно. Ограбление народа не может стать

законом жизни. Никогда не поздно и никогда не рано возвысить голос в защиту собственных прав. Варшава точно так же не может принадлежать татарам, как Венеция – тевтонцам. Народы, тем не менее, могут покориться завоевателям и их военной мощи, и тогда покорившиеся государства преклоняют колена пред государствами-победителями и надевают на шею ярмо ига, ибо находятся под давлением Необходимости; но как только Необходимость исчезает, если народ к тому времени уже созрел для свободы, подчинившаяся некогда страна снова всплывает на поверхность, ибо Тирания – это мифическая мать, пожирающая своих собственных детей.

Что бы ни случилось, мы должны верить в Справедливость и вседовлеющую Мудрость Господа, надеяться на будущее и любить тех, кто по какой-либо причине оступился. Господь посылает людям изъявление Своей воли в знамениях – таинственных сообщениях на непонятном языке. Чаще всего люди толкуют эти знамения в спешке, неверно, и толкования их полны ошибок, неточностей и разночтений. Ведь путь вдоль дуги вселенского Круга зачастую кажется нам столь коротким. Очень немногие умы понимают Божественный язык. Самые проницательные, самые спокойные, самые образованные медленно и постепенно расшифровывают эти таинственные иероглифы; но когда они готовы представить людям истинное толкование, возможно, необходимость в нем уже отпала. В обществе уже циркулируют десятки других толкований – несомненно, неверных в корне, но, может быть, поэтому и принятых обществом. Вокруг каждого из толкований формируется своя партия, а вокруг каждого разночтения – фракция. И каждая партия верит или же притворяется, что верит, в то, что только она обладает Светом. А каждая фракция убеждена в том, что только ей ведома Истина. Более того, эти фракции состоят из слепцов, которые идут напрямик путем, полным заблуждений и ошибок, умело наносят удары Истине со всей силой, которую придают неверные убеждения.

Вот почему мы часто терпим поражения, защищая истину от неверных толкований. Антей долго боролся с Гераклом; а головы Гидры отрастали так же скоро, как их отрубали. Абсурдным кажется нам утверждение, что Заблуждение «все в ранах, корчась на песке, завьется средь своих адептов». Истина побеждает медленно. Удивительно, сколь много жизненной силы во Зле. Если быть до конца честными, то Истина в большинстве случаев стреляет поверх голов; и если порок наказан и принижен в какой-то момент, то через

мгновение он снова здесь и столь же силен, как прежде. Он никогда не погибнет в мире, в котором отсутствует Разум и самые безрассудные заблуждения приживаются лучше всего.

Тем не менее, масонство, которое, по своей сути, есть Нравственность и Философия, должно продолжать выполнять свою миссию. Неизвестно, в какое мгновение наши усилия принесут нам успех – обычно в самое неожиданное, – и как люди примут наш успех или неуспех. Обретя или не обретя успех, масонство все равно не должно преклонить колени перед предрассудком или же погибнуть под гнетом несправедливости. В Рим некогда были привезены несколько карфагенских воинов, которые отказались склонить головы перед Фламинием и в каждом из которых жила часть величия Ганнибала. Такое же величие души должно присутствовать в каждом масоне. Масонство должно быть энергией, которая видит область своего применения в улучшении человеческой природы. В Адама должен войти Сократ, чтобы в итоге получился Марк Аврелий; иными словами, из Человека Удовольствий следует извлекать Человека Мудрости. Масонство не должно быть всего лишь смотровой башней, воздвигнутой над тайной, с которой так легко критически озирать мир, не являясь практически ничем, кроме объекта для праздного интереса профанов. Поднести наполненную чашу мысли к жаждущим устам человечества, передать всем истинную волю Божества, привести в равновесие и гармонию совесть и познание – вот задачи Философии. Нравственность же – это Вера в полном смысле этого слова. Раздумья должны вести к действиям, абстрактное должно становиться конкретным; идеалы должны стать пищей и питьем для страждущего человеческого сознания. Мудрость – это священный Завет. Только в этом случае она перестанет быть бесплодной любовью к Познанию и преобразится в единственный и возвышенный способ объединения Человечества и побуждения его к разумным действиям. В этом случае Философия становится Религией.

У масонства же, как и у истории и философии, есть вечные и неизменные задачи, вечные и в то же время простые: противостоять Каиафам в роли первосвященников, эвпатридам Драконтам в роли судей, Трималхионам в роли законодателей и Тибериям в роли императоров. Именно символы тирании унижают и разрушают, именно разложение порождает порок и ничтожество. В работах, опубликованных на благо Братства, мы читаем, что три наиглавнейших связующих нити масонства суть братская любовь, сострадание и

истина. Так и есть: ведь братская дружба и привязанность действительно должны быть нашими руководителями в связях и отношениях со всеми братьями; а великодушная и безвозмездная филантропия должна быть нашей картой на пути строительства взаимоотношений со всеми людьми. Сочувствовать униженным – это священная обязанность каждого масона, обязанность, которой ни в коем случае нельзя пренебрегать, о которой нельзя забывать и которую нельзя исполнять холодно и нехотя. Также истинно, что Истина – это Божественное свойство и основа всякой добродетели. Быть честным и искать, находить и изучать Истину – в этом великие цели каждого хорошего масона.

Как и великие древние, масоны полагают Терпение, Смелость, Мудрость и Справедливость главными и основными добродетелями. Они так же необходимы целым народам, как и отдельным людям. Люди, которые считают себя свободными, должны также обладать Предусмотрительностью, Образованием и Критическим Мышлением, которые мы по традиции включаем в понятие Ума.

Свободная личность должна быть терпелива в утверждении своих прав, мудра в своих суждениях, экономична в своих тратах; она должна быть благородна, смела, отважна, терпима к неудачам, непоколебима неприятностями, полна надежды в труднейших условиях, как Рим, когда он продал то поле, на котором разбил свой походный лагерь Ганнибал. Эту личность не должны быть в состоянии привести в отчаяние ни Канны, ни Фарсалия, ни Павия, ни Агенкур, ни Ватерлоо. Пусть Сенат твердо восседает в своих креслах, пока варвары – если смогут – не вытащат сенаторов оттуда за бороды. Кроме того, эта личность всегда должна быть справедливой, не склоняясь своим суждением в сторону сильного, не втаптывая в грязь и не уничтожая слабого; одинаково она судит обо всех народах, включая самые малочисленные и дикие племена; всегда сохраняет она свою веру, честная в своих суждениях, справедливая в своих предприятиях. Когда бы ни существовала республика таких Личностей, она была бы бессмертна; ибо торопливость, несправедливость, нетерпимость, роскошество, отчаяние, беспорядок и жестокость – вот причины разложения и распада народов.

2

Fellowcraft

Подмастерье

На древнем Востоке все религии в той или иной степени были Мистериями, и еще не произошел раскол между религией и философией. Народная теология, приняв за реальность все неисчислимое множество символов и аллегорий, опустилась до поклонения небесным светилам, до придумывания Божеств с человеческими чувствами, страстями, аппетитами и пороками, обожествления идолов, камней, зверей, рептилий. Лук был обожествлен египтянами, поскольку его оболочки символизировали для них концентрические небесные сферы. Конечно, такая народная вера не могла ответить всем чаяниям и помыслам людей, самым высоким порывам их духа или устремлениям разума. Духу предоставлялась возможность для развития и совершенствования при посвящении в Мистерии. Неопределенность символизма, допускающая наличие множества разнообразных толкований, позволила ему добиться тех высот, которые так и остались недоступными для бытовой, вещественной веры. Неопределенность же его была мотивирована глубиной того аспекта Знания, исследованием которого он занимался; символизм с помощью Мистерий погружался в тайны мироздания; он стремился проиллюстрировать то, что невозможно объяснить; он должен был создать у посвященного хотя бы соответствующее настроение, если невозможно воспринять понятие, сделать четкий образ всего лишь второстепенным помощником восприятия, который сам по себе не играет существенной роли и не является обязательным.

Таким образом, Знание, непередаваемое в форме книжной мудрости, издревле сообщалось посвященным посредством символов;

священнослужители этого Знания создали – или только развили – целую систему знаковых уставов и традиций, которые не только более приятны глазу, чем записанные слова, но и обладают несравненно большим значением и смыслом.

Масонство, продолжатель дела Мистерий, до сих пор практикует античные методы передачи Знания. Его церемонии – точь-в-точь древние мистические действа; это не чтение научных трактатов, а постановка проблемы, требующей изучения, в первую очередь, путем философских размышлений. Его символика – руководство к действию. Наставления – зачастую односторонние и частичные толкования этой символики. Тот, кому посчастливится стать полноценным масоном, не должен получать удовлетворения от простого выслушивания наставлений и даже от их осознавания; он должен с их помощью, имея их перед собой как верстовые столбы на пути, изучать, толковать и развивать все эти символы самостоятельно.

~

Хоть масонство и есть одно с Мистериями древних, оно является таковым лишь в символическом смысле этого слова: оно представляет собой лишь несовершенное отображение их великолепия, только лишь развалины их величия, лишь систему, которая претерпевала постоянные изменения, бывшие плодами социальных бурь, политических обстоятельств, дегенеративных амбиций его «реформаторов». После того, как Мистерии покинули Египет, они были многократно изменены народами, которые восприняли их, в особенности же религиозными системами тех государств, в которых обретались их адепты. Поддерживать существующий строй, законы данной страны и ее религию всегда было заботой Посвященного; и всегда они – Посвященные – сталкивались с непримиримой оппозицией со стороны священнослужителей, которые ни в коем случае не могли поверить в то, что «простые смертные» могут приобщиться части философской Истины.

Масонство не есть развалины Колизея. Скорее, это римский замок средних веков, лишенный изначальной формы современными нововведениями, хоть и покоящийся на этрусском фундаменте, но, тем не менее, включивший в себя многие камни, заложенные в эпохи Адриана и Антония.

Христианство учило Братству, но постоянно отделяло его от политического Равенства, проповедуя подчинение Цезарю и тем, кто по существовавшему в то время закону находился у власти. Масонство

стало первым апостолом Равенства. В монастыре, например, существует братство и равенство, но нет свободы. Масонство же потребовало для себя тройственного наследия: Свободы, Равенства и Братства. Это было всего лишь развитием изначальных целей Мистерий, которые служили людям способом узнать свои обязательства перед самими собой и своими ближними, то есть перед великими задачами философии и Знания.

Истины – это побеги, из которых вырастают ветви обязательств, и прошло немало сотен лет с тех пор, как Истина явила себя человечеству; то есть человек превыше всего, а не всё превыше человека. Человек изначально стоит превыше всего во Вселенной. Все принадлежит ему и обязано изменяться в соответствии с его изменениями, а не наоборот. Нам это кажется весьма несложным утверждением, с которым обязаны согласиться все люди, где бы они ни были. Но вот однажды пришла некая глобальная Сверхистина, которая не могла явиться, пока государства на лике Земли не насчитали по крайней мере пяти тысяч лет существования и развития. Однажды открывшись, она наложила на человечество новые обязательства. Человек несет обязательство перед самим собой быть свободным. Он несет обязательство перед своей страной искать ей свободы и бороться за нее или же охранять и оберегать свободу уже обретенную. Поэтому извечными врагами человечества стали Тирания и Узурпация. Обязательства человечества перед Истиной поставили деспотов и сам деспотизм вне закона и в миру, и в духе. Сама сфера обязательств неимоверно расширилась. Отсюда новое, большее и важнейшее значение приобрел патриотизм. Свобода управления, свобода мысли, свобода совести, свобода слова – все они стали неотъемлемыми правами человека, которые, несомненно, должны быть обретены или вновь обретены теми, кто по каким-либо причинам сам их лишился или же чьи предшественники потеряли их. К сожалению, как все истины извращаются и искажаются ложью или же превращаются в ложь, если их применяют неверно, эта Истина тоже вскоре приобрела характер Евангелия Анархии.

Масонство рано осознало эту Истину, равно как и связанное с ее обретением расширение круга своих обязанностей. Его символы тоже обрели новые значения; масонство приняло образ Ордена Вольных Каменщиков и взяло на вооружение орудия этого Ремесла, приобретя в них целый ряд новых подходящих ему символов. Ма-

сонство способствовало Великой Французской Революции, исчезло во времена Жиронды, снова возникло с восстановлением порядка, выдвинуло из своих рядов Наполеона, ибо, даже будучи уже императором, он признавал за народом право выбирать себе правителей и выступал во главе нации, отказавшейся подчиняться своим старым королям. Он защищал с помощью сабли, мушкета и пушек право народа Франции поставить у кормила своей страны даже генерала-корсиканца, если ему, народу, это было угодно.

Масонство чувствовало, что на стороне этой Истины выступает Господне Всемогущество; и ни Папе Римскому, ни любому из монархов земных не преодолеть ее. Это была Истина, попавшая в сокровищницу человечества и составившая часть того неимоверно обширного наследия, которое приобретается каждым новым поколением на лике Земли, приобретается, расширяется и хранится людьми на случай крайней необходимости; это личное достояние человечества, навечно дарованное ему Природой. И кроме того, масонство довольно рано осознало, что это Истина; оно начало проповедовать и развивать эту Истину, как и любое приобретение или достоинство человечества во славу свою; оно поняло что все, кто способствует торжественному шествию Истины по Земле и преобразует мечты в реальность, следуют Закону, предписанному Моисеем и Тем, Кто был распят на кресте, и пользуются благоволением самого Бога Всемогущего.

Лучший подарок человечеству, который могли преподнести ему Вышние силы, – это Мужество. По воле Господа масонство обязано обучать своих посвященных и ему тоже; не сектантству или религиозным догмам, не рудиментарной морали, которую можно встретить в трудах Конфуция, Зороастра, Сенеки или древних Учителей, составивших Книги Притч Соломоновых и Екклесиаста; не невеликому и дешевому знанию общеобразовательных школ, но мужеству, науке и философии.

Дело не в том, что философия или наука противостоят религии. Ведь философия есть познание Бога и Души, определяемое наблюдением проявлений Божественной и душевной воли, а также их сравнение. Это путеводитель разума, столь необходимый для религиозной веры. Настоящая религиозная философия несовершенного существа есть не система веры, но, как считал Сократ, бесконечные поиски Приближения. Философия – это тот самый интеллектуальный

и нравственный прогресс, который религиозная вера принимает и чтит.

Что касается науки, то она не может продвигаться вперед сама по себе, пока религия находится в состоянии застоя. Она состоит в обобщении и выводах из опытов, а затем – в подтверждении выводов новыми опытами. Она реализует и объединяет все, что есть действительно ценного в обеих старых схемах размышлений: героической, или системе действий и усилий, и мистической, или духовной теории созерцательного единения. «Внимайте мне, – говорит Гален, – как гласу элевсинского Иерофанта, и поверьте, что изучение Природы есть Мистерия не менее важная, чем их [Элевсинских мист]; она не в меньшей степени направлена на выявление высшей мудрости и силы Великого Создателя. Их уроки и церемонии были неясны и туманны, а наши ясны и однозначны».

Мы полагаем, что лучшее знание, которое доступно нам, – это знание, которое мы получаем от души другого человека, знание, оформленное его поступками и жизненным опытом. Контрдовод относительно того, что этот человек может заявить нам, что его знание тоже приобретено им от кого-то третьего, весит не много, по сравнению с доводом. Первое Писание для человечества было начертано Богом на земле и небесах. Толкование этого Писания есть наука. Знакомство с жизнью трав и деревьев, насекомых и инфузорий преподает нам ни с чем иным не сравнимые уроки любви и веры, как мы можем заключить из работ Фенелона и Августина. Перед человечеством всегда раскрыта великая Библия Господа.

Знание можно преобразовать в силу, а аксиомы – в правила, в случае необходимости или просто ради пользы дела. Но само по себе Знание не есть Сила. Сила – это Мудрость; и первым ее министром является Справедливость, которая сама по себе есть идеальный закон Истины. Таким образом, целью образования и науки становится сделать человека мудрым. Если Знание не сделало его таковым, оно пропало впустую, как вода, пролитая в песок. Знание, так сказать, формул масонства само по себе так же мало значит, как, например, знание множества отдельных слов или словосочетаний какого-нибудь варварского африканского или австралийского языка или диалекта. Даже знание значений символов не столь важно и существенно, если оно не прибавляет нам мудрости и справедливости, которые друг для друга – то же самое, что два полушария нашего мозга.

Таким образом, не теряйте из виду то, что по праву считается вашей главной целью в масонской работе. Это пополнение арсеналов вашей мудрости, а не только получение новых знаний. Человек может потратить всю жизнь на изучение какой-либо одной отрасли человеческого познания – ботаники, конхиологии[1] или, например, энтомологии – или же на заучивание слов греческого происхождения в его родном языке и их постоянную классификацию и переклассификацию; и, тем не менее, в конце жизни он вряд ли будет более мудр, нежели в ее начале. Именно глобальные истины должны интересовать человека в первую очередь; это истины о его правах, обязанностях и интересах, и именно их старается преподать своим посвященным масонство. Чем более мудрым становится человек, тем меньше вероятность того, что он покорно склонится перед завоевателем, собирающимся наложить на него путы плена или ярмо ига, на него ли лично, на его свободу совести или слова. Ибо с обретением мудрости он не только лучше знает свои права, но и выше их ценит и больше заботится о своем достоинстве и своей чести. Его личная гордость в таком случае буквально заставляет его настаивать на своей независимости. И он становится более способным настоять на своих правах, помочь в этом другим жителям своей страны, особенно если их или ее права или даже само существование поставлены под угрозу. Но знание само по себе не только не сделало никого независимым, но и никак не способствовало ничьему освобождению. Гораздо чаще оно делало из человека лишь более способного и полезного раба. Свобода – проклятие для невежественных и грубых.

Политическая наука имеет своей целью изучение того, каким образом и с помощью каких политических институтов личная свобода каждого гражданина может быть охраняема и поддерживаема вечно; и это не просто разрешение каждому гражданину участвовать в выборах, а полная и абсолютная свобода мнений и мысли, свобода и от монарха, и от черни, и от прелата; это свобода совершать любые поступки в рамках закона, раз и навсегда принятого для всех без исключения; это Суды Справедливости с беспристрастными судьями и присяжными, открытые для всех в равной мере; в этих судах бедность и слабость имеют те же самые права, что и богатство и власть; дороги к высоким постам и чести открыты для всех достойных без исключения; военная сила – одинаково в мирное время и во время войны – находится в подчинении у гражданской

власти; невозможны произвольные аресты за действия, не зафиксированные в законодательстве как преступления; не существуют и вообще неизвестны такие учреждения как римская инквизиция, Звездная палата или Военные комиссии; образование доступно всем без исключения детям; существует полная и абсолютная свобода слова; кроме того, обязательна отчетность всех должностных лиц, как гражданских, так и военных.

Если бы масонству необходимо было оправдываться за наложение на посвящаемых также политических (одновременно с нравственными) обязательств, то достаточно было бы только указать на печальную историю этого мира. Не понадобилось бы даже, наверное, листать страницы истории назад до мрачного повествования Тацита, которое могло бы поведать о неимоверных ужасах деспотизма Калигулы и Домиана, Каракаллы и Коммода, Виттелия и Максимина. Можно было бы лишь поведать о тех годах сумбура и крови, которые пришлось пережить веселому французскому народу; о столь долгом ярме Средневековья; о себялюбивых королях Бурбонской династии; о тех временах, когда крестьян, точно покорных овец, грабили и убивали их собственные господа и их слуги; о том, что господа обладали в те годы правом Первой ночи; о том, что захваченный или сдавшийся город подвергался потоку и разграблению; о том, что тюрьмы были переполнены невинными жертвами произвола, а церковь благословляла знамена безжалостных убийц и распевала “Te Deum” во славу «героев» Варфоломеевской ночи.

Можно перевернуть наши страницы и до совсем недавней главы, до правления Людовика XV, когда по всей стране похищались девочки – совсем еще дети – для удовлетворения его низменных страстей; когда lettres de cachet[2] заполняли Бастилию несчастными, которым даже не предъявлялось обвинения, мужьями, стоящими на пути удовольствий своих похотливых жен, а также настоящими коварными преступниками, принадлежащими официально к высшим и честнейшим слоям общества; когда люди неимоверно страдали, находясь между мельничными жерновами налогов, пошлин и займов; когда папский нунций и кардинал де ла Рош-Эман, почтительно преклонив колени по обе стороны от мадам дю Барри, бывшей фаворитки короля, надевали ей домашние туфли, когда она вставала с ложа греха. Тогда действительно тяжкий труд и страдания были двумя сторонами человеческой жизни, и люди были всего лишь вьючными животными.

Настоящий масон тот, кто неустанно трудится ради претворения в жизнь великих задач своего Ордена. Сам Орден не может повлиять на окружающий мир; но он может помочь в этом своим членам. Он есть одно из орудий Господа. Это Сила и Власть; и да падет на него неизбывный позор, если он окажется не в состоянии в случае необходимости пожертвовать своими сыновьями для пользы человечества, как в свое время Авраам был готов положить Исаака на жертвенный алтарь. Никогда не будет забыта достойная аллегория Курция, прыгающего в доспехах в великую зияющую пропасть, которая отверзлась для того, чтобы поглотить Рим. Масонство будет стараться. И не его вина, если никогда не настанет день, когда человеку не придется более опасаться нападения и завоевания, узурпации власти над ним и вооруженного столкновения между народами, отступления цивилизации по причине всего лишь неудачной женитьбы монарха и возникновения наследственных тираний; разделения людей по воле Конгресса, нищеты как следствия упадка династии, столкновения двух религиозных течений, точно двух козлов в кромешной тьме на узком мосту Бесконечности; когда больше не будет нужды опасаться голода, грабежа, необходимости проституции от нищеты, нищеты как результата безработицы и прочего разбоя случайности в густом лесу быта; когда все нации будут излучать Истину, как звезды – свет, каждая на своей орбите, не соприкасаясь и не сталкиваясь; и когда верховным правителем станет Свобода, озаренная звездами, увенчанная небесными светилами, а по обе руки от нее будут пребывать Мудрость и Справедливость.

В своих работах как Подмастерья вы должны руководствоваться Разумом, Любовью и Верой.

Здесь мы не будем распространяться о разнице между разумом и верой или утверждать приоритет того или другого. Но необходимо отметить, что даже в самых обыденных жизненных ситуациях мы зачастую скорее руководствуемся тем, во что верим, чем тем, что знаем; мы поступаем по вере и аналогии, и только потом – по разуму. Так называемый «Век разума» Французской Революции научил нас тому, что глупо и бессмысленно возводить Разум как таковой на трон. Разум небезупречен, если имеет дело с Бесконечностью. Здесь нам остается лишь чтить и верить. Несмотря на страдания достойнейших, нищету заслуживающих богатства, процветание тиранов и гибель мучеников, мы должны верить в то, что существует мудрый, справедливый, милостивый и любящий нас Господь,

Который есть Разум и Провидение, стоящие надо всем и всеми и заботящиеся обо всем, о каждой мелочи нашего бытия. Вера необходима человеку. Горе тому, кто ни во что не верит!

Мы верим в то, что душа любого человека обладает некоей собственной природой и определенными качествами, она или благородна и щедра, или низменна и скупа, или благодетельна и привлекательна, или грешна и отвратительна; судим же мы по внешним проявлениям, только лишь по первому взгляду, не используя при этом средства познания. Мы поверяем свое наследство подписи человека, находящегося на другом краю света, которого мы никогда не видели, подчиняясь лишь своей вере в то, что он честен и на него можно положиться. Мы верим в то, что некие события действительно имели место, судя о них по свидетельствам других. Мы верим в то, что одно желание может главенствовать над другим по законам, которые – ввиду многообразия природных явлений – разум не в силах объяснить.

Но мы не должны верить в то, что разум отрицает, в то, против чего восстает чувство справедливости, в то, что абсурдно или противоречит само себе, в то, что является опытом или результатом научных исследований, которые низвергают Божественную Сущность и представляют Господа мстительным, зловредным, жестоким или несправедливым.

Вера человека настолько же принадлежит ему, насколько и разум. Свобода его должна включать в себя свободу личной веры настолько же, насколько и свободу волеизъявления. Никто из жрецов и авгуров Рима и Греции не имел права требовать от Цицерона или Сократа веры в свою абсурдную и примитивную мифологию. Никто из имамов Ислама не имеет права требовать от язычника, чтобы он верил в то, что Джабраил продиктовал Пророку Коран. Все брахманы, когда-либо жившие на Земле, даже если их собрать всех в одном месте, точно конклав католических кардиналов, не наберут сил для того, чтобы заставить одного человека уверовать в индуистскую космогонию. Никакой человек или сообщество людей не могут быть настолько непогрешимы, чтобы решать, во что верить другому человеку касательно любой из отраслей веры, кроме тех, кто воспринял Истину из первых уст; любая религия или истина автора какого-либо Богодухновенного Писания не важнее и не нужнее, чем религия или истина такого же смертного, обладающего теми же знаниями и тем же умом. Домициан претендовал на то, чтобы называться

богом; и его статуи и изображения из серебра и золота можно найти по всему миру. Он стремился быть почитаемым как бог всеми народами мира, и, если верить Светонию, он начинал свои письма так: «Наш господь бог повелевает, чтобы было сделано то-то и то-то…». Он официально объявил, что никому не следует обращаться к нему иначе как вышеизложенным образом, в письменном виде или устном. Философ Пальфурий Сура, главный его доносчик, обвиняя тех, кто не признавал божественной природы императора, – не имеет значения, насколько он сам верил в его божественную природу, – не имел права требовать этого от каждого из христиан Рима или его провинций. Рассудок далек от того, чтобы быть единственным руководством в морали и политической науке. Любовь и любящая доброта должны быть его постоянными спутницами, чтобы исключить влияние фанатизма, нетерпимости и ненависти, которым всем свойственна чересчур ограниченная мораль, а также чрезмерной принципиальности в решении политических проблем, которые неизменно решаются одинаково. Нам нужно также бесконечно верить в себя и в своих братьев, в остальных людей, или же нас несомненно победят наши соперники, и наше рвение остудят препятствия, встретившиеся на пути. Мы обязаны прислушиваться не только к голосу нашего рассудка: Сила приходит к нам скорее от Веры и Любви; и именно с их помощью человек восходит на высшие ступени познания Нравственности, то есть становится спасителем и избавителем человечества. Разум, без сомнения, должен стоять во главе, но то, что было перечислено выше, должно составлять его мотивационную силу. Это крылья человеческой души. Обычно энтузиазм немотивирован, но без него, как и без любви и веры, не было бы Ренци или Телля, или Сидни, чьи имена сейчас бессмертны. Если бы Бог был всего лишь всеведущим и всемогущим, Он никогда не создал бы Вселенную.

Лишь гений обретает власть; и главные его помощники в этом – Сила и Мудрость. Самые неправедные из людей склоняются перед предводителем, который обладает достаточным разумом, чтобы видеть, и достаточной волей, чтобы действовать. Именно гений правит, руководствуясь Господней властью; он раскрывает с помощью своих советников сокрытые Мистерии человечества, разрубает одним своим словом неизмеримо сложные узлы и своим же словом восстанавливает руины. Его взгляд падает на бессмысленных идолов,

чьи алтари долгое время украшали самые священные высоты и самые священные гроты. Перед ним замирают в смятении бесчестие и глупость. Единственное его «за» или «против» обосновывают правила или предают забвению грехи столетий, которые эхом потом отзываются в грядущих поколениях. Власть его неимоверна, ибо неимоверна его мудрость. Гений – это солнце политической сцены. Сила и Мудрость – это те орбиты, двигаясь по которым, его свет проникает в самые темные уголки бытия, и одновременно усиливающие его своим отраженным светом Истины.

Развитие символизируется деревянным Молотком и Резцом; это развитие энергий и разума отдельной ли личности, общества ли в целом. Гений может встать во главе неразумной, необразованной, неэнергичной нации; но в свободной стране развивать сознание избирателей – это единственный путь к сохранению власти в руках образованных и гениальных правителей. Миром редко правят высокие духовные идеи, если только он не близок к полному уничтожению и возобновлению жизни в новом мире. В периоды больших перемен и упадка, во времена Долгих парламентов, в правление Робеспьеров и Маратов зачастую нити власти находятся в руках личностей, ни в грош не ставящих разум. Кромвели и Наполеоны приходят позже. После Мария и Суллы, после оратора Цицерона пришел Цезарь. Великий разум зачастую слишком остер для гранита этой жизни. Законодатели же могут быть вполне обычными людьми, поскольку составление законов – это вполне обычная работа; она включает в себя лишь окончательное словесное оформление воли миллионов людей.

Власть кошелька или меча в сравнении с властью Духа ничтожна и достойна презрения. Что касается земли, то здесь можно принять специальные аграрные законы о равном распределении. Но человеческий разум принадлежит только ему, он передан человеку в вечное владение непосредственно Богом. Это самое мощное орудие, которое могло быть вложено в руки паладина. Если люди понимают Силу лишь в физическом смысле, сколь возросло бы их к ней уважение, осознай они идею силы Разума! Спросите Гильденбрандта, Лютера, Лойолу. Они простираются перед ней ниц, точно перед идолом. Победа одного разума над другим – это единственная победа, которой можно жаждать и которой можно гордиться. Любая другая победа наносит ущерб и победителю, и побежденному,

а весь ее фимиам развеивается от легкого дуновения ветра; грубо выполненный витой орнамент в конце концов разрушается сам по себе. Здесь, однако, можно увидеть смутную аллюзию на все владения Создателя. Здесь не нужны личности вроде Петра Пустынника. Если поток силен и широк, он, как вешние воды, достигнет сердец народа и возродит их к жизни. И наслаждение здесь будет не только и не столько в слове, сколько в самом процессе мышления. В этом – почтение к Непостижимому. Эта власть, неразрывно связанная с Любовью, есть золотая цепь, спускающаяся в колодец Истины, или же незримая цепь, связующая человечество.

Влияние человека на человека есть закон природы, будь это влияние за счет материального благосостояния или за счет интеллекта. Оно может означать рабство, неприятие священных прав человека. Человеческое общество духовно едино, как и вращающиеся сферы небес. Спасется лишь та страна, в которой правят разум и гений. Там, где они находятся на положении слуг, а правят другие влияния, жизнь нации недолга. Все нации, которые пытались поставить во главу угла низших своих, неспособных и неуважаемых, пришли в результате к краху. Конституции и законы, если правительство лишено гения и разума, не могут предотвратить распад. В этом случае гниение общества просто растягивается во времени.

Дать народу во владение сокровище Разума – вот единственный способ удержать и сохранить свободу. Необходима неустанная забота об интеллектуальном развитии народа со стороны тех, кто восседает высоко на ступенях общественной и политической пирамиды, со стороны благородных и высокоученых, а также со стороны тех, кто находится по общественному положению ниже их. Тогда политическая и общественная жизнь сама будет защищать всех граждан от самоуничижения в духовных исканиях, от невежественных начинаний и низменной жадности, преподавая им наглядный пример справедливого и величественного правления. Поднимать уровень развития людей, преподавая им навыки любви и доброты, мудрости, отдавая всю власть тому, кто учит лучше всех, и таким образом созидать свободное государство из Грубого Камня – вот великая Работа, в которой масонство должно протянуть человечеству руку помощи.

Все мы должны активно участвовать в строительстве памятника Нации, Святая Святых Храма. Главные добродетели человечества

ни в коем случае не должны, распределяясь между людьми, стать лишь привилегией немногих, точно какая-то специальность. Все мы в учениках у двух учителей – Долга и Чести.

Масонство есть путь и борьба за Свет. Для каждого человека, равно как и для каждой нации, Свет есть Благодетель, Мужество, Разум, Свобода. Тирания – над телом ли, над душой ли – есть тьма. Самые свободные из наций, равно как и самые свободные из людей, все время пребывают в опасности возвращения к рабству. Для республик, например, смертельно опасны любые войны. Они создают тиранов и концентрируют власть в их руках. Возникают же они, по большей части, из-за злонамеренных советов. Когда власть доверяется низшим сим и черни, законодательство и управление становятся всего лишь параллельными сериями ошибок и провалов, которые приводят в конечном итоге к войне, бедствиям и необходимости пришествия тирана. Когда народ чувствует, образно говоря, что ноги его разъезжаются, точно на льду, приходит время для вмешательства свыше. Блистательные тираны прошлого – всего лишь прототипы грядущих тиранов. Люди и целые народы всегда будут продавать самих себя в рабство, чтобы обрести удовлетворение своих страстей или из мести. Вечное оправдание тиранов, Необходимость, существует всегда; а когда тиран обретает власть, элементарный инстинкт самосохранения делает его дикарем. Религия – тоже власть, и ему необходимо обрести контроль и над ней. Если она независима, ее институты могут восстать против него. В таком случае обычно становится незаконным служить Господу так, как каждый конкретный человек считает нужным, и возрождается старинный религиозный и духовный деспотизм. Народу предлагается альтернатива: либо веровать так, как велит Власть, либо умереть; и даже если народ все же решается веровать так, как Власть считает нужным, все, что он имеет: земли, дома, тела и даже души, клеймятся королевским клеймом. «Государство – это я, – говорил крестьянам Людовик XIV. – Даже рубашки на ваших телах принадлежат мне, и если я захочу, я могу снять их с вас».

Установленные таким образом династии переживают века, как Римские цезари, Константинопольские василевсы, калифы, Стюарты, Испанские династии, готы, Валуа… пока народ не истощается и не устает, пока не начинают править безумцы и идиоты, которые, в частности, правят сейчас. Но в народе нет согласия, необходимого для того, чтобы свергнуть ненавистное иго. Государство может

распасться изнутри, равно как и по причине влияний извне. Неистовые человеческие страсти, извечная леность человечества, упорное его невежество, соперничество различных человеческих каст служат монархиям не хуже мечей паладинов. Верующие так долго простирались ниц перед древним идолом, что они уже не в состоянии выйти на улицу и выбрать нового Далай-Ламу. И вот Государство плывет дальше и дальше по течению Времени, пока морской прибой не обнаружит, что вся его сила изъедена червями, и оно само не будет поглощено водой, погружаясь в Неведомое.

Гражданская и религиозная свобода идут рука об руку; преследования лишь закаляют их. Удовлетворение народа мыслями, преподанными ему священниками Церкви, будет его удовлетворением монаршьей властью якобы Божьей Милостью, поскольку Церковь и Престол постоянно поддерживают друг друга и за счет друг друга существуют. Они будут подавлять раскол и пожинать измену и равнодушие; и пока вокруг них идет битва за свободу, они все более и более будут погружаться в рабство и глубокий застой, прерываемые изредка, возможно, неистовыми приступами безумия, за которыми следует беспредельное истощение.

Деспотизму весьма вольготно существовать в землях, где со времени основания государства народ знавал только одного властителя; но это проблема не более тяжелая, чем укрепление и поддержание свободы в тех землях, где народ привык сам управлять своей жизнью, поскольку нужен не один-единственный всеобщий властитель: властвовать должны все. Очень легко предположить, что высоко вознесшийся Масаньелло всего через несколько дней падет ниже, чем он был до своего вознесения. Но свободное правительство возрастает в своей мощи медленно, как личные способности человека и как лесные деревья – от корня до кроны. Свобода есть не только врожденное право человека; ее легко потерять всякому, кто не использует это право или использует его неверно. Во многом она скорее зависит от всеобщего усилия, чем от способностей каждого конкретного человека. Она не есть священный колодец или Кааба для какой-либо нации в отдельности, ибо ее поток должен проистекать из самой почвы народа.

Свободная народная власть есть единственная власть, которая познается народом во всей своей мощи в минуту горести и бедствия, поскольку все испытания, жертвы и надежды принадлежат ей

одной. Она должна обучаться думать сама за себя, а также действовать сама за себя. Когда народ-раб простирается в пыли перед ураганом, точно стадо перепуганных оленей в лесу, свободные люди не сгибаются под его порывами во всей своей силе единства, в круговой поруке, во взаимном доверии, в дружном противостоянии всему, чем не руководит длань Господня. Это единство не рушится под давлением бедствия, не возносится чересчур высоко под влиянием успеха.

Эта неимоверная сила терпимости, или терпения, или стойкости, или исполнительности, приобретается только постоянным упражнением всех добродетелей, таких как здоровая человеческая физическая энергия, таких как личная нравственная энергия.

Само это утверждение – не менее верное, чем древнее: вечная бдительность есть цена свободы. Весьма интересно бывает наблюдать за тем, каким образом тираны, известные в мировой истории, отнимали у народов их свободу. В указах Эдуарда II, например, говорится, что судьи и шерифы не должны более избираться народом, поскольку во время их выборов часты бывают ссоры и даже бунты. Та же самая причина выдвигалась и ранее, для того чтобы запретить общенародные выборы епископов; и свидетелей этому можно найти даже в более древние времена, когда великий Рим потерял свою свободу потому, что его возмущенные граждане заявили, что шумная и ничем не ограниченная вольница лучше позорного спокойствия.

С помощью Циркуля и Наугольника можно измерить все фигуры математики плоскостей, которая носит еще названия планиметрии и тригонометрии. Геометрия, которую, как известно, символизирует литера G в большинстве лож, первоначально являлась наукой измерения земли или же землемерным искусством; тригонометрия же – это наука измерения треугольников, или фигур с тремя сторонами и углами. Последнее из этих двух слов в наибольшей степени подходит для оформления того понятия, которое в человеческом языке обозначается словом «геометрия». Правда, ни одно из этих слов не обладает достаточно широким значением, ведь, хотя глобальные обзоры больших земельных пространств и побережий, с помощью которых избегают кораблекрушений и бедствий матросы, выполняются при помощи прямоугольного измерения; хотя, пользуясь тем же самым методом, французские астрономы точно вычислили угол отклонения земли от оси вращения и смогли установить точ-

ную и непоколебимую систему мер и весов; хотя именно с помощью гигантского воображаемого треугольника, вершины которого располагались, соответственно, в какой-то точке земного шара, в какой-то точке Космоса сейчас и шесть месяцев спустя, и в центре какой-то планеты или звезды, было установлено расстояние от Земли до Юпитера и Сириуса; и хотя существует еще один треугольник, гораздо больших размеров, основание которого простирается по обе стороны от нас до горизонта и за его пределы, в бесконечность, а вершина бесконечно далека от нас, уносясь в недосягаемую высь; а этому треугольнику соответствует второй точно такой же, но вершиной вниз, то есть то, что наверху, уравновешивает то, что внизу; бесконечность уравновешивает бесконечность – все равно Наука о Числах, которой придавал столько значения Пифагор и Мистерии которой можно обнаружить практически во всех религиях древности, более всего в Каббале и Библии, не находит полного и достойного отражения в словах «геометрия» и «тригонометрия». Ибо эта наука включает в себя в профанском смысле этих слов геометрию, тригонометрию, арифметику, алгебру, логарифмическое счисление, науку об интегралах и дифференциалах, а кроме того, с помощью вышеперечисленных знаний разрабатываются глобальные вопросы астрономии и законов движения звезд.

Добродетель есть геройское мужество поступать так, как поступать следует, по общему признанию, несмотря на любых неприятелей, плотских ли, духовных ли, презрев всевозможные соблазны и напасти. Человек несет ответственность за верность добродетели в своем поведении, но не за его объективную правильность. Энтузиазм, горячее желание сделать что-то гораздо проще в исполнении, чем доброе дело. Мысль должна порождать действие, единственной целью религии должна быть этика. В политической науке теория бессмысленна, если она постоянно не реализуется на практике.

В любом кредо, политическом ли, религиозном ли, присутствуют две стороны, диалектическая и этическая, и только если эти две стороны гармонично проникают одна в другую, вырабатывается идеальная самодисциплина. Существуют сотни и сотни людей, которые диалектически являются христианами, точно так же, как есть сотни и сотни тех, кто диалектически являются масонами, но, с другой стороны, те же самые люди этически – атеисты или же профаны, причем, в самом буквальном смысле этих слов: они

веруют теоретически, но атеисты на практике; это люди, которые свободно напишут вам сто «свидетельств» своей веры – плодов своих логических раздумий, но которые просто не в состоянии жить в соответствии с христианской или масонской нравственностью из-за чрезмерной силы или же, наоборот, слабости своей плоти. С другой стороны, существует множество интеллектуальных скептиков, тем не менее, этических верующих, как существуют и сотни настоящих и истинных масонов, которые никогда не были инициированы; и коль скоро этика есть первейшая цель всякой религии, следовательно этические верующие обладают наибольшей ценностью. Тот, кто поступает верно, во много раз лучше того, кто верно думает.

Однако ни в коем случае не следует подчинять все свои поступки той гипотезе, что все люди – лицемеры, чьи поступки никогда не совпадают с их устремлениями. Ибо никакой грех не настолько редок, ибо никакая задача не так сложна в исполнении, как постоянное лицемерие. Если демагог становится узурпатором, это ни в коей мере не свидетельствует в пользу того, что он всю свою жизнь лицемерил. Неглубокие личности всегда судят об окружающих по своим меркам.

Правда состоит в том, что вера в большинстве случаев весьма слабо влияет на общее поведение, в религии – человека, в политике – партии. В общем и целом мусульманин Востока гораздо честнее и заслуживает гораздо большего доверия, нежели христианин Запада. Евангелие Любви на устах – это Аватара Преследования в сердце. Люди, верующие в вечное проклятие и реальное море огня и кипящей серы, верят и в то, что сами обрекают себя на все вышеизложенное, как внушает им их вера, поддавшись лишь мимолетному искушению страстями. Провидение настаивает на необходимости добрых деяний. В масонстве же о человеке плохо говорят за его спиной при малейшем проявлении страстей с его стороны; и поскольку мы пока что далеки от того, чтобы считать реальным истинное Братство в Голубом масонстве и правомочным использование в нем слова «брат», неимоверных усилий зачастую стоит внушить самим себе и своим братьям, что масонство есть организация, абстрагированная от страстей профанского мира и презирающая его дела и мерки. Наверное, можно признать всеобщим закон, состоящий в том, что там, где нужно сделать выбор, масон отдаст свой голос и использует свое влияние в политике или коммерции, чтобы помочь скорее менее образованному профану, чем высокообразованному масону.

Кто-то может принести самому себе клятву в сопротивлении любой попытке незаконной узурпации власти, а затем стать готовым к действию и даже радостным пособником узурпатора. Другой может называть ближнего своего братом, а потом поступить с ним, как Иуда Искариот, или же ударить его под пятое ребро клеветой, происхождение которой невозможно выяснить, как Иоав ударил Авенира. Масонство не в силах изменить человеческую природу и сделать честных людей из прирожденных мошенников.

Пока вы все еще находитесь в стадии подготовки к Главному Посвящению и обучения тем принципам, которыми вам предстоит жить в будущем, никогда не забывайте слов апостола Иакова: «Ибо кто слушает слово и не исполняет, тот подобен человеку, рассматривающему природные черты лица своего в зеркале: он посмотрел на себя, отошел и тотчас забыл, каков он. Но кто вникнет в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нем, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действии. Если кто из вас думает, что он благочестив, и не обуздывает своего языка, но обольщает свое сердце, у того пустое благочестие... Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли эта вера спасти его?.. Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?.. Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва».[3]

~

В политической науке – то же самое: свободные правительства и конституции, провозглашающие свободу, формируются в соответствии с очень простой и понятной теорией. Вообще не имеет значения, на какой конкретно теории они основаны, но важно то, что ни к каким серьезным выводам нельзя придти без того, чтобы эту теорию основательно не проверить в споре и на практике. Уклонение от этой теории вследствие трусости и слабости, отклонение от нее вследствие веления сиюминутного логического решения, противоречие ей либо по воле страстей, либо по необходимости, либо по велению целесообразности – и вот уже у вас получается отрицание или нарушение прав, возникают законы, нарушающие первейшие принципы морали, может иметь место незаконная узурпация власти, презрение и непринятие во внимание законной власти.

Не следует также забывать, что, поскольку работающих на публику, самоуверенных, высокомерных почти всегда предпочитают

(даже при условии самых больших неприятностей и кризисов для государства) высокообразованным, неимоверно умным и обладающим католической моралью, ибо они ближе к общему уровню населения и выборных законодателей, постольку и высшая истина обычно не принимается человечеством.

Когда Солона спросили, дал ли он своим согражданам наилучшие законы, каких они могли только пожелать, он ответил: «Самые лучшие, какие они в состоянии воспринять». Это очень и очень важное замечание, но, с другой стороны, как и всякое историческое изречение, эти слова настолько просты, что их редко понимают, а если и понимают, то зачастую неверно. В них – вся философия истории. В них содержится истина, которая – признай ее человечество – сберегла бы ему уйму времени, потраченного на бесполезные, пустые споры, и направила бы его кратчайшим путем к осознанию прошлого. Истина же эта такова: все истины суть истины преходящие, а не вечные; и какая бы идея ни обрела достаточной силы и достаточной жизнеспособности для того, чтобы реализоваться на практике – религиозная, моральная, политическая, любая иная – и найти себе место под солнцем и адептов, все равно это была бы истина лишь на какое-то время, подходящая постольку, поскольку люди в состоянии ее воспринять.

Так и с великими людьми. Разум и личные способности народа можно измерить лишь одной меркой – великими историческими личностями, которых дарует ему Провидение и которых он принимает. Всегда были личности, чересчур великие для своего времени или для своих народов, или и то и другое. Таких личностей народы делали всего лишь своими идолами, и это можно понять.

Внушить совершенную истину или закон неспособному их воспринять, приземленному народу всегда было и пребудет вовеки бессмысленной тратой сил. Здесь, как и в том, что касается самих исторических личностей, нами должны руководить законы сочувствия. Мы не знаем, какие личные качества хотели бы видеть овцы воплощенными в своем пастыре. К личностям, чрезмерно возвысившимся интеллектуально, народ не испытывает симпатии, как не испытывает он ее к далеким звездам. Когда Берк, мудрейший из государственных деятелей Англии всех времен, вставал со своего места, чтобы высказать свое мнение, Палата Общин, точно по неслышному сигналу, мгновенно пустела. Мало сочувствия обычно вызывают в народе и совершенные Истины. Наивысшая из истин,

непонятная обычному рядовому гражданину, как и наивысшая в своем развитии личность, и даже более того, будет казаться выдумкой или даже ложью. Умнейшие доктрины христианства и философии будут лишь неясным и подозрительным лепетом для, например, индейца племени Потавотоми. Популярное объяснение масонских символов замечательно подходит для тех толп, которые нынче наводнили Храмы, но это предел их возможностей в сочувствии и понимании. В первые свои годы католицизм был жизненной истиной, но потом он устарел и возник протестантизм, затем уже протестантизм расцвел и тоже пришел в упадок. Учение Зороастра было лучшим, что могли в свое время воспринять персы; учение Конфуция подходило китайцам; магометанство – арабам-идолопоклонникам того времени. Каждое из этих учений было истиной для своего времени. Каждое из них было в своем роде евангелием, провозглашенным Реформатором, и если кто-то из людей настолько несчастлив, что остается удовлетворен и доволен тем, что имеет, когда Реформатор стоит на его пороге, то это скорее его беда, чем вина. Таких людей следует жалеть, но отнюдь не преследовать.

Не ожидайте, что люди быстро склонятся к признанию истины или что их легко подвигнуть к правильному мышлению. Сложный и непредсказуемый человеческий мозг в состоянии затуманить и усложнить даже самое простое из того, что видно невооруженным глазом. Помните, что глупо требовать бесстрастности от присяжных; но требовать ее от больших групп людей в отношении любого из вопросов внутренней или внешней политики – просто опасное безумие. Больших трудов стоит заставить согласиться между собой по какому-либо вопросу даже двух конгрессменов или членов Конвента, и более того, редко когда можно заставить кого-либо согласиться с самим собой. Политическая церковь, которой даже, возможно, удалось поставить себя во главе всего и вся, в любом случае говорит тысячей разных уст. Как можем мы в таком случае заставить людей соглашаться или не соглашаться по какому-либо вопросу, выходящему за рамки компетенции примитивных органов чувств? Как нам измерить Беспредельное и Незримое меркой нашего практического разума? Спросите барашки на океанских волнах, о чем журчат они во время прибоя! Сколь многое из того, что доносится до нас с невидимых берегов, теряется в пути, подобно птицам, не долетевшим до жарких стран в своих стаях! Сколь бесплодно таращимся мы, силясь увидеть нечто большее за горизонтами

Бесконечности! Нам должно хватать тех людей, которых прибило к нашим берегам прибоем бесконечного Океана, мы должны верить им, как дети, ибо для нас заказаны пути к исследованию сокрытых глубин.

Все вышеизложенное в первую очередь учит Подмастерье не удовлетворяться собственной мудростью. Гордость неверными теориями гораздо хуже простого невежества. Масону подобает смирение. Возьмите какой-нибудь тихий и спокойный момент человеческой жизни и включите в него объединенные идеи гордыни и обычной человеческой низменности – и вот уже это существо, порожденное моментом, гордо шествует по Бесконечности во всем величии своего ничтожества! Наткнутые на вселенскую ось, все небесные ветры вдувают в его кровь холод Смерти; душа его отлетает от его тела, точно мелодия от скрипичной струны. Денно и нощно, как пыль на колесах, вращается он внутри небес, сквозь лабиринты миров, и по обе стороны от него – пылающие создания Господни, гораздо далее линии горизонта его чувственных восприятий. Это ли существо, которое действует по своему собственному усмотрению, чтобы обрести Венец Славы, чтобы презреть собственную плоть, чтобы насмехаться над ближним своим, который произошел от той же земли, в которую суждено вскоре обратиться и ему, и насмешнику? Не ошибается ли человек в своей гордыне? Не страдает ли он? Не умирает ли он? Когда он пытается мыслить с помощью своего разума, не останавливают ли его трудности? Когда же он действует, неужели он никогда не падает жертвой искушения удовольствием? Когда он просто живет, свободен ли он от боли? Не искушают ли его болезни и страдания? Когда он умирает, избежит ли он обычной могилы? Гордыня не является неотъемлемой частью памяти Человечества. Скромность должна соседствовать с бренностью и искупать невежество, человеческие ошибки и несовершенство.

Таким же образом масон не должен стремиться к высоким должностям и почестям, не имеет значения, сколь он уверен в том, что в состоянии должным образом служить государству. Он ни в коем случае не должен искать, и тем паче добиваться почестей. Конечно, хорошо пользоваться благами, дарованными судьбой; но еще лучше смиренно воспринимать их потерю. Величайшие деяния совершаются не при свете дня и не ввиду всего народа. Тот, кого Господь наделил любовью к уединению, обладает дополнительным чувством; и среди многочисленных и достойных уважения природных

чувств мы вдруг находим живительный бальзам, лечащий раны, полученные нами в многотрудной жизни в обществе, ибо стремление к одиночеству есть спасение от всех напастей нашей жизни.

Но и покорность настолько достойна почитания, насколько она лишена пассивности. Уход от активной деятельности – всего лишь проявление недостойного эгоизма, если он мешает дальнейшему процветанию других, и, с другой стороны, сколь достоин почестей этот уход, если это всего лишь уход в сторону, в тень, откуда, превратившись в своего рода оракул, деятель посылает свои советы человечеству! Только такого рода уход от активной деятельности присущ и единственно возможен для добродетельного и мудрого человека. Сама философия, которая побуждает этого человека искать покоя, заставит его признать бесполезность отшельничества. Низко пал бы лорд Болингброк в глазах своих пахарей и жнецов, если бы, даже находясь среди них на покое, равнодушно взирал бы на распутство какого-либо министра или продажность Парламента. Сколь мало интереса вызывали бы во всех окружающих его гороховые и бобовые плантации, если бы его горох и бобы заставили бы его забыть о том, что, хоть он и чувствует себя более счастливым, хозяйничая на ферме, все равно он принес бы гораздо больше пользы своей стране в Сенате, и если бы он не возобновил попытки хотя бы в качестве парламентского пристава вернуться в семью законодателей.

Запомните также, что разум совершенствуется, а сердце становится тверже и вернее в процессе образования. Замечательные уроки этики преподают нам законы движения небесных тел, земных стихий, география, химия, геология, все остальные естественные науки. Вещи суть символы Истин. Их свойства – это также символы Истин. Наука, не наставляющая в нравственных и духовных истинах, суха и мертва; в ней не больше практической пользы, чем, например, в примитивном заучивании наизусть длиннейших рядов разрозненных дат или латинских названий насекомых или птиц.

Христианство, говорят, начинается со сжигания ложных идолов самими людьми. Образование же тогда начинается со сжигания нами самими собственных интеллектуальных и моральных идолов: наших предрассудков, понятий, тщеславия, наших неблаговидных и бессмысленных целей в жизни. Особенно необходимо навсегда стряхнуть с себя узы вожделения к богатствам мира сего. Вместе со свободой приходит и желание продвигаться вверх по общественной

лестнице. В этом состязании люди вечно падают, поднимаются, снова бегут и снова падают. Вожделение материального процветания и панический страх бедности заставляют печально хмуриться не одно достойное чело по всему миру. Игрок стареет, ловя за хвост птицу удачи. Узаконенная самой жизнью рулетка гонит юность прочь гораздо раньше положенного времени; и эта юность потом представляет старости неоплатные счета. Люди проживают свои жизни, как паровые машины, под огромным давлением, сотни лет как сотни месяцев; бухгалтерская книга становится библией, а чековая книжка – молитвенником.

Отсюда проистекает и вся неимоверно широко и глубоко распространившаяся практика повседневной жизни, этих безжалостных скачек, в ходе которых капиталист покупает свою прибыль ценой жизней своих работников, денежные спекуляции превращают позор и разорение нации в благосостояние немногих, где процветают все ужасы и свирепые законы Маммоны. Именно этот демон и вожделение высоких постов – вот две колонны, украшающие портик Храма Молоха. И неизвестно, какая из них наиболее опасна, первая или вторая, сплавленная из лжи, подлога и мошенничества. Во всех жизненных коллизиях они – близнецы, прекрасно подходящие друг другу, и если какой-либо из этих пороков овладевает душой несчастного, душа его остывает и разлагается, в конце концов погибая. Половину человечества души покинули задолго до физической смерти. Две эти алчности суть две разновидности нравственной проказы: они делают человека нечистым, и где бы ни удалось им найти в человеке ахиллесову пяту, они тут же распространяются, пока не покроют «проказою лютою от подошвы ноги его по самое темя его»[4]. Нечистым становится даже само сердце.

~

Александр Македонский оставил после себя одно высказывание, которое пережило славу его завоевательных походов: «Нет ничего достойнее труда». Только труд может поддержать уважение даже к правителям. И если царь – действительно царь, эту должность он достойно использует для того, чтобы задавать тон в нравственности и нормах поведения народа, служить примером добродетели, возрождать старинный дух рыцарства, в атмосфере которого юность тянулась бы вверх, к истинному величию. В человеческом сознании работа всегда будет неразрывно связана с платой за нее, даже на самом высоком, августейшем уровне. Мы же в конечном

счете должны придти к идее настоящей работы. Отдых, который следует за работой, несравненно слаще отдыха, следующего за отдыхом.

Да не вообразит себе Подмастерье, что низкоквалифицированная и грубая работа не стоит того, чтобы ее выполнять. Не существует установленных пределов квалификации доброго деяния, мудрого слова или благородного усилия. Ничто по природе своей не может быть слишком мало. Всякий, кто открыт для проникновения Природы в его душу, знает это. Хотя, действительно, абсолютное удовлетворение не может быть достигнуто через занятия философией, где описание причин лишь ограничивает следствие, и человек разума и рассудка впадает в неразумный и безрассудный экстаз от лицезрения разрушения мировых сил, в ходе которого рождается Единство. Все работает на все. Разрушение не есть уничтожение, но напротив, воссоздание.

Алгебру можно применить к исследованию облаков, излучение звезд идет на пользу розовым кустам; никто из мыслителей не осмелится утверждать, что аромат боярышника бесполезен для движения созвездий вокруг своих орбит. Кто в этом случае способен вычислить путь движения молекулы? Откуда нам знать, что создание новых миров не определяется падением песчинок? Кто решится утверждать, что ему понятен механизм постоянных приливов и отливов бесконечно великого и бесконечно малого, эхо причин в безднах начинаний и лавинах созидания? Даже червь должен приниматься в расчет; малое – велико; великое – мало; по необходимости все приходит в равновесие. Существуют чудесные взаимоотношения между живыми и неживыми существами; в этом неистощимом Целом не существует презрения: все нуждаются друг в друге. Свет не переносит земные ароматы в небесные глубины, не зная, что с ними там делать; ночь распределяет звездное сияние между спящими растениями. Каждая летающая птица держит в своих когтях нить Бесконечности. Рост включает в себя рождение нового метеора, ласточкин клюв, пробивающий яйцо; он провозглашает человечеству рождение земляного червя и пришествие Сократа. Там, где кончается телескоп, начинается микроскоп. Который из них позволяет узреть большее? Плесень – это та же цветочная клумба, туманность – тот же муравейник звезд.

То же самое и даже более чудесное толкование относится и к явлениям интеллекта, и к явлениям материи. Стихии и основные

принципы природы смешиваются, сочетаются, перекрещиваются, приумножаются, одни за счет других, до такой степени, чтобы моральный и материальный миры пришли к одному Свету. Все природные явления постоянно оборачиваются в своем действии на самих себя. В ходе космических перемен вселенская жизнь приходит и уходит в неизмеримых количествах, охватывая все невидимые глазу тайны перевоплощения, удовлетворяя всем снам человечества, привлекая к себе то одну душу, то другую, срывая звезды с неба, углубляя и расширяя свои лабиринты, созидая силу Света и стихию Мысли, – это жизнь, рассеянная и неделимая, могущая полностью рассеяться в пространстве, за исключением одной точки без длины, ширины и высоты, точки «Он Сам», сокращая все сущее до одного-единственного атома Души, помогая всему сущему расцвести во Господе; просвещая всех, какую деятельность кто бы ни вел в сокрытых от Света сумеречных механизмах Земли; приводя полет насекомого в соответствие с ходом вращения Земли; подчиняя, если, конечно, позволяет закон природы, произвольные передвижения кометы по небесной тверди роению инфузорий в капле воды. Это глобальный механизм, ведущим мотором которого является последний комар, а наименее значительным колесиком – Зодиак.

Крестьянский мальчик, указавший Блюхеру одну верную дорогу из двух (а вторая из них была непроходима для артиллерии), способствовал тому, чтобы тот вовремя прибыл на Ватерлоо и спас Веллингтона от поражения, могшего принести миру неисчислимые страдания, а также дал возможность союзникам положить конец военной карьере Наполеона, сослав его на крошечный каменистый остров. Небрежный кузнец, нерадиво отнесшись к подковыванию жеребца, может послужить причиной того, что конь захромает, оступится, и оборвется жизнь его седока, великого завоевателя, а тогда уже изменятся судьбы целых империй. Милосердный тюремщик позволяет поверженному и заключенному в крепость монарху закончить партию в шахматы перед тем, как быть отведенным на плаху; а в это время узурпатор гибнет и монарх снова восходит на престол. Неопытный мастеровой починяет компас, по неумению или по собственной злой воле портит его, корабль следует по неверному курсу, волны поглощают Цезаря – и вот уже новая страница вписана в историю человечества. То, что мы называем случаем, есть всего лишь неотъемлемое звено в золотой цепи, неразрывно связующей все творения Господа между собой. Саранча, обитающая

в песках Аравии, червь, разрушающий шелковый кокон – гордость и славу Востока, другой червь, со своими собратьями пожравший запасы муки на мельнице и послуживший причиной голодной смерти работников и их детей на Западе, народных восстаний и их подавления, – такие же вестники Господней воли, как, например, землетрясение; и судьбы народов в бо́льшей степени зависят от них, чем от мудрости и мужества своих правителей и законодателей. Гражданская война в Америке может в конечном итоге перевернуть весь мир вверх дном; а войну эту может вызвать один-единственный голос какого-нибудь тупого балаганного борца или полубезумного фанатика, среди граждан ли, конгрессменов ли, вполне может быть даже, что это будет какой-нибудь невежественный мужлан из затерянной в прериях деревушки. Природное электричество вселенского со-чувствия, действия и противодействия распространено повсюду, среди небесных тел и в ткани солнечных лучей. Фауст со своей теорией классов и Лютер со своими проповедями достигли большего, нежели Александр Великий или Ганнибал. Иногда достаточно одной единственной мысли, чтобы низвергнуть древнюю династию. Одна глупая песенка сделала больше для свержения Иоанна II, чем согласие епископов. Слова Вольтера, Кондорсе и Руссо прозвучат в веках, несмотря на все перемены и революции.

Запомните, что хоть жизнь и коротка, мысль и последствия того, что мы думаем или делаем, бессмертны; что никакие подсчеты еще не вывели точного математического закона соответствия между причиной и следствием. Молот английского кузнеца, повергнувший несправедливого чиновника, привел к восстанию, которое чуть не вылилось в целую революцию. Хорошо сказанное слово, достойно выполненное деяние, пусть устами и руками самого слабого и необразованного, не может не возыметь последствий. В большей или меньшей степени любое последствие любого деяния бессмертно и неизбежно. Эхо величайшего деяния может со временем замереть, как эхо крика среди горных высей, а то, что было сделано, может показаться людям безрезультатным и бессмысленным. А необдуманное деяние может привести к самым неожиданным явлениям: можно поджечь вагонетку рудокопов, летящую по рельсам в угольную шахту, а можно и вызвать взрыв и распад целой империи.

Мощь целого свободного народа зачастую оказывается в распоряжении одного-единственного и не всегда первостепенного человека в народе – ужасная и совершенно реальная мощь; ибо в этом случае

народ мыслит одним мозгом и чувствует одним сердцем, но поднявшийся для удара кулак его состоит из мириадов кулаков. И опять же, здесь не существует промеренной шкалы влияния различных умов на сознание народа. Петр Пустынник не занимал никакого общественного поста, но посмотрите, какую работу он проделал!

~

С политической точки зрения здесь существует один только принцип – верховная власть человека над самим собой. Верховная власть человека над самим собой называется Свободой. Когда две-три таких верховных власти находят общий язык, появляется Государство. Но в нахождении этого общего языка нет отречения от собственных прав. Каждая из вышеупомянутых верховных властей добровольно расстается с частью себя, чтобы сформировать общее право. И эта часть равна для всех и каждого. С каждой стороны в фонд общей и единой верховной власти поступают равные доли. Единообразие этой доли, которую каждый отдает всем во имя всеобщего блага, составляет Равенство. Общее право – не более и не менее чем защита всех и каждого, лучи которой падают на каждого из людей. Эта защита каждого всеми и есть Братство.

Свобода – это вершина, Равенство – основа. Равенство – это не попытка уравнять, например, все типы растительности, чтобы на одном уровне произрастали и однолетние травы, и вековые дубы в атмосфере всеобщей ревности и борьбы за существование. Это применительно к человеческому обществу – равные возможности для всех; применительно к политике – равные избирательные права для всех; применительно к религии – равные права для всех конфессий.

У Равенства есть свои способы воздействия: поощрения и обязательные наставления. Следует начать с права на начальное образование. Начальное образование обязательно для всех, высшее – доступно для всех. Таков должен быть закон. Из равных возможностей для образования всех и каждого произрастает государство равных. Образование! Свет! Все начинается со Света, и все к нему возвращается.

Если мы хотим быть мудрыми и поступать во всеобщее благо, нам нужно знать, что думают простые люди. Мы должны обращать свои взоры на людей: не на то, что даровала им старая подслеповатая Фортуна, а на то, что дала им Природа и как эти ее дары были использованы. Мы претендуем на то, чтобы быть абсолютно равными в церкви и в ложе; но совершенного равенства мы достигнем, лишь

когда Господь будет вершить свой суд над Землей. Вообще же мы все можем просто пассивно, дружно и братски просидеть на земле все то непродолжительное время, которое мы привыкли называть нашей жизнью.

У демократического правительства, без сомнения, есть свои недостатки, поскольку оно состоит из людей и руководствуется людскими страстями, а не совершенно мудрыми богами. Оно не может быть таким же дисциплинированным и агрессивным, как деспотизм. Когда гнев его нарастает, оно само развивает в себе некую потенциальную мощь, перед которой трепещет любое восстание. Но обычно его правление терпимо, спокойно и неторопливо в своих решениях. Людей обычно сводят вместе, чтобы они сперва размежевались, а затем пришли к согласию. Утверждение, отрицание, обсуждение, решение – вот способы достижения истины. Правда, в таком случае враг часто оказывается у ворот раньше, чем голоса нарушителей спокойствия потонут в хоре, провозглашающем согласие. В том, что касается законодательных институтов, голос осторожности и иногда излишней осмотрительности преобладает над голосом решительности. Свобода может делать глупости точно так же, как Тирания.

Совершенное общество требует большей точности в определении своих требований к индивиду, и шаги всех новых государств все более и более затрудняются необходимостью балансировать на краю устаревших догм и новых поступлений в фонд человеческого познания. Сложность здесь состоит в необходимости продираться сквозь хаос мироздания в поисках верного пути. Кроме того, в условиях демократии значительно усложняется процесс определения того, что верно, а что неверно. Мы не в состоянии видеть и признавать относительную важность того или иного предмета или явления, находясь на ровной или же холмистой почве, в той же степени, как если бы мы находились на уединенном горном пике, возвышающемся над равниной; каждый смотрит на мир только сквозь свою собственную пелену тумана.

Также весьма обычна жалкая зависимость от голосов избирателей. Она столь же ничтожна, сколь ничтожна зависимость от воли министра или фаворита тирана. Очень редко найдешь человека, который может изречь истину, которая открылась ему, изречь открыто и честно, без страха немилости или, наоборот, признательности со стороны императора или народа.

И более того, в людских собраниях чаще всего не хватает взаимной веры, если только внутреннее единство не бывает вызвано величайшей опасностью извне для народа в целом. Следовательно, таким людским сообществам недостает созидательной мощи. Главнейшие достижения народов Европы в последнее время состояли в разрушении и предании забвению; отнюдь не в созидании. Но разрушение не есть реформа. Время должно в конце концов принести народу Восстановителя, истинного Реформатора.

Искусство человеческой речи также зачастую используется в демократиях не по назначению; и поскольку правомерное использование речи есть величайшая добродетель, злоупотребление ею – величайший и смертнейший грех. По словам Платона, риторика есть искусство управления сознанием людей. Но в демократиях слишком часто бывает принято скрывать мысль за словами, уничтожать ее – попросту болтать чепуху. Посверкивание и отблески бликов на стенках мыльных пузырей пустого интеллекта ошибочно принимают за радужное сияние истинного гения. Ничего не стоящие медные обрезки принимают за чистое золото. Даже сам Разум в лучшем понимании этого слова иногда нисходит до интеллектуального фиглярства, подбрасывая в воздух и ловя на лету отдельные мысли и посылки. На всех наших конгрессах нескончаемым потоком течет болтовня, бездарно и по-мужицки скандалят представители разнообразных фракций, пока божественная мощь речи, этот высший дар человечества, наисвятейший дар Господа, не становится подобным бормотанию попугая или же кривлянию обезьяны. Пустопорожний вития, сколь красноречив бы он ни был, ничего не сможет ответить Господу в день Страшного суда на вопрос о его добрых деяниях.

Многие мужчины бывают говорливы, точно женщины, и столь же многоопытны в искусстве словесных дуэлей: расточители слов, скупцы в деяниях. Чрезмерное обилие слов, как и чрезмерное обилие размышлений, разрушает способность к действию. В человеческой природе мысль достигает совершенства лишь через действие. Мать их – молчание. Трубач чаще всего – не самый храбрый из воинов. Победу одерживает сталь, а не медь. Великий деятель великих свершений чаше всего нетороплив и немногословен в своей речи. Некоторые люди рождены и воспитаны для того, чтобы предавать. Торгуют они патриотизмом, и капитал их – речь. Но никто из людей чести не смог бы проповедовать, как Павел, и в то же самое время быть насквозь лживым, как Иуда.

В республиках власть часто принадлежит самозванцам; они всегда в меньшинстве со своими сторонниками; те, кто защищает их, преследуют лишь своекорыстные цели; и несправедливость торжествует над справедливостью. Деспот львом рыкающим тотчас же прекращает всякие споры и дискуссии на свой счет, и речь, величайшее достояние человечества, очень скоро превращается в жалкую болтовню рабов.

Правда, что республики обычно очень редко, точно случайно, избирают мудрейших – или хотя бы наименее неспособных к управлению из всех неспособных – себе в правители и законодатели. Если некий гений, вооруженный знаниями и образованием, захватит бразды правления в свои руки, перед ним преклонят колени; если же он всего лишь скромно предложит себя на этот пост, то его встретят ударом в лицо, даже ввиду нешуточной опасности, смертельного бедствия для всего государства, когда его привлечение к руководству просто объективно необходимо. Попробуй совладай с комиссией, состоящей из нескромного, суеверного, самоуверенного, бесстыдного, жулика и шарлатана! Можно быть уверенным: ничего ты не добьешься! Вердикты, выносимые законодателями и даже народом, как и вердикты присяжных, лишь иногда, по воле случая, бывают верны.

Должности и почести, тем не менее, проливаются, точно небесный дождь, как на справедливых, так и на несправедливых. Римские авгуры, которые, по пословице, часто улыбались друг другу, потешаясь над невежеством народа, все равно были крепко связаны друг с другом общим подобием тайны; но не нужно никаких авгуров для того, чтобы сбить с Пути истинного целый народ. Люди сами с радостью обманут себя. Стоит появиться в мире какой-либо республике, не успеет она занять хоть какое-то место в мировом сообществе, как там на все посты уже выдвинуты Невежество и Глупость; во все ее святыни вторгается низменное Лицемерие, прикрывающееся маской Высокородности и Благородства. Начинает процветать самая неприкрытая Несправедливость, особенно в том, что касается законодательства; беспрестанно совершаются самые незаконные деяния, хотя каждое незаконное и несправедливое продвижение по службе не только незаслуженно награждает какого-то человека, но и незаслуженно оскорбляет нескольких более достойных.

Государство получает удар кинжалом в спину, когда лучшие места в партере занимают те, кому положено всю жизнь проторчать на

задних рядах галерки. Каждый оттиск печати Чести, приложенный не к тому листу, следует считать украденным из сокровищницы заслуг.

Тем не менее, поступление на государственную службу и продвижение по ней влияют как на права личности, так и на права государства. Несправедливость в назначении на какую-либо должность, равно как и в не-назначении на нее, в демократическом обществе всеми должна почитаться столь же неприемлемой, как и государственная измена. Несомненно, не есть истина то, что все граждане одного и того же склада характера имеют одинаковое право стучаться в двери того или иного кабинета и быть обязательно радушно принятыми. Когда любой из граждан предлагает себя пусть на самый высокий пост, он имеет право надеяться на то, что он его займет, если покажет себя достойным его, покажет, что он достойнее всех остальных, кто стремится занять тот же пост. Заступление на эту должность должно осуществляться строго через ворота заслуг. И если некто претендует на такой пост и обретает его через нечестные, неблаговидные или несправедливые деяния, то его должно всенепременно обезглавить. Он – самый опасный из всех врагов человечества.

Если же человек достойно покажет себя, то все обретут лишь славу, если достойно его примут. Если власть, дарующая возможность осуществлять продвижение по службе, страдает от злоупотреблений где бы то ни было в великом океане жизни, злоупотреблений со стороны народа ли, законодательной ли, исполнительной ли ветви, несправедливое решение тут же карой падет на голову самого судии. Ведь близорукость в восприятии истинно достойного почти всегда побуждается не только природой, но и личным желанием человека. Если смотреть действительно долго, пристально и честно, то наверняка сможешь заметить истинно заслуженного, гениального и высокообразованного; а глас народа и, следовательно, прессы, обязан низвергнуть несправедливость, где бы она ни подняла из праха свою безобразную голову.

«Орудия труда – рабочим!» Никакой иной основополагающий принцип не в состоянии спасти республику от распада, будь то в результате гражданской войны или просто нравственного разложения. Действительно, республики имеют стойкую тенденцию к саморазрушению, подобно человеческому телу, несмотря на все наши старания предотвратить это. Если же они проводят жестокий эксперимент

по передаче нитей государственного управления малым сим, то с десятикратно увеличившейся скоростью немедленно скатываются в неизбежную пропасть; и ни одна республика пока что не избежала этого.

Однако сколь тяжкими и страшными ни были бы врожденные пороки демократических правительств, сколь неизбежным и плачевным ни был бы их обычный конец в мировой истории, стоит только бросить взгляд на режимы Тиберия, Нерона и Калигулы, Гелиогабала и Каракаллы, Домициана и Коммода, как сразу же приходится признать, что разница между свободой и деспотизмом столь же велика, сколь разница между Раем и Адом. Жестокость, непоследовательность и безумие тиранов неизмеримы. Пусть тот, кто привык сетовать на падение нравов и непоследовательность свободного народа, прочтет сочинения Плиния о правлении Домициана. Если в республике великий человек не в состоянии занять соответствующее его способностям положение в обществе без того, чтобы снизойти до дешевого фиглярства, рыдающего попрошайничества или, пусть и мудрого, использования ползучей лжи или клеветы, то лучше бы он так и остался не у дел и его оружием в жизни оставалось лишь перо. Ни Тацит, ни Ювенал не занимали государственных постов. Пусть История и Сатира наказуют самозванца и распинают деспота. Месть разума справедлива и ужасна.

Пусть же масонство использует перо и печатный станок в свободном государстве против демагогии, при деспотическом режиме – против тирана. В истории на этот счет существуют ободряющие примеры. Вся история, четыре тысячи лет которой полнятся всевозможным попранием прав человека и страданиями целых народов, в каждый свой период порождает такого рода протест. При цезарях нечасты были восстания, но был Ювенал. Волна народного возмущения смела Гракхов. При цезарях же был изгнан Сеян; но в то же время жил автор «Анналов». Если Нероны живут в царстве Тьмы, то так и следует их изображать. Просто выгравированная на камне резцом картина бледна: в прорези нужно залить краску, а наша краска – жалящее, проникающее глубоко в душу слово.

Деспоты – извечные помощники мыслителей. Скованное слово есть слово ужасное. Писатель в два и три раза улучшает свой стиль, когда на уста народа «хозяином» наложена печать молчания. Из этого молчания пробивается некая таинственная полнота сознания, которая проникает в каждый разум и остается там навечно

изваянием Духа. Притеснение в мировой истории всегда пробуждало высшие душевные порывы в историках. Гранитная мощь какого-либо общепризнанного и всеми прославляемого произведения часто есть продукт мысли, сдавленной тираном. Тирания побуждает писателя сужать диапазон своих изысканий, но тем самым увеличивается глубина его проникновения в предмет. Время Цицерона, которому не доставало места в узких рамках правления Веров, потеряло бы весь свой колорит при Калигуле.

Демагог – предтеча Деспота. Один – плод чресл другого. Тот, кто низменно льстит и ластится к власть предержащим, непременно предаст, как Искариот, доказав свою низменную и иногда даже жалости достойную природу. Так пусть же новый Юний наказует таких людей плетьми, как они того заслуживают, а история делает их бессмертными в их бесчестии, ибо они всегда ведут человечество к упадку. Республика, которая поощряет и продвигает вверх неумных, суеверных, низменных, «что грифом | На падаль ринутся, что должностью зовется», в конце концов обязательно прольет кровавые слезы над своим фатальным просчетом. Плодом такой ошибки высшего порядка должно стать Всевышнее проклятье. Так пусть же честь, обращенная в справедливость и истину, размозжит этих существ, как небесная молния! Если более ничего не остается, их можно победить, проголосовав против них или подвергнув бойкоту и остракизму.

Правда то, что, поскольку Цари обладают абсолютной властью, они могут выбирать на государственную службу только лучших из лучших. Правда и то, что основатели династий обычно так и поступают; а также то, что когда монархии находятся на гребне своей славы и мощи, глупость и помпа не воцаряются, не процветают и часто не получают как такового доступа к власти, как это, напротив, зачастую встречается в республиках. В парламенте королевства никогда не получается так, что чепуху несут абсолютно все, как это бывает в республиканском конгрессе. Неспособным к исполнению своих обязанностей туда путь заказан, сколько они ни пытайся.

Но обычно династии скоро выдыхаются и вырождаются. В конце концов они впадают в полнейшее вырождение; и в этом случае самые скучные и необразованные из членов Конгресса могут казаться гениями на фоне подавляющего большинства властителей. Великие личности: Юлий Цезарь, Карл Великий, Кромвель, Наполеон – властители Божьей милостью. Они просто мудрее и сильнее всех.

Если же власть обретает неспособный править или просто идиот, то он, несомненно, узурпатор, и страх делает его жестоким. После Юлия пришли Каракалла и Гальба; после Карла Великого – безумный Карл VI. Так пришли в упадок Сарацинская династия, Капетинги, Стюарты, Бурбоны; и последними их представителями были Бомба или же обезьяноподобный Домициан.

~

По своей природе человек жесток, как тигр. Варвар и орудие тирана, цивилизованный фанатик наслаждаются страданиями другого, как дети – конвульсиями насаженной на булавку мухи. А абсолютная власть, всегда основанная на страхе потерять ее, не может не быть жестокой.

Что касается способности к управлению, то практически все династии утрачивают ее спустя всего несколько поколений после основания. Правители становятся примитивными мошенниками, управляемыми министрами, фаворитами или придворными шаркунами, как этрусские цари, долгие века ходившие облаченными в позлащенные царственные одеяния, испарявшиеся при первом луче солнца. Пусть тот, кто сетует на превратности демократического правления, спросит у самого себя, предпочтет ли он им, например, мадам дю Барри или мадам де Помпадур, правящих именем Людовика XV; Калигулу, сделавшего консулом своего коня; Домициана, этого «наистрашнейшего монстра», который иногда забавлялся питьем крови своих родственников, иногда – самоличным убийством знатнейших граждан, перед вратами дворца которого несли бессменную стражу Страх и Ужас; тирана ужасного вида с пышущим гордыней челом, с глазами, источающими молнии, постоянно ищущего тьмы и тайны, появляющегося из мрака своего одиночества только лишь затем, чтобы принести одиночество другим. В конце концов, при свободном правлении законы и Конституция стоят над всеми неспособными судить самостоятельно, суды следуют законам, а прокурорский надзор следит за тем, чтобы они им следовали. Что такое, в конце концов, обесценивание и безумие государственной службы при демократическом правлении по сравнению с процессами ведьм, пытками в темных подвалах Инквизиции, бойнями, устраиваемыми в Нидерландах Альбой, Варфоломеевской ночью и Сицилийской вечерей?!

~

Аббат Баррюэль в своих «Записках по истории Якобинства» утверждает, что масонство во Франции, как одну из своих бывших тайн,

выдало слова «Равенство» и «Свобода», оставив каждому честному и религиозному масону право толковать их сообразно своим собственным принципам, однако, по его же словам, оно оставило за собой исключительное право толковать их истинное значение в своих высших градусах в соответствии с принципами Французской революции. Кроме того, он отдельно оговаривает тот аспект, что английским масонам его проклятие не адресуется, ибо в Англии масон – это довольно мирный объект воздействия государственной власти, вне зависимости от того, где он находится в данный конкретный момент, который ни за что не будет участвовать в каких бы то ни было заговорах, пусть и против наихудшего из правительств. Англия, утверждает он, ненавидит равенство и свободу, которые принесли на ее землю ужасы восстания лоллардов, борьбы анабаптистов и пресвитериан; и ее масонство «очищено» от всех идей, которые могли бы пошатнуть устои Империи; однако он не исключает и той возможности, что и в английском масонстве остались адепты разрушительных идей, тесно связанных с Мистериями древности.

~

Поскольку истинное, неэмансипированное масонство всегда выступало под знаменами Свободы и Равноправия, было само по себе восстанием против материальной и духовной тирании, его ложи были объявлены вне закона государственным актом Нидерландов в 1735 году. В 1737 году Людовик XV запретил его во Франции. В 1738 году папа Климент XII издал против масонства знаменитую буллу отлучения, которая была подтверждена Бенедиктом XIV; а в 1743 году масонство было запрещено эдиктом Государственного совета в Берне. Заглавие буллы папы Климента “In eminenti” полностью звучит как «Проклятие тайного общества de Liberi Muratori, или Вольных Каменщиков, под угрозой отлучения от церкви ipso facto[5], окончательное решение по каковому поводу сохраняется только лишь за Папой, исключая случай смерти». И по ней всем епископам, аббатам и инквизиторам даровалась власть расправляться с масонами как с «серьезно подозреваемыми в ереси» с привлечением, если в этом возникала необходимость, государственной системы подавления; то есть булла давала право расправляться с масонами и светским властям, вплоть до смертной казни.

~

Кроме того, неверные и рабски подражательные политические теории в итоге приводят к одичанию всех государственных структур.

Например, примите лишь посылку, что должности должны раздаваться в награду за услуги или помощь, оказанные какой-либо партии, и вскоре все они станут добычей и предметом раздора для многочисленных фракций, контрибуцией, полученной после победы какой-либо из фракций, – и настоящей проказой в масштабах государства. Тело любого государственного объединения превращается в гниющую разлагающуюся массу, как тело живого существа, пораженного сифилисом. Все ни на чем не основанные теории в конце концов перерастают в страшнейшие и отвратительные болезни государственной системы в целом. Государство, как любой человек, должно постоянно прилагать немалые усилия к тому, чтобы не сходить с пути мужества и добродетели. Традиция подачи прошений на какую-то должность и протекции перерастает в традицию подкупа и коррупции.

Человек, избранный на некую должность, таким образом обретает некий вотум Божественного доверия. Никакой народ не может отрицать волю Провидения и его влияние на жизнь человеческого общества и процессы, протекающие в нем. Не может этого и масонство. Оно должно, со своей стороны, прилагать все усилия к тому, чтобы делать свое дело умеючи и мудро. Мы должны всегда помнить о том, что в свободных государствах, равно как и в государствах, где правит деспотизм, Несправедливость, верная супруга Притеснения, – плодовитая мать Обмана, Недоверия, Ненависти, Заговора, Предательства и Измены. Даже в борьбе против тирании нашими главными орудиями должны быть Истина и Разум. Мы должны, как пуритане былых времен, выступить в это сражение, или же в бой с несправедливостью, которая может возникнуть и при свободном правлении, с пламенеющим мечом в одной руке и с Божьим пророчеством – в другой.

Гражданин, который не в состоянии выполнить обязанности простого подданного государства, тем более не будет в состоянии выполнить более ответственные обязанности. Огромная сила выдержки, снисходительности, терпения и исполнительности свободного народа приобретается только в результате ежедневной тренировки всех этих качеств, как физическая сила любого человека. Если у граждан нет этих качеств, государству обычно приходится как-то существовать без этого. Одна из основных черт свободного правления состоит в том, что весь народ должен не только интересоваться тем, какие принимаются законы, но и тем, как они выполняются.

Ни один гражданин не будет столь усерден в следовании закону и в поддержании его действенности, как тот, который участвовал в его выработке. Государство работает на благо всего народа, и в этом случае важны содействие и помощь каждого гражданина.

Также следует всегда помнить, что существует еще одна мель, на которую может сесть свободное государство: это общая тенденция свободных государств к разделению своего населения на слои, созданию каст, распространению jus divinum[6] на должностных лиц и на семейную жизнь граждан. Чем демократичнее государство, тем вернее оно в конце концов приходит к этому. По мере того, как демократическое государство набирает мощь, оно приобретает стойкую тенденцию к централизации, отнюдь не по злому наитию, но просто по ходу событий и по вялости человеческой природы. Исполнительная власть тогда непомерно разрастается, для того чтобы привести все население к одному знаменателю; а между тем исполнительная власть всегда носит агрессивный характер, принимая, конечно, во внимание специфику отдельных наций. Разрастается и количество государственных должностей, для того чтобы наградить всех самых активных борцов; затем грубая сила отбросов общества и представителей низших классов набирает все большую мощь сперва в низших уровнях структур управления, потом – в государственных сенатах; бюрократия поднимает свою лысую голову, ощетинившись перьями, прикрывшись очками и закутавшись в кольчугу из канцелярских скрепок. Искусство управления нисходит до положения ремесла, и в его цеха допускаются отныне только избранные, как в цеха Средневековья.

Политическую науку можно постоянно совершенствовать как предмет научных дискуссий, но никогда и ни за что не следует отрывать ее от насущной необходимости данного конкретного государства. Наука об управлении народами всегда должна носить скорее практический характер, нежели теоретический. В ней никогда не будет столь же много неоспоримых и непреложных истин, сколько бывает в более общих науках: то, что оказывается истинным для одной страны, зачастую бывает ложью для другой; то, что есть истина на сегодняшний день, может оказаться ложью для грядущих поколений, более того – сегодняшняя истина может быть опровергнута завтрашней концепцией. Отличить вечное от преходящего, отделить подходящее от неподходящего, предоставить все возможности для дальнейшего прогресса – вот цель любой политики. Но

без реальных знаний и опыта, без содружества трудящихся мечты докторов наук от политики будут не более реальны, чем размышления докторов наук от богословия. Правление этой касты с ее таинствами, с ее клевретами и с ее разлагающим влиянием может быть столь же фатально для народа, сколь и правление деспота. Тридцать тиранов в тридцать раз хуже одного.

Кроме того, для власть предержащих существует невероятно сильный соблазн стать столь же ленивыми и безрассудными, как последние из абсолютных монархов. Дайте им лишь возможность по первому своему капризу отстранять от должности мудрых и действительно великих людей и назначать на их места низменных подхалимов, как они тут же впадут в бездействие и безразличие. Централизованная власть, создание народа, хорошо организованная и мудро устроенная, даже и не просвещенная – это тот суд, который нация избирает для себя самой, для излечения пороков и торжества справедливости. Вскоре она научается сама себя снабжать необходимыми механизмами и, спустя некоторое время, уже готова к действию и противостоянию любым вмешательствам извне. Народ всю свою жизнь может пробыть ребенком. Централизованная власть может оказаться не в состоянии в нужный момент предложить наилучшее, совершенное с научной точки зрения решение какой-либо проблемы; но у нее есть все средства для того, чтобы преобразовать абстрактную идею в реальные действия. Если преследуется некая дальняя цель, она требует длительных размышлений над собой; ее должна осуществлять централизованная власть. Если же цель невелика и недалека, то достигнуть ее можно и при условии разногласий в высших эшелонах власти. Но иногда центральной власти стоит вступить в центр этих разногласий с позиции всеобщего арбитра и пресечь их. Народ может быть слишком консервативен в отношении перемен, слишком ленив в решении собственных проблем, несправедлив в отношении меньшинства или большинства. Центральная власть просто обязана подобрать бразды правления, когда народ бросает их.

Франция обрела централизованную власть скорее вследствие невежества и безразличия народа, нежели вследствие усилий ее тиранов-королей. Когда жизнь и быт гражданина отдаются на откуп государству, а улучшение благосостояния церкви требует предварительного письменного распоряжения центральной власти – значит, народ впал в детство. Таким образом, народ воспитывается

в полном идиотизме с самого своего рождения для общества. Когда государство само кормит часть населения, оно готовит из этих людей рабов для себя. Если же оно отдает распоряжения в области быта и местного управления – они уже рабы. Следующим шагом должно стать государственное регулирование труда и заработной платы.

Несмотря ни на какие глупости, которые может совершить свободный народ, пусть даже он в один «прекрасный» момент передаст-таки всю власть в руки обладающих небольшой компетентностью и еще меньшей честностью, отчаиваться не стоит. Жестокий учитель Опыт, который каленым железом выжигает свои уроки в сердцах, опустошенных невзгодами и потрясенных страданиями, со временем заставит своих учеников усвоить их. Живите же верой и продолжайте борьбу против всевозможных невзгод и напастей! Вера – спаситель и избавитель для всех народов. Когда христианство ослабело, потеряло былую власть над умами и перестало казаться людям «выгодным», точно вихрь, все сметающий на своем пути, появился Великий Арабский Иконоборец и новый Пророк. Накануне битвы за Дамаск христианский епископ на рассвете в полном парадном облачении во главе своей многочисленной свиты вышел к городским воротам и развернул перед войском Благую Христову Весть. Христианский же полководец Фома положил руку на Писание и произнес: «О Господи! *Если* вера наша истинна, помоги нам и не предай нас в руки ее врагов!». Но Халиб, «меч Господень», который шел непрерывно от победы к победе, воскликнул перед строем своих изможденных воинов: «Не спать! Все мы отоспимся в райских кущах; и там уже за отдыхом не будет вновь следовать тяжкий труд!». Таким образом, вера арабов оказалась сильнее, и они одержали победу.

Меч, кроме того, по Библии, является символом речи, или изложения мысли. Таким образом, с этой точки зрения, при условии, что мы помним видение патмосского изгнанника, протест во имя идеала, поглощающий реальный мир, ни с чем не сравнимая сатира на этот мир во имя религии и свободы, огненное эхо, которое смело престол Цезарей, – это обоюдоострый меч, исходящий из уст образа Сына Человеческого, чело которого окружают семь золотых светильников, а в деснице держит он семь звезд.[7] «Господь призвал Меня от чрева, от утробы матери Моей называл имя Мое; и соделал уста Мои как острый меч»,[8] – говорит Исаия. «Я поражал через пророков и бил их словами уст Моих»,[9] – говорит Осия. «Ибо слово

Божие живо и действенно, и острее всякого меча обоюдоострого, – пишет автор Послания к Евреям, – оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные».[10] «...А паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие»,[11] – пишет Павел в Послании к Ефесянам. «И Ангелу Пергамской церкви напиши: так говорит Имеющий острый с обеих сторон меч»,[12] – добавляет он же в «Откровении...».

~

Поток полемики может накатывать с силой приливной волны, но точно так же, как эта волна, он замирает и погибает, поглощаемый песками, услышанный немногими, запомнившийся еще более немногим; он со временем растворяется в воздухе, как горное эхо, не оставляя по себе ни малейшего знака былого величия. Он – ничто ни для ныне живущих, ни для грядущих поколений. Только письменная человеческая речь придала мощь и возможность сохранения в веках человеческой мысли. Именно она делает всю историю человечества одной цельной жизнью.

Писать на скале – значит, писать на пергаменте, который выстоит многие века, но чтобы увидеть написанное, нужно, по меньшей мере, дойти до этой скалы. Кроме того, эта надпись существует лишь в одном экземпляре, а время вскоре уничтожит и его. Писали в свое время и на звериных кожах, и на папирусе, но это означало создать опять-таки лишь один экземпляр записи, да и то доступный лишь богатым. Китайцы унифицировали не только способы изложения древних преданий, но также перенесли эти стереотипы на изложение текущих событий в своих летописях. Мысль в этих условиях душилась, а прогресс тормозился, поскольку в мыслящих умах постоянно происходит брожение, и Истина запечатлевает свое последнее слово не на чистых таблицах, а на длинном свитке, созданном заблуждениями и с тех пор неоднократно подвергавшемся правке.

Книгопечатание расцвело и начало плодоносить с изобретением подвижного шрифта. С этого момента речи ораторов стали «слышны» всем желающим их услышать народам; и автор какой-либо речи, как Папа Римский, мог размножить ее и сделать доступной всей Вселенной, urbi et orbi[13], приказав расклеить ее на всех площадях и рынках, оставаясь, если он того хотел, невидимым и неизвестным

своим читателям. С этого момента следует отсчитывать начало конца тираний. Сатира и памфлет стали настоящим и сильнейшим оружием. Невидимые руки Юниев могли метать молнии и расшатывать престолы первосвященников и сенаторов. Простой шепот такого «гиганта» наполняет собой всю землю, как голос Демосфена – агору. Скоро антиподы смогут слышать его с той же легкостью, с какой внимают ему ваши знакомые с соседней улицы. Со скоростью молнии он пересекает океаны. Он делает людскую массу одним единым организмом, говорит с нею на доступном ей языке и получает несомненный и чаще всего одобрительный ответ. Речь переходит в мысль, а затем – в действие. Народ становится одним целым в самом священном смысле этого слова, с единым сердцем и единым бьющимся в унисон пульсом. Каждым гражданином всегда ощущается незримое присутствие всех остальных; они для него – как добрые духи или ангелы-хранители; и одинокий мыслитель, затерявшийся где-то далеко в альпийской деревушке, никому не известный или всеми давно позабытый, один среди холмов и овечьих отар может в одно мгновение сделать свою мысль достоянием всех народов за всеми океанами.

Выбирайте себе в законодатели мыслителей и избегайте пустобрехов. Мудрость редко когда многословна. Вес и глубина мысли находятся чаще всего в обратной пропорции к обилию слов, необходимых для ее выражения. Неглубокие и суеверные мысли часто выражаются многословно, и поэтому нередко сходят за изложенные «красноречиво». Больше слов – меньше мысли. Это общее правило. Человек, желающий сказать нечто, из чего каждая фраза должна запомниться, становится разборчив в выборе слов, и речь его становится краткой, как речь Тацита. Низменные же люди часто прибегают к многословию. Словесные украшения, за которыми не стоит сила мысли, – это пустая мишура болтовни.

Средний гражданин не может полностью оценить также и тонкостей диалектики. В христианской вере она есть, и раньше ее было в ней больше, чем в наши дни; больше тонкостей, которые в свое время так привлекли к этому учению Платона и которые вместе с тем сумели обратить в бессмысленную обрядность учения раввинов древней Иудеи и мудрость древнеиндийских сказаний. Не она переубеждает язычника. Бесполезно балансировать величайшими достижениями мысли человечества, точно соломинками на кончике пальца, в ходе дискуссии. Это не то, что могло бы заставить образ

Креста навечно воссиять в сердцах неверных; настоящая мощь пребывает в Вере.

Таким образом, именно политическая схоластика оказывается совершенно бесполезной. Проворное изложение логических тонкостей никогда не возбуждает сердца людей, и ни в чем не убеждает их. Но настоящий апостол Свободы, Равенства и Братства материализует их и делает вопросом жизни или смерти. Его битва – это битва Боссюэ, битва не на живот, а на смерть. Настоящий апостольский огонь подобен молнии; он выжигает веру на плоти души. Истина – действительно обоюдоострый меч. Вопросы настоящей политической науки вряд ли можно решить только лишь способами, предлагаемыми разумом и здравым смыслом, пусть это даже здравый смысл не профана, а мудреца. Самые изощренные мудрецы редко выбиваются в полководцы человечества. Лозунг или призыв имеют больше власти над народом, чем самая твердая логика, особенно если в них как можно меньше метафизики. Когда на политическую сцену поднимается новый пророк, чтобы пробудить ото сна застоявшуюся в бездействии нацию, предотвратить ее падение в бездну, потрясти землю, подобно вулканическому извержению, сбросить бессмысленных идолов с их позлащенных престолов, – слова его исходят прямо из уст Господа и намертво впечатываются в людское сознание. И он будет увещевать, учить, предостерегать и править. Истинный духовный меч острее самого острого дамасского клинка. Такие люди правят своими землями властью справедливости, мудрости и своей собственной силы. Все же люди, знакомые с тонкостями диалектики, чаще всего правят хорошо, поскольку часто на практике они забывают о своих столь тщательно выверенных теориях и пользуются лишь примитивной логикой здравого смысла. Но если великий ум и неспокойное сердце в быту оставлены за сферой интересов правителей, если мелкие чиновники, дилетанты в политике и те, кто в большом городе был бы лишь банковским клерком или же записным адвокатом беднейшего квартала, становятся законодателями, государство оказывается на пороге своей кончины, пусть даже оно еще «не бреет бороды» по своей молодости.

В свободной стране слово также должно быть свободным, и государство должно внимать бормотанию глупцов, трескотне пустых сорок-говорунов, реву всех ослов общества так же, как и перлам мысли величайших и мудрейших своих граждан. Даже самые деспотичные из правителей прошлого позволяли своим шутам говорить

то, что те думали. Настоящий алхимик извлечет уроки Мудрости и из бессвязного бормотания Невежества. Он услышит то, что хотел бы сказать говорящий даже в том случае, если тот окажется в итоге своей речи королем глупцов в глазах всех своих слушателей. И глупец иногда попадает своим словом точно в цель. Иногда Истина содержится и в словах тех, кто, будучи не в состоянии по недостатку образованности оперировать чужими мыслями, развивает ход своих. Даже перст полного невежды может указать верный путь.

Народы, как и мудрецы, должны учиться забвению. Если они не учатся новому и не забывают старое, дни их сочтены, пусть они и процветали веками. Разучиваться – значит, учиться; иногда, кроме того, необходимо заново учиться ранее забытому. Глупости прошлого помогают лучше понять ошибки настоящего точно так же, как карикатура, доводящая до гротеска безвкусную современную моду, служит скорейшему ее забвению.

Шуты и фигляры хороши и полезны на своем месте. Вдохновенный художник и мастеровой – такой, например, как Соломон, – извлекают из Земли материалы для своих работ, превращая несовершенную материю в блистательные произведения искусства. Головой мир можно покорить гораздо скорее, чем руками. И никакие дебаты в любом общественном собрании не могут длиться вечно. Со временем, выслушав достаточно речей, оно само выделяет из своих рядов всех неумных, поверхностных и предубежденных, перестает прислушиваться к их мнениям, потом думает само – и приступает к работе.

Человеческая мысль, особенно в общественном собрании, течет по невообразимо извилистым и неровным руслам, и проследить ее путь труднее, нежели неисчислимые течения мирового океана. Ни одно мнение не может оказаться достаточно абсурдным, чтобы не найти там места для себя. Истинный мастеровой должен подступать к этим предрассудкам вооруженный своим тяжелым двуручным молотом. Они разлетаются прочь с его дороги; они бегут во мрак под быстрыми как молния взмахами его меча; но вместе с тем, они неуязвимы для логики, и нет у них ахиллесовой пяты. С предрассудками должно сражаться кистенем и булавой, боевой секирой и обоюдоострым двуручным мечом; рапира здесь не полезнее дамского веера, если это, конечно, не рапира насмешки.

Меч – это также символ войны и воина. Войны, как и грозы, необходимы для того, чтобы время от времени очищать застоявшуюся

атмосферу. Война – не демон, лишенный сочувствия и угрызений совести. В языках ее пламени возрождается братство. Если народ засиживается в мягких креслах, утопает в покое и бездействии, а лень, бессилие и ничтожество занимают в государстве ведущее положение, война – это крещение огнем и кровью, в котором и только в котором народ может возродиться для новой жизни.

В воззвании народов к Богу содержится признание Его всемогущества. Оно зажигает огни на маяках Веры и Свободы и согревает честных и верных в их следовании к бессмертию и славе. В войне есть все: угроза поражения, непримиримое чувство долга, будоражащее кровь сознание чести, бесчисленные священные жертвы и счастье победы. Даже в огне и дыму сражения должен масон найти своего брата и исполнить священные обязательства, возложенные на него Братством.

Число 2, или Диада, – это символ вечного антагонизма Добра и Зла, Света и Тьмы; это Каин и Авель, Ева и Лилит, Яхин и Боаз, Ормузд и Ариман, Осирис и Тифон.

Число 3, или Триада, лучше всего представлено в равностороннем или прямоугольном треугольниках. В радуге содержатся три основных цвета, которые в своих сочетаниях дают всего семь. Эти три суть зеленый, желтый и красный. Тройственность Бога в той или иной форме признается практически всеми вероисповеданиями. Он творит, сохраняет и уничтожает. Он есть созидательная сила, производительная способность и общий итог. По Каббале, внематериальный Человек состоит из жизнеспособности, или жизни, дыхания жизни; из души, или разума; и из духа. Соль, сера и ртуть были величайшими символами для алхимиков, для которых человек также состоял из тела, души и духа.

Число 4 выражается в квадрате, или четырехугольнике с прямыми углами. Из символического Эдемского сада вытекала река, разделявшаяся на четыре потока: Писон, который огибал земли Золота, или Света; Гихон, омывавший Эфиопию, или Землю Тьмы; Хидеккель, убегавший своими водами на Восток, в Ассирию, и Евфрат.[14] Захария узрел четыре колесницы, пронесшиеся меж двух бронзовых гор: первая из них была запряжена красными конями, вторая – черными, третья – белыми, а четвертая – серыми: «это выходят четыре духа небесных, которые предстоят пред Господом всей земли».[15] Иезекииль видел четверых живых существ, у каждого из которых было по четыре лика и по четыре крыла, и то были

лики человека, льва, вола и орла, и с четырех сторон было у них четыре колеса[16]; а Св. Иоанн увидел четырех зверей, исполненных очей и спереди и сзади: Льва, молодого Вола, Человека и парящего Орла[17]. Четыре всегда было знаком Земли. И далее, в 148-ом псалме, тех, кто должен славить Господа на земле, перечислено четырежды четыре и, в частности, четыре живых существа. Видимая природа обычно описывается как «четыре четверти мироздания» или «четыре конца света».

«Четверо, – гласит древняя иудейская мудрость, – царят в мире: человек – над всеми живыми существами, орел – над птицами, вол – над скотом, лев – над дикими зверьми». Даниил видел четверых огромных зверей, выходящих из моря.[18]

Число 5 – это сумма Диады и Триады. Это число находит свое отражение в пятиконечной, или Пламенеющей, Звезде, или таинственной Пентальфе Пифагора. Пять неразрывно связано с семью. Христос накормил своих учеников и прочих голодающих пятью хлебами и двумя рыбами, и после этой трапезы объедков набралось двенадцать – то есть пять плюс семь – коробов. В другой раз он накормил их семью хлебами и несколькими рыбами, а объедков осталось семь коробов. Пять мелких планет – Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн – в сочетании с двумя крупными – Солнцем и Луной – составляют семь небесных сфер.

Число 7 – особенно священное число. Семь планет олицетворяют семь небесных сфер, управляемых семью архангелами. В радуге семь цветов. Финикияне называли свое верховное божество Гептаксис, то есть Господь Семи Лучей. В неделе семь дней, а если сложить семь и пять, то получится число месяцев года, колен рода иудейского, апостолов. Захария узрел в своем видении золотой светильник с семью ветвями и семью огнями, и с оливковыми деревьями по обе стороны. «Ибо вот тот камень, который Я полагаю перед Иисусом; на этом одном камне семь очей, – пишет он, – ибо кто может считать день сей маловажным, когда радостно смотрят на строительный отвес в руках Зоровавеля те семь, – это очи Господа, которые объемлют взором всю землю?»[19] Иоанн в своем «Откровении...» пишет семь посланий семи церквам. В этих семи посланиях содержатся двенадцать пророчеств. Что бы ни говорил он этим церквам, в похвалу ли, в укор ли, укладывается в три фразы. Рефрен «Имеющий уши слышать, да услышит» состоит из десяти слов, то есть суммы трех и семи, а семь, в свою очередь, – это сумма трех и четырех; это

можно увидеть во всех семи посланиях. В той части этого же текста, где говорится о печатях, архангеловых трубах и казнях, семь также раскладывается на три и четыре. Отсылающий послание в Эфес – это «Держащий семь звезд в деснице Своей, Ходящий посреди семи золотых светильников».[20]

В шесть дней, или сроков, Господь создал Вселенную и снизошел до отдыха на седьмой день. Ною было повелено взять с собой в ковчег семь пар тварей чистых и семь нечистых. Через семь дней потоп должен был прекратиться. Дождь пошел на семнадцатый день месяца, и в семнадцатый день седьмого месяца ковчег пристал к горе Арарат. Когда же посланный голубь вернулся, Ной прождал семь дней перед тем, как послать его снова вперед, и опять же прошло семь дней, прежде чем тот вернулся с оливковой ветвью в клюве. Енох был седьмым патриархом, включая Адама; Ламех же прожил семьсот семьдесят семь лет.

В большом светильнике Скинии, а позднее Храма, было семь огней, представлявших собой семь планет. Семь раз Моисей окроплял алтарь священным елеем. Семь дней проходило очищение Аарона и его сыновей. Женщина считалась нечистой после деторождения тоже семь дней; зараженный проказой семь дней содержался в карантине; семь же раз его окропляли кровью жертвенного петуха; и еще семь дней он не имел права входа в свой шатер. Очищая прокаженного, священнослужитель семь раз должен был окропить его елеем, а очищая его дом – тоже семь раз – кровью жертвенного петуха. Кровь жертвенного быка тоже семь раз вспрыскивала Ковчег Завета, а затем – алтарь. Каждый седьмой год считался праздничным, а каждый семижды седьмой – юбилейным. В месяц Авив семь дней ели пресный хлеб.

Семь недель отсчитывалось с момента первого прикосновения серпа к злакам. Праздник Кущей длился семь дней.

Израиль пробыл в мидийской земле семь лет, пока Гедеон не освободил его. Бык, которого он принес в жертву, был семи лет от роду. Самсон повелел Далиле обвязать его семью зелеными лозами, а она накручивала на свои пальцы семь прядей его волос, которые после безжалостно отрезала. Валаам повелел Валаку возвести для него семи алтарей. Иаков был в услужении семь лет за Лию и семь – за Рахиль. У Иова было семеро сыновей и три дочери, что вместе составляет десять, число Совершенства. Кроме того, у него было семь тысяч овец и три тысячи верблюдов. Друзья его просидели у его

одра семь дней и семь ночей. Его же друзьям далее повелено было принести в жертву семь быков и семь телят; и в конце концов у него снова народилось семь сыновей и три дочери, а овец у него стало дважды по семь тысяч, а прожил он сто сорок лет, что составляет ровно два раза по семижды десять. Фараон увидел в своем сне семь коров тучных и семь коров тощих, семь колосьев плодоносных и семь холощеных, и было семь лет голода и семь лет изобилия. Иерихон пал после того, как семеро священнослужителей с семью трубами семь дней обходили город вокруг; шесть дней – по одному разу и семь раз – на седьмой день. Захария пишет, как уже говорилось, что семь очей Господних озирают всю Землю вглубь и вширь. Соломон семь лет строил свой Храм. В Апокалипсисе семь архангелов исторгают семь великих казней из раструбов семи своих труб. Зверь алый, на котором восседает Жена, «ужасная, как развернувшееся к битве войско», имеет семь голов и десять рогов. То же и у зверя, поднимающегося из волн морских. Семь громов гремят в одночасье. Семеро архангелов трубят в семь труб. Семь огненных светильников, семь духов Божьих, горят перед престолом, а у Агнца жертвенного – семь рогов и семь глаз.

Восемь – это первый куб, куб двух.

Девять – это квадрат трех и изображается в виде тройного треугольника.

Десять включает в себя все прочие числа. В особенности же – семь и три. Оно носит название числа Совершенства. Пифагор изображал его в виде Тетраксиса, который до сих пор не раскрыл еще всех своих таинственных значений. Этот символ иногда состоит из точек, иногда из запятых или литер Йод; в Каббале – из букв Имени Господня, расположенных следующим образом:

’
’ ’
’ ’ ’
’ ’ ’ ’

Начиная от Адама и заканчивая Ноем, насчитывается ровно десять патриархов; столько же и заповедей Моисея.

Двенадцать – это число линий одинаковой длины, которые образуют куб. Это число месяцев года, колен рода Израилева, апостолов, быков Медного моря и драгоценных камней на грудной пластине первосвященника.

The Master

3

Мастер

Буквально понимать символы и аллегории писаний древнего Востока – это значит, по доброй воле закрывать глаза на истинный Свет. «Переводить» эти символы на современный язык простыми, тривиальными словами – значит, служить знамени воинствующей посредственности.

Любое религиозное выражение символично, ибо мы можем описать только и лишь то, что видим, и истинным предметом религии является ранее виденное. Одним из самых ранних орудий образования были символы; они и все остальные формы религиозного выражения всегда различались и различаются поныне по внешним обстоятельствам и условиям и по уровню знаний и умственной утонченности. Символичен любой язык, коль скоро он всегда применяется к описанию духовных и умственных феноменов и действий. Изначально все слова имеют материальное, предметное значение, хотя впоследствии могут приобретать для необразованных и недальновидных вид духовной бессмыслицы. «Развести руками», например, означает совершить ими некое определенное движение по дуге; но если это словосочетание употребляется для обозначения бессилия что-либо сделать, то оно приобретает символическое значение, которое приобретается одновременно и самим вышеописанным жестом. Само слово «дух» (лат. "spiritus") означает «дыхание» и происходит от латинского глагола "spiro" – «дышу».

Представить видимый символ на обозрение другому – не обязательно означает сообщить ему то значение этого символа, которое

он имеет в ваших собственных глазах. Отсюда для философа становится ясна необходимость сопроводить видимый для глаза символ объяснениями его значения, адресованными уху, которые более точны и аккуратны, но гораздо менее впечатляют, чем живописный или скульптурный образ, который он горит желанием растолковать.

Из этих пояснений постепенно, со временем, выросло множество толкований, первичные, истинные значение и смысл которых были в конечном итоге забыты или затерялись в несоответствиях, неточностях и противоречиях. Когда на них совсем перестали обращать внимание и философия пала до состояния простого нагромождения определений и формул, ее язык сам по себе стал во много раз более сложной символической системой; шаря в темноте, она с тех пор безуспешно пытается охватить и отобразить предметно абстрактные идеи, которые невыразимы по своей сути. Ибо со словом дела обстоят точно так же, как и со зримым символом: сказать его кому-либо – не значит сообщить ему тот же смысл, который в это слово вкладывали вы; исходя из этого, религия, как и философия, в значительной степени превратилась в бесконечную дискуссию о значении и смысле слов. Наиболее абстрактное отображение Бога, которое может обеспечить человеческий язык, – это знак или символ, замещающий собой нечто пребывающее вне нашего понимания и не более верный и соответствующий действительности, чем, например, образы Осириса и Исиды или их имена, он лишь менее ярко и чувственно выражен. Избежать чувственного выражения чего-либо мы можем, лишь опустившись до однозначного и абсолютного отрицания. Задавшись целью дать определение духа, мы в итоге всех трудов приходим лишь к тому утверждению, что дух – это то, что не есть материя. То есть дух – это дух.

Всего лишь один пример символизма слов укажет вам одно из направлений масонских изысканий. В Английском Уставе можно прочесть следующую фразу: «Клянусь всегда умалчивать (hail), скрывать (conceal) и никогда не открывать (never to reveal)…»; и еще в Катехизисе: «В∴: „Я умолчу“ (I hail);

О∴: „Я скрою“ (I conceal)».

А общее недопонимание этой фразы происходит из-за наложения на ритуальное общеупотребительного: “From whence do you hail?” («Из какого рода Вы происходите?»).

Но в нашем случае данное слово в действительности изначально выглядело как “hele”, от древнеанглийского “hoelan (helan)” – «по-

крывать, прятать, скрывать». На латынь этот глагол переводился как "legere", т. е. «покрывать, крыть (крышу)». В суссекском диалекте слово "heal" в значении «крыть крышу» общеупотребительно; на западе Англии кровельщиков называют "healers". Следовательно, наше "hail" здесь означает «скрывать, покрывать, умалчивать». Язык – тоже символ, и его слова могут быть так же неправильно поняты или истолкованы, как и визуальные символы.

Со временем символизм всегда усложнялся; все силы небесные воспроизводились сами по себе на Земле, пока не сплелась целая паутина аллегорий и вымысла, отчасти по милости Царственного Искусства, отчасти в силу людских невежественности и суеверий; и эту паутину человеческому разуму с его ограниченными возможностями к объяснению уже никогда не суждено распутать. Даже иудейский теизм не выдержал испытания символизмом и поклонением образу; последние же, вероятно, были заимствованы, у более древних религиозных концепций и из других, более отсталых, областей Азии. Поклонение великому семитскому Богу Элю, или Алсу, и его символическому отображению в Самодостаточном Иегове не было отдано на откуп поэтическому или изобразительному языку. Священнослужители были монотеистами, народ – идолопоклонником.

Существует ряд опасностей, неотделимых от символизма, которые представляют собой впечатляющий урок, если учесть, что подобному же риску мы подвергаемся, пользуясь самим языком. Воображение, призванное на помощь рассудку, либо полностью занимает его место, либо оставляет его, беспомощного, опутав своими сетями. Имена, присваиваемые вещам, начинают путать с ними самими; средства путают с целью; вариант толкования – с его объектом; а символ захватывает власть над независимым разумом, принимая обличье разнообразных истин и личностей. Возможно, это и необходимый, но уж очень опасный путь к Богу, на котором многие, как утверждает Плутарх, «путая знак с обозначаемой вещью, впали в сожаления достойные суеверия, в то время как другие, избежав этой крайности, ударились в не менее отвратительные безверие и атеизм».

Именно через Мистерии, говорит Цицерон, мы постигли первые жизненные принципы, откуда следует, что термин «инициация» глубоко обоснован и продуман; они не только учат нас более честной и счастливой жизни, но и смягчают душащую боль смерти надеждой на лучшую жизнь после нее.

Мистерии были священными представлениями, отображающими некие легенды, значимые для понимания сути изменений в природе, в видимой Вселенной, в которой находит свое раскрытие сущность Божественного; участие в них отражалось на мироощущении как язычников, так и христиан. Природа – великая наставница человека, ибо она и есть откровение Божие. Она никогда не предлагает нерушимых догм и не пытается принудить к принятию какой-либо определенной концепции веры или к какому-либо истолкованию. Она предлагает нам свои символы, не объясняя их. Это текст без комментария, а ведь мы все хорошо знаем, что именно глоссы, комментарии ведут к заблуждениям, предрассудкам и ересям. Древнейшие учителя человечества не только восприняли уроки Природы, но и насколько могли последовательно передавали их своим ученикам теми же способами, какими сами получили их. В ходе Мистерий, кроме непрерывной традиции священных ритуальных чтений в святилищах таинственных текстов, зрителям почти не предлагалось никаких пояснений, и им приходилось, как в школе самой Природы, делать выводы самостоятельно. Никакой другой метод не способствовал бы в той же мере развитию всех способностей и умений. Использование универсального природного символизма вместо тонкостей и опосредованностей языка сторицей вознаграждает даже самого скромного исследователя, открывая ему все тайны мира в той степени, в которой ему хватает предварительной подготовки и возможностей понять и осознать их. Если даже философское их значение многими может быть непонято или недопонято, то нравственное и политическое доступны всем и каждому.

Эти мистические чтения и представления не были подобны лекциям – скорее, постановке вопроса. Подразумевая его дальнейшее исследование, они рассчитаны были на пробуждение дремлющего интеллекта. Они не были чужды философии, ибо философия сама по себе есть величайшая толковательница символизма, хотя ранние ее выводы зачастую неверны или слабо обоснованы. Переход от символа к догме фатален для красоты выражения и ведет к нетерпимости и ни на чем не основанной самоуверенности.

~

Если во время объяснения величайшей доктрины о Божественной природе Души, в стремлении преподать идеи ее тяготения к бессмертию, ее превосходства перед душами животных, которые не испытывают стремления к Небесам, древние впустую тратили силы,

сравнивая ее то с огнем, то со светом, – то неплохо бы нам поразмыслить над тем, обладаем ли мы при всех наших знаниях, которыми мы так привыкли похваляться, лучшим или хотя бы более ясным представлением о ее природе, и не пошли ли мы путем наименьшего сопротивления, отказавшись в свое время иметь хоть какое-то представление о ней. И если древние и ошибались относительно места пребывания души и буквально понимали способы и пути ее нисхождения в мир, это все равно были окольные тропы к великой Истине, пусть для посвящаемых они и оставались зачастую обычными аллегориями, призванными сделать мысль более впечатляющей и «осязаемой» для их умов.

В любом случае, не следует более потешаться над ними пустому и самоуверенному невежеству, чье знание состоит из одних лишь слов, как не следует ему потешаться и над Сердцем Авраама, пристанищем духа только что умерших; над огненным морем, извечным испытанием духа; над Новым Иерусалимом с его яшмовыми стенами, зданиями из чистого золота, гладкого и блестящего, как стекло, фундаментами из драгоценных камней и вратами, каждая створка которых – цельная жемчужина. «Знаю человека во Христе, – пишет апостол Павел, – который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать».[1] Нигде не придается большее значение и нигде, кроме писаний этого апостола, не упоминается чаще об извечном конфликте двух противоположностей – духа и тела; нигде более жестко не отстаивается положение о Божественной природе Души. «Ибо мы знаем, что закон духовен, а я плотян, продан греху. Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю, – пишет он. – Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться. Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас. Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих».[2]

Две формы государственного управления благоволят обману и фальши. При деспотизме народ лжив, склонен к обману и предательству, как всякий раб, боящийся розги. При демократии эти же качества зачастую рассматриваются как способы завоевания популярности и пути к высокому посту, то есть как удовлетворяющие извечному человеческому стремлению к процветанию. Опыт покажет, действительно ли эти отвратительные сиюминутные пороки шире всего распространяются и достигают наибольших высот именно в республиках. Когда высокие посты и материальное благополучие становятся для народа идеалами и наименее достойные и способные вовсю стремятся к первым, а подлог легко приводит ко второму, страна переполняется ложью и начинает испарять интриги и клевету. Когда путь к государственным постам открыт для всех и каждого, заслуги, твердые убеждения и слава незапятнанной чести обычно редко пробиваются к ним, да и то, по большей части, благодаря случайному стечению обстоятельств. Способность хорошо служить своей стране перестает быть поводом к тому, чтобы великие, мудрые и образованные личности избирались на высокие посты. Скорее будут приниматься в расчет иные способности, пусть и менее достойные. Умение подогнать свое мнение под общие настроения, умение защищать, прощать и оправдывать причуды различных групп общества, умение защищать выгодных и перспективных партнеров, ласкаться к избирателям, льстить им, клянчить у них поддержку, точно спаниель на задних лапах, молить их отдать голоса за свою кандидатуру, будь это хоть негры, всего лишь на три шага отошедшие от полного варварства, клясться сопернику в вечной дружбе и тут же исподтишка всаживать ему нож в спину, серьезно обосновывать то, что в устах другого стало бы откровенной ложью, поначалу относиться к ней с видимой иронией, а затем принимать ее на веру, стремясь навязать и окружающим, – кто не видел на своем веку, как эти дешевые трюки, это балаганное фиглярство претворяются на практике, постепенно распространяясь до такой степени, что успеха становится просто невозможно добиться иными, более честными, методами?! А государство в итоге всего этого управляется и, естественно, разваливается поверхностной и невежественной посредственностью, чугунной самоуверенностью, зеленью незрелого разума, суетой мальчишки-школьника, который – недоучка – бравирует знаниями, сути которых не постиг.

Неверные и лживые в общественной и политической жизни будут неверны и лживы и в жизни частной. Безрассудный политический жокей и на ипподроме будет столь же испорчен. Везде он будет искать выгод в первую очередь для себя, и всякий, решивший положиться на него, падет жертвой его корыстных устремлений. Цели его неблаговидны, как и он сам, и, следовательно, власти он будет добиваться также неблаговидными способами, каковыми он будет добиваться и других, пока недоступных для него, благ – земель, денег или славы.

Со временем пути чести и верхушки государственной власти расходятся. Место, которое, по общему признанию, достоин и может занять сирый и поверхностный, грубый и нечистый на руку, перестает быть достойным устремлений великого или просто способного; если же нет, то они сами выбывают из борьбы за него, ибо оружие, используемое в такого рода борьбе, лишь марает руки джентльмена. Тогда привычки беспринципных судебных адвокатов усваиваются самим Сенатом, и сутяги вовсю вершат там свои грязные дела, в то время как на карту, возможно, поставлена судьба страны и ее народа. Государства управляются жестокостью, развиваются за счет подлога, а все беззакония оправдываются законодателями, на каждом углу клянущимися в своих честности и бескорыстии. Тогда результаты свободного голосования подтасовываются исходя из партийных соображений, и вообще все самые отвратительные черты разлагающегося деспотического режима оживают и стократ усиливаются в республике.

Странно, что преклонение перед Истиной, мужество и искренняя преданность, презрение к ничтожеству и извлечению выгоды нечестными методами, искренняя вера, набожность и доброта теряют свои позиции среди людей и в особенности среди государственных деятелей по мере развития цивилизации, победного шествия свободы по миру и общего возрождения земли к Свету и жизни более достойной и справедливой. В эпоху Елизаветы, когда не было еще общечеловеческой эмансипации, Обществ по Распространению полезных знаний, публичных лекций, лицеев – все равно – и государственный деятель, и купец, и крестьянин, и моряк – были настоящими героями, боящимися лишь одного Господа и никого меж людей. Прошла всего лишь пара столетий, и в монархии или республике той же нации нет ничего менее героического, нежели купец, этакий спекулянт, или же гонящийся за высоким постом

политический интриган, не боящийся одного лишь Господа, а меж людей – всех без исключения. Преклонение перед величием постепенно отмирает, сменяясь пещерной ему завистью. Каждый человек преграждает многим другим дорогу к известности или достатку. Все испытывают огромное удовлетворение, если со своего поста смещен великий политик или если полководцу, на свой короткий час успевшему стать для толпы очередным идолом, настолько не везет, что он теряет это свое высокое положение. Ошибкой, если не преступлением, становится возвышение хоть на дюйм над общим уровнем.

Естественно было бы предположить, что в дни своего отчаяния нация будет просить совета у мудрейших из своих сынов. Но напротив, великие личности никогда не встречаются столь редко, сколь в минуты величайшей в них необходимости, а ничтожные мира сего никогда так не держатся за свое положение; равно опасны и посредственности, и необоснованные амбиции, и ребяческая незрелость, и нескромная некомпетентность. Когда Франция билась в революционной агонии, ею пыталась управлять шайка провинциальных сутяг, где Марат, Робеспьер и Кутон неправомерно занимали места Мирабо, Вернио и Корно. После казни короля Англией правило «охвостье» Долгого Парламента. Кромвель легко уничтожал один властный институт, а Наполеон – другой.

Подлог, фальшь, жульничество и обман в государственных делах – это предвестники упадка государства, его паралича и гибели. Попирать права слабых и пресмыкаться перед сильными – вот главная линия политики государств, управляемых посредственностями. Дешевые трюки канатных плясунов, приведшие их в свое время к власти, вновь разыгрываются в сенатах. Исполнительная власть становится институтом, торгующим протекциями, в основном, с наименее достойными; чиновников вместо денег подкупают должностями, еще активнее разрушая Содружество. Божественное покидает человеческую природу, и его место занимают алчность, эгоизм, и расчетливость. Очень верная, хоть и печальная, аллегория этого процесса предлагается нам в образе друзей Улисса, превращающихся под влиянием чар сирен в свиней.

~

«Не можете, – говорил Великий Учитель, – служить Богу и маммоне».[3] Когда жажда благосостояния становится всеобщей, к нему начинают стремиться как честными, так и нечестными путями: с помощью

подлога и мошенничества, грубого попирания правил торговли и бесчестной, алчной спекуляции, оголтелой азартной игры на бирже, которые вскоре деморализуют все сообщество в целом. Население начинает извлекать выгоду из невзгод своих ближних и горестей своей страны. Вздуваются громадные мыльные пузыри, которые, лопаясь, ввергают в лапы нищеты множество людей; это плоды трудов пронырливой Подлости и ее помощников и орудий, из коих первое – глупая доверчивость. Обвальные банкротства, потрясающие страну хуже извержений вулканов; еще более страшные ложные банкротства, поглощающие сбережения бедных; нерегулируемые взлеты и падения национальной валюты; крахи банков; обесценивание государственных ценных бумаг – все они питаются плодами былой самоотверженности народа и отравляют своим смертоносным ядом всех и вся, начиная от первых радостей детства и заканчивая заслуженным покоем старости, беспрестанно пополняя сумасшедшие дома и кладбища. А жулик и спекулянт процветают и благоденствуют. Если страна их, не щадя крови лучших своих граждан, борется за существование, они «помогают» ей, добиваясь понижения стоимости ее ценных бумаг, чтобы добиться потом максимальных прибылей при минимальных вложениях. Если их ближний попал в беду, они за бесценок скупят его собственность. Если их назначают надзирать за каким-то делом, они быстро доводят его до банкротства и пускают служащих и их семьи по миру. Если терпит крах их банк, то всегда выясняется, что они заблаговременно позаботились о себе. Общество боготворит своих биржевых королей, как древние индусы или египтяне – своих бесполезных идолов, и зачастую наиболее преданно – именно тогда, когда в отношении реального капитала они беднее последнего бродяги. Ничего удивительного нет в том, что люди верят в существование иного мира, в котором наступит наконец возмездие за эти несправедливости, особенно когда все видят, как друзья обездоленных семей молят разбогатевших прохвостов о пожертвовании, которое поможет жертвам этих самых прохвостов хотя бы просто не умереть от голода, пока они ищут возможность самим заработать себе на хлеб.

~

Государства обычно жадны до денег и территорий. Последняя страсть ведет к нарушению договоров, захвату земель более слабых соседей и хищнической борьбе с ними, если они пытаются отстоять

свои права. Республики в этом отношении так же агрессивны и беспринципны, как деспотические режимы; они так же отказываются извлекать из истории тот урок, что бесконтрольная экспансия, проводимая с помощью насилия и подлога, непременно приводит к распаду и подчинению неприятелю. Когда республика начинает нападать на своих соседей, огненные словеса приговора уже сверкают на ее стенах. Что бы незаконное или безнравственное ни предприняло государство, приговор Господа ему уже оглашен; если государство раздирает гражданская война, бросим взгляд назад: не виной ли тому несправедливости прошлого; и если так, то остается только простереться в пыли и покорно ждать исхода.

Когда народ охватывает дух жажды материальных благ, выходящей за честные и справедливые пределы, установленные должным уважением к разумной и умеренной степени общего и индивидуального достатка, этот народ попадает в лапы демона алчности, повелителя страсти, столь же недостойной и деморализующей, сколь и личная алчность какого-либо человека; и в силу того, что эта страсть еще более низменна и еще менее разборчива в средствах, чем другие амбиции, она еще более отвратительна и в конечном итоге приводит зараженный ею народ к общепризнанному положению врага рода человеческого. Захват львиной доли коммерческой прибыли всегда вел к крушению государства, ибо всегда за ней следовала череда несправедливостей, делающая государство отвратительным в глазах, в первую очередь, его собственных граждан; за ней следуют государственный эгоизм и лицемерная политика, которые лишают государство, заботящееся лишь о себе самом, всех существующих и возможных в будущем друзей.

В Индии, например, алчность стала матерью больших пороков и бед и стоила больше человеческих жизней, чем достойные уважения амбиции римских консулов, направленные на расширение границ Империи. Народ, пытающийся наложить руку на общемировую коммерцию, не может не стать эгоистичным, расчетливым, не может не погибнуть для всех достойных импульсов и порывов, которые должны получать отклик государства. Он скорее стерпит оскорбления, нанесенные его чести, чем, начав войну, поставит под угрозу свои экономические интересы; в то же время для того, чтобы подкрепить эти интересы, она развяжет несправедливую войну под надуманным и лживым предлогом, а ее свободный народ с радостью сольется в едином порыве со своими деспотами, чтобы сокрушить

экономического соперника, который посмел отвергнуть притязания чужих правителей и избрал собственных.

Следовательно, холодный расчет и бесстыдный эгоизм целых алчных народов всегда в конце концов замещают сентиментальные и возвышенные импульсы чести и великодушия, за счет которых эти народы достигли своего величия, которые сделали Елизавету и Кромвеля защитниками протестантского исповедания за всеми четырьмя морями Англии от венценосной тирании и преосвященного преследования; а ведь, правь они и дальше, эти люди вполне могли бы, по логике истории, вступить в порочные содружества с разного рода властителями, самодержцами, бурбонами для того, чтобы вновь превратить свое правление в обычную тиранию Бессилия и вернуть инквизиции ее орудия пыток. Душа обуянного алчностью народа умирает, как умирает и душа всякого человека, сделавшего золото своим идолом.

Иногда деспот все же руководствуется в своих поступках принципами чести и поддерживает слабых в борьбе с сильными, правых – в борьбе с неправыми. Но алчность по сути своей эгоистична, скупа, бесстыдна, длиннорука, изворотлива, холодна, подла, самовлюбленна и расчетлива: ею управляют лишь соображения личной выгоды. Бессердечная и безжалостная, она неспособна на сочувствие, милосердие, проявления чести, ибо все это может лишь задержать ее на пути к выгоде; она сметает на своем пути все, что кажется ей препятствием, и под ее острым килем стонут и разлетаются брызгами беззащитные волны.

Справедливая война ради высокой идеи служит чести нации. Война ради коммерческой выгоды, развязанная под незначительным предлогом, отвратительна и ярче, чем все остальное, может показать, в какие глубины порока может опуститься целый народ. Алчность ценит человеческую жизнь не выше муравьиной. Торговля людьми для обуянных этой страстью так же приемлема и, более того, естественна, как торговля слоновой костью или пряностями, если она приносит прибыль. Со временем, правда, эта государственная алчность может «пойти на компромисс» с Господом, заставив тех, кому она предавала украденных у Свободы людей, отпустить их на волю, но только лишь затем, чтобы потом тысячами убивать вольноотпущенников, если те выказывают недостаточную благодарность за этот «акт доброй воли».

Справедливость ни в коей мере не состоит в применении к комулибо поощрения или наказания в той степени, в какой он заслужил

его своим подвигом или тем, что мы обычно считаем преступлением и что на деле чаще всего является лишь ошибкой. Справедливость любящего отца неотделима от прощения заблуждений, ошибок и проступков любимого ребенка. Бесконечная справедливость Господа ни в коем случае не состоит в установлении раз и навсегда определенных мер наказания за людские грехи и проступки. Мы тоже можем сформулировать для себя свои собственные ничтожные и узкие понятия о том, что верно и справедливо, и затем настаивать на том, чтобы Бог принял их как Свой закон; мы можем измерить что-то своей несовершенной линейкой, а затем назвать это Господней Справедливостью. Мы постоянно стараемся обелить нашу порицания достойную пристрастность и жажду мести, ошибочно полагая их проявлениями справедливости.

Не состоит справедливость и в жестком руководстве нашим поведением по отношению к другим людям с помощью косных, раз и навсегда застывших положений официальных законов. Если когда-либо где-либо возникнет такое людское сообщество, которое заживет точно в соответствии с этим правом, на его городских вратах нужно будет выбить строку из Данте, венчавшую, по его словам, адские врата:

«Оставь надежду, всяк сюда входящий!»

Ведь несправедливо платить рабочему – в поле, на фабрике, в мастерской – лишь его раз и навсегда установленное жалование и ничего больше, то есть минимальную рыночную себестоимость его труда, и то лишь ровно столько времени, сколько он в состоянии работать, а мы нуждаемся в его труде; и напротив, когда его работоспособность пожирает болезнь или старость – бросать его и его семью умирать от голода; ужасными невзгодами покарает Господь народ, в государстве которого дети бывшего рабочего едят вареную луговую траву, а матери душат своих младенцев в колыбели, чтобы купить себе хлеба на деньги, которые благотворительный фонд выдаст им на похороны. Законы того, что претенциозно называется людьми «справедливостью», могут пунктуально исполнять и падшие ниже всех, «аристократы» царства Сатаны.

Справедливость, лишенная сочувствия, – всего лишь эгоистичное безразличие, не более достойное почестей, чем мизантропическая отстраненность. Сострадание существует даже среди похожих на волоски осциллярий, простейших существ растительного мира,

мириады которых можно легко обнаружить с помощью микроскопа в капле болотной воды. Ибо они, точно по взаимному согласию, собираются небольшими группками по краю сосуда, в который помещены, и начинают одновременно продвигаться вверх; и если одна из группок устает от движения или решает изменить маршрут, то все остальные замирают на месте, не перемешиваясь и оставаясь в полном порядке, словно подчиняясь распоряжениям мудрых командиров. И муравьи, и пчелы оказывают друг другу помощь, которую, по строгим человеческим законам, можно считать превышающей насущную необходимость. Естественно, что стоит нам лишь немного поразмыслить, как мы непременно придем к выводу, что каждый человек есть всего лишь частица одного из элементов общества, неразрывно связанная со всеми остальными своими братьями по нации. Не только действия, но и воля, и мысли других людей определяют или влияют на его судьбу и предназначение, сулят ему честь или бесчестие, жизнь или смерть. Эпидемии, физические и моральные, смертельно опасные и невероятно заразные, общественное мнение, общественные разочарования, энтузиазм, другие электризующие общество феномены и течения мысли, нравственные и интеллектуальные, доказывают существование вселенского со-чувствия.

Голос одного-единственного серого человечка – жест невежественности, тщеславия, самодурства или предубежденности, решающий исход выборов и открывающий Глупости, Несостоятельности и Некомпетентности дорогу в Сенат, ввергает страну в бедствия войны, ломает наши судьбы, убивает наших сыновей, уничтожает плоды трудов наших рук и наконец сталкивает нас, беспомощных, со всем нашим безуспешно сопротивляющимся интеллектом в могилу.

Эти размышления должны подвести нас к выводу о том, что справедливость по отношению к другим и к нам самим – это одно и то же; что мы не можем очертить наши обязанности по наугольнику, прямыми линиями, но наоборот, должны вписать их в великую окружность, очерченную циркулем; что круг человечества – это граница, а мы сами – лишь точка в его центре, капля в Атлантическом океане, атом, мельчайшая частица, связанная таинственной силой притяжения, которую мы называем состраданием, со всеми прочими такими же частицами; что физическое и нравственное благополучие других не могут быть нам безразличны; что мы напрямую заинтересованы в развитии и совершенствовании общественных

разума и нравственности, в благополучии и благосостоянии человечества в целом. Невежественность людей, их нищета и бедствия, как результат этого – деградация, огрубение и падение нравов – все это болезни; и нам никогда не удастся столь высоко подняться над остальным человечеством и столь искусно спрятаться от них, чтобы избегнуть их тлетворных миазмов и магнетического излучения.

Особенно необходима справедливость народам в целом. Несправедливое государство приговорено Господом к бедствиям и разрушению. В этом – истина учения Предвечной Мудрости и всего хода истории. «Праведность возвышает народ, а беззаконие – бесчестие народов… Удали неправедного от царя, и престол его утвердится правдою».[4] Народ, который завоевывает земли за землями путем подлога и насилия над слабыми, ломая их немощное сопротивление, нарушает свои обязательства по политическим и торговым договорам, а вместо законов справедливости и чести водружает во главу угла плоды алчных устремлений, низменные предрассудки подлой политики и бессчетные хитросплетения расчета и выгоды, обречен на гибель; ибо здесь, так же, как и в случае с любым человеком, последствия совершенного зла неотвратимы и ужасны.

Всем несправедливостям уже давно вынесен приговор, он записан Богом в природе человека и в природе всей Вселенной, поскольку он есть часть природы Бога Беспредельного. Никакое зло никогда не преуспеет. Приобретения Несправедливости суть ее потери; радости Несправедливости – ее горе. Неправедность часто выглядит преуспевающей, но успех ее – это поражение и позор. Если ее последствия и обходят стороной самого виновника, они всей своей тяжестью обрушиваются на его детей, стирая их в прах. Философская, физическая и нравственная Истина, пусть и в форме угрозы, состоит в том, что Господь наказывает за несправедливости отцов или детей, внуков или правнуков, ибо не может Он допустить безнаказанного нарушения Его заповедей. Вне зависимости от срока, день возмездия все равно настанет, будь то возмездие отдельному человеку или целому народу; грешник обманывает только самого себя: ему так или иначе не миновать расплаты за его грехи.

Лицемерие – это та дань, которую добродетель и справедливость платят пороку и греху. Это Сатана, рядящийся в ангельские облачения, сотканные из Божественного Света. Оно одинаково отвратительно в нравственности, политике и религии, в человеке и в народе.

Несправедливость, творимая под прикрытием равенства и честности; порицание порока на людях и тайная приверженность ему; претензии на широкий кругозор и жестокое отвержение мнения других; проповедь принципов масонского человеколюбия и глухота к стонам униженных и плачу страдающих; воспевание разума людей и в то же время составление против них заговоров, основанных на использовании их же невежества и простоты; клятвы в собственной чистоте, сочетающиеся с грязнейшими пороками; клятвы в собственной чести и низкое бегство с поля боя, когда битва еще даже не проиграна; в беспристрастности одновременно с продажей своего избирательного голоса ради важного поста или денег – вот как чаще всего проявляется лицемерие в нашем обществе. Эти его проявления настолько же часты, насколько бесчестны и порочны. Украсть мантию судьи Божьего суда, чтобы служить трибуналу Сатаны; везде кричать о своей вере в Бога Милосердного и Спасителя Любящего и одновременно с этим преследовать иноверцев; разрушать дома вдов и сирот, а потом долго и помпезно молиться; проповедовать воздержание и одновременно с этим купаться в похоти; проповедовать смирение и в то же время нарушать гораздо более важные законы государственности, справедливости, милосердия и веры; замечать былинку в глазу своего ближнего, не замечая бревна в своем; омывать кубок снаружи, оставляя его внутри полным отбросами и мусором; стараться выглядеть перед окружающими праведным и честным, но в действительности быть полным лицемерия и лжи – вот что значит уподобиться гробу повапленному, который кажется снаружи красивым, а внутри полон праха, костей и нечистот.

Республики прячут свои амбиции под лозунгом стремления «расширить территорию свободы» и объявляют своим «священным долгом и предначертанием» аннексию территорий других республик путем ли неприкрытого насилия, пряча ли его под красивыми и пустыми словами. Империя, основанная удачливым воином, тут же начинает претендовать на некие «исконные границы» и призывает на помощь такие слова, как «необходимость» и «интересы безопасности» для оправдания неприкрытого грабежа. Великая торговая нация укрепляется на Востоке и немедленно ощущает необходимость, и необходимость постоянную, в расширении пределов своих доминионов и подчинении Индии. Великие деспотические династии делят между собой целые королевства, например,

Польшу, и готовятся протянуть захватнические щупальца чуть ли не до самой Луны. Установление равновесия сил всегда было поводом для уничтожения государств. Карфаген, Генуя, Венеция – чисто торговые города – для того, чтобы стать городами-государствами, вынуждены были подчинить себе сопредельные территории путем насилия или подлога. Александр выступил в поход на Индию, Тамерлан мечтал о создании всемирной империи, сарацины покорили Испанию и угрожали даже Вене.

Жажда власти неутолима. Ни человеку, ни целому народу никогда не бывает достаточно той власти, которой они обладают; когда Рим был величайшей империей мира, его императоры требовали почитать себя как богов. Римско-католическая церковь объявила себя полновластной владычицей души человека и всей его жизни от колыбели до гроба. Она продавала индульгенции на прошлые и будущие грехи. В вопросах веры она объявила себя непогрешимой. Чтобы обратить в свое лоно мексиканцев и перуанцев, ей понадобилось уничтожить каждого десятого из них. Она раздавала троны и отнимала их; вердиктами об отлучении она обрекала на адские муки целые народы. Испания, возгордившись своими успехами в Индии, возмечтала стереть с лица земли протестантизм в Нидерландах, в то время как Филипп II женился на королеве Англии и вместе они хотели «вернуть» и эту страну папскому престолу. Затем Испания пыталась достичь той же цели с помощью своей «Непобедимой армады».

Наполеон сажал на троны своих родственников и полководцев, таким образом распределив между ними пол-Европы. Империя русского царя превышает по размерам Римскую. Но история всех империй одинакова: приобретение, распад, крах. Господь строго судит несправедливость.

Попытки подчинить себе волю других и пленить душу, поскольку власть над нею важнее и полнее любой иной власти, всегда отражали главное устремление людское. Это основание всех видов прозелитизма и всех проповедей, начиная от учения Месмера и заканчивая Римско-католической церковью и Французской республикой. На этом основана система апостолической преемственности как в учении Иисуса, так и у Магомета. Только масонство проповедует терпимость, право всех государств мира на самоопределение. Ему в равной степени претят образы монархии, которая старается расширить путем завоеваний свои территории; церковь, которая отстаивает свое право на уничтожение ереси огнем и мечом; конфеде-

рация государств-штатов, которая настаивает на поддержании союза с помощью силы и установлении братских связей путем убийства и подчинения.

Если с нами несправедливо обошлись, для нас естественно желать мести, как естественно и оправдание ее тем доводом, что мстим мы не по причине нанесенного нам оскорбления, а для того, чтобы несправедливость не повторилась, поскольку тот, кто совершил ее, был бы поощрен на новые несправедливости фактом отсутствия должной реакции на его поступок в сочетании с преимуществами, полученными им в его результате. Подчиниться факту обмана – значит, поощрить обманщика к новой лжи; следовательно, мы имеем полное право считаться избранным орудием Господа, которым Он карает бесчестных, и во имя Него и с Его Именем на устах уничтожать зло, делая невозможной его деятельность и убеждая его в неотвратимости наказания. Месть, по одному из определений, – это «первобытная справедливость», однако чаще всего она является и продуктом гнева, и следовательно, недостойна чистой души, которая не должна позволять неблагодарности и насилию нарушать свой покой. Несправедливости, которые мы терпим от нечестивых, столь же недостойны нашего внимания и тем более гнева, сколь те, которые мы терпим от насекомых или зверей; и если мы убиваем гадюку или волка, или гиену, мы должны делать это не в гневе, с не меньшим безразличием, чем, например, с корнем вырывая сорняк.

Если бы для человека не было бы естественно желать мести в форме возмездия, то истинному масону неплохо было бы поразмыслить над тем, что, поступая так, он становится орудием в руках Господа и месть его должна быть измерена справедливостью и смирена милосердием. Закон Господа гласит, что наказанием для жестокости, преступности и зла станут их собственные плоды; а те, с кем обошлись несправедливо, униженные и оскорбленные, в той же мере являются орудием в его руках, с помощью которого Он поддерживает исполнение этого закона, в какой им являются болезни, общественные катаклизмы, вердикты Истории и проклятие потомства. Кто может утверждать, что конкистадор, рубивший на куски живых индейских детей, кормивший их мясом своих собак, военный тиран, без суда и следствия казнивший своих подданных, подонок, предавший или обесчестивший свой народ, банкир, наживший свое состояние путем подлога, банкрот, пустивший по миру не один десяток сирот, чиновник, преступивший свою клятву, судья, за взятки

творивший беззаконие, законодатель, чья профессиональная несостоятельность привела к развалу государства, не должны быть наказаны? Так пусть будет так; пусть униженные и оскорбленные или те, кто симпатизируют им, будут орудиями Господнего возмездия; но всегда это должно исходить из высших побуждений, а не из соображений личной мести.

Помните, что каждая из нравственных черт человека имеет свой прототип среди животных менее развитых: жестокая низость гиены, жестокая алчность волка, безжалостная ярость тигра, предательская ловкость пантеры – все это можно найти в человеке, и когда мы находим это в нем, мы должны испытывать к этим чертам те же чувства, которые мы испытываем к ним в животном мире. Зачем настоящему человеку гневаться на гуся за то, что тот шипит, на фазана – за то, что тот напыщенно выглядит, на осла – за то, что он противно кричит, а на обезьян – за то, что они передразнивают его и строят гримасы, хотя их внешний вид и напоминает человеческий? Не менее истинным является и то утверждение, что гораздо достойнее простить, чем отомстить, и что в действительности мы должны слишком сильно презирать тех, кто несправедливо обошелся с нами, чтобы при этом еще и гневаться на них и желать мести.

~

Переходя в сферу Солнца, мы переходим в область Света. Древнееврейское слово «золото» – «захав» – означает также «свет», наиважнейшим источником которого для Земли является Солнце. Таким образом, в великой восточной аллегории древних иудеев река Фисон протекает вокруг земли золота, или Света, а река Гихон – вокруг Эфиопии, или земли Тьмы.

Мы знаем о том, что такое свет, больше древних. По одной из современных гипотез, это не просто поток мельчайших частиц, с огромной скоростью отлетающих от Солнца; наоборот, это небесное тело лишь служит источником извечных колебаний эфира, заполняющего весь Космос, которые в виде световых волн достигают самых отдаленных планет и звезд, снабжая их светом и теплом. Для древних же свет всегда исходил от Божества. Для нас, так же как для них, он является достойным символом Истины и Знания. Для нас символично также путешествие человеческой души вверх, через несколько небесных сфер; но мы тоже не знаем, куда в итоге попадает человеческая душа в конечном итоге своего странствия вверх, через несколько небесных сфер; мы точно так же не знаем,

куда в итоге своего путешествия попадают наши души, как не знали этого они; мы не знаем и откуда души приходят к нам, как не знали и они. Они всегда стремились сформировать хоть какие-то понятия об этом, хоть какую-то веру. В настоящее время люди часто удовлетворяются тем, что просто ничего не думают по этому поводу, лишь полагая очевидным, что душа есть нечто отдельное от тела и живущее после его смерти, но существовала ли она до появления тела, они не считают нужным обдумывать, им просто нет до этого никакого дела. Никто не задается вопросом, исходит ли душа от Бога, появляется ли она из ничего, рождается ли она подобно телу, как влияют на нее души отца и матери. Так давайте же не смеяться над убеждениями древних, пока мы сами не пролили большего света на эти вопросы; давайте примем к сведению символы, оставленные ими для нас, определяющие душу как происходящую от Бога, появляющуюся в его сфере, возвращающуюся в нее после избавления от тела, имеющую возможность возвратиться туда только после очищения от всех пороков и грехов, которые свойственны нам и которые отяготили ее вследствие взаимодействия с телом.

Неудивительно, что тысячи лет назад люди поклонялись Солнцу и что и в наши дни эта вера живет среди парсов. В действительности же они изначально поклонялись невидимому Богу, для которого свет Солнца, неизменный в веках и поколениях людей, был лишь внешней формой и средством общения с человечеством.

Еще задолго до того, как этот магический свет наблюдали из своих долин халдейские пастухи, источник его постоянно и неизменно, как и сейчас, вставал на Востоке как предвечный Бог, а затем заходил на западе как Царь Мира, чтобы на следующее утро снова восстать в том же ореоле величия. Мы поклоняемся Неизменности. Именно этой неизменности предвечного Солнца поклонялись жители Баальбека. То, что оно дарит нас светом и жизнью, обладало для них второстепенной важностью. Основной и величайшей идеей их веры было признание Божества в свете Солнца, и Его неизменность была для них связана с неизменностью дневного светила. Это светило видело, как низвергались троны, как землетрясения потрясали мир и сравнивали горы с землей. Оно нисходило в свои чертоги далеко за Олимпом, за Геркулесовыми столпами, чтобы каждое утро снова восставать ото сна и зреть храмы, которые люди построили в Его честь. Оно воплотилось в образах Брахмы, Амона, Осириса, Бэла, Адониса, Малкарта, Митры и Аполлона; народы,

которые давали Ему эти имена, состарились и умерли. Мох вырос на капителях чудесных колонн Его храмов, но сияние Его лучей озаряет и этот мох. Песчинка за песчинкой разрушались великолепные портики, и ветер уносил их прах, но Его лучи освещали и этот прах. Обваливались своды, но Его лучи все так же неизменно озаряли опустевшие Святая Святых. Ничего странного посему нет в том, что люди всегда поклонялись Солнцу.

Существует некое водное растение, на листьях которого капли дождя долгое время могут перекатываться по отдельности, не объединившись в более крупные капли, наподобие ртути. Точно так же перекатываются точки зрения на вопросы веры как в политике, так и в религии. Довод, убедительный для разума одного, не является таковым для другого. Сила логики доступна лишь немногим умам или душам, если их рассматривать как противовес умам. В самом человеческом разуме содержится некое противоречие, которое обусловливает тот факт, что ложная логика гораздо сильнее истинной воздействует на умы десяти десятых из тех, чей разум общепризнан. Даже среди судей вряд ли один из десяти способен вести логический спор. Для каждого разума истина – это то, что прошло сквозь призму его восприятия. Для большинства людей истина – это материя в сфероидальном состоянии. Точно капля холодной воды на раскаленной докрасна металлической пластине, она дрожит, кружится и танцует, но не касается ее поверхности; но сознание может вонзиться в истину, как рука, смоченная сернистой кислотой, – в раскаленный металл, при этом даже не поранившись.

~

Слово «Хайрум», или «Хурум», – сложное. Гесений переводит слово «Хурум» как «благородный» или «свободнорожденный», где «хур» означает «белый» или «благородный». Также это слово означает оконный проем и глазницу. «Хри» означает «белый» или «открытое место», а «хрис» – «солнечный диск», как, например, в Книге Иова, 8:13 и 10:7. «Кришна», в свою очередь, – солнечный бог индусов. Слово «хурн» на фарси означает также Солнце.

От слова «кур» или «хур» также происходит географическое название Нижнего Египта – Хора. По словам Брайента, на местном наречии Солнце называлось «кур» (смотри об этом в его «Мифологии»), а по Плутарху, древние персы называли солнце «курос». Греческое слово «кюриос» – «Господь», аналогичное финикийскому и древнееврейскому «Адонай», применялось также к Солнцу. Многие

места, принесенные в жертву и посвященные солнечным божествам, сохранили этот факт в своих названиях: Кура, Курия, Курополь, Курина, Курешата и Корусия в Скифии.

Египетское божество, которое греки называли Гором, на языке египтян звалось Хер-Ра или Хар-эрис, где «Гор» или «Хар» означало «Солнце». На санскрите Солнце называется «Хари». Имена божеств Ара, Ареса, Ариала, Арьямана, Аримана, где «ар» обозначает «огонь» или «пламя», того же происхождения. Гермес, или, точнее, Хармес (Арам, Рем, Харам, Арамейас) – это Кадм, Божественный Свет Мудрости. Меркурий, или Мар-кури, по Моверу, – это «мар», или Солнце.

По-древнееврейски, «аор» (אור) – это «свет», «огонь» или солнце. Кир, по мнению Ктесия, был так назван от слова «курос» – «Солнце». По Гесихию, Адонис изначально звался Курис. Аполлона, солнечного бога, называли также Курейос, от названия фосского города Курры. Жители Курины, по происхождению эфиопы, или кутиты, почитали Солнце под именами Ахур и Ахор.

Мы знаем из подробных отчетов, предлагаемых нам древними хрониками Цура, что главное празднество, посвященное культу Малкарта, перерождение Солнца во время Зимнего солнцестояния, проходившее в этой местности, называлось «пробуждением» или «новым рождением» и сопровождалось возжиганием огней, в пламени которых божество, как предполагалось, должно было обрести новую жизнь. Празднество это проходило в месяц перитий (барит), второй день которого соответствовал 25-му декабря. Первым, по словам Мовера, провел эту церемонию Хур-ум, царь Тирский. Эти факты известны нам из трудов Иосифа Флавия, Сервия («Энеида») и Нонния («Дионисии»), и, по стечению обстоятельств, которое никак не может оказаться случайным, тот же самый день праздновался в Риме как Dies Natalis Solis Invicti, праздник Рождества Непобедимого Солнца. Также в Цуре поклонялись и Геркулесу под именем Хараклеса. Таким образом, уже во время строительства Храма смерть и новое рождение солнечного бога разыгрывались в Цуре (Тире) союзником Царя Соломона, в день Зимнего солнцестояния в сопровождении огненного шествия Малкарта, цурского Хараклеса.

Арерис, или Хар-эрис, позднее – Гор, получил свое имя от того же древнего корня, откуда древние евреи получили слово «ор» или, с прибавлением определенного артикля, «аор» – «свет» или «единственный, тот самый свет», «пламя», «великолепие», «Солнце» и «солнечные

лучи». Ранним иероглифом Гора была точка в центре окружности, позже – два глаза; а празднество на тридцатый день месяца Епифи, когда, как предполагалось, Солнце и Луна находятся с Землей на прямой линии, называлось в переводе «День рождения глаз Гора».

В папирусе, опубликованном Шампольоном, этот бог называется Хар-эри, Господин Солнечных Духов, Благотворное Солнечное Око. Плутарх называет его Хар-пократом, но по иероглифам невозможно проследить происхождение второй части этого имени. Он, сын Осириса и Исиды, изображается обычно сидящим на троне, поддерживаемом львами; по-египетски и лев и Солнце обозначались одним словом. Но и Соломон воздвиг величественный трон из слоновой кости с золотыми пластинами, к которому вели шесть ступеней, подлокотники поддерживались львами, и еще по одному льву было с каждой стороны каждой из ступеней, таким образом, с каждой стороны трона было по семь львов.

Далее, древнееврейское слово «хай» (חי) означает «жизнь», а «рам» (ראם) – «был», «будет», «поднялся» или «был вознесен». Последнее также сходно и с другими словами: «ром», «аром» и «харум» (רום, ארום, חרם), из которых Арам – название нынешней Сирии, а Харум – Армеи – «возвышенной земли». «Харум», следовательно, значит «живой» или «возродившийся».

В арабском языке малоиспользуемый корень «хрм» означал «был высок», «был создан великим» и «процветал», а слово «хирм» обозначает быка, символ Солнца во многих мифологиях и даже в гороскопах (Телец).

Итак, Хурум, неверно именуемый чаще всего Хирамом, – это Хур-Ом, то же лицо, что и Хер-Ра, Гермес и Геракл, тот самый “Heracles Tyrius Invictus”[5], олицетворение Света и Солнца, Утешитель, Спаситель и Избавитель. От египетского слова «ра» произошло коптское «уро» и древнееврейское «ор» – «свет». Хар-эри – это Хор или Хаар – «господин» или «мастер». «Хор» – это также жар, а «хора» – час или время года, а в некоторых африканских диалектах это слово изменяется до «айро», «айеро», «ер», «уиро», «гхурра» и т. д. Название правителя, передаваемое греками как «фараон» в оригинале звучало как «фра» или «Пфой-Ра», что также имеет значение «Солнце».

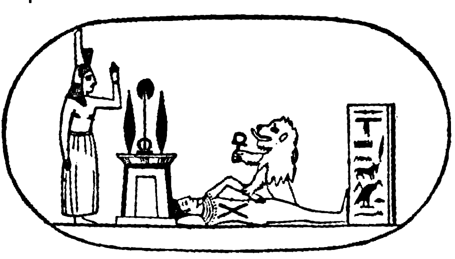
Легенда о противостоянии Хора-Ра и Сета, или Сэт-ну-би, что то же самое, что и Бар или Бел, гораздо древнее предания о битве Осириса и Тифона, по крайней мере, она относится ко времени девятнадцатой династии. В Книге Мертвых название раздела звучит

как «День битвы Гора и Сета». Другой же миф родился, скорее всего, в Финикии или Сирии. Тело Осириса было выброшено на берег у города Гебала, или Библа, в шестидесяти милях к северу от Цура. Нетрудно заметить, что в каждом из имен троих убийц можно обнаружить имя злого божества Бела, или Ваала.

~

Хар-эри был божеством не только жизни, но и времени. Египетская легенда гласит, что царь Библа приказал срубить тамарисковое дерево, в которое перевоплотилось тело Осириса, и соорудить из него колонну для своего дворца. Исида, состоявшая при дворце в услужении, сумела завладеть этой колонной, заставила тело Осириса возникнуть из него во плоти и унесла его с собой. Апулей описывает ее как «прекрасную женщину, на чью божественную шею ниспадали изящными локонами густые длинные волосы», и целый штат служанок ежедневно умащивал и укладывал волосы богини. Для этого организовывались целые процессии служанок, несших пальмовую ветвь и светильник в виде лодки. Если тот символ, о котором мы сейчас говорим, не является современным нововведением, он наверняка относится к тем временам.

Происхождение масонских легенд подтверждается также и одной из иероглифических картинок на одном из египетских памятников, которая также может пролить немного света на символику мастерского молотка и пожатия мастера.

Древнееврейские литеры אב, финикийские 𐤀𐤁 и самаритянские ࠀࠁ – это А и Б, две первые буквы алфавита, обозначающие числа 1 и 2, Единство и Двойственность, в совокупности образующие слово «отец», звучащее практически одинаково во всех семитских языках.

Также оно означает понятия «предок», «основоположник», «первооткрыватель», «глава», «начальник», «правитель», «надзиратель», «мастер», «священник», «пророк».

Сочетание אבי означает просто «отец», когда оно входит в сложное слово, то есть предшествует другому слову в составе сложного, в конструкции (передаваемой в русском языке родительным падежом) אבי אל, «Аби-Эль», то есть «отец Эля».

И наконец, буква Йод в конце слова обозначает «мой», так что само по себе слово אבי означает «мой отец», как во фразе דויד אבי – «Давид – мой отец» (2 Паралипоменон, 2: 3).

Буква ו (вав) в конце слова означает притяжательное местоимение «его» и слово אביו («абав» или «або»), которое мы обычно читаем как «абифф», означает «моего отца». Смысл всего слова вместе, в сочетании с именем Хурума, без сомнения, таков: «некогда бывший слугой или рабом моего отца».

Имя финикийского мастерового передается в Книгах Царств как חירם и חירום (2 Царств, 5: 11; 3 Царств 5: 15; 7: 40). В Книге Паралипоменон – как חורם с прибавлением слова אבי (2 Пар. 2: 12) или אביו (2 Пар. 4: 16).

Совершенно бессмысленным представляется полагать слово «абиф» или «абифф» частью имени Мастера. Столь же бессмысленно считать частью имени и слово «аби» и ставить его в начале этого имени, поскольку все это титулы, а не части имени. Иосиф (Бытие 14: 8) говорит, что Господь поставил его «аб-аль-параа», то есть «отцом над фараоном», визирем или первым министром. Таким же образом Аман был назван вторым отцом Артаксеркса, и когда царь Хурум говорил «Хурум Аби», он имел в виду то, что мастеровой, которого он послал Соломону, был главным или ведущим работником в Цуре по своей специальности.

На медальоне, скопированном Монфоконом, изображена женщина, держащая на руках ребенка и сноп пшеницы. Она сидит на облаке, над ее головой горит звезда, а с алтаря прямо перед ней поднимаются три пшеничных снопа. Гор же был примирителем, который пролежал в земле три дня, потом воскрес и одержал победу над злым началом.

Слово «Хари» на санскрите означает «пастух», равно как и «спаситель». Кришну называли «Хари», как Иисус называл себя пастырем.

חור («хур») означает оконный проем, пещеру или глаз. Кроме того, это слово означает белый цвет, по-сирийски ܚܘܪ. חר также означает открытое пространство, благородного или высокорожденного человека.

חרם, Хурум, означает «посвященный, отданный кому-то», по-эфиопски – ሐረመ. Это слово служит названием городу (Иисус Навин, 19: 38) и именем человеку (Ездра, 2: 32 и 10: 31, Неемия, 3: 11).

חירה («хира») означает честь, доблесть, смелый народ.

Будда, по преданию, воплотил в себе сущность индуистского Тримурти, и отсюда трехбуквенное односложное слово «Ом» или «Аум» используется при обращении к нему, как тождественному Брахме-

Вишну-Шиве. Он напоминает в этом отношении Гермеса, Тота, Таута и Тевтатеса. Одно из его имен – Хари-мая, или Хар-мая, то есть то же самое, что Гермес и Хирм, или Хурм. Кроме того, «Хари» на санскрите означает также «Господь».

Ученый брат надпишет на двух колоннах Храма, справа налево, два слова: יהו и בעל – Иху и Бал, Яхин и Боаз, сопроводив их иероглифическим эквивалентом солнечного бога Амона-Ра – 𓇋. Конечно, случайным совпадением является тот факт, что в имени каждого из трех убийц содержатся имена злого и доброго божеств древних иудеев, ибо Юбелос – это всего лишь Йеху-Бал, но стоит ли быть так уверенным в этом? Особенно если принять во внимание, что последние буквы этих трех имен – «а», «о» и «ум», которые в сочетании образуют а∴у∴м∴, священное слово индусов, означающее Триединого Бога, дающего, сохраняющего и отбирающего жизнь, которого обычно изображают таинственным знаком Y.

Далее, акация – это и ощетинившийся шипами тамариск, который окружил своей плотью тело Осириса. Она была священным деревом арабов, которые сделали из нее идола Уль-Узза, которого уничтожил Мухаммед. Она в изобилии произрастает в пустынях, и именно из нее был сделан терновый венец, возложенный на чело Иисуса из Назарета. Она является одним из лучших символов бессмертия из-за своей долгой жизни и способности выжить в практически любых условиях, ибо известно, что если сделать из акации дверной косяк, то она непременно пустит корни за порог дома.

~

Каждое содружество проходит свои переходные периоды развития и периоды больших испытаний, особенно если оно ведет войну. Без сомнения, на определенном этапе оно вполне может подпасть под влияние политиков, апеллирующих к самым низменным инстинктам человеческой природы, или денежных монополистов, или обогатившихся за счет падения курса национальной валюты и ценных бумаг спекулянтов, или мелких чиновников, плановиков, жуликов или авантюристов – бесчестной олигархии, обогатившейся за счет горестей и несчастий государства, разжиревшей на нищете народа. Тогда прекращается действие обманчивой галлюцинации равенства и всех человеческих прав; в этом случае несчастное и обесчещенное государство может вернуть себе отнятую у него свободу, только пройдя снова сквозь «великое разнообразие неопробованного опыта» и очистившись от скверны огнем и кровью.

В республике часто происходит так, что все общественные партии со временем концентрируются вокруг позитивного и негативного полюсов мнений относительно какого-либо понятия или положения, и в этом случае торжествующий дух нетерпимого большинства накладывает запрет на все отклонения от привычного ортодоксального стандарта, установленного им для себя самого. Свобода мнений будет возноситься до небес и всячески пропагандироваться, но реально пользоваться ей не сможет никто под угрозой вытеснения с политической сцены теми, кто держит бразды правления в своих руках и осуществляет основную политику. Слепая преданность своей партии и пренебрежение нуждами народа идут рука об руку. Политическая свобода может возникнуть только в крепком государстве; точки зрения его граждан органически вырастают из тех действий, которые они были вынуждены или им пришлось произвести. Лесть, направленная на конкретного ли человека, на целый ли народ, все равно развращает обе стороны; в низкопоклонстве перед королем не больше пользы, чем в низкопоклонстве перед народом. Цезарь, власти которого ничто не угрожает, нуждается в ней меньше, нежели свободная демократия; так же мало заботится он о ее росте, в отличие от народа, желание власти которого абсолютно безмерно. Для простых людей свобода есть возможность делать то, что хочется; для народа в целом это в значительной степени точно так же. Если же конкретный человек или же целый народ подвержены лести, ибо этот риск всегда имеет место, и низведены до удовлетворения лишь своих низменных инстинктов и следования лишь за самыми низменными целями, при условии полной свободы, – то наверняка действия их ни в коем случае не будут оправданы законами чести и разума. Не стоит стремиться к скорым поздравлениям, ибо они столь же скоро могут обернуться жалобами; ведь как отдельные люди, так и целые народы подвержены лести, и не стоит чрезмерно льстить им, поскольку – столь часто злоупотребляющие своей властью и силой – они могут направить их не в то русло, что уже станет преступлением со стороны льстеца.

Первым принципом республики должно стать: «Ни один человек или группа людей не имеют права на особенное специальное жалование из фондов сообщества, если при этом он или она не выполняют какое-либо особое поручение этого сообщества; в этом случае это жалование не должно переходить по наследству, будь то пост

в магистрате, суде или законодательном учреждении, равно как

и сам пост не может переходить по наследству». В этом положении – целый том Истины и мудрости, настоящий урок всем изучающим разные народы, все в одном предложении, сформулированном так, чтобы его мог понять любой. Если бы свирепый поток деспотизма залил мир и уничтожил все возможные институты, защищающие человеческие свободы, и вскоре о них полностью забыли бы, одного этого предложения, если бы только оно одно сохранилось из всего наследия демократии, хватило бы, чтобы вновь раздуть костер свободы и возродить расу свободных людей.

Но для того, чтобы сохранить свободу, нужно добавить еще вот что: «Свободное государство не назначает на должность в награду за что-либо, если, конечно, оно не ищет своего краха; наоборот, все государственные чиновники нанимаются государством с учетом их желания и способностей выполнять государственные поручения в будущем, при условии, что всегда и во всех случаях отбираются лучшие и наиболее способные».

Ибо если уж способ правления избран какой-либо другой, то наследственная передача власти ничем не хуже прочих способов. Но ни при каком ином способе правления невозможно сохранить все свободы государства. Ни при каком ином способе правления невозможно доверить законодательную власть только лишь тем, кто обладает врожденным талантом видеть несправедливость и зло, позволяющим обнаруживать коррупцию и низость в самых потаенных их проявлениях, этими нравственной смелостью, благородным мужеством и честолюбивой независимостью, которые позволяют им проливать дневной свет на все недостатки и призывать на них гнев и презрение всего мира. Эти качества никогда не бывают присущи льстецам. Наоборот, часто республики переживают такие времена, когда им, как Тиберию, становится мало одного Сеяна, им нужны тысячи; и в таком случае со временем во главе становятся люди, лишенные репутации, таланта государственных деятелей, способностей, необходимых знаний, – это простые партийные функционеры, обязанные своими должностями политическому трюкачеству и недостатку необходимой квалификации, не обладающие ни одним из качеств, умственных или душевных, которые характеризуют великую и мудрую личность, и в то же самое время буквально исполненные нетерпимости и низколобости, узкопартийных интересов и корысти. Они умирают – и мир не становится ни лучше, ни мудрее от того, что они сказали или сделали. Имена их

погружаются в бездонную пучину забвения, но злодеяния их разъедают тело государственной политики и наконец приводят к полному ее разрушению.

В общем и целом, политики в свободном государстве поверхностны, бессердечны и эгоистичны. Их патриотизм не идет дальше самовозвышения; с затаенной радостью взирают они на неудачи своего ближнего, пусть даже его талант и способности способны затмить их собственные, а его честная самоотверженность и неподкупность стоят на пути их эгоистичных вожделений. Все влияние мелких сошек всегда направлено против подобных великих личностей. Ведь доберись такая личность до власти – и она может остаться у кормила пожизненно. А ведь гораздо проще сместить такого же, как ты сам, и занять его место; и наконец наступают такие времена, когда ведущие посты в государстве занимают люди, не достойные самого незначительного места в самой маленькой конторе, а посредственность и неспособность ни к чему становятся пропусками к должностям.

Последствиями этого являются такие ситуации, когда, например, те, кто считает себя способным и квалифицированным для того, чтобы послужить народу, с отвращением отказываются вступать в борьбу за государственный пост, в которой порочная иезуитская стратегия, выраженная во фразе «Цель оправдывает средства», служит оправданием любой низости; те, кто ищет более высокого места в государственной структуре, не полагаются в своей борьбе на завоевания духа, на порывы сострадающей души, не побуждают народ к благородным, честным, героическим деяниям и мудрым и мужественным начинаниям, а наоборот, как спаниели, на задних лапах, молитвенно сложив передние, подпрыгивая на месте, льстят избирателям, унижаются и выпрашивают их голоса. Чем унижаться до такой степени, великие люди просто презрительно оглядывают весь этот вертеп со стороны, отказываясь служить народу и мотивируя свой отказ крылатой фразой, мол, «человечество не имеет права требовать от них службы ему, так, чтобы они при этом еще и не замечали его недостатков».

~

Плачевно наблюдать, как население целой страны распадается на отдельные партии, каждая из которых следует за или действительно великим или же просто напыщенным и ничтожным лидером в порыве слепого, неразумного и безраздельного поклонения; с презрением

честный человек смотрит, как народ распадается на мелкие фракции, единственной целью которых является отнять у народа его завоевания, а руководителями их становятся низменные, жестокие, корыстные и продажные политиканы. Эта страна находится на последней стадии разложения, и уже близок ее конец, как процветающе она бы при этом ни выглядела. Такую страну потрясают невидимые глазу извержения вулканов и землетрясения. Не вызывает сомнения тот факт, что никакое правительство не может управляться народом и во имя народа, если оно строжайшим образом не привержено тем основным принципам Разума, которые полагаются всеми ведущими и неизменными. Эти принципы должны стать проверкой и ориентирами для всех партийных программ, для всего народа, для всех предпринимаемых мер. Однажды утвержденные, они должны оставаться неизменными и применяться одинаково ко всем без исключения, так, чтобы каждый обязан был либо подчиниться этим правилам, либо открыто выступить против них. Человек может предать; принцип – не может. Одним из неизбежных последствий излишней веры тем, кто впоследствии оказывается предателями, является насилие; никогда к нему не приводило следование какому-либо верному, неизменному и справедливому принципу. Компромиссы, которые приводят к сомнениям в истинности таких фундаментальных принципов при стремлении объединить в рамках одной партии людей со взаимоисключающими взглядами, – это случаи подлога, которые ждет непременный крах, закономерное следствие и итог всякого подлога. Если вы определили, к какой принадлежите вере или точке зрения, не допускайте отклонений от них на практике, каких бы выгод они вам ни сулили. В этом – Слово Мастера. Не поступайтесь им ни в угоду лести, ни под действием силы! Не позволяйте преследованиям или неудачам отнять его у вас! Поверьте: тот, кто провалил общественное поручение один раз, провалит его и снова. Провалы так же фатальны, как преступления, а политическая близорукость не излечивается со временем. Среди народа всегда больше самозванцев, чем настоящих лидеров, лжепророков больше, чем пророков истинных, проповедников Ваала больше, чем проповедников Иеговы, а ассирийцы вечно грозят нападением Иерусалиму.

Саллюст говорит, что если государство уже разложилось под действием роскоши и праздности, оно, несмотря на все это, может устоять под тяжестью такого груза в силу одного лишь своего величия.

Но даже в то время, когда он писал эти слова, Рим, о котором он писал, уже наблюдал окончание своего призрачного маскарада Свободы. Но не только роскошь и праздность разрушают республики. Если они малы, то соседи уничтожают их, поглощая. Если чересчур велики – центробежные силы бывают слишком сильны, и они разрушаются, падая под собственной тяжестью. Их разрушают низменные амбиции маленьких людей. Стремление к ложным мудрствованиям в их высших эшелонах создает неудобные для народа законы. Свою роль играет непременно и узурпация власти; за ней следуют неспособность исполнять свои функции и коррупция, начинается социальная буря, и вскоре уже только мельчайшие частицы некогда могущественной республики усеивают прибрежный песок, запечатлевая на нем новый урок человечеству, которое снова не примет его к сведению.

Сорок седьмое положение Евклида старше Пифагора. Оно гласит: «В любом прямоугольном треугольнике сумма квадратов катетов равняется квадрату гипотенузы».

Квадрат некоторого числа есть продукт однократного умножения этого числа на самого себя. Таким образом, 4 – это квадрат двух, а 9 – трех.

Первые десять чисел это: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

Их квадраты: 1, 4, 9, 16, 25, 36, 49, 64, 81, 100.

Разность каждого из этих квадратов и предшествующего ему квадрата: 3, 5, 7, 9, 11, 13, 17, 19; в этот ряд входят священные числа 3, 5, 7 и 9.

В этом числовом ряду сумма квадратов 3 и 4 является квадратом 5, а сумма квадратов 6 и 8 – квадратом 10; и если построить прямоугольный треугольник, длина одного катета которого будет составлять 3 или 6 единиц, а другого – 4 или 8 единиц, то длина его гипотенузы будет равна 5 или 10 единицам; и если на каждой из сторон этого треугольника построить квадрат со стороной, равной этой стороне треугольника, а потом разделить его на меньшие квадраты со стороной в одну принятую единицу, то в квадрате, выстроенном на гипотенузе, будет столько же таких меньших квадратов, сколько в больших квадратах, выстроенных на катетах, вместе взятых.

Египтяне распределяли своих божеств по троицам, или Триадам: Отец, или Дух, или Активный Принцип, или Созидательная Сила;

Мать, или Материя, или пассивный принцип, или Зачинающая Сила; Сын, Результат или Продукт, Вселенная, порожденная двумя вышеупомянутыми принципами. Таковы были Осирис, Исида и Гор. Таким же точно образом Платон представляет нам Мысль – Отца, Примитивную Материю – Мать и Космос, или Мир – Сына, Вселенную Одушевленную. Такого же рода триады можно обнаружить и в Каббале.

Плутарх в своем труде "De Iside et Osiride"[6] утверждает: «Наилучшая и божественная природа состоит из трех компонентов: того, который есть чистый Интеллект, того, который есть Материя, и того, который есть продукт первых двух, иначе называемый греками Космосом»; Платон называет первый из этих компонентов, интеллектуальный, «идеей, примером или отцом», материальный – «материей, сиделкой и местом и средством для рождения и роста нового поколения», а «побег от этого двойного ствола, его порождение», Космос – «словом, обозначающим одновременно Красоту и Порядок, то есть саму Вселенную». Наверняка вы заметили, что Красоту воплощает Второй Страж на Юге. Далее Плутарх говорит, что египтяне сравнивали природу Вселенной с тем, что они называли прекрасным и совершенным треугольником, как и Платон, в частности, в той диаграмме генеалогического древа, которую он включил в свое «Государство». Затем он утверждает, что треугольник этот прямоугольный, а стороны его соотносятся как 3, 4 и 5, и он пишет: «Далее мы можем предположить, что один из катетов, вертикальный, должен олицетворять мужскую природу; второй, горизонтальный – женскую; а гипотенуза – продукт взаимодействия этих двух; таким образом, первый олицетворяет Осириса, или первопричину, второй – Исиду, или воспринимающую способность, а третья – Гора – или результат. Ибо 3 – это первое число, которое является продуктом сложения четного с нечетным; 4 – отображение квадрата со стороной, равной двум; но, с другой стороны, 5, как число, созданное из предстоящих ему чисел 2 и 3, может соотноситься с ними обоими как со своими родителями».

~

Руки, сомкнутые в рукопожатии, таким образом, являются пифагорейским символом. Он олицетворяет число 10, в котором содержатся все предыдущие числа; это число олицетворяется также мистическим Тетраксисом, который Пифагор, равно, как и древнеиудейские священники, позаимствовал из тайной науки египтян,

и который, по справедливости, должен быть восстановлен среди символов степени Мастера. Вот как формировали его иудеи, используя для этого литеры Священного Имени:

י	1	1+2=3	2+3+4=9
י ה	2	2+3=5	1+2+3+4=10
י ה י	3	3+4=7	
י ה י ה	4		

Таким образом, Тетраксис ведет нас не только к изучению пифагорейской философии, касающейся изучения чисел, но и к Каббале; он помогает нам в поисках Истинного Слова и понимании того, что содержится в термине «музыка сфер». Современная наука, что иногда просто поражает, постоянно подтверждает истинность учения Пифагора касательно чисел и того, что они управляют Вселенной. Природа еще задолго до его рождения нашла применение своим квадратам и квадратным корням.

~

Все силы, находящиеся в распоряжении человека, под его контролем или влиянием, суть его инструменты. Дружба и сочувствие, связывающие сердца, – такие же силы, как сила взаимного притяжения, формирующая твердую породу из песчинок. Если бы такая сила притяжения перестала существовать, все материальные миры и солнца исчезли бы, превратились бы в невидимый пар. Если бы узы дружбы, привязанности и любви перестали существовать, все человечество превратилось бы в бессмысленную толпу кровожадных хищников. Песок превращается в камень под постоянным воздействием давления покоя мирового океана, которому иногда помогает стихия огня; и точно так же, если над страной или существующим в ней порядком нависает опасность разрушения, члены сообщества объединяются под воздействием сил сочувствия, единения и взаимной зависимости.

Нравственность – тоже сила. Это магнетическое притяжение сердца к Истине и добродетели. Стрелка компаса, исполненная магической силы и неизменно нацеленная на Север, неустанно ведет морехода через изменчивые воды океана, сквозь бури и тьму, пока его благодарный взор не выхватывает из темноты благословенные огни маяка, приглашающие его в спокойную и тихую гавань. Сердца тех, кто любит его, радуются, оживляется его дом; и это счастье, и

эта радость – лишь результаты бессменной, неустанной и не требующей награды работы той стрелки, которая вела его по бурному морю. Но, с другой стороны, если он заплывает слишком далеко на Север, он знает, что показаниям стрелки больше нельзя верить, ибо она указывает куда угодно, только не на Север; и в этом случае какое чувство беспомощности схватывает несчастного морехода, какая безысходность! Сколь много он теряет мужества и энергии! Точно великие истины нравственности пали и более не истинны, точно они обрекают человеческую природу и человеческую душу на вольный дрейф, слепой, как путь Прометея, отдают ее на милость неверных подводных течений.

Честь и долг должны стать полярными звездами всех истинных масонов, теми Диоскурами, никогда не упуская из вида которых, можно избежать кораблекрушения. Именно следя за ними, Поликур, погрузившись в сон и не в состоянии далее управлять кораблем должным образом, был поглощен и утоплен ненасытным океаном. Так и масон, который теряет их из виду и более не управляем их благотворным и всесильным Светом, потерян и погружен во тьму, из которой не будет вызволен ни почестями, ни посмертными рыданиями.

Сила электричества, подобная силе сочувствия, с помощью которой самые низменные начинания, идеи людей, руководимых честью или бесчестием, неожиданно оказывают влияние на судьбы целых народов; сила роста; подходящий для нашего времени тип нравственности, вот уже три тысячи лет пребывающий с нами, подобно пшеничным семенам, похороненным вместе с мумиями древнего Египта; силы притяжения и отталкивания, развившиеся под воздействием землетрясений и вихрей и породившие превосходящие все ожидания силы пара, – все они имеют свои аналоги в силах нравственности, в законах каждой нации, во внутреннем устройстве каждого человека. Прекращение их действия есть начало разложения. Как и в случае с растениями, разложение народов так же неостановимо и необъяснимо. Землетрясения, которые разрушают государства, опрокидывают троны и захлестывают монархии и республики, точно лава извергнувшегося вулкана, революции имеют глубокие корни в прошлом. Вылившаяся в действие сила прямо пропорциональна степени ее сдерживаемости и подавляемости в прошлом. Настоящий государственный деятель должен видеть, к чему могут привести те обстоятельства, которые он

наблюдает в своей жизни, а тот, кто этого не видит, – лишь слепец, ведущий других слепцов.

Великие перемены в народах происходят так же медленно и постепенно, как геологические изменения в земной коре. Воды, ниспадающие с небес в форме дождей или росы, медленно, но верно разрушают гранитные скалы; они расширяют долины, оставляя пологие холмы памятниками себе, затопляют плоскогорья, наполняют моря и океаны, сужают или расширяют русла рек и потом, через сотни и сотни вяло текущих столетий, подготавливают почву для того цветка, снежно-белые лепестки которого раскроются вокруг семени, формой своей так напоминающего наш мир, распространение которого по лику земли будет в дальнейшем определять жизнь и благополучие всего живого на свете.

Таким же образом, и общественное мнение – это угрожающих размеров сила; и течения его так же непостоянны и не подчинены здравой логике, как течения атмосферы. Тем не менее, в свободном государстве в обязанности общественного деятеля должно входить распознавание общественного мнения, управление им и контроль над ним. Смотря по тому, как это исполняется, оно становится консервативным и благотворным или же разрушительным и вредоносным. В цивилизованном мире общественное мнение является международным законом; и это такая огромная сила, что, даже не имея неизменных и определенных границ, оно вполне способно заставить победоносного деспота стать великодушным, а притесняемому народу может помочь в его борьбе за независимость.

Привычка – тоже великая сила, это «вторая натура» даже у деревьев. Она так же сильна у целых народов, как у отдельного человека. То же можно сказать и о предрассудках, которыми все народы наделены в равной степени со страстями. Они – тоже сила; если их умело и мудро применять, то они становятся силой созидающей, если нет – разрушающей.

И превыше всего – любовь к своей стране, гордость за свое государство, любовь к своему дому, это самые великие силы. Поощряйте их. Настаивайте на их значении для каждого. Основой истинного патриотизма является постоянство дома. Нация иммигрантов вряд ли будет любить свою страну всем сердцем. Гордость своим государством останется лишь теорией или даже химерой, если народ постоянно переезжает из страны в страну, как, например, арабы, которые сегодня разобьют свой лагерь здесь, а завтра – там.

Если вы обладаете красноречием – это тоже великая сила. Следите, чтобы оно использовалось вами только ради благой цели, чтобы просвещать, развивать и совершенствовать людей, а не для того, чтобы указывать им ложный путь и развращать их. Развращенные и злонамеренные ораторы – это убийцы общественных свобод и общественной нравственности.

Воля – это тоже сила, и ее границы нам пока неизвестны. Воля может заставить нас видеть в человеке только духовное и божественное. Ведь действительно, воля человека, которая движет другими людьми, во многом напоминает нам Божественную созидающую Волю, которая непостижима для нашего разума. Именно люди воли и действия, а не люди одного лишь интеллекта, правят миром.

И наконец, три важнейшие нравственные силы – это Вера, которая есть единственная истинная Мудрость и единственная возможная основа любого правления; Надежда, которая есть Сила и которая приносит успех; и Великодушие, которое есть Красота и которое единственное из всех может сделать возможным совместное одухотворенное усилие. Эти силы доступны любому человеку; и содружество людей, проникшихся ими, обладает ни с чем не сравнимой властью над миром. Если у масонства этой власти не станет, значит, оно утратило свои силы.

Мудрость простого человека или государственного деятеля, короля или священника в огромной степени состоит в признании значения этих сил; и судьба народов зависит иногда всего лишь от признания или непризнания этого значения. Судьбы скольких миллионов людей зависят зачастую всего лишь от неучета или недостаточного учета силы идеи, например, идеи преданности флагу или слепого почтения по отношению к Конституции или правительству!

Какие ошибки в политической экономии или государственной деятельности совершаются вследствие переоценки или недооценки каких-либо отдельных идеологических величин или непринятия их во внимание! Все созданное человеком является результатом его труда; это аксиома; но многое таковым является не полностью, например, принимая во внимание значение в том или ином процессе солнечного света или дождя, без участия которых весь труд ни к чему не привел бы. Коммерция, осуществляемая человеком, прибавляет ценности продукту земли, шахты или мастерской, которые

транспортируются на рынки; но какая часть этой прибавочной стоимости может быть отнесена на счет реки, по которой транспортируются эти продукты, или на счет ветра, который раздувает паруса коммерции в ее стремительном пути через океан?

Кто сможет оценить стоимость нравственности и мужества в государстве, стоимость чести и знания? А это и есть солнечный свет и дожди государства. Ветры с их изменчивыми, неверными и непредсказуемыми воздушными потоками – это довольно емкое отображение настроений населения, его страстей, героических импульсов, энтузиазма. Горе тому государственному деятелю, который не придает им значения!

Иногда неоценимое значение приобретают даже музыка и песня. Для каждой нации представляет собой истинную и доказанную ценность некая песня, и эту ценность легче выразить в человеческих жизнях, чем в долларах. Сколько тысяч жизней стоила, например, Франции «Марсельеза»?

Мир является важнейшим слагаемым благополучия и благосостояния, и он совершенно бесценен. Общественное взаимодействие и сотрудничество людей, протекающие должным порядком, обладают ценностью, которую тоже не выразить в деньгах. Положительные примеры из прошлого народа, воспоминания и бессмертные мысли его великих и мудрых мыслителей, государственных деятелей и героев – это неоценимое наследие Прошлого, которое оно оставляет Настоящему и Будущему. Но одновременно с этим все перечисленное выше имеет ценность не только возвышенную, нравственную и неизмеримую, но и реальную, могущую быть выраженной в деньгах, ибо только в сотрудничестве с этими силами, при их поддержке и помощи, человеческий труд может создавать материальное благополучие. Эти силы – основной элемент материального благосостояния, равно как и национального мужества, героизма, славы, процветания и бессмертия.

~

Провидение создало три величайших института Армии, Монархии и Духовенства, символами которых можно назвать Шатер (Скинию), Дворец и Храм и с помощью которых оно намеревается способствовать развитию масс в направлении разумного и осмысленного решения всех проблем и достижения всех целей общества. Конечным результатом должно явиться создание среди людей свободных правительств; но пока создание таких правительств невозможно по

причине невежественности людей. Человек продвигается вперед медленно и постепенно. Избавление от гнетущего произвола придает смелости для избавления от прочих зол, делая людей более чувствительными к ним, по крайней мере, на первое время. Рабы, стонущие под бичом надсмотрщика, не задумываются о своих политических правах; избавившись же от оков личного рабства, они становятся чувствительны к политическому притеснению. Освобожденные от абсолютной власти и управляемые с тех пор одним лишь законом, они начинают пристально изучать сами законы и начинают выражать желание, чтобы ими управлял не просто закон, а такой закон, который они бы сочли наилучшим из существующих. А когда гражданский деспотизм исчезает, а государственный закон претерпевает изменения в духе просвещенной юриспруденции, они могут неожиданно придти к выводу, что все же они живут под гнетом деспотизма, на этот раз церковного, и начинают испытывать желание провести реформу и в этой сфере.

Правда, что развитие гуманизма также протекает весьма медленно, со многими остановками и отступлениями вспять. В земных монархиях нам нечасто приходится видеть, как деспотические режимы сдаются, уступая место самоуправляемым народным сообществам. Нечасто видим мы и как церкви христианского мира ратуют за избавление народов от этого ярма. Не видим мы и великих Учителей веры, которые задались бы целью открыть Истину для себя и для других; скорее, они продолжают править миром и удовлетворены этим правлением, и принуждаются к нему какой-либо неоспоримой, с их точки зрения, догмой; и они так же связаны этой необходимостью править, как народы – необходимостью быть управляемыми. Бедность в самых плачевных ее проявлениях до сих пор встречается в самых крупных городах. Раковая опухоль бедности зарождается в самой структуре монархии. Люди в ней не знают меры в своих желаниях и собственных сил – в их удовлетворении: они живут и множатся, как трава в поле. И Провидение более не интересует их судьба. Разум более не посещает их, а если как-то и проявляется, то лишь в достижении какой-нибудь новой стадии падения. Войны не прекращаются: обязательно в любой момент где-нибудь да идет сражение или осада крепости. Счастья нет ни в одном доме, и слезы, гнев и пагубные страсти насаждают Ад там, где должен был быть Рай. Тем более необходимо здесь масонство! Тем шире поле его возможной деятельности! Тем яснее

необходимость для него быть верным самому себе, возродиться и обновленным очнуться от своего летаргического сна, покаяться в своих грехах ради своей истинной веры!

Без всякого сомнения, труд, смерть и страсть к воспроизводству – это основные и неизменные условия человеческого существования, и из-за них совершенство и бессмертие на Земле становятся невозможны. Всегда – и это приговор Судьбы! – подавляющее большинство людей вынуждено трудом добывать себе средства к существованию, вследствие чего они не могут найти времени совершенствовать и развивать свой разум. Человек, знающий, что ему суждено умереть, не пожертвует уже существующими радостями ради, возможно, гораздо больших радостей в призрачном будущем. Не исчезнет никогда и любовь к женщине; наоборот, развитие ее ужасно и непредсказуемо, тем более, что оно прогрессирует вместе с общим ростом утонченности цивилизации. Женщина – это истинная сирена и богиня Юности. Но общество можно усовершенствовать; и для государств вполне возможно свободное правление; и свободы слова, мысли и совести давно уже не являются совершенной утопией. Уже сейчас мы видим, что некоторые императоры предпочитают быть избранными всеобщим голосованием; что путем голосования государство может решить стать империей; что эти империи отчасти пронизаны республиканским духом, являясь не чем иным, как демократическими режимами, возглавляемыми одним человеком, одним представителем, заменяющим собой собрание представителей. И если где-то еще сохранились теократии, то их главам приходится все чаще признавать необходимость доказать, в споре или силой, что они могут и должны править. Чаще всего они стараются все же уничтожить сами истоки того вопроса, на который им приходится отвечать.

Таким же образом, день ото дня становятся все более свободными и сами люди, поскольку личная свобода человека заключена в самой структуре его разума. Он может иметь собственные воззрения относительно своего будущего, своих поступков и их возможных последствий; он может обозревать жизнь окружающих и выводить правила, которыми они должны пользоваться в дальнейшем как руководством к действию. Так он избавляется от тирании чувств и страстей, оказываясь наконец в состоянии жить в соответствии со всем существующим внутри него запасом света разума, вместо того, чтобы отдаваться на волю любого неосмысленного, чувственного импульса, точно сухой лист, несущийся по воле ветра. Вот что

представляет собой личная свобода человека в преломлении к необходимости, накладываемой на него всемогуществом и провидением Господа. Сколько света – столько и свободы. Если император или Церковь решают обратиться к голосу Разума, то это непременно приводит ко всеобщему избирательному праву.

Следовательно, никому не следует терять мужество или думать, что труд на благо прогресса – это труд впустую. В природе сохраняется все: материя, сила, действие или мысль. Мысль настолько же есть конец жизни, насколько и действие; и одна-единственная мысль может привести иногда к большим результатам, нежели целые революции, например, к самой революции. Но, тем не менее, между словом, мыслью и делом не должно быть расхождений. Истинная мысль есть средоточение и кульминация жизни. Но все истинные и мудрые мысли приводят к действию. Они продуктивны, как свет; и свет, и набегающая тьма внезапной тучи на горизонте – это дары пророков своему народу. Знание, трудолюбиво собранное воедино, отражающее течение продуктивной мысли – течение по спирали – не плавает на поверхности, увеличивая число тружеников, нельзя его добиться. Большинство людей достигает только его поверхностного слоя. Оно не сравнимо с обычными, тривиальными проявлениями жизни. Целый мир ошибок и труда едва ли создал хотя бы одного мыслящего человека. В большинстве развитых народов Европы преобладают невежественные люди. Они преобладают над мудрыми, богатые – гораздо малочисленнее бедных. Там всегда больше тружеников, которые работают механически, по давней привычке, чем разумных и думающих людей. Эта пропорция обычно составляет приблизительно тысячу к одному. Результатом такого положения вещей чаще всего становится отсутствие возможностей, приводящее к исчезновению собственного мнения. Эти общества делятся на недумающее большинство и мыслящее меньшинство – узкую группу людей, которые думают за большинство, а также как им управлять и куда направлять. Как только люди начинают думать, между ними возникают различия. Величайшая проблема тогда состоит в том, чтобы найти тех лидеров, кто вел бы народ, но при этом не искал бы возможности стать тираном. Это нужно даже скорее сердцу, нежели уму. Теперь каждый человек получает свою долю продуктов общественного труда путем утайки, махинаций и обмана. Полезные знания, полученные достойным образом, слишком часто используются недостаточно разумным и честным путем, так что учеба

юных зачастую гораздо честнее и полезнее практической деятельности зрелых людей. Работа фермера в поле, благодарность земли в ее плодах, непредсказуемость и гнев Небес – все это постепенно делает человека честным, благодарным и объективным; с другой стороны, навыки, полученные на рынке, делают его сварливым, завистливым, хитрым и нетерпимым махинатором.

Масонство ищет возможности стать таким несущим благо, непредвзятым и неамбициозным лидером; а условием существования любого общественного института должно стать такое состояние, когда в какой-нибудь его части в любой момент обязательно слышно шуршание хоть одного мастерка, стук хоть одного молотка. С верой в человека, надеждой на будущее человечества, любовью и добротой к ближнему должны быть всегда дружны масонство как организация и каждый масон в отдельности. Пусть каждый делает то, что он лучше всего умеет. Учитель – это тоже работник. Как хороший лоцман, достоин высшей похвалы тот, кто постоянно передвигается по обществу, научая одну группу людей знаниям и опыту другой, посвящая их в таинства друг друга; и тот, кто воплощает в себе знания всех этих групп и держит в руках факел, служащий обществу маяком, – тоже на своем месте.

Масонство уже способствовало свержению с пьедесталов нескольких идолов и растолкло в мельчайшую пыль некоторые звенья цепи, опутывающей человеческую душу. Определенный прогресс уже имеет место, и какие еще доказательства этого нужны, если уже сейчас можно в чем-то убеждать человека, заставлять его что-то сделать без всякого риска быть растерзанным или, например, сожженным; если никакая доктрина не может быть принята как истина в последней инстанции, если она противоречит какой-либо другой доктрине, данной нам Господом. Задолго до Реформации один монах, который нашел свою дорогу к ереси без помощи Мартина Лютера, не смея даже прошептать на ухо ни одному человеку на свете свои несмелые антипапистские идеи, записал их на пергаменте и, запечатав этот ужасный, с его точки зрения, свиток, спрятал его в толстенной стене монастыря. Не было у него друга или брата, которому он мог бы высказать эти идеи или просто излить душу. Лишь небольшим облегчением было для него мысль о том, что в далеком будущем кто-то, возможно, обнаружит этот пергамент, и посеянное им семя не пропадет даром. Что если истине суждено так же долго пролежать в забвении в ожидании того, кто

обнаружит ее, как пшеничному зерну в саркофаге египетской мумии? Но все равно, высказывайте ее снова и снова, и пусть не сразу, но это зерно взойдет!

Иерихонская роза растет в песках аравийской пустыри и на крышах домов в Сирии. Не более шести дюймов в высоту, она после цветения теряет свои лепестки и ссыхается, приобретая форму шара. Затем этот шар срывает ветром, и он несется, перекатываясь и подпрыгивая, через пустыню к морю. В воде, как будто почувствовав контраст стихий океана и песчаной пустыни, этот шар раскрывается, разворачивает лепестки сердцевины и выпускает на волю семена. Семена, насыщенные водой, течение влечет вперед и выносит на побережье. Многие погибают, как многие и из людских жизней оказываются прожитыми впустую. Но многие и уносятся снова на крыльях ветра обратно, в пустыню, где они, живущие за счет впитавшейся в них воды океана, пускают корни, прорастают и превращаются в полноценное растение, которое, как и его предок, будет в свое время унесено из пустыни в океан. Господь не может быть менее предусмотрителен в вопросе, касающемся возрождения Истины, в этом можно быть совершенно уверенными. «Отпускай, – говорит Он, – хлеб свой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его».[7]

Посвящение не изменяет человека: так было в веках, так повторяется снова и снова и сейчас. Последние ученики Мартинеса де Паскуалли – все те же ученики Орфея; но они поклоняются тому, что возродило на практике античную философию, Воплощенному Слову христиан.

Пифагор, великий первооткрыватель философии чисел, посетил все святилища мира. Он посетил в свое время Иудею, где решился пройти обряд обрезания для того, чтобы быть допущенным к тайнам Каббалы, которые затем сообщили ему, пусть и слегка нехотя, пророки Иезекииль и Даниил. Потом он не без труда обрел доступ к посвящению в таинства Египта, по рекомендации Царя Амазиса. Сила его гения довела до совершенства недостаточно полное и всеобъемлющее учение Иерофантов, и сам он стал Мастером и Пророком.

Пифагор дал следующее определение Бога: «Живая и Абсолютная Истина в облачении из Света».

Он сказал, что Слово есть число, выраженное в форме.

Он заставил всех отойти от Тетраксиса, то есть четверичного счисления.

Бог, по еще одному его определению, – это «Высшая Музыка, природа которой есть Гармония».

Пифагор заповедал городскому совету Кротона великий религиозный, политический и общественный закон: «Нет такого зла, которое нельзя было бы предпочесть анархии».

Пифагор говорил: «Как существуют три божественных понятия и три разумных религии, так же тройственен и мир, поскольку Иерархический Порядок всегда проявляет себя в триадах. Есть мир простой, мир иероглифический и мир символический; другими словами, есть три слова: слово простое, иероглифическое и символическое, то есть слово, которое обозначает; весь священный разум состоит в совершенном знании этих трех степеней».

Пифагор облекал свое учение символами, но тщательно избегал олицетворений и образов, которые, по его мнению, рано или поздно приводят к идолопоклонству.

Священная Каббала, или традиции детей Сета, была принесена в Халдею Авраамом; Иосиф обучил ей священство Египта; затем ее возродил и усовершенствовал Моисей, скрыв ее за символами Библии; далее Спаситель открыл ее Св. Иоанну, который всю ее сохранил в виде иератических[8] картин «Апокалипсиса».

Каббалисты полагали Бога Разумной, Живой и Дарующей Жизнь Бесконечностью. По их мнению, Он – не существо, объединяющее в себе всех существ, и не абстрактное существо, и не существо, поддающееся философскому определению. Он во всем отличен от всего и величественнее всего. Даже Имя Его непроизносимо; и все равно это Имя всего лишь выражает человеческое понимание Его божественности. Что есть Бог Сам по Себе, человечеству не дано понять.

Бог есть абсолют Веры; а абсолютом Разума является Бытие, יהוה. «Я есмь Тот, Кто Есть; Я есмь Сущий» – так это можно грубо перевести.

Бытие, Существование есть само по себе и обусловлено тем, что оно есть. Причина Бытия в самом Бытии. Мы можем задаться вопросом: «Почему нечто существует?», то есть «Почему существует та или иная вещь?». Но мы не можем, не скатываясь в пропасть абсурда, спросить: «Почему есть бытие?». Это означало бы предположить существование бытия до самого бытия. Если бы у бытия была причина, эта причина, несомненно, была бы; следовательно, причина и следствие совпадают.

Разум и наука показывают нам, что Существование и Бытие находятся в равновесии вследствие гармонических и иерархических законов. Однако иерархическая пирамида, по мере восхождения по ней, постепенно сужается, становясь все более и более монархической по своей сути. Но разум не может позволить себе остановиться ни на одной из ступеней, ибо он постоянно помнит о тех безднах, которые открываются даже над самой вершиной этой пирамиды. Таким образом, все остается в равновесии, и разум может иногда уступить место вере, пред которой преклоняется.

С другой стороны, ни у разума, ни у науки не вызывает сомнения то, что идея Бога – величайшая, святейшая и полезнейшая из всех людских идей, что на этой идее основана вся человеческая нравственность со всеми ее выводами. Эта вера в человечестве есть, таким образом, самое явное проявление Бытия; и если бы она была ложной, природа подтвердила бы истинность абсурда; великое Ничто сформировало бы всю жизнь во Вселенной, а Бог в одно и то же время был бы и не был бы.

Именно этой философской и бесспорной реальности, которая определяется как Идея Бога, Каббала и дает Имя. В этом Имени содержатся все прочие. Его тайна скрывает в себе все числа, а иероглифы его выражают все законы природы и вообще все сущее.

Бытие есть Бытие; причина Бытия – в Бытии; в начале его – Слово, а логически оформленное Слово, в свою очередь, формирует Речь, то есть изреченный Разум; Слово – у Бога, оно – Сам Бог, выраженный в Разуме. Эти положения стоят над всеми философиями мира. В это мы должны верить под угрозой никогда и ничего не узнать по правде, но наоборот, впасть в абсурдный скептицизм Пиррона. Духовенство, опекающее веру, покоится на этом основном знании, и в его учениях мы должны распознать Божественный Принцип Предвечного Слова.

Свет не есть Дух, как в то верили иерофанты Индии; это только орудие Духа. Это не тело протопластов, как верили теурги Александрийской школы, а первая физическая ипостась Божественного Откровения. Господь постоянно творит его, а человек, созданный по Его образу и подобию, постоянно изменяет, возможно, меняясь при этом сам.

Высокая магия определяется как «Жреческое Искусство», или «Царственное Искусство». В Египте, Греции и Риме она не могла не подвергаться воздействию всех разлагающих низостей, которые

процветали среди жреческого и царского сословий. Любая философия, негативно настроенная по отношению к объектам народного поклонения и Мистериям этого народа, была настроена негативно и по отношению к высоким политическим силам, которые теряют свое величие, если в глазах масс более не походят на воплощение Божественной Власти. Любая корона разбивается при столкновении с тиарой.

Платон в письме к Дионисию Младшему о природе Первого принципа говорит: «Я вынужден писать тебе загадками, чтобы в том случае, если письмо мое будет перехвачено на суше или на море, тот, кто прочтет его, ничего бы не понял в нем». И далее: «Царя окружает множество вещей; они зависят от него, и он один является причиной существования добра, второе – вторым, третье – третьим».

В этих нескольких словах – обобщение всей теологии сефирот. «Царь» – это Эйн-Соф, Верховное и Абсолютное Существо. Из этого центра, который везде, лучами распространяется все сущее; а мы, в частности, поглощаем все это тремя способами в трех главных сферах. В Божественном мире (Ацилут), мире Первопричины, все многообразие вещей в самом начале существовало в Единстве, чтобы затем в течение Вечности распространяться под покровом Формы, приобретая за счет определенных приобретаемых признаков образ Материи; Первый Принцип – Первый и Единственный – это Первое и Единственное, хоть и не Само Беспредельное Божество, неопределяемое, непостижимое; но Само Оно проявляет Себя в Творческой Мысли. Вот пример сравнения ничтожества с бесконечностью: Аркрайт как изобретатель прядильного станка, а не человек Аркрайт в противовес этому образу и превыше него. Все, что мы можем узнать о Самом Божестве в сравнении с Его полным образом, – это всего лишь мельчайшая частица целого в сравнении с бесконечностью этих целых.

В Мире Созидания, мире Вторых Причин (Бриа), автократия Первого Принципа тоже полная, но мы поглощаем его только под действием причин второго порядка. Здесь Он существует в виде диад и является пассивным Созидательным Принципом. И наконец, в третьем мире (Йецира, или Формирования) Он реализуется в совершенной форме, в Форме Форм, форме Мира, Высшей Красоты и Превосходства, Созидательного Совершенства. Таким образом, этот принцип в одно и то же время является и первым, и вторым, и третьим, поскольку Он – это Всё во Всём, Центр и Причина всего. И здесь мы

преклоняемся не только и не столько пред гением Платона, сколько пред узнанными в его словах знаниями посвященного.

Величайший из апостолов Св. Иоанн не позаимствовал начальные строки своего Евангелия из философской концепции Платона. Напротив, Платон пил нектар познания из тех же источников, что и Св. Иоанн и Филон; Иоанн же в начальных строках своего повествования утверждает главнейшие принципы учения, знакомого и принятого многими школами, однако язык его напоминает язык Филона, с трудами которого он, очевидно, был знаком. Философия Платона, величайшего из первооткрывателей мира, могла только стремиться к созданию образа человека, порожденного Словом; и только Евангелие смогло дать его миру.

Сомнение в присутствии Существа во всей Его гармонии; скептицизм при наличии вечной математики и нерушимых законов Жизни, которые делают Существо вечным и вездесущим, точно так же, как человек везде виден по его словам и поступкам, – не самое ли это глупое и безрассудное, не самое ли непростительное и опасное преступление? Мысль, как нам известно, – это не последствие самоорганизации материи, не какая-нибудь химическая реакция, протекающая между ее частицами, как, например, вскипание воды или взрыв газа. Наоборот, тот факт, что мысль реализуется в действии человеческом или Божественном, доказывает существование мыслящего Субъекта или Совокупности субъектов. Таким образом, Вселенная – это бесконечная Производная от одной из бесконечного множества бесконечных мыслей, которые не могут не проистекать от Бесконечного Мыслящего Источника. Причина всегда, по крайней мере, равняется результату; материя неспособна мыслить, она, таким образом, не может служить причиной для самой себя или существовать без причины; ничто не в состоянии само по себе производить силы или вещи, поскольку в пустоте не может содержаться никаких потенциальных сил. Допустите существование Силы, существующей сама по себе, и придется признать также и существование ее Разума или Разумной Причины – и мы опять приходим к выводу, что Бог Существует.

Иудейская аллегория падения человека, являющаяся одним из вариантов всемирной легенды, символизирует собой одну из величайших и наиболее признанных в мире аллегорий Науки.

Нравственное зло – это ложь в действиях, точно так же, как ложь в словах есть преступление.

Несправедливость – это концентрированная ложь, а значит каждое лживое слово есть несправедливость.

Несправедливость – это смерть нравственного существа, точно так же, как ложь – это яд для разума.

Восприятие Света – это заря Вечной Жизни, жизни во Существе. Слово Господне, сотворившее Свет, может быть продуктом деятельности любого разума, который способен видеть и осознавать формы. «Да будет Свет!» Свет существует в форме сияния, но только для тех глаз, которые взирают на него; а душа, находящая истинное наслаждение в зрелище благодати Вселенной и обращающая внимание на сияющие писания Бесконечной Книги, которая носит название «Зримое», произносит рано или поздно, как это сделал Господь на заре первого дня Творения, высшие созидательные слова: «Да будет Свет!».

Не под могильным камнем, а в самой жизни следует нам искать посвящения в Мистерии Смерти. Спасение и возрождение начинаются здесь, внизу, и в земном мире тоже существуют свой Рай и свой Ад. Всегда, даже в этом мире, добродетель бывает вознаграждена; всегда, даже в этом мире, зло бывает наказано; и только то заставляет нас иногда уверовать в безнаказанность порочных людей, что богатство, это орудие добра и зла, иногда по воле рока попадает в их руки. Но горе несправедливому человеку, если в его руки попадает золотой ключ! Ему он откроет только лишь врата могилы и Ада!

Все истинные посвященные признавали необходимость и пользу тяжкого труда и горя. «Горе, – сказал великий немецкий поэт, – это пес неведомого пастыря, управляющий людским стадом». Наука страданий, наука смерти – это наука Вечности, вечное послушничество.

Аллегорическое изображение Кибелы времен Платона, впоследствии отраженное в «Божественной Комедии» Данте, описание которого сохранилось до наших дней, что заставило живописцев Средних веков неоднократно пытаться восстановить его по этому описанию, – это памятник одновременно философский и магический. Это наиболее полный нравственный синтез и в то же время самое яркое из всех когда бы то ни было созданных изображений Великого Аркана, тайны, раскрытие которой перевернет Небеса и Землю. Да не ждут от нас того, чтобы мы растолковали здесь эти образы! Тот, кто проникает за покровы, скрывающие тайну, должен осознавать, что по самой своей природе она нераскрываема и что

смерть будет расплатой тому, кто по воле случая получит в свои руки разгадку одновременно со смертью самой тайны.

Эта тайна – в возвышенности мудрецов, в венце посвященного, который с честью и победой снова поднимается на землю из пещер или, наоборот, спускается с горних высей испытаний, как об этом повествует аллегория Кибелы. Великий Аркан делает посвященного Мастером, владыкой золота и света, которые суть одно и то же, по своей сущности, поскольку он решил задачу квадратуры круга; это он управляет вечным движением, и это в его владении находится Философский камень. Здесь адепты поймут нас. В работе Природы не бывает перерыва, в результатах ее труда нет упущений. Гармонии Небес соотносятся с гармониями Земли, и Вечная Жизнь протекает в соответствии с теми же законами, что и жизнь простой собаки. «И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их»,[9] – гласит Библия, и это та же блестящая мысль, что и у Платона.

У человечества никогда в действительности не было одной религии и всеобщей традиции поклонения одному и тому же. Этот вселенский Свет мог также производить призрачные миражи, создавать обманчивые отражения и тени; но и после ночи Заблуждения мы видим, как он появляется снова, единый и чистый, как Солнце.

Великолепие богослужения – это жизнь религии, и если Христу были нужны нищие проповедники, то Его Верховная Божественная Сущность не обязана принимать подношения с деревянных алтарей. Некоторые протестанты не понимают, что богослужение учит, что мы не должны способствовать складыванию в умах масс образа Господа униженного; молельные дома, напоминающие бедно меблированные гостиничные конторы, достойные пастыри, одетые, как нищие нотариусы или банковские клерки… неужели не очевидно, что они провоцируют массы на отношение к религии как к простой пуританской формальности, а к Господу – как к мировому судье?!

Мы смеемся над авгурами. Но смеяться так просто, и так сложно понять. Неужели Господь оставил во тьме на две тысячи лет весь мир, чтобы даровать Свет только лишь одному району Палестины и только лишь одному грубому, жестокому, невежественному и неблагодарному племени? Почему мы всегда клевещем на Господа и святыни? Неужели среди священников нет никого, кроме проходимцев? Неужели нельзя найти честных и достойных людей среди иерофантов Цереры и Дианы, Диониса и Аполлона, Гермеса и Митры?

Или они все были обмануты, как, впрочем, и все остальные? Кто в таком случае постоянно держал их в неведении в течение многих и многих веков, ничем не выдавая себя? Даже величайшие лгуны не бессмертны. Арагон говорит, что за пределами чистой математики тот, кто произносит слово «невозможно», наверняка либо лжет, либо просто глуп.

Истинное имя Сатаны, по мысли каббалистов, – это перевернутое имя Яхве, ибо Сатана – не черный бог. Он – отрицание Бога. Дьявол есть олицетворение атеизма или язычества.

Для посвященных это не Личность, созданная ради добра, но могущая быть повернута и во зло. Это орудие Свободы, или Доброй Воли. Они персонифицируют эту Силу, которая управляет физическим созиданием, принимая мифологизированную рогатую форму бога Пана; отсюда происходят и образ козла на шабаше, брата Древнего Змея, и образ Светоносца или Фосфора, который поэты превратили в образ легендарного Люцифера.

Золото для посвященных – это сконденсированный Свет. Они называют священные числа Каббалы «золотыми числами», а нравственное учение Пифагора – «золотыми стихами». По той же причине таинственная книга Апулея, одним из главных действующих лиц в которой является осел, носит название «Золотой осел».

Язычники в свое время обвиняли христиан в том, что те якобы поклоняются ослу, и это обвинение не было выдумано ими, оно пришло от самаритянских иудеев, которые, анализируя Каббалу с помощью символов Древнего Египта для выяснения природы Божественного, представляли, например, Разум в виде Волшебной Звезды, которой поклонялись под именем Ремфан, Науку – в виде бога Анубиса, имя которого они изменили на «Ниббаш», а свою грубую веру, или, скорее, суеверие – в виде Тартака, бога, изображаемого в окружении книги, плаща и ослиной головы. По мнению самаритянских книжников, христианство – это главенство Тартака, слепая Вера и грубые суеверия, превращенные в догму и возвышенные до уровня вселенского оракула, предпочитаемые Разуму и Науке.

Синезий, епископ времен Птолемеев, один из величайших каббалистов, человек передовых для своего времени взглядов, писал: «Человечество всегда будет смеяться над тем, что легко понять; ему просто необходимы самозванцы».

«Дух, – продолжает он, – который любит мудрость и познает близкую ему Истину, вынужден скрывать ее, чтобы толпа приняла ее…

Людям необходимы ложные измышления, ибо Истина становится смертельной для тех, кто недостаточно стоек, чтобы принять ее во всем ее великолепии. Если бы священнические законы разрешали сдержанность суждений и использование словесных аллегорий, я принял бы эту предложенную честь с тем условием, чтобы я мог быть философом дома, а вне него – певцом апологий и иносказаний… честно говоря, что вообще может быть общего между невежественной толпой и высшей мудростью? Истина должна содержаться в тайне, и массы должны получать такое учение, которое было бы пропорционально степени несовершенства их разума».

Нравственные расстройства приводят к физическому уродству, что оправдывает изображение тех ужасных ликов, которые по традиции приписываются демонам.

Первые друиды были истинными детьми магов, и их инициатические традиции пришли к ним из древнего Египта и Халдеи, то есть из источников той самой первой, примитивной Каббалы. Они почитали Троицу под именами Иси или Иисус (Хесус), Высшая Гармония; Белен или Бэл, что по-ассирийски означало «Господь», имя, соответствующее иудейскому Адонай; и Камул, или Камел, имя, которое, по Каббале, означает Божественную Справедливость. Под треугольником Света они подразумевали существование Божественного отражения, также состоящего из трех лучей, олицетворяемых Теутатесом или Теутом, тем, что у египтян было известно под именем Тот, то есть Словом, или Высказанным и Оформленным Разумом; а также Силой и Красотой; эти имена и их эмблемы варьировались. И наконец, они венчали священную седмицу таинственным образом, который обозначал развитие учения и его будущие воплощения. Это была юная девушка под покрывалом, держащая в руках дитя; они посвящали этот образ «деве, которая становится матерью» – Virgini parituræ.

Герта или Верта, юная Исида галлов, Небесная Царица, Дева, которой суждено понести во чреве, держала в руках веретено Судьбы с намотанной на него наполовину черной и наполовину белой шерстью, поскольку она должна была управлять всеми символами и всеми формами жизни, сплетая из нитей одеяния идей.

Один из самых таинственных пентаклей Каббалы, содержащийся в «Энхиридионе» Льва III, представляет собой равносторонний треугольник, вписанный в двойной круг. В треугольник вписаны так, чтобы образовать мистическое Тау древних пророков, два

древнееврейских слова, которые так часто бывают соотносимы, как мы видим, с Неизрекаемым Именем: אלהים и צבאות – «Элохайим», или Власть, и «Цаваот»,[10] или Небесное воинство и управляющие им духи; слова эти также означают равновесие сил Природы и Гармонию чисел. Трем же сторонам этого треугольника принадлежат три великих Имени: יהוה, אדני и אגלא – «Яхаве», «Адонай» и «Агла». Над первым из них по-латыни написано "Formatio", над вторым – "Reformatio", а над третьим – "Transformatio". Таким образом, созидание приписывается Отцу, спасение и преобразование – Сыну, а освещение и переход – Духу Святому, одновременно отвечая трем основным математическим законам – Действия, Противодействия и Равновесия. Яхве – это также Созидание или Формирование Идеи, по элементарному значению четырех литер Тетраграмматона; Адонай – реализация этой Идеи в форме человека, в видимом Господе, который есть Сын Божий или Совершенный Человек; а Агла[11] отражает синтез Идеи и всей каббалистической науки, ясно обозначая иероглифами, с помощью которых создано это божественное имя, Тройную Тайну Великого Делания.

Масонство, как все религии, как все Мистерии, как герметизм и алхимия, скрывает свои тайны от всех, кроме адептов и мудрецов, или Избранных, а также пользуется ложными толкованиями и неверными объяснениями своих символов для того, чтобы направить по ложному пути всех тех, кто заслуживает только того, чтобы быть направленными по ложному пути; чтобы скрыть от них Истину, которую оно называет Светом, чтобы направить их в противоположную от нее сторону. Истина не предназначена для тех, кто недостоин или не в силах обладать ей, для тех, кто извратит ее. Так и Господь лишает некоторых людей возможности различать цвета посредством болезни Дальтона; так же Он уводит массы в сторону от высочайших Истин, давая им власть только обладать таким объемом знаний, который кажется Ему полезным для них. В каждом веке существовала религия, точно специально приспособленная под его возможности.

Учителя, даже в христианстве, в основном в наименьшей степени обладают истинным знанием о том, чему они учат. Ни об одной книге в мире не известно меньше, чем о Библии. Для большинства читателей она не понятнее Книги Зогар.

Вот масонство и оберегает ревниво свои тайны и целенаправленно уводит в сторону от них своих суеверных «исследователей».

Нет в мире зрелища более жалкого и в то же время смешного, чем зрелище Престонов и Уэббов, не говоря уже о позднейших воплощениях Скуки и Серости, предпринимающих попытки «объяснить» древние символы масонства, прибавляя к ним свои измышления, чтобы «улучшить» их, и даже выдумывая новые.

Точку в центе круга, вписанного, в свою очередь, между двумя параллельными прямыми, чисто каббалистическую фигуру, эти люди снабдили еще и Библией, и даже прибавили к последней ведущую к ней лестницу с тремя и десятью ступеньками, не укоснив дать потом такое полное и абсурдное истолкование всего вместе взятого, что это даже вызывает своего рода восхищение.

Lodge of Perfection

Ложа Усовершенствования

Secret Master

4

Тайный Мастер

Масонство – это исследование последовательности аллегорий, верных средств постижения нравственности и философии. Вы все более и более полно будете ценить его дух, его предмет, его цели по мере того, как будете проходить различные степени посвящения, которые, как вы непременно обнаружите, составляют величайшую, полную и гармоничную систему.

Если же вы разочарованы первыми тремя градусами в той форме, в которой вы были посвящены в них, и если вам показалось, что вы ожидали большего, нежели вам было предложено пройти, что нравственные уроки не новы, что научные объяснения рудиментарны, что символы истолкованы недостаточно полно, помните, что церемонии и уроки этих степеней с течением веков все упрощались и упрощались путем сокращения и частого повторения, приспособления к памяти и способностям Досточтимых Мастеров и Ораторов, а также к способностям Учеников и кандидатов; что эти уроки и церемонии дошли до нас со времени, когда символы использовались не для того, чтобы раскрывать, а для того, чтобы скрывать, когда простейшие знания передавались лишь избранным, которых всегда было немного, а простейшие нравственные принципы выглядели вновь открытыми Истинами; и что в наши дни эти древние и простые, в сущности, степени сейчас стоят, точно разрушенные колонны друидского храма, в своем грубом и оскверненном величии, что они в наше время зачастую во многом претерпели разрушение временем, позднейшими наслоениями и абсурдными толкованиями.

Они суть всего лишь вход в великий масонский Храм, всего лишь три колонны его портика.

Вы сделали лишь первый шаг за его порог, первый шаг к алтарю – сердцу Храма. Вы стоите на тропе, которая ведет вас к склону горы Истины; и от ваших верности, способности подчиняться и хранить тайну зависит, продвинетесь вы вперед или останетесь на месте.

Не воображайте, что вы станете истинными масонами, лишь изучая то, что обычно называется «работой», или даже знакомясь с нашими традициями. У масонства есть свои история, литература, философия. Его аллегории и традиции многому вас научат; но многое необходимо искать самим. Потоки Учения, которые в наши дни широки и глубоки, должны быть прослежены вами до истоков, залегающих в глубоком прошлом, и именно там найдете вы корни и значение масонства.

Несколько рудиментарных уроков архитектуры, несколько второстепенных традиций, истинное значение которых не известно вовсе или неправильно понято, более не удовлетворяют потребностей истинного искателя масонской Истины. Так пусть же тот, кого они удовлетворяют, не стремится подняться выше. Тот, кто стремится понять гармонические и прекрасные измерения масонства, должен готовиться, учиться, отражать, собирать и сопоставлять. Истинный масон – это неутомимый искатель знаний; он знает, что и книги, и масонские символы – это судна, которые дошли до нашего времени, по ватерлинию загруженные интеллектуальными богатствами Прошлого; что многое в грузе этих суден может пролить свет на происхождение масонства, а также доказать, что оно имеет право выступать в роли благодетеля человечества, поскольку было рождено в одно и то же время с самим человечеством.

Знание – это самое реальное и неотъемлемое богатство человечества, ибо оно – в той же мере Свет, в какой невежество – Тьма. Оно есть развитие человеческой души, что, в свою очередь, является ростом этой души, которой при рождении не известно ничего, а следовательно, можно утверждать, что она в этот момент и сама есть ничто. Это то семя, которое содержит в себе силу для роста, для восприятия, и через восприятие – для развития, как настоящее семя развивается в росток, в побег, в растение. «Не стоит останавливаться на обычном аргументе, гласящем, что путем обучения человек превосходит человека, этим путем человек уже превосходит животных; таким путем человек восходит к Небесам и их передвижениям,

а туда он не может попасть во плоти, и так далее – все это известно. Давайте лучше рассмотрим достоинства и превосходство знаний и учения в том, чего более всего желает человеческая природа – в бессмертии и постоянном продолжении рода. Ибо к этому стремится созидание, а также взлет Домов и Семейств; этому посвящаются дома, памятники, здания; к этому стремятся понятия славы и чести, и в итоге – мощь всех прочих желаний человечества. То, что последствия наших деяний переживут нас самих и будут живыми силами в то время, когда мы сами уже давно будем в могилах, и что не только наши имена будут помнить потомки, но и наши труды будут читать, а о наших деяниях будут говорить, наши имена будут упоминать в речах и вспоминать в беседах, когда мы давно уже будем мертвы, как свидетельство того, что наше влияние на потомство живо и имеет реальные последствия, что оно контролирует и определяет жизнь хотя бы части человечества, а таким образом, и мира в целом – должно стать надеждой и стремлением каждой человеческой души». Мы видим и знаем, насколько памятники гения и просвещения более значительны и устойчивы, нежели памятники силы или трудов рук человеческих. Ведь правда, что бессмертные стихи Гомера просуществовали двадцать пять столетий, и ни одно слово не выпало из них, и ни одна строка не было изменена; а между тем, сколько дворцов, храмов, замков и городов за это время было построено, пришло в упадок и разрушилось?! Невозможно восстановить по картине или статуе подлинный внешний облик Кира, Александра Македонского, Цезаря, как нельзя восстановить внешность многих и многих сотен величайших царей и полководцев гораздо более позднего времени; оригиналы смертны, а статуя не может не быть лишена жизненности и точности. Но образы человеческих знаний и гения сохраняются в книгах, не испытывая влияния времени и его пороков и позволяя этим знаниям вечно пополняться и сохраняться. Они даже не могут с полным правом называться образами, ибо они все еще порождают, сея зерна познаний в умах людей, вызывая с течением времени к жизни бесконечное число новых мнений и действий; таким образом, если столь великим и значительным событием стало изобретение корабля, который способен перевозить вещи и людей с места на место, приобщая к цивилизации самые отдаленные районы Земли, то какими же словами возвеличить открытие букв, которые, точно корабли, бороздят широчайшие океаны Времени и позволяют неимоверно

отдаленным от нас векам обмениваться с нами мудростью, просвещением и открытиями!

Учиться, приобретать знания, быть мудрым обязательно каждому человеку высокой души; обучать, передавать эти знания, делиться своей мудростью с другими, а не замыкаться в своем знании, как в келье, выставив у дверей часового, чтобы тот отгонял прочь жаждущих, – это также порыв достойного человека, самая почетная для него работа.

«Вот еще какую мудрость видел я под солнцем, и она показалась мне важною: город небольшой, и людей в нем немного, – говорит Проповедник, сын Давидов, – к нему подступил великий царь и обложил его и произвел против него большие осадные работы; но в нем нашелся мудрый бедняк, и он спас своею мудростью этот город; и однако же никто не вспоминал об этом бедном человеке. И сказал я: мудрость лучше силы, и однако же мудрость бедняка пренебрегается, и слов его не слушают».[1] Если волею случая вам, братья мои, выпадет возможность послужить человечеству и быть вознагражденными за эту службу лишь безразличием и забвением, не отчаивайтесь, но помните следующий совет мудрого Царя: «Утром сей семя твое, и вечером не давай отдыха руке твоей, потому что ты не знаешь, то или другое будет удачнее, или то и другое равно хорошо будет».[2] Сейте свои семена, и неважно, кто пожнет урожай. Учитесь, чтобы получить возможность творить добро; и поступайте так потому, что это правильно и достойно, и само то, что вы поступаете так, а не иначе, должно служить вам наградой.

Овладевать истиной и служить своим согражданам, своей стране, человечеству, – вот достойнейшее предназначение человека. С этих пор и на всю жизнь это должно стать вашей целью. Если вы хотите подняться до уровня этого предназначения – идите! Если же у вас другие, более низменные, но более легкие цели и вы удовлетворены своим низким полетом, оставайтесь на месте! Дайте другим взойти на эти вершины, а масонству – выполнить его миссию.

Если же вы решили идти, напрягите все мышцы для борьбы! Дорога долга и тяжела. С одной стороны, вам будет расточать улыбки и призывно манить Удовольствие, а с другой – Праздность будет зазывать вас отдохнуть на ложе из цветов. Готовьтесь противостоять обоим умением хранить тайну, верностью и послушанием.

Умение хранить тайну необходимо масону любой степени. Это главный и фактически единственный урок степени Ученика. Тор-

жественное обещание, которое дал в свое время каждый из масонов на земле и которое требует от нас оказания помощи тем, кого мы не знаем и никогда, возможно, не знали, как только они попросят о помощи, которую мы должны оказывать даже с риском для собственной жизни (в противном случае, мы нарушили бы свое торжественное обязательство и были бы признаны ложными масонами и бесчестными людьми), – это обязательство учит нас, каким дерзким проступком стала бы передача наших секретов тем, кто, не будучи связан с нами общим обязательством, мог бы, обладая ими, призывать нас в случае личной необходимости; и если в этом случае ситуация будет требовать немедленного решения и у нас не будет времени для тщательной проверки, то окажется, что в силу нашего же торжественного обязательства братская помощь будет оказана самозванцу.

Секреты нашего брата, если он сообщает их нам, должны быть святы, если их позволяет нам хранить закон нашей страны. Мы не обязаны их хранить в том случае, если они противоречат закону, которому мы обязаны повиноваться, если это настоящий закон, то есть проистекающий из единственного источника единственно праведной власти – от народа. Эдикты, исходящие из волевого решения деспотической власти, противные закону Господню и Великому Закону Природы, разрушающие исконные права человека, право на свободу мысли, совести, высказывания, заслуживают того, чтобы против них восставать, бороться и не повиноваться им.

Ибо подчинение Закону не означает подчинения тирании; не значит это также, что мы обязаны, поправ все святые чувства своей души, вознаграждать деспотизм низкой лестью. По мере падения каждой новой жертвы мы могли бы возвышать свой голос во все более грубой лести. Мы могли бы пасть на колени у подножия горделивых престолов тиранов стоп и молить, как пудели, о дозволении облобызать эту кровавую руку, поднимающуюся на беззащитных. Мы могли бы сделать еще больше: мы могли бы внести алтари и жертвенники и умолять этого «живого бога» не возноситься как можно дольше в небеса. Да, мы могли бы все это сделать, поскольку нам знакомы мрачные воспоминания Земли о том, что все это проделывали уже существа с человеческим обликом и душой. Но это все, что мы можем сделать. Мы можем заставить свои языки лгать, черты своих лиц – искажаться, чтобы выразить преклонение и обожание, которые мы хотим выразить, свои колени – сгибаться; но

сердца свои мы не в состоянии заставить измениться. В них добродетель все равно будет иметь право голоса, не заглушаемого гимнами и овациями; в них те пороки, которые мы силимся облачить в одеяния добродетелей, все равно остаются пороками, а те, кого мы возвеличиваем как богов, оказываются самыми презренными из людей; и сами мы в сердцах своих выглядим едва ли не более достойными презрения.

Но закон, являющийся выражением воли и суждения народа, – это реализация воли всех и каждого из граждан. Находящийся в соответствии с Законом Господним, с великими законами природы, с чистым абстрактным правом, определенным необходимостью и общими интересами, в противовес частному интересу отдельных личностей, он обязателен для всех, потому что он – дело рук всех, отражение всеобщей воли, всеобщего священного суждения, которое непререкаемо.

В этой степени, братья мои, вам особенно хорошо следует усвоить урок умения подчиняться этому Закону. Есть только один истинный и изначальный закон, соотнесенный с разумом и природой, распространяющийся на всех и вся, неизменный, вечный, призывающий к исполнению долга, к воздержанию от несправедливости, и призывает так, что его непререкаемый голос отлично и отчетливо слышен на всех уровнях власти в государстве. На этот закон не может повлиять ни один из человеческих законов, равно как не могут они уничтожить его или принизить его значение. Целый сенат, целый народ не в состоянии откреститься от своего священного обязательства. Этому закону не нужен комментатор, который сделает его доступным для всех; не может быть и так, чтобы в Риме он был один, в Афинах – другой и различный – в различные периоды времени; он един для всех людей во все времена и у всех народов, он есть, был и будет, один-единственный и навечно – единый, как Бог, его великий Автор и Глашатай, Великий Царь мира людей. Никто из людей не может нарушить его без того, чтобы не рухнуть, как это уже бывало, в пучины Ада и не потерять свою душу; в этом случае он подвергается страшнейшей из кар, даже если он и избежал того, что считают наказанием на Земле.

Мы обязаны повиноваться законам нашей страны и стараться, чтобы предрассудок или страсть, причуда или пристрастие, ошибка или фантазия не были ошибочно приняты за совесть. Нет более традиционной ошибки, нежели принимать за деяния совести все

действия человека, которые он совершает на людях и которые не могут быть скрыты. Неповиновение закону тоже иногда пытается выглядеть деянием совести; и неповиновение и бунт становятся совестью, в которой нет ни откровения, ни знаний, ни разума, ни истины, ни доброй воли, ни религии. Совесть неразрывно связана с законом. Верная или чистая совесть – это верный разум, сведенный к нуждам практики и управляющий нравственными поступками, в то время как нечистая совесть и нечистый разум пребывают в сетях пристрастий и фантазий – в копне непостоянных принципов и непостоянных просчетов – и для совести это то же, что рана для тела или предубеждение для страсти. Недостаточно для совести учиться только лишь у Природы; она должна учиться у Бога, управляться разумом, реализовываться в речи, получать помощь от выбора, укрепляться законами и твердыми принципами, и только в этом случае она действительно верна и может считаться чистой. Все общие меры справедливости суть законы Господни, и посему они представляют собой главные правила для руководства совестью; но в делах человеческих огромное влияние имеет также необходимость, как и в распределении человеческих отношений и человеческих законов; эти общие меры, как большая река – на меньшие потоки, распадаются на ручейки и прочие частности, через законы и обычаи, соглашения и договоры между людьми, через абсолютную деспотическую власть необходимости, которые не позволяют совершенной абстрактной справедливости и равенству быть единственными руководителями гражданских правительств в несовершенном мире; поэтому должен существовать Закон, который обеспечивал бы наибольшее благо для наибольшего количества людей.

Принося клятву Господу, выполняйте ее. Лучше не клясться вовсе, чем, поклявшись, не исполнить клятвы. Не торопитесь говорить и не торопитесь в сердце своем, когда говорите пред Богом; ибо Господь в небесах, а вы на Земле; так пусть же немного будет ваших слов. Хорошо взвешивайте, что говорите; но коль скоро клятва или обещание даны, то помните, что тот, кто неверен своей клятве и своему обещанию, неверен и своей семье, и своему другу, и своей стране, и своему Господу.

Fides servanda est.[3] Декларируемую веру следует хранить, и это было максимой и аксиомой даже среди язычников. Один достойный римлянин говорил, что то, что выглядит высоким, не должно быть низким, а уж если оно низко, оно не должно выглядеть высоким.

Что хорошего может принести эта так называемая «возвышенность», коль она уносит, забирает у тебя звание хорошего человека и лишает тебя независимости и достоинства? Во все века тот, кто не держался однажды сказанного честного слова, считался беспредельно низко падшим. Слово масона, как слово рыцаря во времена средневекового рыцарства, однажды сказанное, должно быть свято; и суд братьев над тем, кто нарушил данное слово, должен быть так же строг, как суд римских цензоров над нарушившим клятву. Верность почитается масонами так же, как почиталась римлянами статуя Юпитера Максима Оптима; мы, как и они, полагаем, что должно предпочесть бедствия клятвопреступлению, и как рыцари прошлых веков, – что всегда следует предпочесть смерть бесчестию.

Будь верен обещаниям, которые дал, клятвам, которые принес, данным тобой обетам, поскольку преступить их было бы низко и бесчестно.

Будь верен своей семье и выполняй все обязанности доброго отца, доброго сына, доброго мужа и доброго брата.

Будь верен своим друзьям, ибо истинная дружба не только поможет тебе справиться со всеми превратностями судьбы, но еще и останется неизменной с течением времени; она не только переживет столкновения различных мнений и революционные пожары: она будет существовать даже в том случае, если перестанут существовать Небеса; она появится вновь, свежая и юная, из развалин и руин Вселенной.

Будь верен своей стране и предпочти ее честь и славу любым похвалам и чести для самого себя; в первую очередь, учитывай ее интересы, а не свои, и прежде чем подумаешь о признании и благодарности от народа, вспомни, что он зачастую сам не знает, в чем его счастье.

Будь верен масонству, что само по себе будет свидетельствовать о твоей верности главным интересам человечества. Трудись активно и примерно для повышения внутреннего уровня масонства, для расширения сферы его влияния, для распространения его учения, для того, чтобы все человечество узнало его как великого апостола Мира, Гармонии и Доброй воли на Земле среди людей, живущих по законам Свободы, Равенства и Братства.

Масонство полезно всем людям: образованным – поскольку оно предлагает им возможность применять свои способности к изучению предметов, в высшей степени достойных их внимания; необ-

разованным – поскольку оно предлагает им полезные поучения; молодым – поскольку оно предлагает им хорошие примеры и благие пожелания, побуждая их к размышлениям о жизни; человека света оно снабжает достойным и полезным времяпрепровождением; путешественнику оно дает друзей и братьев в тех странах, в которых он был бы без него одинок; достойного человека, терпящего бедствия, оно поддерживает; страдающего человека оно успокаивает; великодушному человеку оно дает возможность сотворить еще больше добра, объединяя его с теми, кто тоже великодушен по своей природе – и вообще всем, чьи души в состоянии оценить его важность и быть очарованными узами дружбы и братства, основанными на тех же принципах религии, морали и филантропии.

Масон, таким образом, должен быть человеком чести и совести, ставящим свой долг превыше всего, даже самой своей жизни, независимым в своих суждениях, добрых нравов, законопослушным, верным человечеству, своей семье, своей стране, добрым и великодушным по отношению к своим братьям, другом всем добродетельным людям, готовым в любую минуту помочь братьям всеми силами и от всей души.

Таким образом, ты будешь верен самому себе, своим братьям, а также Господу, и тем самым придашь еще больше славы и чести званию Тайного Мастера, которое, как все степени масонства, теряет свое величие, если человек, носящий его, его не заслуживает.

5

Perfect Master

Совершенный Мастер

Мастер Хурум был трудолюбивым и честным человеком. То, что он делал, он делал усердно, верно и хорошо. Он не брал денег сверх установленного жалования. Трудолюбие и честность – добродетели, которые являются главными уроками этого градуса. Эти добродетели обычны и явны, но, несмотря на это, о них ни в коем случае не следует забывать. Как пчелы не любят и не уважают трутней, так и масонство не любит и не уважает тех, кто живет в праздности, исключительно за счет своей хитрости; и менее всех – пустоцветов, живущих земельной рентой. Ибо праздные легко могут стать и порочными, и грешными; а истинную честность, которая должна, по идее, быть обычным явлением в мире, не сыщешь днем с огнем. Постоянно и честно делать то, что делать нужно, – вероятно, является устремлением лишь немногих, но с какой точки зрения ни посмотри, все в мире должно подчиняться нравственному закону; и даже в самом обыденном и бытовом применении эти добродетели соответствуют природе Совершенного Мастера.

Праздность гибельна для живого человека. Ибо праздный человек столь же бесполезен для Господа и прочих людей, сколь бесполезен для них мертвый, которого не касаются изменения и нужды мира; такой человек живет только ради того, чтобы терять время и пользоваться плодами земли. Точно клоп, точно волк, когда приходит его время, он умирает и исчезает с лица Земли, превращаясь вскоре в ничто. Он не пашет и не тянет ярмо пахаря; что бы он ни делал, все или бесполезно или нацелено во зло.

Каждый человек в состоянии сделать многое, если он не празден; для каждого человека широка дорога к добродетели, если его не заставят свернуть с нее дурная привычка или преступление; каждый читающий мудрые книги, если его разум открыт для них, обретет в результате колоссальные знания.

Св. Амвросий и по его примеру Блаженный Августин разделяли каждый день на три терции по признаку вида занятости: восемь часов они определяли на удовлетворение природных нужд и отдых; восемь часов – на благотворительность, оказание помощи другим, помощь им в их делах, избавление их от неприятностей, исправление их ошибок, спасение их от грехов, поучение их в невежестве, ведение дел в своей епархии; восемь часов – на молитву и самообразование.

В двадцать лет мы склонны думать, что жизнь неизмеримо длинна, по сравнению с тем, что нам за это время следует сделать и чему научиться, что непреодолимая пропасть лежит между возрастами нашим и наших дедов. Позже, лет в шестьдесят, если судьба судила нам дожить до этих лет, – хорошо это или плохо с нашей личной точки зрения – то есть к тому времени, когда мы уже потратили с пользой или впустую достаточно много времени, мы на мгновение задумываемся, оглянувшись назад, на пройденный нами путь, потом вперед, соизмеряя и пытаясь уравновесить оставшееся время с оставшимися возможностями, – и зачастую с ужасом осознаем, что невероятно огромное количество времени было потрачено нами впустую. Затем мы, или наше сознание, педантично вычитаем из всего времени прожитой жизни те часы, которые мы провели во сне; затем – часы работы, тяжелого труда, когда мутноватая поверхность нашего разума не бывала поколеблена ни единой глубокой мыслью; потом – те дни, которые мы рады были бы в свое время просто выбросить из жизни, поскольку они стояли между нами и какой-то воображаемой или реальной целью, столь вожделенной и страстно желанной; затем – часы или дни, еще хуже, нежели потраченные впустую, то есть ушедшие на удовлетворение низменных страстей и причуд или потраченные на бесполезное и безрезультатное учение; и со вздохом мы признаем, что и за половину этого времени, но проведенного с пользой, мы смогли бы узнать и сделать гораздо больше, нежели мы в действительности узнали и сделали за сорок лет своей зрелости.

Узнавать и делать – вот в чем состоит работа души в этом мире. Душа растет точно так же, как дерево. Как дерево вбирает в себя углерод

из воздуха, росу, капли дождя, свет, те вещества, которые его корни высасывают из земли, преобразуя их в ходе таинственных процессов своей внутренней биохимии в живицу и лыко, в древесину и ткань листа, цветок и плод, в цвет и запах, – точно так же и душа вбирает в себя знания, преобразуя их путем Божественных алхимических изменений в свою субстанцию, и растет внутренне, изнутри наружу, со все возрастающей силой, подобной той, что заключена в прорастающем пшеничном зерне.

У души, как и у тела, есть собственные чувства, которые можно культивировать, развивать, углублять, утончать по мере того, как она вырастает сама; и тот, кто не в состоянии по достоинству оценить прекрасную картину или статую, чудесное стихотворение, гармонию, героический замысел, справедливое действие, тот, для кого мудрость философии – всего лишь глупости и болтовня, значащая гораздо менее, нежели цены на хлопок или уголь, или только способ добраться до высокого государственного поста, – тот живет лишь на уровне обыденности и лишь бессмысленно гордится низменностью чувств своей души, которая есть низменность и ничтожество самой души.

Много учиться и мало спать; мало говорить, но много думать и делать; учиться тому, что возможно сделать, а затем делать это, честно и усердно, чего бы ни потребовал от нас долг перед братьями, согражданами, страной, человечеством, – вот обязанности каждого масона, который стремится уподобиться Мастеру Хуруму.

Обязанности масона как просто честного человека ясны и понятны. Это честность в соблюдении договора, верность своему слову, уважение чужих интересов и соответствие слова и дела. Просто не лгите, ни в большом, ни в малом, ни в причине, ни в следствии, ни на словах, ни на деле; то есть не говорите того, что ложно и не делайте этого; не скрывайте истины; и пусть вашим мерилом добра и зла будут интересы тех, с кем вы имеете дело; ибо тот, кто говорит продавцу или покупателю пусть даже истину, но в той форме, которой тот не в состоянии понять, – все равно вор и лжец. Совершенный мастер отвергает все то, что может ввести в заблуждение, точно так же, как и то, что лживо по своей сути.

Пусть устанавливаемые вами цены находятся в том равновесии мер добра и зла, которое установлено по разумению и по призыву души самых мудрых и милосердных людей, сведущих в той или

иной области производства или услуг; а прибыли пусть будут равны прибылям прочих честных коммерсантов вашего уровня в ваших условиях.

В отношениях с другими людьми не делайте всего того, что могли бы сделать по закону; оставляйте что-то и на собственное усмотрение; и поскольку и при продаже, и при покупке сохраняется определенный коридор прибыли, не отнимайте последний грош, действительно ли он последний или вы просто так считаете, пусть даже по закону вы и имеете право это сделать; ибо пусть это и законно, это не всегда безопасно; ведь тот, кто на этот год забрал себе все то, что принадлежит ему по закону, на следующий год может подвергнуться искушению забрать и по закону ему не принадлежащее.

Никто из людей да не станет в бедности более жесток и настойчив в требованиях; он должен терпеливо, скромно, честно и спокойно поручить свою собственность Господу, следовать Его путями и возложить на Него заботу об успехе.

Не задерживайте плату поденщикам, ибо задержка ее на любой срок противоречит справедливости и милосердию, она бьет их по лицу до крови и слез; платите им точно по договору или же по необходимости.

Свято держите слово и выполняйте все условия заключенного договора, пусть они и не в вашу пользу, пусть позже вы и обнаружили, что другие условия были бы вам более удобны; и пусть ни единый ваш поступок во время действия договора не будет следствием вашей реакции на какое-то событие, произошедшее после его заключения. Не позволяйте ничему заставить вас нарушить ваше обещание, если только оно не было незаконным или невыполнимым; то есть если вы, давая его, в силу своей природы или положения в обществе находились во власти другого лица, или если оно несовместимо с вашим благополучием и бесполезно для прочих, или если срок его возможного выполнения истек.

Пусть никто и никогда не берет денег за то, чего не может или не в состоянии сделать, то есть выполнить в срок, с пользой и легко. Пусть никто и никогда не берет на себя те функции, которые в состоянии выполнить только Бог или Бог и Государство, ибо это противоречило бы и справедливости, и милосердию.

Если кто-то является для нас худшим человеком, нежели все прочие, – показываем ли мы это своими делами или только своими

намерениями – это противоречит законам равенства, справедливости и милосердия. В этом случае мы делаем другому то, чего не сделали бы себе; мы богатеем на развалинах чужой судьбы.

Бесчестно брать что-либо у другого, не отдавая той же мерой. Игрок, выигрывающий деньги у своего ближнего, бесчестен. Среди масонов не может быть споров на деньги и азартных игр; ибо ни один честный человек не может желать даром получить то, что принадлежит другому. Торговец, продающий некачественный товар по высокой цене, биржевой спекулянт, наполняющий кошелек во дни несчастий и крахов других, бесчестны и лишены совести, они низменны и недостойны бессмертия.

Истинным желанием каждого Совершенного Мастера должно стать так жить и действовать, чтобы, когда ему придет время отойти в мир иной, он смог сказать, а его совесть подтвердить, что никто на Земле не стал беднее оттого, что он стал богаче, что все, что у него есть, он честно заработал. И никто из людей не может предстать пред Господом и утверждать, что по праву равенства, утвержденному Им в Его владениях, этот дом, в котором мы умираем, эта земля, которую мы распределяем между нашими наследниками, эти деньги, которые обогащают тех, кто остается жить и носит при этом наше имя, – все это принадлежит нам, а не Ему, ибо мы в этом мире – всего лишь арендаторы и попечители. Ибо не может вызывать сомнений та истина, что Господь справедлив и что Он сурово дает нам понять, каковы наши права и обязанности, и каждому, кого мы обесчестили, каждому, от которого мы получили прибыль, бесчестно не возместив его затрат, Он воздаст щедрой рукой.

Следите за собой, чтобы не получить в свое владение того, что вам не принадлежит! Ибо если вы сделаете так, значит, присвоите себе то, что по Господнему суду принадлежит другому, таким образом оказавшись несправедливыми по отношению к нему; и будь то, что вы приобрели, богатство или звание, влияние, слава или любовь, вам придется возместить все до самого конца.

Intimate Secretary 6

Тайный Секретарь (Ближний Секретарь)

В этом градусе вас в особенности наставляют в усердии и верности, милосердии и беспристрастности, учат быть истинными миротворцами во всех ссорах, спорах или несогласиях между братьями.

Долг – это тот самый нравственный магнит, который руководит масоном и направляет его по бурному морю жизни. Вне зависимости от того, светят ли в небе звезды чести, доблести и воздаяния, при свете ли дня, во тьме ли предательской и бедственной ночи, в штиль или в шторм, этот вечно верный магнит указывает ему, каким следовать курсом, где находится тот долгожданный порт, не придти в который – значит, потерпеть крушение и бесчестие. Он следует этим безмолвным указаниям компаса, как моряк, который уже давно не видел берега, которого окружает лишь безбрежный океан, следует указаниям стрелки, ни на секунду не усомнясь в том, что она указывает точно на Север. Исполнять эту обязанность, вне зависимости от того, будет он вознагражден за это или нет, – вот единственная его забота. И ничего не должно значить то, что, возможно, никто и никогда не узнает о том, как он вел себя в этот момент, что его никто в этот момент не видит.

Стоит лишь немного поразмыслить об этом – и понимаешь, что у Славы иные границы, нежели у гор или рек; и тот, кто счастлив, если все вокруг часто повторяют его имя, всю жизнь может провести в стремлении добиться этого, ни разу не прослезившись при мысли о других мирах, ни разу не предавшись мечтам пересечь Атлантику...

Таким образом, тот, кто в своих мечтах видит мир исполненным его деяниями и его славой, должен вычесть из числа своих панегиристов всех тех, кто находится ниже полета Славы, кто во всей долине жизни не слышит иного голоса, кроме голоса Необходимости; всех тех, кто воображает себя чересчур важными персонами для того, чтобы упоминать его имя, считая такое упоминание лишь пустой тратой драгоценного времени; всех тех, кто или настолько удовлетворен, или настолько неудовлетворен собой, что просто не способен уделять внимание чему-либо или кому-либо еще; всех тех, кто подвержен страсти к удовольствиям или прикован чугунной цепью к каким-либо «нерушимым догмам»; всех тех, кто не в состоянии присоединиться к его триумфу, будучи увлекаемы своими повседневными суетными делами; всех тех, кто копошится в пучине вселенского невежества и нигилизма, – и тогда ему станет ясно, что слава его зажата в границы, которые не шире горной цепи Кавказа; и тогда он непременно поймет, что никто не может быть велик и значим ни для кого, кроме узкого круга друзей и знакомых. А следовательно, мы не должны стремиться в своих мечтах к вселенской славе, и необходимо – как еще Африкан говорил своим последователям, – вознести взоры к высшим сферам и помыслить о своей грядущей, вечной жизни, не стремясь всем сердцем обрести славу толпы и не сводя свои надежды к тому, что может дать власть человеческая.

Мы рождены не только для себя самих; своей доли требуют и наша страна, и наши друзья. Как все порождаемое Землей предназначено для использования человеком, так и люди созданы ради людей, дабы творить добро друг ради друга. Учительницей нам в этом должна стать сама Природа; в обществе тоже должны царить взаимоотношения разделения обязанностей и взаимопомощи; необходимо иногда отдавать, потом – брать, далее – объединять человеческое общество с помощью науки, искусства, промышленности и прочих институтов.

Если другого хвалят в твоем присутствии, воспринимай это как должное и с радостью следуй за ним в его славе; но никогда не препятствуй его успеху, не лги о нем, сообщай всем о его успехах, не протестуй, когда ему оказывают почести и не считай, ради Бога, что продвижение к успеху твоего ближнего уменьшает твой личный успех. Никогда не напоминай человеку об известной тебе его слабости с той целью, чтобы сконфузить его, не говори о ней никому

с целью опорочить его в чужих глазах, не вспоминай о ней, чтобы унизить его или возвыситься над ним; даже никогда не похваляйся, зная, что этим ты унижаешь другого, если только ты делаешь все это не ради какой-либо высокой цели.

Помни, что чаще всего мы черним других по незначительным поводам и под незначительными предлогами; и если человек высоко поднялся, мы зачастую полагаем, что его легко унизить, припомнив ему какой-нибудь грешок, слабость или проступок. Мы должны быть или более строги к себе самим или менее строги к окружающим; подумай: ведь сколь много хорошего кто бы то ни было ни сказал бы или ни подумал бы о нас, мы можем рассказать ему о гораздо большем количестве глупого, плохого и недостойного, что в нас есть, а ведь, узнай мы хоть малую толику того же самого о нем, нам этого было бы достаточно, чтобы навеки разрушить его репутацию.

Если мы полагаем людей мудрыми и проницательными, справедливыми и благодарными, когда они возносят нас до небес и отливают по нашему образу и подобию своих идолов, да не посчитаем мы их невежественными и необразованными, несправедливыми и неблагодарными, если они поют осанну, восхваляя нашего ближнего.

В жизни каждого человека не избежать множества грехов, уму его не избежать множества неверных логических построений, судьбе – несчастий, служебной карьере – более чем множества неудач – это если просто немного разобраться в самом себе; так что чрезмерный интерес к делам окружающих всегда или почти всегда есть плод нечистоплотности и недобрых намерений. Великодушный человек всегда проявит интерес и любопытство к красоте и порядку образцовой семьи, например, или к добродетелям хорошего человека; но то, что люди скрывают за семью замками, или то, что краснеет при солнечном свете, или то, что постыдно по своей природе или носит слишком личный характер, – да не станет все это объектом его интереса.

Достаточным основанием для исключения человека из собратства Вольных Каменщиков должно являться обвинение его в том, что он не великодушен и не беспристрастен в своих действиях, в суждениях о людях и их поведении. Самовлюбленный и тянущий одеяло на себя, невеликодушный и ханжа недолго могут продержаться в узких границах честности и следования Истине: скоро они так или иначе совершат несправедливость. Тот, кто чрезмерно любит сам себя, обязательно слишком низко ставит всех прочих; и тот, кто склонен

к поспешным суждениям, вскоре окажется способен и на несправедливое суждение.

Великодушный человек не будет чересчур тщательно следить за тем, чтобы отдать не больше, чем брал; наоборот, он предпочитает, чтобы весы великодушия всегда оставались наклоненными в его сторону. Тот, кто до последнего гроша получил плату за все свои добрые дела и мысли, подобен жалкому моту, пустившему по ветру родовое поместье и теперь плачущему над пустой чековой книжкой. Тот, кто платит мне неблагодарностью за сотворенное мной ему добро, отнюдь не уменьшает, а наоборот, увеличивает мое благосостояние; и тот, кто не может воздать добром за добро, нищ, вне зависимости от характера этой нищеты, то есть беден ли он деньгами, душой, сердцем или умом.

Если в нашем представлении богат тот, кто вложил в какое-то предприятие большие деньги, чье богатство состоит в массе облигаций, которые принуждают других людей платить ему деньги, то несомненно еще богаче тот, кто многим оказал услугу или просто много творил добро. Кроме умеренной суммы на личные расходы, богатый человек ежегодно вкладывает свои средства, а то, что он не использует таким образом, очень уместным кажется мне уподобить неизрасходованным нами запасам доброты и хороших поступков.

Щедрость и свобода духа делают людей человечными и живыми, открытыми, бесхитростными, честными и откровенными, готовыми творить добро, легкими в общении и удовлетворенными им, доброжелательными по отношению ко всему человечеству. Они защищают слабых от сильных, беззащитных – от грубости и хитрости. Они утешают бедных и помогают им, будучи, в глазах Господа, защитниками Его малых сих. Друзей они ценят больше, чем деньги и власть. По воле Господа, они все благородны, и гербы их навечно занесены в обители Господа в геральдические списки Небесного Рыцарства. Не может человек быть ни масоном, ни джентльменом, если он не великодушен, не свободен духом и не беспристрастен. Быть свободным, но только от того, что внутри нас самих; быть великодушным, но только если мы уже научились справедливости; отдавать, даже если это значит лишиться роскоши или элементарного удобства, – вот в чем истинное масонство.

Суетный, жадный или чувственный человек должен коренным образом измениться для того, чтобы стать хорошим масоном. Если

нами управляет склонность, а не долг; если мы недобры, чрезмерно суровы, лицемерны и несправедливы во взаимоотношениях с людьми на протяжении всей нашей жизни; если мы неверны как родители и неблагодарны как дети; если мы злые хозяева или нерадивые слуги; если мы предаем друзей; если мы плохие соседи или чьи-либо непримиримые соперники; если мы беспринципные коррумпированные политики или беззастенчивые дельцы в коммерции – блуждать нам в дальней дали от Света масонства.

Масоны должны любить и уважать друг друга. Посещая одни и те же Храмы, преклоняя колена у одних и тех же алтарей, они должны ощущать ту взаимную любовь и то взаимное уважение, которые должен вызывать в них общий подход к общему Богу. Среди нас должен царить дух древнего братства; больше мягкости по отношению к проступкам друг друга, больше понимания, больше участия во взаимном совершенствовании и больше взаимного внимания между братьями – ведь недаром же мы так называем друг друга.

Ничто не смеет вмешиваться в эту доброту и взаимную привязанность: ни дух коммерции, всепоглощающий, неутомимый и беззастенчивый, жестокий и непримиримый в своих предприятиях, злобный и хитрый в своем соперничестве, низкий и жалкий в своих целях; ни дух честолюбия, эгоистичный, меркантильный, не знающий отдыха, увлекающий в пучины, живущий лишь мнением окружающих, завидующий успеху других, неизменно обреченный на крах, несправедливый, поверхностный и клеветнический.

Тот, кто сделал мне добро, тем самым обязывает меня вернуть ему долг благодарностью. Это обязательство не есть плод особого договора или его выраженного желания; оно просто в порядке вещей; оно есть долг, порождение духа того человека, которому сделали добро и для которого более естественно любить своего ближнего и платить добром за добро. Тот, кто отказывается делать добро тем, кого он обязан любить, или тем, кто отказывается делать добро ему самому, живет не по законам природы; это просто чудовище, которое в своей гордыне раз и навсегда решило однажды, что все вокруг рождены для того, чтобы угождать ему одному; в этом случае алчность его превышает алчность океана, который, пусть и принимает в себя всю воду впадающих в него рек, все же отдает ее часть облакам и подземным потокам. Наш долг по отношению к нашим благодетелям – уважать и любить их, возвращать им наши долги

службой, добрыми делами, деньгами, в зависимости от того, что мы можем себе позволить, что именно нужно им самим и что предлагают нам обстоятельства; но платить им нужно той же мерой, что и они нам.

Великодушный человек не может не чувствовать горечи при виде ссор или разногласий между братьями. Только низменный и невеликодушный испытывает от них удовольствие. Сколь бесчестно занятие тех, кто заставляет людей думать друг о друге дурно, как это часто делают пресса и кафедра нечестивого проповедника, занявшая место трибуны достойного гражданина! Задачей масона должно стать стремление заставить людей думать друг о друге только хорошо, успокоить, вместо того, чтобы расписывать и усиливать трудности, объединять тех, кто разлучен или разъединен, препятствовать друзьям становиться врагами и убеждать врагов стать друзьями. Для того чтобы успешно выполнять эту задачу, он должен быть хозяином своих личных страстей, не торопиться с принятием решений, не быть нетерпимым, не принимать за оскорбление безобидное замечание, лишь в крайнем случае впадать в гнев.

Ибо гнев – враг любого собрания. Это настоящая буря, в грохоте которой ни один человек не может ничего услышать и не может быть никем услышан сам; и если вы пытаетесь в этой буре сохранить вежливость и спокойствие, на вас не обращают внимания, а если вы поддаетесь ее влиянию и гневаетесь, вы этим лишь усиливаете ее. Это не по-мужски и так не поступают умные люди. Гнев делает супружество неизбежной и необходимой бедой, братство, сообщество, компанию – невыносимыми. Он стократ преумножает несчастия, являющиеся следствием пьянства, позволяя винным парам превращать человека в безумца. Невинную шутку он превращает в настоящую трагедию. Дружбу он обращает во взаимную ненависть; человека он может заставить растерять в споре весь разум, все доводы. Он превращает власть в орудие смерти. Справедливость он превращает в жестокость, суждение – в насилие. Дисциплину он может превратить в тиранию и ненависть к институтам Свободы. Гнев может заставить испытывать зависть к процветающему человеку и не жалеть неимущего.

Таким образом, вы видите, что, в первую очередь, держа в руках самих себя, управляя своими страстями, вы сможете поддерживать мир и гармонию меж людей и особенно меж братьев. И, кроме

всего прочего, помните, что масонство – оплот мира и что «среди масонов не должно быть раздоров, только достойное и честное соперничество ради согласия и процветания работ». Где бы ни возникли раздоры или ненависть между братьями, масонства там больше нет; ибо масонство – это Мир, Братская Любовь и Согласие.

Масонство – величайшее Общество Мира на свете. Где бы оно ни существовало, оно всегда стремилось предотвратить международные размолвки и конфликты; связать между собой республики, королевства и империи в единую Землю Мира и Любви. Его усилия далеко не так часто пропадали бы впустую, если бы масоны знали истинные масштабы своей власти и хранили бы верность своим клятвам.

Кто в состоянии свести воедино все ужасы и беды, приносимые одной-единственной войной? Масонство не ослепляют его величие и могущество, его блеск и слава. Война забирается своей кровавой лапой и в наше жилище. Из десятков тысяч семей она забирает тех, кто спокойно и мирно жил, связанный благими узами любви и дружбы. Она уносит их прочь, умирать без должного присмотра от лихорадки, заражения крови и инфекционных болезней или быть зарубленными, застреленными или разорванными на куски в кровавой битве, пасть на поле сражения или быть унесенными в жаркой и ужасной агонии в смрадный и уже бесполезный госпиталь. Крики и стоны, несущиеся с полей сражений, эхом отзываются в тысячах и тысячах горестных стонов, наполняющих осиротевшие дома. У каждой семьи есть свой скелет в шкафу, но так же точно в каждой семье пустует хотя бы одно место за общим столом. Однако, даже приходя домой, воин приносит горе в свою семью, и это заразная болезнь грубости и жестокости полевой жизни. Страна деморализована. Национальное сознание падает от честного и достойного обмена добрыми услугами друг с другом до гнева и мстительности, пустой гордыни и привычки мериться грубой силой в драке. На все это тратятся сокровища, которых бы хватило на строительство десяти тысяч церквей, больниц, университетов или на то, чтобы связать и перепоясать целый континент колеями железной дороги. Если бы все эти сокровища утонули в океане, это было бы большой бедой; но нет, беда еще больше – им придумано гораздо худшее применение: они вкладываются в то, чтобы созданное на них оружие впивалось в человеческую плоть, пока всю землю не зальет бурлящий океан дымящейся крови.

Таковы уроки этого градуса. Вы поклялись, что они станут правилом, законом и путеводной звездой вашей жизни и вашего поведения. Если так и будет, вы будете удостоены, поскольку заслуживаете этого, дальнейшего продвижения в масонстве. Если нет – значит, вы и так зашли уже дальше, нежели заслуживаете.

Provost & Judge

7

Старейшина и Судья

Главный урок, преподаваемый в этом градусе, – Справедливость в принятии решений и в суждениях о жизни и отношениях с другими людьми.

В любой стране, в которой признан суд присяжных, каждого нормального человека могут в свое время попросить выступить в роли такового, то есть, в конечном счете, в роли своего рода судьи, по вопросу ли только факта признания вины, или также и по вопросу определения меры наказания; в этом случае ему приходится принимать на свои плечи весь груз ответственности, связанной с этим постом.

Все те, кому дана власть творить правосудие, должны каждое дело рассматривать честно и беспристрастно, без оглядки на власть предержащих, на деньги богатых и нужду бедных.

Это основное правило, в истине которого никто не станет сомневаться, хотя многие и обходят его. Но это еще не все, что следует сделать. Нужно отделаться также и от всех предрассудков и склонности к поспешным выводам. Нужно терпеливо выслушивать, точно запоминать, тщательно взвешивать факты и доводы, представленные суду. Не нужно поспешно бросаться делать выводы или формировать собственную точку зрения до того, как выслушано все, что можно было выслушать. Нельзя заранее подозревать всех в совершении преступления и мошенничестве. Нельзя позволять управлять собой ни самовлюбленной гордыне собственного мнения, ни взглядам или доводам других людей. Делая вывод о мотивах по результатам

анализа совершенного действия, нельзя заранее приписывать действию мотивов ни самых высоких, ни самых низменных, но лишь такие, какие каждый по справедливости мог бы приписать себе самому, соверши он точно такой же поступок; также не должен он надеяться на то, что многие мелкие обстоятельства, не весящие ничего по отдельности, будут весить много, если их собрать вместе, особенно если это делается им, чтобы лишний раз доказать собственную твердолобость и склонность к крючкотворству. Этим правилам должен четко следовать каждый присяжный.

В нашем общении с другими людьми могут возникать два вида несправедливости: первый – несправедливость тех, кто наносит ущерб, и второй – несправедливость тех, в чьей власти отвратить нанесение ущерба от тех, кому он наносится, и которые, тем не менее, не делают этого. Таким образом, активная несправедливость может быть причинена двумя способами: силой или подлогом, где сила подобна льву, а подлог – лисе, – и оба эти способа противны общественному долгу, хотя подлог более отвратителен.

Любое зло, причиняемое одним человеком другому, задето ли в этом случае здоровье человека, его собственность, счастье или репутация, в любом случае есть преступление против закона справедливости. Следовательно, поле исследований данного градуса весьма обширно и серьезно; масонство постоянно ищет наиболее эффективные пути претворения в жизнь закона справедливости, самые лучшие средства предотвращения зла и несправедливости.

Масонство учит одной непреходящей истине: если зло или несправедливость уже причинены, сделанного не воротишь; они вечно живут в своих последствиях; будучи совершенными, они неразрывно связываются с невозвратимым прошлым; однако в самом зле, в самой несправедливости уже содержится их неотвратимое наказание, как в желуде содержится взрослый дуб. Их последствия – это их кара, другой им не нужно, поскольку никакая иная кара не будет тяжелее этой; они неотделимы от своих последствий. Зло, причиненное другому, есть преступление против нашей собственной природы, преступление против наших собственных душ, это искажение образов Красоты и Добра. Наказание – это не исполнение приговора, а просто одно из неизбежных последствий. Оно должно следовать за проступком не по приговору Господа как Судии, а по закону, установленному Им как Творцом и Законодателем Вселенной. Это не искусственное волевое дополнение, а обычное

и логическое следствие; посему его должен нести провинившийся, чтобы через него о мере этого наказания узнавали другие; это решение – плод беспредельной справедливости Господа, – изложенное в форме закона.

В исполнение естественных последствий наших неправедных действий нельзя вмешаться, от них невозможно спастись, их нельзя смягчить; Господь не встанет между причиной и следствием, и в этом смысле не существует отпущения грехов. От действия, которое нанесло удар нашей душе, можно отвернуться, в нем можно раскаяться, но удар уже нанесен. Ущерб от этого удара можно уменьшить последующими действиями, это пятно можно вывести, пусть только более суровыми страданиями и более ожесточенной борьбой, но сила и твердость души, которые могли помочь ей подняться на еще большую нравственную высоту, в этом случае бывают израсходованы на восполнение утраченного. Нужно глубоко осознавать четкую границу между теми, кто решил закончить творить зло, и теми, кто уже сотворил добро.

Наверняка более пристально следят за своими поступками, в которых они тоже гораздо осторожнее, те, кто верит, что эти поступки влекут за собой целую череду естественных последствий, если, правда, при этом не было постороннего вмешательства, чем те, кто полагает, что раскаяние и прощение способны в любой точке прервать цепь последствий. Естественно, мы бы творили значительно меньше зла, если бы в наших душах родилось и укоренилось убеждение, что все сделанное сделано необратимо и что даже Всемогущество Господа не может заставить что-либо уже совершенное «развершиться», что каждое наше действие должно принести положенные ему в соответствии с вечными и неизменными законами Природы плоды; эта истина должна быть навечно запечатлена на скрижалях Вселенной.

Если вы поступили дурно по отношению к другому человеку, вы можете сожалеть, раскаиваться и четко решить для себя никогда не повторять такого проступка в будущем. Вы можете также, насколько это возможно, возместить ущерб. Это хорошо. Сторона, которой вами был нанесен ущерб, может простить вас, в том смысле, который предлагает человеческий язык; но дело сделано, и все силы Природы, даже если они пожелают встать на вашу сторону, не смогут изменить однажды совершенное; последствия для тела, последствия для души, пусть даже никто их и не замечает, уже имеют место,

они уже записаны в анналах прошлого и обречены на то, чтобы бесконечно отзываться эхом в настоящем и будущем.

Раскаяние в совершенном зле приносит, как и любое действие, свои плоды; эти плоды – в очищении сердца и исправлении будущего, но никак не в изменении прошлого. Совершение дурного поступка – необратимое действие; однако оно не лишает душу возможности поступать хорошо в будущем. Его последствия неуничтожимы, но оно не обязывает человека следовать в будущем тем же курсом. Совершенные зло и несправедливость, пусть и непоправимые, должны вызывать не отчаяние, но желание приложить больше усилий, чем ранее. Раскаяние тоже не теряет своего значения, но для улучшения будущего, а не исправления прошлого.

Даже колебания воздуха, однажды вызванные человеческим голосом, не перестают существовать после того, как дают начало звукам. Быстрое затухание этих сигналов вскоре делает их неслышимыми для человеческого уха. Но возбужденные ими звуковые волны пересекают необъятные пространства суши и мирового океана, и менее чем за двадцать часов каждый атом атмосферы перенимает их измененное движение, начало которому было положено тем минимальным действием примитивной силы, которое было передано ему по миллионам мельчайших канальцев и которое будет влиять на все его развитие в течение всего его будущего существования. Воздух – это бесконечно огромная библиотека, на страницах книг которой навечно запечатлевается все, что человек когда-либо проговорил или даже просто прошептал. Именно там, в изменяющихся, но безошибочно распознаваемых знаках, смешанные с самыми ранними, равно как и с самыми поздними словесными проявлениями смертной души, хранятся невыполненные клятвы, несдержанные обещания; все мельчайшие частицы одновременно находятся в непрестанном движении, – свидетели изменчивой воли человека. Господь читает эти книги, в то время как мы этого не можем сделать.

Таким образом, земля, воздух и мировой океан – вечные свидетели всего творимого нами. Ни одно движение, вызванное естественными причинами или человеческой деятельностью, не забывается. След каждого киля, когда-либо бороздившего поверхность океана, навсегда остается в памяти всех частиц любого происхождения, которые впоследствии могут занять его место. Каждый преступник по закону Всевышнего навечно и неотвратимо прикован к своему преступлению, поскольку каждый атом его смертной оболочки,

несмотря на все изменения, которые могут претерпеть ее отдельные частицы, сохранит, невзирая на все возможные пертурбации, некоторое движение, порожденное тем самым мускульным усилием, посредством которого было совершено само преступление.

Что если наши возможности влиять на будущую жизнь простерлись бы вширь настолько, чтобы дать нам силу воспринимать и прослеживать последствия наших праздных слов и плохих деяний, а также делать наше сожаление и раскаяние такими же вечными, как и сами эти последствия? На возвышенный разум не может быть наложено наказание тяжелее, чем наблюдать в действии и совокупности порождаемых одно другим последствий то, причиной чему послужило его собственное действие несколько веков назад.

Масонство по его учению ставит своей целью удержать людей от совершения несправедливостей и неправедных и злонамеренных действий. Хотя оно и не намеревается узурпировать место, принадлежащее религии, все равно его нравственный кодекс зиждется на иных принципах, нежели светское законодательство; оно порицает и наказывает также и проступки, которые ненаказуемы по этому законодательству и не порицаются общественным мнением. По масонским законам жульничество и мошенничество в торговле, в юриспруденции, в политике считаются не достойнее простой кражи; откровенная ложь – не честнее уголовно наказуемого подлога; клевета – не утонченнее кражи со взломом; соблазнение невинности – не менее отвратительным, чем убийство.

Особенно же оно порицает те порочные деяния, в которых преступник понуждает участвовать других. Он может сожалеть; он может – пусть и после изнурительной борьбы – вновь ступить на путь добродетели; его дух может снова обрести чистоту, пусть и через лишения, непременно сопровождающие усилия, направленные на обновление; но более слабое человеческое существо, которое он увлек на путь порока, на которое он возложил часть своей вины, но которому он не в состоянии отдать часть своего раскаяния и исправления, чей путь вниз (первый шаг которого был сделан под его руководством) он не в состоянии пресечь, но вынужден постоянно наблюдать, – на какое отпущение грехов может он здесь рассчитывать? В этом его постоянное, его неизбежное наказание, которого не снимет никакое раскаяние и никакая милость каких бы то ни было сил.

Давайте также будем справедливы в суждениях о мотивах действий других людей. Мы в действительности мало что знаем о том,

что выгодно и что невыгодно другим людям. Никогда нельзя утверждать, что, например, тот человек лучше этого, и тем более, что этот человек очень хорош или наоборот, очень плох как таковой. Зачастую даже самые низменные из людей умирают, оставляя по себе славу кристально честных. Вряд ли среди нас есть хоть один человек, который за свою жизнь хоть один раз не находился бы на грани совершения преступления. Каждый из нас, оглянувшись с содроганием, может вспомнить те моменты, когда стоял на скользком склоне, нависающем над пропастью греха; когда – будь искушение хоть чуть сильнее или действуй оно чуть дольше, прижми нас чуть покрепче нужда или выпей мы чуть больше вина, помутняющего рассудок, лишающего нас возможности здравого суждения и выдвигающего на первый план наши низменные страсти, – мы поскользнулись и неизбежно пали бы, чтобы никогда более не восстать.

Мы можем, наверное, сказать: «Этот человек солгал, украл, совершил подлог, растратил доверенные ему деньги, а тот человек, напротив, прожил жизнь с чистыми руками». Но мы не можем утверждать, что первый из этих людей не боролся, пусть и безуспешно, против искушений, под влиянием которых второй из них пал бы без борьбы, встреться они на его жизненном пути. Мы можем утверждать, у кого наиболее чистые руки перед лицом Рода Человеческого; но никак не можем мы утверждать, кто обладает наиболее чистой душой пред лицом нашего Господа. Мы можем утверждать: «Вот этот человек совершил прелюбодеяние; а вот тот человек прожил жизнь, не совершив этого греха». Но мы не можем утверждать, происходила ли невинность первого из этих людей от холодности его сердца, от отсутствия мотива, от присутствия страха или от недостаточности искушения; не можем мы утверждать и того, что падению второго предшествовала неописуемая внутренняя борьба между всепобеждающей страстью и всесдерживающим осознанием будущего раскаяния. Щедрость, равно как и скупость, могут быть уступками природному темпераменту; и в глазах Господа долгая и щедрая жизнь одного человека, которая стоила ему немногих усилий и редких настоящих жертв, соответственно, немного прибавила к его добродетели и стоит меньшего, нежели всего несколько редких щедрых поступков, на которые чувство долга и сострадания вынудило кого-то другого, по природе своей сдержанного и скупого. Даже в жизни, полной греха, позора и падений,

может быть больше заслуг, больше самоотверженных усилий и самых достойных стихийных проявлений нравственного величия, нежели в жизни, которая всегда казалась нам самой что ни на есть праведной.

Когда мы выносим приговор падшим или сочувствуем им, откуда нам известно, что, подвергнись мы таким же искушениям, которым подверглись они, мы не пали бы точно так же, как пали они, и возможно, после еще менее продолжительного сопротивления? Откуда мы можем знать, что предприняли бы мы сами, окажись мы без работы, будь мы исхудалыми, голодными, мерзнущими у нетопленного очага, а наши дети просили бы у нас хлеба? Мы не пали, потому что не встретили в своей жизни достаточного искушения! Тот же, кто пал, может быть, в душе не менее достоин, чем мы. Откуда мы знаем, что наши сестры, дочери, жены смогли бы противостоять бедности, покинутости всеми, страданиям, позору, лишениям и искушениям, против которых не устояли их несчастные падшие сестры? Возможно, и они не пали лишь потому, что не подвергались в своей жизни настоящим жестоким искушениям! Как мудро указание молиться за то, чтобы Бог не ввел нас во искушение!

Человеческое суждение никогда не должно быть незыблемым. Сколько убийств было совершено по суду вследствие простого невежества или безумия судей! Сколько убийц было повешено по приговору суда, среди которых истинных, природных, убийц было не больше, чем среди присяжных или судей, выносивших им приговор! Закономерно возникает сомнение, не является ли судопроизводство любой страны огромным институтом произвола и несправедливости. Господь видит и то, что недоступно взору человека; и даже самый последний преступник, как бы черен он ни был в глазах общества, пред Его лицом обладает каким-то мельчайшим лучиком света, мерцающим в уголке его души; однако это тот самый лучик, который давно бы уже погас в душах многих из тех, кто ныне гордо прохаживается в непреходящем свете мирской славы, подвергнись они тем же испытаниям, каким подвергся этот несчастный отверженный.

Мы не познали даже внешней жизни человека. Мы не имеем права даже высказывать суждения о его поступках. Мы не знаем и половины всех деяний порока или добродетели, совершенных нашими самыми близкими людьми. Мы даже о своем ближайшем друге не можем утверждать со всей определенностью, что он не совершил

того или иного греха, не нарушил той или иной заповеди. Пусть каждый испросит совета у своего собственного сердца! Сколько наших собственных порочных или добродетельных деяний остались неизвестными нашим самым близким друзьям?! Скольких добродетелей, которые нам приписывает общество, мы не имеем; сколькими пороками, за которые нас осуждают, мы не обладаем! Только малая толика наших порочных деяний обычно становится широко известной, а из наших добродетелей наибольшая и наилучшая часть, скорее всего, известна только Господу.

Следовательно, мы будем справедливы, верша суд над другими людьми, только если будем духовно щедры; и примем мы на себя обязанность судить другого, только если будем принуждены к этому; ведь мы так склонны ошибаться, а последствия наших ошибок так невероятно серьезны! Никому нет нужды домогаться судейского поста, поскольку принимая его, он принимает на себя тяжелейший и, несомненно, гнетущий груз ответственности. Но вы принимаете его, ибо в природе человеческой – осуждать ближнего своего за то, за что в тех же условиях он оправдал бы сам себя. Пристально следите, исходя из вышесказанного, за исполнением всех обязанностей, налагаемых вашей должностью, честно и милосердно, дабы, совершая правосудие над преступником, вы не совершили преступления, которое было бы еще более низменно, нежели то, за которое вы его осуждаете, а последствия которого мучили бы вас вечно.

Все же для нас важны грехи, преступления и проступки других людей; но только с точки зрения нашей нравственной дисциплины. Войны и кровопролития, происходящие вдали от нас, подлоги, не затрагивающие наши материальные выгоды, – все равно все это затрагивает наши чувства и сказывается на нашем нравственном здоровье. О них следует поразмыслить нашим любознательным сердцам. Общественное мнение может невнимательно отнестись к жертве греха, и этот несчастный может подвигнуть массы лишь на смех над собой или на презрение к себе. Но для масона превыше всего стоит образ священной Человечности; это такое же склонное ошибаться человеческое существо, каков он сам; это покинутая, оставленная всеми, позабытая душа; и в этом случае его мысли – все об той же несчастной заблудшей душе – будут гораздо глубже и проницательнее, нежели мысли презирающего ее, насмехающегося или же выносящего ей приговор. На все человеческие преступления, всю эту систему бесчестия, отговорок, обмана, неправедных

прибылей, оскорбительных амбиций, из-за которых люди так борются друг с другом, здравомыслящий масон взирает не только как на совокупность подлых методов и устремлений, но и как на священный конфликт бессмертных разумов во имя единомоментных целей. Это сожаления достойная и нечестивая борьба; на нее мы вполне вправе взирать с отвращением; но это отвращение непременно должно перерастать в сострадание. Ибо ставки в этой игре отнюдь не соответствуют тому, что воображают те, кто принимает в ней участие, как не соответствуют они и реальности. Например, вот тот человек делает ставку на общественный пост, но в действительности он получает не его, а возможность растрачивать, льстить, совершать подлоги и обманывать.

Добродетельные люди чересчур гордятся своими добродетелями. Они уважаемы; бесчестие обходит их стороной; они обладают весом и влиянием в обществе; на их ризах нет ни единого пятнышка; ядовитое дыхание клеветы никогда не проникало в окружающий их воздух. Как легко им при такой жизни с презрением взирать на несчастного, опороченного преступника, проходить мимо него, не замечая, подбирать при виде него полы своих одеяний, чтобы не дать ему замарать их своим прикосновением! Но ведь величайший из всех Мастеров Добродетели не поступал так; напротив, Он нисходил до нормального общения с простолюдинами и грешниками, например с падшей самаритянкой, с прочими изгоями и париями древней Иудеи.

Многие считают себя добродетельными, исходя из своих понятий о греховности других. Просматривая свои скрижали, в которых записаны все проступки и упущения их ближних, они зачастую, кроме приличествующей этому процессу озабоченности, испытывают тайное радостное возбуждение, которое сводит к нулю все их попытки быть сдержанными и мудрыми, даже добродетельными. Многие же испытывают откровенную радость, наблюдая чужие грехи; и так происходит почти со всеми, кто посвящает свое время приятному сравнению своих – добродетельных – и чужих – порочных – поступков.

Власть нежности так малозаметна в мире; однако существуют всеподчиняющее влияние сочувствия, сила любви, возможность смирить страсть кротостью, всепоглощающая мощь такой совершенной личности, которая сумела бы сочетать в своей душе законный гнев в отношении преступника с сожалением и состраданием

к нему. Именно так должен истинный масон обращаться со своими оступившимися братьями. Не со злостью в душе должен он обращаться к ним, не с легковесной простотой, не с гнетущим равнодушием, не с философской холодностью, не с тупой убежденностью в том, что все хорошо, если так утверждает общественное мнение, а с душевной щедростью и с сочувствующей, любящей добротой.

Сердце человеческое не будет безропотно подчиняться всему тому, что ложно и неправедно в человеческой природе. Если уж оно подчиняется нам, пусть оно подчиняется тому Божественному, что в нас есть. Порочность моего ближнего не должна порочить меня самого; например, его чувственность не должна развивать во мне чрезмерный гнев в отношении его порока, ибо гнев сам по себе тоже есть порок. Мои пороки тоже не должны влиять на пороки моего ближнего. Таким образом, нетерпеливые реформаторы и проповедники-обличители, поспешные хулители и злые родители, надоедливые родственники – все они заслуживают названия грешников.

Нравственное преступление – это недомогание, боль, потеря, бесчестие для бессмертной стороны человека. Это новая вина и новое несчастье, добавленные к прошлым бедам. Оно само по себе бедствие; но вместе с тем оно приносит и дополнительные бедствия в виде гнева Господня, порицания добродетельными людьми и внутренней борьбы. Искренне, но одновременно с этим и мягко, и терпеливо ведите борьбу с этим злом! Оно не должно вызывать в вас ни гнева, ни эгоистичного раздражения, ни вашей внутренней борьбы.

Разговаривайте со своим оступившимся братом ласково. Господь сострадает ему; Христос умер за него; Провидение ожидает его; милосердие Небес вопиет к нему; небесное Воинство с радостью готово вновь принять его в свои объятия. Так пусть же ваш голос звучит в унисон со всеми этими силами, востребованными Господом для его нравственного выздоровления!

Если кто-либо обманул вас, и мало того, еще и счастлив этим, именно он, скорее, чем кто-либо из земных тварей, достоин сострадания. Себе самому он нанес несоизмеримо сильнейший ущерб, нежели вам. Именно на него, а не на вас взирает Господь со смешанным чувством гнева и сострадания, и Его суд да станет законом для вас. Из всех благословений Нагорной проповеди ни одно не распространяется на этого человека, в то время как на сострадающих, на миротворцев и на гонимых они изливаются неиссякаемым потоком.

Все мы, люди, обладаем схожими страстями, склонностями и подвержены одним и тем же слабостям. Во всех нас есть такие элементы, которые при постоянном пренебрежении к высоконравственным идеалам могут привести к самым ужасным преступлениям. Несчастный негодяй, которого ревущая толпа, торжествуя, гонит к эшафоту, ничуть не хуже любого из людей, составляющих эту толпу, будь он поставлен в те же условия, в которые был поставлен преступник. Его всенепременно следует наказать, но столь же всенепременно следует ему и посочувствовать.

Нестойким в своей добродетели и просто грешникам негоже жаждать крови даже самых ужасных преступников. Мы должны быть обязаны Господнему Провидению еще и за то, что Он предусмотрел для нас гораздо более достойную добродетель – сострадание. Во всех нас есть то, что могло подтолкнуть нас на тот же неверный путь. Возможно, мы сами пали бы, подвергнувшись и гораздо меньшему искушению, чем он. Возможно мы сами уже совершили в своей жизни проступки, которые, если принимать во внимание степень искушения или сопутствующие мотивы, были не менее предосудительными, чем его, пусть и величайшая, вина. Молчаливое сострадание и сожаление всегда должны примешиваться к нашему гневу. Даже пират, хладнокровно убивший множество людей в море, – такой же человек, каким вы или я могли бы стать. Сиротство или жестокие, невнимательные или недостойные родители; одинокая юность; плохая компания, невежество и недостаток нравственного воспитания; искушение греховными удовольствиями или всеподавляющей нищетой; близкое знакомство с пороком; опороченное и опохабленное имя; растоптанные и сокрушенные привязанности; постоянные неудачи – вот ступени, которые могли каждого из нас довести до выхода в открытое море под кровавым стягом вселенского отрицания, до объявления войны всему человеческому роду, до того, чтобы жить жизнью и умереть смертью беспощадного флибустьера. Многие наши общечеловеческие чувства взывают к нам о милосердии по отношению к нему. Ведь и его голова некогда возлежала на материнской груди. Ведь и он некогда был любим и уважаем в своей семье. Возможно, его рука, пусть сейчас и запятнанная кровью ближнего, некогда сжимала другую, тонкую и нежную, руку у алтаря. Так посочувствуйте же ему, его разбитому сердцу и погубленной душе! Именно так должны поступать такие нестойкие в своей добродетели и грешные существа, как мы

с вами; мы должны осознавать, что совершено преступление, но осознавать это как слабые, постоянно искушаемые и спасаемые одной Господней милостью существа. Может так случиться, что Господь, взвешивая людские преступления и проступки, принимает во внимание и степень искушения, и сопутствующие обстоятельства, которые привели к ним, а также обстоятельства нравственного воспитания преступника; и также может случиться, что наши собственные проступки будут в этом случае весить больше, чем мы предполагали, а убийство – гораздо меньше, чем на суде человеческом.

В любом случае, пусть ни один масон никогда не забывает прямого указания, которое следует соблюдать в любую минуту нашей на бренной жизни: «Не судите, и не будете судимы… какою мерою мерите, такою же отмерится и вам».[1] Вот урок, преподаваемый степенью Надзирателя и Судьи.

~

Intendant of the Building **8**

Надзиратель за Постройкой (Хранитель Здания)

В этом градусе вы усвоили тот огромной важности урок, что никто не имеет морального права продвинуться вверх по лестнице градусов Древнего и Принятого Шотландского Устава, если не усвоил в теории и на практике масонское учение и систему правосудия. Градусы данного Устава предназначены не для тех, кто удовлетворяется одними лишь церемониями и не ищет возможности углубиться в каверны скрытой мудрости, таящиеся под поверхностью Учения. Вы все еще на подступах к Свету, к звезде, мерцающей в отдалении, которая есть эмблема Божественной Истины, дарованной Господом первым из людей и сохраненной сквозь все перипетии тысячелетий в традициях и учении масонства. Как далеко вы продвинетесь на этом пути, зависит от вас и только от вас. Здесь, как и везде в мире, Тьма борется со Светом и тучи и тени стремятся встать между вами и Истиной.

Когда вы пропитаетесь нравственностью масонства, которой вы сейчас уделяете много времени и внимания и, надеюсь, будете уделять и в будущем, когда вы научитесь всем вышеуказанным добродетелям, когда они станут такими же привычными для вас, как родные пенаты, – тогда и только тогда получите вы возможность воспринять его высокие философские откровения и осознать те высоты, на которых пребывают Свет и Истина. Люди шаг за шагом приближаются к Совершенству, и каждый масонский градус есть шаг на этом пути. Каждый из них есть наука особого долга; и в этом градусе вас учат милосердию и щедрости, учат быть для

своего ближнего образцами добродетели, исправлять свои собственные ошибки, пытаться исправить ошибки своих братьев.

Здесь, как и во всех прочих градусах, вы встречаетесь с новыми эмблемами и Именами Бога, познать истинную природу и истинные свойства Которого всегда было первостепенной задачей масонства. Восхвалять Его беспредельные Благо и Величие, возлагать надежды на Его Провидение, почитать Его и простираться пред Ним как пред Великим Архитектором, Творцом и Законодателем Вселенной – вот одна из главнейших масонских заповедей.

Рукоплескание этого градуса и те пять путешествий, которые вы совершили по ложе, воплощают пять «точек братства» и, по идее, должны заставить вас живо вспомнить о них. Придти в жилище брата даже босиком и даже по грязному полу, помнить о нем, взывая к Богу; прижать его к сердцу и защитить от злонамеренного поступка и недоброго слова; поддержать его, если он готов споткнуться и упасть; дать ему мудрый, честный и дружеский совет – эти наши обязанности просто и ясно записаны на страницах Господнего Закона и в основных документах масонства.

Первый знак данного градуса означает ту скромность и то опасение, с которыми мы приступаем к изучению природы Божественных свойств; второй – священный ужас и почтение, которые мы оказываем Ему во Славе Его; третий – горе, с которым мы взираем на то, насколько переменчивы мы были в исполнении своих обязательств и насколько неприлежно исполняли мы Его предначертания.

Отличительной чертой человека является поиск истины и следование ей. Значит, когда мы освобождаемся от своих повседневных забот и трудов, мы всегда стремимся что-то увидеть, услышать, узнать; мы полагаем знание природы вещей, чудесных или ужасных, незаменимым средством счастливой жизни. Истина, простота и прямота в наибольшей степени согласуются с человеческой природой. Всякая добродетель состоит либо в проницательности и умении постигать Истину, либо в сохранении человеческого общества, которое достигается путем распределения обязанностей между его членами и наблюдения за соблюдением честности в их отношениях между собой, либо в величии и твердости возвышенного и независимого разума, либо в соблюдении порядка и регулярности во всех наших помышлениях и всех наших действиях – а все это, вместе взятое, составляет Умеренность и Терпимость.

Во все времена масонство набожно хранило просвещенную веру, из которой проистекают высшая Преданность, чувство братства, чреватое плодами добрых деяний, дух всепрощения и мира, добрых надежд и праведных увещеваний, равно как и твердость в принятии решений по самым неприятным и болезненным вопросам. Оно всегда проповедовало ее настойчиво и убежденно; поэтому в наши дни оно трудится еще более усердно, чем всегда. Вряд ли существует хотя бы одна масонская церемония, которая всячески бы не подчеркивала это, в особенности принимая во внимание два составляющих принципа любой религии, два принципа, которые создают любую религию: любовь к Богу и любовь к своему ближнему. Масоны вселяют веру в эти принципы в сердца членов своих семей и общества в целом. В то время как сектанты прошлого лишь ослабляли религиозный дух, масонство, создавая единый народ из жителей всего земного шара, выступает под великим стягом Милосердия и Доброй Воли, сохраняет это религиозное чувство, усиливает его, распространяет его в тех его простоте и чистоте, в которых оно всегда пребывало в сердцах человеческих, где оно пребывало еще во времена древнейших суеверий язычества, когда грубейшие и жесточайшие предубеждения мешали его признанию.

Масонская ложа должна быть похожа на пчелиный улей, в котором все члены сообщества работают ради достижения общего для них блага. Масонство создано не для холодных сердец и расчетливых умов, которым недоступно понимание его возвышенной миссии и высшего, апостольского предназначения. Именно здесь давайте вспомним о проклятии равнодушных. Умиротворять претерпевших страдания, распространять Знание, учить всему, что есть истинного и чистого в религии или философии, убеждать людей чтить порядок и прерогативы, даруемые правом на жизнь, указывать путь к истинному счастью, готовить мир к тому времени, когда все ячейки общечеловеческой Семьи, объединенные узами терпимости и братства, станут единым целым, – вот достойные области применения наших трудолюбия и рвения.

Сейчас мы не будем распространять эти мысли или делать из них выводы. Мы просто упоминаем их как своего рода намеки, насчет которых вы вольны поразмыслить в часы своего досуга. Если же вы последуете дальше по масонскому Пути, они распространятся, углубятся и приобретут для вас новое значение.

Масонство не склонно к непрактичным и ни с чем иным не соотносимым предрассудкам: оно вовсе не придает им никакого значения. Оно не требует от своих посвященных ничего из того, что они не в состоянии с легкостью сделать. Его учение исключительно практично; его статуты легки для понимания и претворения в жизнь любым справедливым, честным и доблестным человеком вне зависимости от его вероисповедания и конфессии. Его цель – добиться максимального практического блага без попыток сделать человека совершенным. Оно не вмешивается в дела религии, не старается проникнуть в таинство возрождения. Оно учит Истинам, начертанным Господним перстом в сердце человека, взглядам на долг, которые родились в умах стремящихся к Знанию, были подтверждены верностью благих и мудрых и отлиты, точно драгоценная монета, в ответе на них любого неиспорченного сознания. Оно не догматизирует и даже не пытается представить догматическую определенность достижимой.

Масонство не стремится перекроить под себя этот мир с его поразительной красотой, его удивительными тайнами, его славными трудами и праведными и святыми влечениями; оно не стремится также исключить себя из этой жизни, отвратиться от нее в сердце своем как от жизни пустой, неверной и недостойной, а вместо этого обратить взор к Небесам как к единственной сфере, достойной любви любящих и размышлений мыслящих. Масонство учит тому, что человек должен выполнить на этой Земле свой священный долг и быть верным своей достойной судьбе, что этот мир – не только ворота в мир иной, что эта жизнь, пусть она и не единственная, – именно та жизнь, прожить которую нам суждено в этом мире, и по ней нас будут судить в мире по ту сторону; что настоящее – это наше поле действия, а будущее – поле размышлений и веры; что человек был послан на эту Землю для того, чтобы жить на ней, любить ее, наслаждаться ею, изучать ее, способствовать ее процветанию, извлекать из нее все, что только можно. И именно на благо своей страны должен он употребить всю свою любовь и все знания. Именно здесь он может на все оказать влияние. Это его дом, а не временный шалаш; это его дом, а не просто школа. Он послан в этот мир не для того, чтобы только и делать, что мечтать о другом мире, ждать его и жаждать, готовиться к нему, но для того, чтобы выполнить здесь возложенный на него долг и свое предназначение, чтобы сделать все, что в его силах для того, чтобы превратить этот мир в мир воз-

вышенного счастья для себя, для всех вокруг себя, для всех, кто придет после него. Его жизнь здесь – это часть его бессмертия; а этот мир, так же, как и другие, парит среди звезд.

И таким только образом, как учит нас масонство, приуготовляется человек к будущему, на которое надеется. Незримое не может быть предметом наших привязанностей в большей степени, чем зримое и знакомое. Законом нашего бытия должны стать любовь к жизни, ее влечениям и красотам, любовь к миру, в котором наш жребий брошен, единение с влечениями и привязанностями Земли. Это закон не чувственной любви, не любви к богатству, славе или легкости бытия, или силе, или величию. Это не низкое «мирское», это любовь к Земле, на которой Творец разбил чудесный в своей красе сад, к Земле как дому человечества, арене его конфликтов, сцене, где протекает его бесконечный прогресс, дому, где живут самые мудрые, любящие и заботливые его представители, месту, где проходит его развитие через грех, страдание и горе, истоку самых достойных страстей, самых возвышенных добродетелей и нежнейших привязанностей.

Бесплодными навечно обречены быть все труды тех, кто тщится убедить людей в том, что им следует всячески презирать этот мир и все то, что в нем есть, при условии, что сами они живут в нем. Господь не для того создавал этот мир, обустраивал его и украшал всем тем, что в нем теперь есть, чтобы те, кто был создан Им для того, чтобы жить в этом мире, ненавидели и презирали его. Достаточно будет, если они не будут его любить чрезмерно. Бесполезно стремиться искоренить все привязанности и страсти, которые вечно будут неотделимы от человеческой природы. Сколько бы ни было суждено жизненного срока этому миру, вечно почитающему честь, добродетель и трудолюбие, он всегда будет будить в лучших и достойнейших своих людях и страсти, и амбиции, и привязанности; а если бы так не было, грех, варварство и пороки охватили бы все нации мира, то есть гораздо больше людей, чем сейчас.

Лишь те, кто глубоко заинтересован судьбами этого мира, кто исполнен к нему любви, могут трудиться во имя его усовершенствования. Те же, кто недооценивает эту жизнь, все чаще и глубже огорчаются и разочаровываются, что естественно, но при этом они также теряют интерес к жизни своего ближнего. Напротив, чтобы служить своим ближним – ведь таково наше предназначение как масонов, – мы должны осознавать, что цель стоит затраченных на ее

достижение средств; мы должны также радоваться этому миру, в который мы были помещены Господом, пока Он не позволил нам переселиться в лучший. Он Сам здесь, с нами, и отнюдь не считает этот мир недостойным.

Это очень серьезно – осуждать и порицать весь мир, говорить о нем как об обиталище бедной, в поте лица своего добывающей хлеб свой, суеверной, невежественной, отвратительной расы. Вы, например, ни в коем случае не сказали бы такого о своей семье, круге своих друзей, своей деревне, своем городе, своей стране... Мир не грешен и не бесполезен; это не проклятие, не несчастье – жить в этом мире; и стоит быть благодарным за то, что ты – человек. Если не имеет смысла жизнь, бессмысленно и бессмертие.

В самом сообществе, в этом живом механизме человеческих взаимоотношений, которые распространяются на весь мир, существует некая внутренняя, более тонкая эссенция, некий мотор, который движет им не менее эффективно, чем любая другая энергия, сила тяжести или центробежная сила, например, которая заставляет бегать самодвижущийся экипаж. Человеческая машина мечется взад-вперед по Земле, выставляет руки во все стороны, чтобы дать начало труду, торговле, бесчисленному количеству прочих предприятий и работ; и почти всегда мотив, движущий ею, – это нечто, одновременно овладевающее и сферой привязанностей, удобств, и надеждами всего общественного бытия. Правда, этот механизм зачастую работает с большим трудом, а от перенапряжения скрипит и дает сбои. И точно так же сущность благого побуждения, смешиваясь с прочими, более грубыми и низменными компонентами, зачастую начинает буксовать, реветь, тормозить и наконец делать совершенно невозможным дальнейшее вершение справедливого делания в общественной жизни. Однако как назвать благодарным или мудрым того, кто смотрит на жизнь глазами циника и таким образом теряет всю тонкую сущность самой жизни, не замечая ее за внешними наслоениями и искажениями? Дабы быть способными стать другом, дабы иметь возможность заиметь друзей, пусть и единственного друга в целом мире, ради одного этого единственного счастливейшего приобретения мы должны научиться преодолевать все страдания этого мира и этого общества. Дабы было у нас в мире такое место как дом, убежище и святилище, замкнутое в четырех стенах, наш последний оплот простых и вечных радостей покоя и защищенности, нам стоит побороться со всеми лишениями этого

мира. Дабы быть людьми верными, общественными, способными свободно высказывать свои мысли среди всех противоречий и различий во мнениях окружающих, мы должны признать, что этот фактор внутренней свободы превыше всех внешних факторов, которые только могут появиться.

Во внешних проявлениях и действиях общественной жизни, зачастую отвратительных и раздражающих, мы иногда теряем ощущение ее внутренней святости и благословенности. А ведь в Природе истинная красота содержится не в грубом и осязаемом, не в почве и дождях, даже не в цветах и полях, а в незримом духе мудрости и красоты, пронизывающем ее всю; так и в обществе – именно невидимое, неосязаемое и есть самое прекрасное в нем.

Что придает силы руке труженика? Если бы человек счел, что он один-одинешенек в этом мире, он тут же бросил бы лопату или топор и опрометью бросился бы в пустыню или же носился бы по всему миру подобно опустошительному смерчу, создавая пустыню повсюду, где бы пробегал. А между тем его дом, который он посещает, может быть, всего лишь пару раз за день, является нерушимой связью его с окружающим миром. Именно добрая, крепкая и достойная вера людей друг в друга придает самый возвышенный характер любому предприятию и начинанию в торговле, коммерции – вообще в любом деле. Конечно, можно встретить и обман, и подлог, но это скорее исключение, чем правило. А вот честность – правило; и все обманы и подлоги этого мира не могут разорвать извечную связь человеческого доверия. Будь все иначе, коммерция давно бы свернула свои паруса в нашем житейском море, и все города мира давно лежали бы в руинах. Ведь вы же считаете характер и положение человека, который живет на другом краю света, которого вы никогда в жизни не видели и которого никогда в жизни не увидите, достаточным основанием для выдачи ему кредита в несколько тысяч. Самая поразительная черта политического устройства мира – это не правительства, не Конституции, не законы, не их исполнение, не судебная власть, не полиция, а вселенское стремление людей быть управляемыми общественным договором. Уберите это условие – и все правительства мира падут через минуту.

Из всего многообразия учений масонства самым важным является то положение, что ни в коем случае не следует принижать значение этой жизни. Это не значит, что, размышляя о судьбе, уготованной человеку на этой земле, мы должны орошать слезной росой

его колыбель; но, подобно древним евреям, мы приветствуем рождение человека, полагая его величайшим праздником.

Мы не должны испытывать жалость к тем, кто утверждает, что познал жизнь и увидел, что она ничего не стоит, кто со всей уверенностью истово голосит, что она скорее ужасна, нежели прекрасна, ибо подобные утверждения чаще всего ложны и легко опровергаются: просто такие люди обычно разорвали дружеские связи или друзья их умерли, внешние радости для них поблекли, их никто не восхваляет, все жизненные пути кажутся проторенными, давно знакомыми и скучными.

Масонство отнюдь не полагает высокой набожностью и верностью Господу пренебрежение, даже презрение к тому состоянию, которое Он предназначил для нас. Масонство никогда не проповедовало абсурдное сравнение или даже противопоставление этого мира Миру иному. Оно рассматривает эти два мира как части одного единого целого. Оно утверждает, что человек в одно и то же время может достигнуть всего наилучшего и в этом мире, и в том. Оно учит своих посвященных ни в коем случае не преувеличивать значение иных судеб и деяний, предначертанных Богом, принижая при этом смысл собственного существования и собственные деяния. Оно смотрит на жизнь как на время, ни в коем случае не потраченное впустую; на свои дела – как на дела, вполне достойные бессмертного существа; оно не советует своим последователям вложить в ножны оружие, потому, якобы, что они недостойны сопротивления своей низменной судьбе и стремления ее изменить; наоборот, оно трезво и радостно взирает на мир как на театр достойных деяний, возвышенной пользы и разумных и невинных радостей.

Масонство учит тому, что жизнь, несмотря на все зло, встречающееся в ней, – это благословение Господне. Отрицать это – значит, разрушать основу любой природной религии Откровения. Основание любой религии составляет твердое убеждение в том, что Бог есть благо; а если эта жизнь есть проклятие и зло, то такого основания никак не может быть. Уравнивать известную нам и часто встречающуюся злую карикатуру на человечество и человеческий опыт в целом, считать поэтому человечество порочным и достойным презрения, рассматривать этот мир как обиталище неприглядного и презренного рода живых существ, которое можно только презирать или высмеивать, полагать эту Землю темницей, в которой нельзя обрести благословение и из которой можно только в ужасе

бежать, – значит, искоренять исконный свет веры, надежды и счастья, уничтожать основание религии, а ведь основание Истины – в благе Бога. Если бы все это было действительно так, как мы временами полагаем, не имело бы смысла рассуждать о том, что есть истина, а что – ложь; вообще рассуждать становится бессмысленно, равно как и веровать; и все относящееся к высшему человеческому существу и его внутренней природе оказывается погребенным в мизантропии, меланхолии и отчаянии.

Наша любовь к жизни, упорство, с которым мы в печали и радости сохраняем ее, наша привязанность к своему дому, к месту, в котором мы родились и на стенах которого начертаны летописи всех дней нашей жизни – каким бы неприглядным, опустошенным и запущенным он бы нам ни казался, свидетельствуют о том, насколько мы ощущаем себя частями нашего рода и людского общества вообще. Отчаяние всегда сильнее задевает наши души, чем счастье: ведь первое, в отличие от второго, не имеет корней в нашем сознании, оно нам подсознательно непривычно, поэтому мы так остро ощущаем его присутствие в нашей жизни. Счастье живет внутри нас, и мы забываем о нем. Оно не волнует нас, ничем не нарушает привычный ход и порядок наших мыслей. Сильное потрясение немедленно становится в нашей жизни целой эпохой. Мы помним все наши потрясения, как не можем мы забыть пережитые землетрясение или бурю. Они просто являются непривычными состояниями окружающего мира. Это ужасные события, которые врезаются в память именно в силу своей необычности, в то время как периоды спокойствия и радости между ними остаются незамеченными нами. Мы помним и долго не забываем периоды горя и невзгод в нашей жизни, а многие периоды счастья и спокойствия остаются для нас незамеченными, они проходят мимо нашего внутреннего взора, мы даже не воссылаем ввысь благодарности за них. Мы мало расположены и еще менее способны вызвать из сумрачных и непознанных глубин памяти воспоминания о счастливых прошедших годах, о мирных минутах, простых чувствах, светлых мыслях, непотревоженном отдыхе, узах сладостной привязанности, а между тем во все это время жизнь наша текла, укачивая почти ничего не замечающих нас на своей любящей груди, и нам было там так спокойно и хорошо.

Жизнь бывает не только хороша и безоблачна, но опыт миллионов подтверждает, что она может быть великолепной. Она окутана славой всех добродетелей человеческих. Ее осеняет сияние

верности, преданности, милосердия и героизма; на ее челе венец тысяч мучеников. Сияние души проникает сквозь видимую и иногда мрачную жизнь, исполненную забот и трудов. Самое скромное существо никогда не теряет уверенности в своей связи с Беспредельным Истоком. В каждой слабой человеческой душе есть нечто могущественное; в каждом бренном, преходящем теле существует частица бессмертия. Сознание бесконечно стремится вовне, во все стороны, к Вечности. Мысли, исходящие из него, проникают далеко в пространство, в бескрайние просторы, в неизмеримое, в Вечность, в недостижимое, темное, пугающее будущее и становятся реальностью спустя много лет, в другие эпохи. Познать величественного Творца этих мыслей, впитать мудрость далеких и вечных звезд, вознести ввысь благодарение, смирение и любовь к Нему – Творцу всех миров, становясь, таким образом, бессмертным, распространяя свои деяния и плоды своих размышлений на столь медленно приближающееся будущее, – вот что делает жизнь человеческую достойной и славной.

Жизнь – чудеснейшее из творений Господних. Это Свет, проистекший из пустоты и тьмы; сила возникла из бессилия и инертности; Творение произошло из ничего; от противопоставления, таким образом, происходят чудеса и радость. Жизнь порождена потоком бесконечного, все преодолевающего блага; и с того самого момента, когда она появляется на свет и до того самого мига, когда она вновь соединяется с Вечностью, это благо сопутствует ей и наставляет ее на ее путях Истины. Это великий и славный дар. Радость звучит в детских голосах; радость звучит в быстрой поступи юности; глубокое удовлетворение сквозит в рассуждениях могучей зрелости; мир пронизывает тихую старость. Благо жизни сопутствует добрым, добродетель – верным, победа – отважным. Даже в самой скромной жизни существует бесконечность – для тех, чьи желания не имеют границ. В зарождении жизни мы видим благословение, в смерти – надежду, в перспективах грядущего бытия – вечность. Поэтому Земля, столь многих сковывающая неразрывными цепями, для масона одновременно является и отправной точкой бытия, и надеждой на бессмертие. Многих она погребает под грудой ежедневных бытовых забот и бесполезных сует, но для масона она – возвышенное место молитв и размышлений, где Вечность, Бесконечность и Небеса постоянно окружают его и простираются перед ним. Для возвышенных, отважных и чистых сердцем людей эта жизнь явля-

ется отправной точкой на пути к Небесам и, следовательно, частью бессмертия.

Господь назначил одно лекарство от всех зол и горестей мира: умиротворение духа. Мы можем удовлетвориться и бедностью, и неудачей, если они уравновешены внутренними смирением и спокойствием. Никто не может быть нищим, если он не считает себя нищим сам, но если некто, чья удачливость не вызывает сомнений, начинает вожделеть большего и требовать этого либо искать сам, он тем самым признается в своей нищете и становится настоящим нищим. Эта добродетель – удовлетворенность – является квинтэссенцией всей древней нравственной философии, и она по сей день является одной из наиболее полезных в нашей повседневной жизни; это единственный способ ослабить давление бремени земного бытия и жизненных неудач. Это способность разумно и осознанно соответствовать выбору Божественного Провидения, управляющего всем миром и назначающего всем нам ту или иную судьбу в соответствии с Его видами на всю Его великую всемирную Семью. Господь распределяет Свои дары так, как Ему это угодно; если мы ропщем на тот или иной наш земной удел, то кто гарантирует, что во время очередного приступа меланхолии мы не возропщем на Него за то, что Он не сотворил нас ангелами или звездами небесными?

Мы сами делаем свои судьбы плохими или хорошими; и если Господь насылает на нас тиранию или болезнь, или общественное презрение, или падение доходов, если мы боимся смерти или не умеем быть терпеливыми, или исполнены гордыни, или чересчур скрытны – мы в большой беде. Но если мы постоянно следуем в своей жизни принципам добра и чести, боимся бесчестия гораздо больше физической смерти, полагаем нетерпимость большим злом, нежели желтая лихорадка, а гордыню – величайшим грехом и величайшей глупостью, а бедность – гораздо более предпочтительным состоянием, нежели страдания алчности, – мы непременно сохраним трезвый разум и лишь улыбнемся, если Судьба повернется к нам спиной и на пути нам встретятся препятствия и неприятности.

Если ты потерял землю, не теряй же вслед за ней спокойствия; и даже если суждено тебе умереть ранее других и ранее, чем сам ты предполагал, не умирай возмущенным. Ибо не будет зла человеку, который спокоен и удовлетворен, и ничего нет хуже неразумности для человека. Никакой человек не может сделать другого человека своим рабом, если этот другой человек сперва сам не продал себя

в рабство жизни и смерти, удовольствиям и боли, надежде или страху; научись управлять страстями – и ты станешь могущественнее царей парфянских.

Если твой враг порицает тебя, его следует считать лишь бесстрастным зеркалом твоих собственных проступков, ибо он все скажет честнее лучшего твоего друга, ему вполне можно простить его гнев и отлично воспользоваться просто и прямо сообщенными им сведениями для исправления своего поведения. Бык пашет лучше всего, когда он под ярмом, и если на протяжении всей жизни злоба и зависть наших врагов заставляет натягиваться нашу символическую узду, выверяя наш путь по жизни, – это гораздо лучше, чем если бы лесть заставляла нас почивать на лаврах, впав в гордыню.

Если ты потерял общественный пост, ищи убежища в тихом и достойном удалении от дел и не тешь себя мыслями о том, сколько ты мог бы еще приобрести всего во внешнем мире или насколько ты в безопасности у себя дома. Когда дует пронизывающий северный ветер и идет проливной дождь, мы же не садимся на землю и не начинаем плакать в бессильном отчаянии: мы защищаемся от непогоды теплой одеждой, ласковым пламенем костра и сухой крышей. Так же и в случае, если суровые бури житейской непогоды нарушают наш душевный покой, мы вполне можем обратиться к помощи того, что есть благо, если стремление к нему действительно сильно в нас; мы можем защититься от их беспощадных порывов и ударов уравновешенностью и терпением. И если они развили в нас терпение, позволили проявить героическую стойкость, они уже сделали достаточно для того, чтобы уравновесить все причиненные ими нам временные неудобства; именно так мудрец преодолевает предначертанный ему звездами жребий; именно так он оказывает большее влияние на собственную судьбу, чем все звезды всех созвездий небесной тверди.

Не сравнивай свое положение с положением немногих, кто стоит выше тебя, но, дабы сохранить душевное равновесие и покой, обрати свой взор на тысячи и тысячи тех, с кем бы ты никогда и ни за что по доброй воле не обменялся бы судьбой. Воин не должен считать себя неудачником, если он не так возвысился на поле брани, как Александр Македонский или Веллингтон; никто не должен считать себя несчастным, если у него меньше материальных богатств, чем у Ротшильда; пусть первый скорее возрадуется, что он не так несчастлив, как те сотни полководцев, которые позорно

бежали – конно и пеше – пред натиском Наполеона, а второй – что он богаче несчастного нищего, который с непокрытой головой под ледяным зимним ветром протягивает за милостыней трясущуюся руку с дырявой шляпой. Конечно, есть такие, кто счастливее и богаче тебя, но многие тысячи беднее и несчастнее.

Даже под самыми жестокими ударами судьбы нам остается что-то хорошее в этой жизни: веселое лицо, радостное настроение, здравый смысл, Божественное Провидение, наши мечты о Небе, наше милосердие к тем, кто обидел нас, любящая супруга, множество сочувствующих друзей, из которых кто-то наверняка может развеять наши беды, свет и воздух, все красоты Природы; мы все еще можем читать, разговаривать и размышлять, а имея все эти благословенные дары, неужели мы готовы их отвергнуть, чтобы просто усесться в своем терновом венце и горевать над своей бедой?

Радуйся благу ниспосланных Господом дней и спокойно, терпеливо и достойно переноси неизбежное зло, встречающееся в них, ибо лишь этот день принадлежит нам: для вчерашнего дня мы умерли, а для завтрашнего еще не родились. Пусть круто и жестоко меняется наша судьба, но не меняется наш дух, если он всегда готов к горестям и превратностям судьбы, взирая на них несколько отстраненно, точно свысока или со стороны. Благословенные дары Господни: умеренность, осторожность, свобода и приобщенность – заслуживают того, чтобы всю жизнь воссылать за них хвалы Всевышнему. Мы в течение жизни ежечасно спасаемся от тысяч бед, которые, случись они с нами, заставили бы позабыть об уже приключившихся с нами несчастиях и возблагодарить Бога за те тысячи бед, которые могли бы с нами случиться в будущем, но случиться им было не суждено.

Измеряй свои стремления своей судьбой и своим положением, а не свою судьбу – своими стремлениями; пусть тобой управляют нужды, а не причуды, природа, а не вредные привычки и амбициозные планы. Грех не в бедности, а в злобе и нетерпимости. Разве более велик тот огромный зверь, на пропитание которого уходят горы мяса, чем пчелка, питающаяся росой или манной и живущая тем, что ежедневно даруют ей Небеса, облака и Провидение?

Существуют такие обстоятельства, встречающиеся нам на жизненном пути, которые не терпят присутствия друг друга, и это вполне справедливое условие: случается так, что, дабы обрести одно, обязательно теряешь другое, а если стремишься обрести и то и другое

сразу, теряешь и то и другое. Если предпочитаешь путь учения и познания, веди тихую и уединенную жизнь; если стремишься к государственным и политическим постам и почестям, придется постоянно бывать на людях, исполнять все общественные обязанности и долги, дабы обрести необходимый опыт, поддерживать дружеские отношения со всеми окружающими и практически вообще никогда не отдыхать. Если хочешь быть богат – будь мелочен; хочешь популярности – будь умеренно расточителен; хочешь быть философом – презирай богатство. Если хочешь быть известен, как Епаминонд, прими за правило и его бедность, которая только добавляла блеска его личности и зависти окружающих – его судьбе; добродетель его без бедности не была бы столь совершенной. Если жаждешь славы мученика – будь готов выдержать преследования, полагающиеся таковому; желаешь славы благодетеля мира – будь готов к неблагодарности и несправедливости этого мира; жаждешь истинного величия – будь готов к тому, что толпа может предпочесть и наверняка предпочтет тебе гораздо менее значимую личность.

Господь полагает одним из элементов Своей Славы то, что Он извлекает благо из зла; а потому нам следует полагать разумным и справедливым то, как Он управляет по Своему усмотрению Своим миром, и терпеливо и бестрепетно ожидать всего того, что суждено нам пережить на нашем веку, ибо пути Господни неисповедимы.

Уравновешенность масона ни в коем случае не должна превращаться в простую самоуверенность глупца, который совершенно счастлив тем, что все в порядке у него самого, и совершенно безразличен к горестям окружающих. В мире всегда будут несправедливость, которую следует простить, страдания, которые следует облегчить, горе, которому следует посочувствовать, нужды и потери, которые следует восполнить, и всегда есть место милосердию и творению блага. А тот, кто совершенно безразличен ко всему этому и даже, может быть, от этого еще больше наслаждается своими спокойствием и процветанием, которые так не похожи на ужасающую нищету, голод и дикое неравноправие, от которых страдают другие люди, – не уравновешен, а просто самовлюблен и равнодушен.

Грустнее всего на земле вид человека ленивого и процветающего или грубого и безжалостного, к которому впустую вопиет нужда и с которым страдание говорит на неизвестном ему языке. Человек, которого голод толкает на насилие и преступление, и вполовину

так не грешен, как такой человек. Бесчестным распорядителем, растратчиком видится нам тот, кто впустую разбрасывает все то, что Господь даровал ему для вспомоществования окружающим его сирым и убогим собратьям. Истинный масон должен быть и имеет право быть удовлетворен сам собой; но в действительности может он таковым быть только в том случае, если живет не только ради и во имя себя самого, но также ради и во имя других, тех, кто нуждается в его помощи и взывает к его милосердию.

Вот отличные слова: «Милосердие есть великий путеводный канал, по которому Бог передает человечеству Свои милости. Ибо наши грехи отпускаются той же мерой, какой мы способны прощать ближнего своего. Это правило наших надежд и мерило наших устремлений в этом мире; и в день Страшного суда великое суждение обо всем роде человеческом будет вынесено в соответствии с нашими дарами, которые суть оборотная сторона милосердия. Бог есть Любовь; и любое проявление милосердия в нас является нашим соучастием в проявлении Божественной Природы».

Масонство же всегда претворяет свои принципы в жизнь. Оно ожидает, что этими принципами ты будешь руководствоваться впредь. Особенно же оно налагает обязанность следовать этим принципам на тех, кто использует чужой труд, запрещая ему увольнять работников, если он знает, что для них это означает голодную смерть, или нанимать их на работу за столь низкую плату, что вместе со своим временем и трудом им приходилось бы отдавать работодателю также и кровь, и саму жизнь свою каплю за каплей.

Эти градусы учат также большему, чем просто нравственность. Символы и церемонии масонства обладают более чем одним значением. Они скорее скрывают, чем раскрывают Истину. В лучшем случае они лишь намекают на ее присутствие где-то рядом, и их разнообразные потаенные значения постигаются лишь в ходе трудов и раздумий. Истину символизирует не только Свет как таковой, но как свет распадается на лучи спектра, так и Истина распадается на значения и смыслы. Масонство способно и стремится обучить всем истинам: не только нравственной истине, но также истине политической и философской, даже религиозной истине, в общих и наиболее принципиальных аспектах каждой их них. Символом был и сфинкс. Кому он открыл свое потаенное значение во всей полноте? Кому ведомо символическое значение пирамид?

Впоследствии ты узнаешь, кто является величайшими врагами свободы человека, воплощенными в убийцах Мастера Хирама; и в их последующей судьбе увидишь предзнаменование того, что, как мы искренне надеемся, вскоре покарает врагов человечества, против которых так давно борется масонство.

Elect of the Nine

9

Рыцарь Избранник Девяти

Изначально созданный для того, чтобы вознаградить верность, послушание и преданность, этот градус был освящен в честь отваги, лояльности к законно избранной власти и патриотизма; и принятое тобой торжественное обязательство открыло тебе обязанности, принятые на твои плечи. Они сводятся к простому императиву: «Защищай угнетенного от угнетателя и отдавай всего себя служению чести и интересам своей страны».

Масонство в действительности носит не «умозрительный» (спекулятивный), не теоретический, а экспериментальный характер; оно относится не к области чувств, а к области практики. Оно требует от своих посвященных самоотречения и самоконтроля. Оно не одобряет многие прегрешения человеческие и неизменно препятствует осуществлению многих наших начинаний и многих, как нам зачастую представляется, земных радостей. Оно проникает за пределы банального и абстрактного сочувствия; оно проникает далее тех областей, где моралисты и философы плетут тонкую ткань своих теорий и изрекают прекрасные и красноречивые максимы, – в самые глубины сердца; оно отвергает нашу низменность и нашу мелочность, опровергает наши предрассудки и страсти, ведет нескончаемую борьбу с нашими пороками.

Оно ведет борьбу со страстями, проистекающими из лона мира тонкого чувствования, мира благих слов и отвратительных дел, отличных максим и мерзкой практики, в котором темные страсти не только ограничены красивейшими обрядами и церемониями, но и

сокрыты от окружающего мира и сами от себя пеленой красивейших чувств. Этот ужасный солиптический мир существовал во все времена. Романский сентиментализм часто покрывал порок и неверность; протестантизм со всей своей прямотой часто воспевает духовность и веру и презирает простые и вечные истины, правдивость и щедрость; а утонченность сверхлиберальных рационалистов иногда заставляет их воспарять своими мечтами к небесам, а своими делами продолжать питать самые грязные земные уделы.

Конечно, может существовать мир масонского чувствования, в котором, однако, совершенно не будет масонства. Во многих умах живет чрезвычайно общее и расплывчатое знание о масонских милосердии, щедрости и беспристрастности, но мало кто четко себе представляет масонские человечность, жертвенность и либерализм. Масонство сияет для них холодным и призрачным светом, подобным тому, который озаряет северное небо и тут же исчезает из виду. Иногда в их умах вспыхивают отблески щедрости и мужества, преходящие, временные сокровища, отражение Небесного сияния в их воображении; но в сердцах их нет извечного тепла; сердца их остаются холодными и пустыми, подобно Арктике или Антарктике. Эти люди ничего не делают; они не побеждают сами себя ежеминутно; они не двигаются вперед; они все еще пребывают в Северо-Восточном углу Храма, в котором они стояли при посвящении в Ученики; они не культивируют масонство в самих себе тщательно, уверенно и постоянно, как они культивируют в себе свое общественное положение, профессионализм, общечеловеческие чувства. Масонство для них состоит лишь в самых общих проявлениях ни к чему не приводящего и не могущего привести сочувствия, в словах, формулах и пустых обещаниях.

Большинство людей обладает чувствами, а не принципами. К первым я отношу чувства временные, а ко вторым – неизменные основы знания о добре и добродетелях, управляющие поведением человека. Первые являются чересчур общими и непроизвольными, они никогда не возвышаются до уровня добродетели. Их испытывают все. Они внезапно вспыхивают время от времени в каждом сердце. Вторые же управляют действиями человека, формируют и определяют наше поведение; и именно на них старается воздействовать масонство.

Мы воспеваем правых и преследуем неправых. Это старая история о несовершенстве человеческой природы. Никто и никогда не воспевал и не проповедовал неправедность, несправедливость, ложь,

жестокость, месть, зависть, скрытность или клевету, но сколько в мире тех, кто, в теории осуждая все эти пороки, на практике являются их активнейшими приверженцами. Это не редкость для того, например, кто исполняется гневом, узнавая о творимой вопиющей несправедливости, жестоком преследовании, низменной клевете или человеческом горе, вызванном всеобщим равнодушием; чей гнев бывает обычно вызван несчастиями и падением униженных и оскорбленных; и в таком случае он сам может стать в некотором смысле и злобен, и жесток, и завистлив, и распущен, и злоречив. Как удивительно зол бывает человек, стремящийся пробудить общественное сознание и человеколюбие в других!

Отлично сказано одним великим проповедником: «Нет тебе прощения, кто судит ближнего своего; ибо судя другого, осуждаешь себя, и то и делаешь, осуждая другого». Удивительно, насколько часто о чести и добродетели говорят именно те люди, сама жизнь которых является опровержением и того, и другого. Удивительно, как велики способности к цитированию Священного Писания именно у плохих людей. Кажется, их нечистой совести приносит облегчение произнесение ими чистых и благих слов; они вершат отвратительные дела и при этом усердно цитируют Писание, применяя его для оправдания своих низменных целей. Часто чем больше человек толкует о милосердии и терпимости, тем в меньшей степени он сам ими обладает; чем больше он говорит о добродетели, тем меньшими добродетелями он может похвастаться сам. Уста открываются от переполненности сердца, но часто слова, исходящие из них, противоречат всему, что человек делает в действительности. И самые порочные и подверженные страстям люди совершенно серьезно, от чистого сердца, на словах выражают глубокое презрение к пороку и страстям. Лицемерие гораздо шире распространено, чем можно было бы предположить.

Здесь, в ложе, добродетели и пороки являются лишь предметами размышлений и чувств. Здесь нам предоставляется лишь очень немного возможностей практиковать те или другие, и поэтому масоны вступают в споры относительно них со всеми к этому способностями и готовностью, ибо результат этих споров равен нулю. Здесь просто и безопасно прощупывать эти материи. Но назавтра, когда братья снова вдыхают воздух светских привилегий, прибыли и конкуренции, страсти снова волнуются от близости незаконных или безнравственных развлечений – и тут же все их тонкое чувство

добродетели, героические самоотверженность и жертвенность, отрицание чувственности немедленно растворяются в воздухе, подобно утренней дымке.

На некоторое время все их чувства и намерения становятся искренними и настоящими. Многие люди действительно могут по-настоящему, искренне интересоваться масонством, но при этом быть людьми не идеальной добродетели. И это не всегда и необязательно лицемеры. Эти люди часто и помногу искренне молятся, но при этом вполне могут совершать гадкие и низменные поступки, такие неправедные и несправедливые, что с ними вряд ли могут поспорить преступления, дела по которым заполняют в наши дни все судебные канцелярии.

Человек может быть очень хорошим вообще, но, тем не менее, очень плохим в частности: хорошим в ложе и плохим в миру, хорошим на публике и плохим в семье, хорошим на родине и плохим во время путешествия в другой город. Многие люди совершенно искренне стремились стать хорошими масонами. Они так говорили и были искренни. Но стоило потребовать от них ради этой цели отринуть некоторые свои пристрастия, пожертвовать некоторыми привычками, последить, например, за своим аппетитом на назначенном тогда-то и тогда-то пиру или смирить пыл во время спора – тут же выяснялось, что они уже не хотят быть хорошими масонами в этом конкретном случае, то есть они просто оказывались неспособны – или сами не желали – ни в чем себя ограничить.

Жизненный долг – это больше, чем просто жизнь. Закон возлагает его на каждого гражданина, и каждый должен предпочитать интересы своей страны интересам собственной жизни. Если человеку – предположим, великому писателю – приказано наводить пушку или подносить снаряды во время обороны королевского города, которому угрожает неприятель, он никакими своими сердечными бурями и высоким предназначением не сможет оправдать себя, если сбросит эти снаряды со стены; ибо еще одним великим римлянином было сказано, когда ему пытались помешать взойти на борт корабля, поясняя, что погода неблагоприятная: “Necesse est ut eam, non ut vivam”, то есть «Отплыть я обязан, а жить – нет».

Как предательски прячется в кусты тот, кто умирает, не отразив обратно ввысь ниспосланный ему Божественный Свет! Какая бесплодная смоковница – тот, кто живет и пользуется этой землей, и разрастается, но не оставляет по себе ни единого семени, ни единого

доброго поступка, который бы вызвал к жизни другой, точно такой же! Конечно, все не могут оставить на земле одинаковый след, но каждый в состоянии оставить по себе нечто, сообразно своим масштабам и способностям. Мертвы те пшеничные зерна, которые, пав на землю, не дали ни одного ростка. Нет пути на Небеса тому, кто решил забраться туда в одиночку.

Трудолюбие не может не обрести хотя бы части заслуженного вознаграждения. Даже если оно не приносит материальной прибыли в твои карманы, оно все же гонит порок лености прочь из твоего дома. Особый ангел-хранитель всегда стоит за плечом трудолюбца, и в руке его лавровый венец, готовый увенчать его голову. Сколь бесполезен и никчемен был бы человек, если бы он ничего путного не делал в жизни, а только жил и умирал! То, что мы обладаем свободой что-либо делать, творить, следует считать даром благосклонных к нам Небес; то, что мы обладаем разумом, наставляющим нас, когда и как использовать эту свободу, – величайшей благодатью Господней.

Масонство – это действие, а не инертность. Оно требует от своих посвященных работы, активной и честной, во славу их братьев, их страны, всего человечества. Оно покровительствует преследуемым, оно умиротворяет и утешает униженных и притесняемых. Оно видит для себя более высокую честь в том, чтобы быть оружием преобразований и прогресса, чем в почитании всех привилегий и титулов, которые может даровать общество. Оно защищает простых людей во всем, что касается самых возвышенных интересов человечества в целом. Ему ненавистны неограниченная мощь и узурпированная власть. Оно исполнено жалости к обездоленным, страдающим, беспокойным; оно надеется и стремится возвысить невежественных, падших и обесчещенных.

О его верности своей возвышенной цели позволяют со всей определенностью судить масштабы его усилий и трудов, используемые им средства совершенствования человечества в целом и условий его существования, главнейшим из который на настоящее время является вспомоществование бедным в получении их детьми образования. Образованный человек, узнавший о своих правах, не замедлит осознать заключенную в них мощь и более не позволит никому унижать и беззаконно преследовать себя; а не будь силы Слова и достаточного количества добродетельных людей в обществе, отвратительная и порочная верхушка общественной пирамиды служила бы достойным

завершением конструкции, покоящейся на столь шатком фундаменте. Никакая нация не может мирно покоиться на всеобщем невежестве; и если некогда и бывали времена, когда общественное здание покоилось на отсутствии знаний, эти времена давно прошли. Бессмысленная глупость и спать не может лечь без того, чтобы быть постоянно мучимой призраками и прочими кошмарами. Совершенствование общественных масс есть величайший гарант общественной свободы, а если его нет, то вся утонченность, весь этикет и все знания привилегированных и богатых социальных групп непременно вскоре сгорят, как сухая трава, в бессмысленном и ужасном пламени общественного гнева.

Масонство никогда не ставило перед собой цели участвовать в заговорах против существующего социального устройства. Оно не является фанатичным пророком или проповедником какой-либо религии или философской теории; никогда оно не заявляло о своей враждебности царям земным. Оно является апостолом свободы, равенства и братства; но оно никогда не брало на себя роли первосвященника республиканства или конституционной монархии. Оно не поддерживает никаких связей ни с единой сектой философов, мечтателей и теоретиков. Оно не признает своими законными братьями никого из тех, кто покушается на социальное устройство и существующий общественный порядок, а также законную власть, равно как и тех, кто предлагает лишить умирающих такого средства душевного успокоения, как религия. Оно существует отдельно от всех сект и всех религий, оно тихо и уединенно существует, исполненное своих собственных славы и достоинства, при любом гражданском правлении. Оно остается тем же самым, каким оно было при зарождении человечества, когда еще нога человека не ступала на территорию будущих Ассирии и Египта и колонии людей более или менее современного вида еще не пересекли Гималаи, чтобы населить Южную Индию, Мидию и Этрурию.

Оно не поощряет анархию и вседозволенность, и никакая жажда славы или странные надежды на пришедшие из глубин веков озарения не заставляют его желать и стремиться к идеальной, утопической свободе. Оно учит лишь тому, что праведная жизнь и умеренное поведение – это путь к политической свободе, а потому оно является воином, сражающимся в первых рядах борьбы за святость законов и свободу совести.

Оно признает истинным, что при составлении законов и управлении их соблюдением в обществе необходимость должна сочетаться с абстрактными положениями права и идеальной справедливостью. А в действительности всеми деяниями человека управляет одна необходимость. Масонство признает, что если некий человек или сколь угодно большая или малая группа людей, столь неразумны, столь низменны, столь неспособны к самоуправлению, находятся столь ниже общепризнанных человеческих стандартов на древе эволюции, что вряд ли им стоит доверять великую привилегию именоваться гражданами общества, – великий закон Необходимости – во имя сохранения мира и спокойствия в сообществе и стране – требует, чтобы они оставались под управлением и присмотром обладающих более высоко развитым разумом и высшей мудростью. Оно полагает, что Господня Воля в нужное время и в нужном месте, по Его усмотрению, Сама исполнит необходимое и добьется исполнения предназначенного; и оно готово ждать того мига, когда для него эта Воля откроет путь к свершению его собственного предназначения творить добро.

Оно ждет и надеется, что действительно настанет тот день, когда все народы, даже самые низшие, возвысятся и заслужат своим развитием политическую свободу; когда, подобно всем несчастьям, постигшим человечество, нищета и материальная зависимость исчезнут, просто перестанут существовать. Но оно не проповедует ни революцию тем, кому любы цари, ни восстание, которое, потерпев крах, может привести к общественной катастрофе, ни замену одного тирана другим, ни замену одного тирана многими.

Когда бы нация ни заслужила право на свободу и самоуправление, одновременно героически стремясь к ним, масонство сочувствует ей. Но ему ненавистен деспот, отвратителен тиран, военный диктатор, низвергатель законной власти. Оно ненавидит жестокость и презрение к правам человека. Оно ненавидит жестокого работодателя и использует все свое влияние для того, чтобы облегчить тяжесть того бремени, которое нужда и голод налагают на его наемных работников, вместе с тем убеждая его самого в том, что доброты и гуманности с его стороны заслуживают даже самые нищие и несчастные его собратья.

Никогда и ни в какой стране мира на всей Земле под Небесами оно не станет проповедовать терпимость к жестокости, способствовать

ослаблению нравственного порицания вины, озлоблять и ограничивать человеческое сознание. Никакая угроза наказания не может заставить масона стать соучастником подобного, ибо так он предаст своих соотечественников и станет наставником в предательстве и варварстве. Если когда-либо, как это не раз случалось раньше, тиран отправит сатирика, едко высмеивавшего его правление, в тюрьму и на суд как бунтовщика, то масон, окажись он присяжным при слушании такого дела, – пусть он видит на площади плаху, обагренную кровью невинных, и слышит лязг штыков гвардейцев, охраняющих трон тирана, – непременно спасет сатирика из тиранских клыков и с позором, под улюлюканье толпы прогонит гвардейцев из зала суда.

Даже если все законы и всякая свобода растоптаны якобинскими демагогами и политическими бандитами и великие преступления творятся правящей рукой над теми, кто, по всем человеческим меркам, заслуживает лишь высшего почитания и всенародной славы; если народная толпа, ниспровергнув закон, подобно бушующему морю, ревет вокруг здания суда и требует крови тех, кто в минуту помутнения рассудка, опьянения властью, сделали нечто, что заставило толпу возненавидеть их, например, смело бросили правдивое слово или мужественно пошли на непопулярное действие, – масон-присяжный, которому все равно, сколько голов у тирана, одна или множество, будет внимать голосу одного лишь своего долга и, исполненный достоинства, мужественно защитит от этих людей-тигров их добычу-смельчака.

Масон скорее проведет жизнь, сокрывшись в потаеннейших тайниках глубочайшего уединения, питая свой разум хотя бы видениями благих деяний и помыслов, чем позволит себя возвести на величайший из тронов Вселенной, напуганный тем, что эта величайшая честь может обратиться величайшим для него проклятием в том случае, если при этом он не сможет исполнять то, к чему призывают его общественный и человеческий долг. Но если перед ним открывается возможность добавить хотя бы один-единственный штрих к какому-нибудь великому и похвальному проекту; если он оказывается способен оказать какое-либо вспомоществование какой-либо мере, направленной на защиту, сохранение и утверждение частной собственности и свободы совести, тем самым облегчая тяжесть бремени нищеты и обеспечивая свободу от несправедливого преследования; если ему удалось сохранить для своих соотечественников величайшее на земле сокровище – мир; если он способствовал

примирению и объединению частей своей собственной страны под единой властью и привел народ к миру и согласию с собственноручно избранным правительством; если он смог научить соотечественников обращаться за защитой своих прав к закону и за сочувствием – друг к другу; если он таким образом встал в ряд величайших из людей, сотворивших величайшие из деяний, – он уже вполне может закрыть книгу, пусть ему и хочется прочесть еще пару страниц. На его долю хватит. Он уже прожил жизнь не зря.

Масонство учит тому, что всякая власть даруется кому бы то ни было для того, чтобы творить добро, а не для нанесения людям вреда; и если она уклоняется от предначертанной цели, дальше все идет не так, как надо, и положение становится необходимым исправить; поэтому сопротивление узурпации власти и тирании является долгом человека не только перед собой и своими соотечественниками, но и его долгом перед Богом, исполнение которого необходимо, чтобы за ним остался тот высокий титул, который Господь даровал ему при его сотворении. Этот принцип не в состоянии опошлить грубость и невежество или уничтожить утонченное зло. Он утверждает, что недостойно человека страдать, когда нужно действовать, и сохраняя за ним обязанность следовать путями, назначенными ему Провидением, тем не менее, требует от него борьбы против тирании за права и свободы народа, частью которого он себя считает.

Мудрый и образованный масон всегда голосует за свободу и справедливость. Он всегда готов с оружием в руках выступить в их защиту, где бы они ни подверглись угрозе. Он ни в коем случае не должен оставаться равнодушным, если речь идет о его собственной свободе или свободе другого человека, в способностях и заслугах которого он убежден; но для него это вопрос не столько частный, сколько общечеловеческий, относящийся отнюдь не только к его стране. Где бы ни жил народ, осознающий необходимость и значение политической свободы и готовый принять и утверждать ее, – там его страна; где бы он ни был в состоянии в наибольшей степени способствовать распространению этих принципов ради счастья всего человечества – там его страна. И ни для какой страны он не желает большего счастья, нежели справедливость.

Истинный масон отождествляет славу своей страны со своей собственной славой. А ничто не составляет большей славы и красоты любой страны, чем отважная защита ее от всех внешних и внутренних врагов ее политической и религиозной свободы. Мир никогда

не позволит стереться из памяти грядущих поколений именам тех великих патриотов, которые в разные времена и в разных странах приняли в свою грудь удары, нацеленные жестокими врагами в сердце их страны.

Но также он стремится добавить своей стране еще больше чести и красоты, внимательно следя за тем, чтобы справедливость в ней соблюдалась в отношении всех граждан в равной степени и никому и никогда не бывало в ней отказано, чтобы интересы беднейших слоев всегда принимались во внимание, чтобы никто не голодал, не был бездомным или безработным, чтобы дети и слабые женщины не страдали от непосильного труда, чтобы учеников и подмастерьев ремесленников не морили голодом за незначительные проступки, не душили штрафами и не пороли беспощадно, чтобы великие Господни законы милосердия, гуманности и сострадания соблюдались повсеместно и поддерживались не только законодательством, но и общественным мнением. Он трудится, зачастую несмотря на издевательства и смех окружающих, несмотря на их равнодушие, над тем, чтобы установить в мире такое положение вещей, когда великий и справедливый кодекс Божественных законов соблюдался бы неукоснительно и повсюду, – и такой человек не меньший патриот, чем тот, кто, стоя в шеренге солдат, защищающих родину, обнажает свою грудь, чтобы в нее пришелся удар вражеской стали.

Ибо отвага во всем своем величии видна не только на поле сражения, посреди блеска и звона оружия, но и повсюду, где необходима энергия для того, чтобы трудиться ради своей страны, при любых обстоятельствах и в любой беде. Всякий сражающийся против жестокости, притеснения и огульного охаивания сражается за честь своей страны, которую марают эти пороки; а честь страны не менее важна, чем само ее существование. Зачастую война против этих пороков, марающих честь страны, ведется более жестоко, она опаснее и реже приносит победу, чем настоящая открытая война с настоящим противником; только в случае победы вознаграждение в такой войне значительно больше и ценнее.

Ибо древние греки и римляне, являющиеся объектами нашего поклонения, вряд ли руководствовались какой-либо иной добродетелью, нежели свободолюбие, и их руки были быстры, когда они выхватывали мечи, дабы решительно положить конец очередной тирании, и свободолюбие придавало им сил. Они свершали свое дело

при первой возможности под одобрительные клики и радостный рев толпы; не упускали они и ни единой возможности выступить войной против самого могущественного и злобного противника, если только в таком шаге видели они хотя бы отблеск добродетели, – и вот результат их деяний в наши дни: они увенчаны лаврами, а имена их покрыты вечной славой.

Но тот, кто бесстрашно опровергает облыжные обвинения, пользующиеся, возможно, лицемерно громкой поддержкой сильных мира сего и окруженные, точно стенами и крепостными бастионами, устаревшими, но нерушимыми законами; кто осуждает жестокость по отношению к людям, каковое мнение автоматически делает каждого творящего ее его личным врагом, а его самого – личностью подозрительной для окружающих, на которую смотрят как на нарушителя устоявшегося порядка вещей (в котором он в действительности осуждает лишь его беззакония) и законов (в которых он критикует только их нарушения), – вряд ли он может рассчитывать на прижизненную славу, и вряд ли на его веку чело его украсит лавровый венок. И если в борьбе против древних, но прочно устоявшихся мнений, предрассудков, клеветы и страхов, более ужасных для обычного человека, чем «ужасное развернувшееся к битве войско под знаменами», масон выходит из сражения победителем, или даже если он не побеждает, а падает и бывает унесен мутным потоком суеверий, страстей и пристрастий, – в любом случае, возвышенность помыслов, которую он демонстрирует, приносит ему больше чести, нежели принес бы краткий миг неправедной победы.

Переживший падение своей родной страны и так уже прожил дольше, чем нужно, а тот, кто может радоваться жизни после такого события, вообще не заслуживает жизни. Не заслуживает дальнейшей жизни и тот, кто спокойно взирает на преступления, которые порочат, на жестокости, которые бесчестят, на невежество, глупость и бедность, которые уничтожают его страну, на ложь и предательство, которые делают его страну притчей во языцех и предметом насмешек среди всех достойных стран мира, и не пытается воспрепятствовать им или их предотвратить.

Страны не часто воюют, и далеко не каждому выпадает высокая честь подставить грудь под вражескую пулю ради своей родины. Но и в мирных трудах по излечению, предотвращению и изменению в лучшую сторону бед и грехов своей родины, жестокости, преступности, лжи все масоны могут объединиться, и каждый из них сможет

что-то сделать для своей страны и разделить затем с братьями все почести и благодарность за содеянное.

Ибо имена наиболее известных героев и общественных деятелей мировой истории немногочисленны – их можно по пальцам перечесть; но тысячи и десятки тысяч людей на протяжении всей своей жизни ведут приготовления, приближающие неизбежные перемены, собирают горючий материал, которому суждено стать основой живительного огня, который принесет людям свет и тепло, как только на него снизойдет и зажжет его Божественная искра. Бесчисленны мастера и ремесленники, инженеры и люди искусства, прокладывающие дорогу для шествия разума вперед. Многие и многие люди проходят сплоченными рядами по этой дороге, утрамбовывая ее и удаляя все препятствия на пути колесницы прогресса, которая следует за ними; они тоже будут вознаграждены. Если они будут усердно и верно трудиться в соответствии со своим призванием, они не только получат удовлетворение от отлично выполненной работы, сколь малоквалифицированна она ни была бы; не только пот лица их будет сладок, подслащая им и все грядущие лишения, – но и когда будет достигнута окончательная победа, они с полным правом придут за своей долей славы, подобно тому, как пришли за полагающимися им почестями все и каждый из сражавшихся при Марафоне и Царской горе и получили их; и в кругу своей семьи, одобрение которой ближе всего к одобрению собственной бдительной совести, они будут видеть себя представителями великого племени героев и победителей и рассказывать такие истории о боевых походах, которые заставят прочувствованную слезу заблестеть на щеке любящей супруги, а глаза сыновей – зажечься мечтательным огнем грядущих побед. А если они падут на поле брани, и их место у походного костра и у семейного стола навеки останется пустым, это место станет свято, и долгими зимними вечерами о них будут с любовью говорить близкие; и семьи их будут считаться счастливыми и благими меж соседями, ибо это семьи героев, погибших за свою страну.

Запомни, жизнь твоя измеряется не часами и днями, но тем, что ты и все мы сделали для своей страны и всего человечества. Бессмысленная жизнь коротка, длись она хоть целый век, а жизнь Александра Македонского была длинна, как жизнь дуба, хотя он умер в тридцать пять лет. Можно сделать многое всего за несколько лет, а можно вообще ничего не сделать за целую жизнь. Если мы

только едим, пьем и спим, и трава не расти вокруг нас, если мы живем только ради стяжательства денег, титулов, почестей, славы – да хоть бы мы вообще и не жили на этом свете! И на бессмертие нам в таком случае рассчитывать нечего.

Посему никогда не забывай, чему ты решил посвятить себя, пребывая в этом градусе: защищай слабого от сильного, беспомощного – от могущественного, угнетенного – от угнетателя! Всегда и повсюду будь бдителен и защищай интересы своей страны! И да дарует тебе Великий Архитектор Вселенной силу и мудрость верно и хорошо исполнить это высокое предназначение!

10

Illustrious Elect of the Fifteen

Достославный Рыцарь Избранник Пятнадцати

Этот градус посвящен размышлениям над теми же вопросами, что и в градусе Рыцаря Избранника Девяти, а также необходимости отстаивать терпимость и свободолюбие в борьбе против фанатизма и нетерпимости, политических и религиозных, и бороться за образование, просвещение и учение против суеверия, невежества и варварства. Этому ты раз и навсегда уже посвятил себя и все свои усилия, свою руку, свое сердце и свой разум; и где бы в твоем присутствии ни была открыта в этом градусе Ложа Усовершенствования, тебе каждый раз будут со всей определенностью напоминать об этом обязательстве, принесенном у алтаря.

Терпимость, то есть уверенность в том, что каждый человек имеет такое же право исповедовать свои собственные веру и взгляды, какое имеем мы на наши веру и взгляды, и свободомыслие, то есть убеждение, что никакой человек не может – посреди столкновения взаимопротивоположных мнений и вер – утверждать, что́ именно есть истина или что именно он владеет истиной, ибо вполне может оказаться так, что совершенно другой, не менее честный перед собой и окружающими, человек также обладает знанием, которое полагает истинным; что все, что честно и беспристрастно исповедует человек, и есть истина для него самого – вот смертельные враги фанатизма, проповедующего преследование за веру и новые Крестовые походы против всего, что он в своей ложной правоверности считает противным Божественному Закону или догматической истине. А образование, просвещение и обучение – это наиболее

действенные средства, используя которые можно легче всего отнять силу и власть у фанатизма и религиозной нетерпимости.

Ни один истинный масон никогда не станет презирать честные убеждения и религиозное рвение во имя того, что тот или иной человек в сердце своем полагает истиной и справедливостью. Но он всеми средствами будет бороться с вымышленной прерогативой кого-либо излагать сущность Божественного и преследовать прочие веры и убеждения, называя их еретическими и потому заслуживающими наказания. Не станет он оправдывать также и нарушающих мир и покой великих стран и действующих вопреки интересам своего народа во имя какой-то вымышленной и только видимой благотворительности – чаще всего она превращается в непроницаемую тогу, в которую они горделиво запахиваются, отгораживаясь от своих собратьев и соотечественников, ошибочно думая, что таким образом становятся «святее самого Папы».

Ибо известно, что такие предприятия зачастую опаснее честолюбивых замыслов королей, что предрассудки и нетерпимость часто оказывались страшнейшим проклятием для человечества, чем заблуждения и невежество. Да и лучше уж любое, самое тяжкое заблуждение, чем преследование за него! Лучше уж любое, пусть самое неверное мнение, чем дробилка для больших пальцев, дыба и костер! Также истинному масону хорошо известно, насколько глупо человеку, для которого и так все окружающее представляется нескончаемой чередой тайн и неразрешимых загадок, пытать и лишать жизни других людей, если они по-другому рассматривают величайшие из тайн, понимание которых одинаково недоступно и преследователю, и преследуемому.

Масонство – не религия. Всякий пытающийся превратить его в религиозную секту обезличивает и вылущивает его сущность. Индуист, иудей, магометанин, католик и протестант, каждый, исповедуя свою собственную веру, основанную на законах, особенностях региона и времени появления, и дальше должен исповедовать ее и только ее одну; ибо общественные и священные законы, приспособленные к особенностям, обычаям и предрассудкам того или иного народа, были порождены людьми.

Но масонство наставляет в том, что оно сумело сохранить сквозь века, – в началах истинной, примитивной, древнейшей веры, пронизывающих и лежащих в основании любой веры. Она существовала всегда и содержала в себе Истину, и только последующие поколения

покрывали ее наслоениями предрассудков и ложных догм. Простые истины, которым учил Избавитель, вскоре оказывались искаженными, и уже первым последователям новой религии они преподавались первыми адептами в искаженном виде. Масонство – это вселенская нравственность, вполне подходящая для всех обитателей Вселенной, вне зависимости от места, где они живут, и веры, которую они исповедуют. Оно никогда не наставляло никого ни в какой религиозной доктрине – только повествовало об основах веры, необходимых для самого выживания и существования человечества; и всякий стремившийся направить его по пути бессмысленной мести, политического действия, иезуитства, всего лишь превращал его в нечто совершенно иное, лишал масонство самой его сути и делал иной, новой организацией, отвечающей его и только его низменным целям, лишенной чистого масонского духа и истинной природы.

Человечество со временем пережило жертвы и мифологию зари этого мира. Однако для него проще цепляться за их останки, чем продвигаться вперед по пути познания. Поэтому не стремящиеся к новым знаниям бербер или татарин так и оставят свои стада на опустошенных пространствах, где вся трава уже съедена их конями, в то время как человек цивилизованный и просвещенный направит свои стопы «на новые пастбища, где травы свежи».

Это и будет истинный масон; и лучший, и вообще единственно истинный масон – это тот, кто посредством своей деловой хватки вершит свое дело ради всего мира и всех людей; это и праведный механик, и инженер, и фермер, человек, обладающий силой любви, силой мысли, справедливости, – человек, вся жизнь которого является высочайшим примером исполнения масонского долга, несмотря на обстоятельства. Верное применение силы сильного и мудрости мудрого являются работой этих силача и мудреца. Истинной работой масона является практика его земной жизни, то есть использование всех его сил и возможностей в нужное время и в нужных сферах. Любовь к Истине, справедливость и милосердие – это Божественные свойства, которые должны сопутствовать жизни каждого праведного человека; и в этом – единственное предназначение масонства. Исповедание собственной веры, принесение обязательств при вступлении в масонскую ложу и исполнение масонских обрядов обладают в глазах масонского ученого одинаковым значением; естественной формой существования масонства является творение блага, нравственность, верность Истине, справедливости,

самоотверженность и вера, точно такая же, как вера любого честного человека. Это простая и честная верность Божественному Закону.

Добрый масон творит добро там и тогда, где и когда ему представится случай его сотворить, и именно в силу того, что такая возможность ему представилась; он делает это из любви к своему долгу, а не потому только, что закон – будь он установлен Богом или людьми – диктует его воле необходимость поступить так или иначе. Он верен своим разуму, уму, совести, сердцу, душе и духу, а потому ему просто творить ближнему своему только то, что он сам бы хотел, чтобы творили ему. Он всегда скорее презрит собственные интересы, чем откажет в помощи ближнему в час его несчастья. Его желания смирены его долгом, потому что эти два понятия тесно связаны между собой в его душе. Никто не будет разочарован, если устремит к нему свои мольбы в часы невзгод. Таких людей можно найти во всех христианских конфессиях – например, протестантизме и католицизме, а также во всех великих религиях мира – например, в буддизме, магометанстве, иудаизме. Они добрые отцы, благородные граждане, они безупречны в деловой жизни, прекрасны в быту. Их масонство – в их делах и их общении с другими. Оно проявляется во всех сферах их деятельности: личной, общественной, религиозной или политической. Истинное внутреннее масонство должно проявляться в нравственности вовне. Оно превращается в возвышеннейшую нравственность, которая есть филантропия. Истинный масон любит не только свою семью и свою страну, но все человечество; не только добро, но и зло в своих собратьях. В нем больше добра, чем он способен ежедневно отдавать обществу и своим ближним. Его добро буквально выходит из берегов, обводняя сотни жаждущих полей и долин. Не удовлетворяясь исполнением долга, который сам предстает перед ним во время его странствия по жизненным путям, он сходит с основной дороги в поисках тропинок, на которых также сможет выполнить свой долг; он не просто желает, он внутренне жаждет творить добро, распространять добро, истину, справедливость и милосердие, масонство по всему миру. Сама его жизнь есть постоянная проповедь масонства посредством постоянного творения добра людям. Он просто не может оказаться в положении преследователя кого бы то ни было за какие бы то ни было убеждения.

Для истинного масона так же естественно жить такой прекрасной внешней жизнью в профанском мире, как для бобра – строить плотину, а для пересмешника – изливаться своей дикой, пронзитель-

ной песней. Так весенний ручей выливается в бурный и полноводный поток, наполняющий поля живительной силой, порождающей первую зелень, которая вскоре обернется совершенной красотой трав и цветов. Так и масонство исполняет свое предназначение в этом мире. Масон не стонет, не плачет и не морщится. Он живет. Если жизнь его и наполнена ошибками, просчетами и прегрешениями – а у кого их нет? – то он вспахивает дикое поле этой жизни своими горем, раскаянием и попытками исправить нанесенный вред, и тогда это поле на глазах расцветает розовыми бутонами. Для масона не существует четких и неизменных форм мысли, намерений и действия. Он принимает то, что его разум полагает истинным, совесть – справедливым, а сердце – достойным и милосердным. Пусть мудрецы и авторитеты древности заставляют его преклонить колени пред ними – его колени преклонятся только по велению его мужественной души. Его масонство – это его свобода пред Богом, а не его связующая обязанность пред людьми. Его сознание действует в соответствии со вселенским Законом развития Разума, его совесть – со вселенским Нравственным Законом, его сердечные привязанности – со вселенским Законом Любви, он силен Божественной силой, ибо пребывает в постоянном четырехстороннем контакте с Богом.

Древние системы теологии и философии, религии давно минувших дней уже не подходят для нас и нашего времени. Нам необходимо исполнять долг в условиях современности, и мы должны исполнять его, осознанно повинуясь Божественному Закону, а не как атеисты – лишь в поисках выгоды для себя. Существуют пороки общественной жизни, которые необходимо исправить. Повсюду ощущается нехватка милосердия и нравственности. Повсюду встречаются заблуждения, которые необходимо устранить, заменив новыми истинами, озаренными сиянием Небес. Существует огромное количество несправедливости и порока – в религиозной и государственной жизни, в семье, в обществе, в стране, и с ними необходимо бороться, изживать их. В наши дни масонство ни в коем случае не должно отстраняться от окружающей жизни, замыкаться в самом себе. Оно должно ходить темными дорогами мирской жизни, появляться на шумных площадях и своим примером наставлять людей в праведной жизни; его дела должны быть красноречивее его слов.

В общем и целом, данный градус учит терпимости; он включает в себя в высшей степени важное наставление Древнего Искусства в вере в Бога Истинного и в праведной и нравственной жизни – и это

единственные требования, которым должен отвечать человек, чтобы стать масоном.

Масонству отлично знакомы все те ужасные искусственные потрясения, которые в свое время приводили к уничтожению ростков новой веры или к ниспровержению веры былой. Своим мысленным взором оно переносится в далекое прошлое, когда целые народы, включая женщин и неразумных детей, подвергались полному уничтожению жестокими племенами Моисея и Иисуса Навина по той лишь причине, что они имели несчастье не знать и не ведать Бога иудеев или поклоняться Ему под другим Его Именем. Масонство помнит дробилки для пальцев и дыбу, бичи и виселицы, костры и плахи, жертв Диоклетиана и Альбы, ужасную судьбу пресвитериан, нонконформистов, сожженных сервилиан и повешенных квакеров. Оно помнит, как Кранмер, взгляды которого в наше время уже больше не считаются еретическими, держал руку над огнем, пока она не упала, отвалившись, в пламя. Оно помнит преследования Петра и Павла, мученичество Стефана, испытания Поликарпа, Игнатия, Юстина и Иринея; но помнит оно и страдания язычников от преследований со стороны христианских императоров, ирландцев – со стороны папистов, всей Англии – во времена Елизаветы и проклятого Генриха[1]. Оно помнит обнаженную Римскую Деву пред рыкающими голодными львами; юную Марту Грэм, привязанную к столбу у линии прилива и распевавшую гимны, пока жестокие и безжалостные волны не сомкнулись у нее над головой; всех тех, кто во все времена страдал от голода и холода, тюрьмы и нищеты, пыток, огня и меча, – оно видит их всех и содрогается от лицезрения этой нескончаемой череды человеческих жестокостей и несправедливостей. Также оно видит преследования из соображений религии, встречающиеся в наши дни, взять хотя бы христиан, расстрелянных христианами же в тюрьме христианской Италии за чтение христианской Библии. Практически в каждом христианском государстве существуют законы, ограничивающие свободу слова в отношении разговоров о христианской вере; виселица простирает свою перекладину над кафедрой проповедника.

Пламя сирийского Молоха, жестокие казни во имя Астарты, Кибелы, Иеговы, непомерная жестокость языческих императоров, еще большие жестокости христиан-католиков в отношении своих же ближних в Италии и Испании, беззаконные преследования невинных, свидетелями которых в разное время становились Швейцария,

Франция, Нидерланды, Германия, Англия, Шотландия, Ирландия и Америка, – ничто так и не смогло убедить человечество в неизмеримом зле, которое несет людям ошибочное толкование вопросов и тонкостей религии, а особенно приписывание Богу Любви жестоких и мстительных страстей заблуждающегося человечества, буквальное понуждение Его смаковать кровь на Своих устах и с радостью внимать стонам униженных и убиенных.

Человек никогда и ни при каких обстоятельствах не имел и не имеет права присваивать себе привилегию, принадлежащую одному лишь Господу, и карать своих ближних за ту или иную их веру. Родившись в протестантском государстве, мы принадлежим именно к этой вере. Если бы мы впервые открыли в мир глаза в тени собора Святого Петра в Риме, мы были бы верными католиками; родившись в еврейском квартале Алеппо, мы должны были бы отрицать Христа как Спасителя и считать его самозванцем; появившись на свет в Константинополе, мы ежедневно возглашали бы: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет – Пророк Его». Веру нашу обретаем мы по праву рождения и воспитания. Мало кто верует потому, что обрел неопровержимое свидетельство истинности именно его собственной религии и тщательно взвесил все «за» и «против», придя к исповеданию своей веры путем логических умозаключений. Из десятков тысяч людей вряд ли найдется один, который имеет весомые материальные доказательства истинности своей веры. Мы верим в то, чему нас учат; и обычно самыми отчаянными фанатиками являются именно те, кто обладает наименьшими доказательствами истинности оснований, на которых покоится то, во что они веруют. Факты и свидетельства лишь в очень редких случаях ложатся в основание веры. Непререкаемым и неизменным законом Господнего Царства, как неизменен и непререкаем авторитет Самого Господа, является то, что человек должен принимать как должное и не стремиться проверить, доказать или оспорить ту веру, в которой он рожден и воспитан; таким образом коренящаяся в человеке вера сама по себе отвергает все возможные ее опровержения со стороны; человек скорее отвергнет воспринимаемое собственными органами чувств, чем отвергнет живущую внутри него веру, плоть от плоти и кость от кости его.

То, что является истиной для меня, не обязательно является ею для других. Доводы и доказательства, убеждающие меня, не производят никакого впечатления на других. Эти различия проявляются

в людях уже при рождении. Никто не имеет морального права со всей определенностью утверждать, что именно он прав, если некто, обладающий таким же образованием и опытом, как он, придерживается диаметрально противоположного мнения. В таком случае, каждый из оппонентов считает другого лицемером, и оба ошибаются. «Что есть Истина?» – этот вопрос является важнейшим из всех, когда бы то ни было встававших перед человечеством. Многие верования как прошлого, так и наших дней кажутся нам шаткими и невразумительными. Однако все они поражают нас новыми взглядами на душу человеческую, это таинственное понятие, тем более таинственное, чем более мы проникаем в суть деяний ее. Предположим, что вот стоит человек, значительно превосходящий меня умом и образованностью, но вместе с тем он верит в то, что видится мне абсурдным и легко оспариваемым; и я не могу постигнуть, со всей откровенностью не могу поверить в то, что, полагая так, он в своем уме и не лицемерит. Но, тем не менее, это именно так. Он, как и я, в здравом уме, и он откровенен со мной.

Фантазии безумца совершенно реальны и правдивы для него самого. Наши мечты вполне реальны для нас, пока они не кончаются, а наше прошлое было для нас не менее реально в свое время, чем наши нынешние реалии. Никто не может утверждать, что владел Истиной так же, как он владеет собственным домом. Если люди проповедуют диаметрально противоположные взгляды, и каждый из них в этом откровенен, то кому решать, кто из них владеет Истиной? И разве кто-либо из них может утверждать, что это именно он? Нам неизвестно, что есть Истина. Наша собственная уверенность в том, что то, во что верим мы, является истиной в последней инстанции, по правде говоря, ни в коей мере не является доказательством, пусть у нас и нет никаких сомнений на сей счет. Никто не может быть ответствен за истинность своей веры – только за праведность в соблюдении ее предписаний.

Поэтому никто и не обладает правом преследовать другого человека за его верования; ибо не может быть противоречия между правами людей; ибо если кто-либо полагает своим правом преследовать другого в силу того, что его вера истинна, а вера другого ложна, – то и этот другой имеет точно такое же право преследовать первого на тех же основаниях.

Истина приходит к нам, окутанная нашими собственными предрассудками и ложными убеждениями, родившимися с нами вместе,

но за ней стоят Божественная сила и мощь. Она уподобляется для нас стержню, погруженному в воду, который из-под водного слоя кажется нам искаженным, изломанным. Какой-то довод проникает глубоко в наше сознание, оказывая на него несомненное воздействие, в то время как от сознания другого человека он отскакивает, как шарик из слоновой кости – от мраморной плиты. Иметь веру – какой бы истинной, глубокой, нерушимой и мудрой она ни была бы, – не является для человека добродетелью, ибо каждого вскармливает молоко его матери. Эта добродетель не величественнее, чем отвратителен великий порок страстей и предрассудков.

Правоверный мусульманин имеет такие же права на преследование нас, как и мы – его; поэтому масонство мудро требует от своих последователей только веры в Единого Всемогущего Творца всего сущего, Отца и Вседержителя этого мира. Посему оно и наставляет всех тех, кто считает себя его приверженцами, терпимости как одной из основных добродетелей каждого истинного и верного масона, как части того милосердия, без которого мы – лишь пустые внешние оболочки того, что должно быть истинным и верным масоном, лишь тимпаны звенящие и цимбалы бряцающие.

Никакое зло не приносило столько вреда человечеству, сколько нетерпимость и преследования за религиозные убеждения. Они всегда уничтожали людей, рожденных вместе на одной Земле и составлявших великие народы великих стран; если бы не они, количество людей на Земле вдвое превышало бы нынешнее и гораздо большая часть нашей планеты ныне оплодотворялась бы живительными токами цивилизации; ведь именно в этой, ныне цивилизованной части Земли и велось большинство религиозных войн. Затраченные на их ведение людские силы и таланты давно уже превратили бы Землю в цветущий сад, в котором, если бы не они, человек уже сотни лет жил бы как в саду Эдемском.

Нельзя назвать истинным последователем масонского закона того, кто лишь терпит верования других людей, которые противоречат его собственным убеждениям. Убеждения каждого человека – это его частная собственность, и все люди обладают одинаковым правом придерживаться этих убеждений. Лишь терпеть, мириться с мнением и убеждениями других людей – значит, внутренне полагать эти убеждения еретическими, а потому и признавать право при возможности преследовать за них, при этом считая эту терпимость своей неоспоримой добродетелью. Вера истинного масона

включает в себя нечто несравненно большее. Никто в мире, учит она, не вправе вмешиваться в какие-либо аспекты веры другого. Оно учит тому, что каждый человек обладает высшим и неоспоримым правом на все, что относится к его вере, и что все это совершенно не касается никого, кто не разделяет с ним его веру; и если и существует какое бы то ни было право на преследование по религиозным убеждениям, оно обязательно должно иметь обоюдный характер, ибо любая из сторон вполне может взять на себя роль судьи в отношении веры противоположной стороны, если таковая роль в отношении ее собственной веры уже была взята на себя этой противоположной стороной; в действительности же единственно возможное право истинного суждения по данному вопросу принадлежит Господу, и только Ему одному. Именно этому Высшему Судье масонство оставляет право суждения по данному вопросу, а посему оно равно широко открывает двери к мирному сосуществованию в любви и гармонии и протестанту, и католику, и иудею, и мусульманину – каждому, кто ведет истинно праведную и нравственную жизнь, любит своих собратьев, помогает униженным и отчаявшимся и верует в Единого, Всемогущего и Всеведущего, Вездесущего Господа, Строителя, Творца и Предержителя всего сущего, Чьим вселенским и предвечным Законом и осуществляется вращение Вселенной, великого, нескончаемого и предвечного круга чередования Жизни и Смерти, Чьему Неизрекаемому Имени со всем долженствующим почтением поклоняются все масоны, благодаря за все бесчисленные радости и благословения, которыми Он непрестанно одаривает род людской ныне и присно, и вовеки веков!

Для нас совершенно не трудно быть терпимыми к вере друг друга, ведь в каждой вере содержатся прекрасные и удивительные нравственные законы. Далеко в азиатских пустынях Зороастр учил: «Отправляясь в странствие, правоверный непременно обращает свои мысли к Ормузду и признает его в чистоте сердца своего Царем Мира; он любит Его, кается пред Ним и служит Ему. Правоверный должен быть милосерден и праведен, презирать удовольствия телесные, избегать гордыни и презрительности, греха во всех его формах, а особенно лжи – отвратительнейшего из всех пороков, в которые может впасть человек. Он не должен помнить обид или мстить за них. Он должен чтить память своих родителей и других родственников. Ночью, отходя ко сну, он должен обратиться к своей совести и покаяться во всех прегрешениях, которые низменная человеческая

природа или злая судьба заставили его совершить». Также правоверный должен был молить Бога дать ему силы оставаться на тропах Добра и простить за все прегрешения. В своих грехах он должен был каяться перед магом или знатным человеком, известным добронравным поведением и справедливостью, или перед Солнцем. Посты и умерщвление плоти были запрещены; наоборот, религия предписывала своим адептам вовремя и хорошо питать свое тело и непрестанно упражнять его, чтобы оно было крепким и сильным, способным противостоять силе гениев Ночи, активно и неустанно постигать Божественное Слово и смело и непреклонно творить добро миру.

А на севере Европы друиды учили своих последователей любви и верности друзьям, снисходительности к ошибкам и проступкам друг друга, уважению к заслуженной славе, усердию, человеколюбию, гостеприимству, уважению к старости, умеренности, отсутствию интереса к будущему, презрению к смерти и рыцарскому служению Даме. Послушайте откровения «Хава Маал», или «Высшей Книги Одина»:

«Если имеешь друга, навещай его чаще; если не будешь приходить к нему часто, дорога от твоего дома к его дому зарастет травой, а потом на ней вырастут деревья. Тот друг верный, кто, имея два хлеба, один хлеб отдаст другу. Никогда не ссорься с другом первым; горе охватывает сердце всякого, кому не у кого спросить совета, кроме себя самого. Нет ни единого добродетельного человека, за которым бы не было хоть одного малого грешка; и нет ни единого грешника, в ком бы не было хотя бы одной малой добродетели. Счастлив снискавший славу и благоволение среди людей; ибо обычно никто не знает, чего ему ждать от ближнего или дальнего. Богатство утекает прочь – не успеешь моргнуть; богатство – самый непостоянный твой друг; стада и табуны вымирают, умрут твои родители, не бессмертны твои друзья, смертен и ты сам; лишь одно я знаю, что не умрет – это слава твоя среди людей, слова их, сказанные о тебе. Будь человечен со всеми, кого встретишь на пути. Если гость, пришедший к тебе в дом, мерзнет, пусти его к огню; если он перешел горы – дай ему есть и переодень в сухое и чистое. Не смейся над стариком – ведь мудрость и знания приходят к человеку вместе с морщинами. Будь мудр и не переусердствуй. Да не ищет никто знания о своей дальнейшей судьбе – и тогда будет спать спокойно. Нет болезни тяжелее, чем быть недовольным своей судьбой.

Обжорство обжирается, пока не лопнет; а мудрец смеется над жадностью глупца. Нет ничего опаснее для молодого человека, чем пьянство; чем больше человек пьет, тем скорее теряет рассудок; птица Забвения поет свои песни тем, кто сам отравляет себя, унося на своих крыльях их души. Лишенный чувства человек слепо верит в то, что будет жить вечно, если сумеет избежать войны, но даже если копье не коснется его плоти, старость ни за что не пощадит его. Лучше прожить короткую праведную жизнь, чем жить долго и неправедно. Если человек зажигает огонь в своем доме, смерть приходит быстро, мешая огню выйти наружу и поглотить окружающих».

А вот что гласят книги древней Индии: «Почитай своих отца и мать. Никогда не забывай о счастье, которое обрел от них. Учись, пока молод. Повинуйся законам своей страны. Ищи общества людей мудрых. Говори о Боге только почтительно. Дружи с соседями. Знай свое место. Не злословь ни о ком. Не смейся ни над чьими телесными увечьями. Не преследуй и не убивай побежденного врага. Старайся обрести добрую славу меж людьми. Вкуснее всего хлеб, обретенный собственным трудом. Внимай совету мудрых. Чем больше человек учится, тем больше он становится способен познать. Знания – это богатство, которое всегда с тобой. Невежественный человек – все равно что глухой. Истинное назначение знания – отличать добро от зла. Не срами своих родителей. Что человек узнает в молодости, становится для него надписью, выбитой на нерушимой скале. Мудр познавший самого себя. Да станут книги твоими лучшими друзьями. Лишь когда исполнится тебе сто лет, можешь перестать учиться. Мудрость есть твердая земля, пусть и насыпана она посреди бурного океана. Никого не обманывай, даже своего врага. Мудрость есть богатство, повсюду являющее свою ценность. Говори уважительно даже с нищим. Лучше простить, чем мстить. Ссоры и азарт ведут к нищете и убожеству. Нет истинных заслуг, которые шли бы в обход истинной добродетели. Почитать свою мать – значит, лучше и достойнее всего благодарить Бога. Не может быть спокойного сна, если совесть нечиста. Нарушающий свое слово просто не видит своей собственной выгоды».

Двадцать четыре века назад древние китайцы так формулировали свои этические принципы: «Философ [Конфуций] сказал: „Сан, учение мое просто, и его легко понять“. Цзэн-цзы ответил: „Это так“. Когда Философ вышел, его ученики спросили, что он хотел сказать своими словами. Цзэн-цзы ответил: „Учение нашего Господина состоит

в том только, чтобы быть праведным в своем сердце и любить своих ближних так же, как мы любим сами себя“».

Век спустя Закон древних евреев гласил: «Если кто-то возненавидит ближнего своего… тогда твори ему то, что он хотел творить ближнему его… Лучше ближний свой, чем брат, который от тебя далеко… Люби ближнего своего, как самого себя».

В том же пятом веке до нашей эры греческий философ Сократ также утверждал: «Люби своего ближнего, как самого себя».

За три века до этого Зороастр проповедовал персам: «Возносите благодарственные молитвы Богу, справедливейшему и мудрейшему Ормузду, верховному и обожаемому Господу, возвестившему пророку Своему Зардушту: „Да не будешь ты делать никому ничего, что не желал бы, чтобы сделали тебе самому, но делай другим только то, что сам желал бы, чтобы сделали тебе, не вызывая твоего гнева“».

Этому уже давно учили в школах посвященных в Вавилоне, Александрии и Иерусалиме. Некий язычник говорил фарисею Гилелю, что готов принять Закон иудеев, если тот сумеет в нескольких словах изъяснить ему всю сущность сего учения. «Чего не хочешь, чтобы сделали с тобой, – отвечал Гилель, – не делай никому. В этом – весь закон, остальное – только комментарии к нему».

«Нет ничего проще, – говорил Конфуций, – нет ничего естественнее, чем основы той нравственности, которую я надеюсь преподать вам своими приветственными фразами… Это человечность, то есть, хотел я сказать, вселенское милосердие ко всем на земле, невзирая на лица. Это праведность, то есть верность духовной истине в сердце и в уме, которая заставляет человека всегда и повсюду искать истину, желать ее, стремиться к ней и никого и никогда не вводить в заблуждение. И наконец, это истинная и честная вера, то есть откровенность, отпирающая запоры человеческого сердца, смиренная самоуважением, которое исключает любой обман и любой подлог как в отношении себя самого, так и в отношении окружающих, в словах или в делах».

Распространять полезные знания, далее совершенствоваться интеллектуально, что неизменно предшествует совершенствованию нравственному, тем самым приближая тот великий день, когда великая заря Знания прогонит прочь ленивую, рыхлую пелену невежества и суеверия даже с основания великой общественной пирамиды, – вот великое призвание, которому рады и счастливы были следовать величайшие умы и таланты человечества и его самые

достойные и исполненные любви души. И именно из масонских рядов должны выйти те, кому не происхождение, а гений даровали право распахнуть двери Храма Знаний для всех сословий, кто своим собственным примером откроет всем и каждому путь вверх по ступеням, ранее для них недоступным, дабы войти в возвышенные врата, озаренные светом Солнца.

Высочайший уровень интеллектуального развития вполне совместим с бытовыми ежедневными заботами и примитивным ручным трудом. Уважение и почтение к высшим достижениям человеческого разума одинаково характерны для всех классов и социальных групп общества. И точно так же, как учили философии в потаенных пещерах под Афинами и в тени Портика, и в храмах древнего Египта и Индии, так и в наших ложах должно распространяться Знание, проходить обучение наукам, и наши наставления должны быть подобны поучениям Сократа и Платона, Агасса и Кузена.

Настоящее Знание никогда не давало почву неверию или сомнениям в истинности веры, но его развитие всегда предшествовало большей свободе мысли и терпимости в вопросах веры. И да содрогнется всякий боящийся Знания, потому что близок день его пришествия, когда от его живительный лучей бросятся бежать и уже не остановятся злые духи тирании и преследований, населявшие долгую ночь человечества, теперь осужденные на рассеяние и гибель. И хочется верить в то, что уже недалек день, когда человечество, которое уже не позволит вести себя к невежеству с завязанными глазами, также перестанет отдавать долг почтения ложному праву судить ближнего своего по собственному мнению, а будет судить о людях только по их поступкам и заслугам.

Всякий раз, когда мы сталкиваемся с необходимостью сотрудничать с тем, чьи убеждения коренным образом отличаются от наших, да будет единственным нашим стремлением просветиться в своем невежестве, если этим людям есть чему нас поучить, и наоборот – просветить их, если нам ведомо больше, чем им; и тогда результатом нашего общения станет единственное согласие, достойное высокого звания человека, а именно согласие признать различия между собой после их обсуждения и тщательного и пристального рассмотрения всех их сторон и причин.

Таким образом, Избранник Пятнадцати должен возглавлять своих соотечественников отнюдь не в праздных развлечениях, не в неразумном преследовании невежд, а в действительно достойном деле

просвещения, дабы имя его осталось в памяти потомков окруженным не пустой и аляповатой славой, которой пользуются придворные моты и шалопаи, а ореолом заслуг, более достойных звания Человека Разумного, чтобы его имя осталось в памяти пусть немногих, но навечно благодарных ему за то, что он способствовал их выведению из мрака невежества к свету истинного Знания.

И мы скажем ему словами великого римлянина: «Никогда человек не бывает так близок к Богу, как когда он творит благо другому человеку. Служить и творить добро как можно более многим – нет и не будет в твоей судьбе ничего более благого и достойного, чем это мочь, и ничего более желательного для тебя самого, чем этого хотеть». Это указывает на истинную цель любого совершенного и праведного человека и масона, который стремится наслаждаться простыми радостями этого мира или заботится о чистой и незапятнанной репутации. И если благодетели человечества получают право, отдыхая после свершения своих великих трудов, на заслуженную славу за свою добродетель, великую привилегию смотреть сверху вниз на все усилия и труды, а возможно, и на страдания, с которыми были сопряжены их труды в этой земной жизни, – среди этих благодетелей, в царстве возвышенной чистоты и мудрости, наверняка не будет основателей могущественных династий правителей земных, захватчиков огромных империй, цезарей, александров и тамерланов; там не будет и просто королей и канцлеров, президентов и сенаторов, живших, в основном, для своей партии и лишь по случаю, иногда – для своей страны, часто приносивших в жертву своим собственным (или своей партии) государственным амбициям благополучие и безопасность граждан собственной страны, – всем им не суждено будет насладиться памятниками своей славе в веках, ибо этой славы просто нет, как нет и памятников ей. Но лишь те обретут это счастье и смогут пройти торжественным маршем во всей славе своей, кто узреет плоды своего просвещения и своих трудов в дальнейшем усовершенствовании рода человеческого и кто уверится в том, что изменения, к которым привели их труды, более не подвержены тлению в силу течения времени или грядущих невзгод, пусть и спустя много тягостных лет. Эти плоды – Знание, обращающееся Силой, Добродетель, приходящая к Власти, Суеверие, ниспровергнутое в пропасть забвения, Тирания, изгнанная прочь из страны; и даже если эти плоды несовершенны, они все же существуют, и они ценнее всех прочих плодов земных; и пускай они

редко приносят вознаграждение тому, кто посеял их, они живут долго за счет его выдержки и самоотверженности, его способности просвещать и выдержать ради этого просвещения все невзгоды и лишения, все опасности, которые только можно встретить в нашем мире.

Масонство не требует от своих адептов и сторонников ничего, что не имело бы практической пользы. Оно не требует, чтобы они забирались на высокие, недосягаемые горные пики теоретической и воображаемой, непрактичной добродетели, возвышенной и холодной, далекой, как окутанные снежной пеленой склоны Чимборазо, такие же недоступные, как эти склоны. Оно требует исполнения лишь того, что легко исполнить. Оно не требует от своих посвященных ничего, что заставило бы иссякнуть их силы, средства и способности. Оно не ждет и не требует от того, чья профессия и чей труд приносят ему и его семье лишь ровно столько, сколько необходимо для удовлетворения самых насущных нужд и потребностей, чье время полностью занимает решение нескончаемых бытовых проблем, чтобы он бросил свое дело, которым живет он сам и которым он кормит своих детей, и посвятиться все свои усилия и все свои скудные средства распространению Знания среди людей. Оно не ждет, что такой человек начнет издавать книги для народного просвещения, читать лекции, тем самым разрушая свой быт и свою мирскую жизнь, основывать училища и академии, строить библиотеки, – все это того лишь ради, чтобы ему поставили памятник после смерти.

Однако оно ждет от всех и каждого, чтобы они сделали хоть что-то в пределах собственных способностей и средств, и не существует на Земле масона, который был бы не в состоянии сделать хоть что-то, если не сам, то с помощью друзей и знакомых.

Если у ложи недостаточно средств для того, чтобы вложить их в основание академии или училища, она все равно может что-то предпринять в рамках средств, которыми располагает. Она может дать хорошее образование бедному мальчику или бедной девочке – ребенку своего нуждающегося Брата. Никогда не следует забывать, что в каждом бедном и брошенном ребенке, который кажется навечно осужденным на тенета порока и невежества, может быть, дремлют добродетели и мудрость Сократа, ум Бэкона или Боссюэ, гений Шекспира, способность облагодетельствовать человечество, подобно Вашингтону; а значит, ложа, сделавшая это, вытащившая его из болота, в которое он был брошен отнюдь не по своей воле, и даровавшая

ему свет разума и развития, вполне может оказаться прямым и непосредственным носителем того самого благословения, которое даровал мальчику из Метца доктор Иоганн Фауст, что она в таком случае сможет и далее нести свободу и Знания своей стране, определять и изменять судьбы своего народа, вписывать новые главы в историю мира.

Ибо мы никогда не знаем, насколько важно то, что мы делаем. Дочери фараона вряд ли было ведомо, как она повлияет на судьбы мира и какими именно будут великие последствия того простого и человечного ее поступка, когда она решила взять из колыбели, несомой неспешным течением Нила мимо ее дома, младенца, сына еврейки, и воспитать его так, как будто он был ее собственный сын.

Сколь часто простой жест милосердия, ровным счетом ничего не стоивший тому, кто его сделал, даровал миру великого художника, музыканта или изобретателя! Сколь часто такой жест выращивал из трущобного оборванца благодетеля своего народа! От сколь мелких и незначительных случайностей, на которые, в противном случае, ровным счетом никто и никогда не обратил бы внимание, зависели судьбы величайших завоевателей этой планеты! Никто и никогда не видел скрижалей, на которых начертан был бы закон, позволяющий со всей определенностью вычислить объем блага, вызванного к жизни одним лишь добрым поступком. Скромная лепта вдовицы может не только быть ценнее богатых жертвоприношений вельможи, но и привести к гораздо большим преобразованиям в судьбах мира. Беднейший из мальчиков этого мира вполне может за счет благотворения окружающих вырасти в великого полководца, чьему приказу будут повиноваться армии, народы, сенаты, министры, который единолично будет решать, быть ли войне, быть ли миру; и его прекрасные мысли и достойные речи станут руководством к действию для миллионов людей, еще не родившихся на свет.

Однако возможность сотворить великое благо не обязательно представляется всем и каждому. Грешно и порочно лежать на боку и бездействовать в ожидании того мига, когда, возможно, представится случай сотворить нечто бессмертное и благое. Этого мига можно ожидать лишь как следствия одной или многих, или бесчисленно многих попыток и усилий. Принесенное миру благо становится очевидным только после того, как люди увидят его плоды и насладятся ими; и добиться этого можно только настойчивостью, уверенным

и постоянным трудом ради просвещения мира, пусть это и требует предельного напряжения всех жизненных и душевных сил.

Ибо в любом случае только непосильным и постоянным трудом, исполняя свою работу с надлежащим усердием и располагая достаточным временем для ее исполнения, только путем самоотверженного преодоления всех встречающихся трудностей, а отнюдь не путем пассивного ожидания случая сотворить благо для ближнего своего, можем мы идти путями добродетели и исполнять ее заветы. Этим путем следовал Демосфен, слог за слогом и фразу за фразой оттачивая свое бессмертное ораторское мастерство. Так торил неизведанные пути науки Ньютон, шаг за шагом осваивая геометрию, познавая науку Небес, а Лаверрье – «добавлял» новые планеты в нашу Солнечную систему.

В корне неверно утверждение, что те, кто оставил после себя в памяти человечества величайшие памятники ума и таланта, не только получили иное, по сравнению с остальными людьми, образование и больше и успешнее трудились, но и одарены были по-иному, больше и богаче; что они скорее выделялись врожденным талантом, чем трудолюбием, – это в корне неверно. Они обладали теми же ограниченными способностями, которыми в той или иной степени наделены все без исключения люди мира, однако теперь память их окружена неизбывной славой во человечестве.

Ни в коем случае также не следует считать вульгарным подходом или принижением славы и значения гения утверждение, что его гениальность не имеет и не может иметь никакого другого источника, кроме озаряющей его разум Небесной искры; но нельзя отрицать значение и его верности избранной цели, посвящения всего себя одной-единственной, но великой задаче, неустанных трудов, не редкими конвульсивными бросками на пределе возможностей, а постоянно, шаг за шагом, ступенька за ступенькой, чтобы не иссякли до времени физические и умственные силы; это путь собирания воедино множества маленьких усилий, которые более действенны, чем редкие и мощные отдельные броски вперед, и только посредством них достигаются действительно великие и важные перемены, которые оставляют следы на лице Земли и в истории Земли и человека.

Ни в коем случае нельзя забывать о тех источниках, которые сделали больше всего для того, чтобы гений просиял во всей славе

своих свершений и достижений, а также отказываться верить в то, что именно такие известные всем и, казалось бы, обыкновенные добродетели, как трудолюбие, терпение и самоотверженность, напрямую связаны с природой благодетеля человечества, кажущейся нам столь отличной от нашей собственной природы.

Не следует забывать, что великие свершения чаще всего являются результатами множества разнообразных влияний и множества всесторонних усилий; так же и частички водяного пара, поднимающиеся в воздух с поверхности мирового океана, каждая из своей лагуны, из моря или залива, из океанических глубин и прорытых людьми оросительных каналов в полях и долинах, – все они уплывают вдаль, слившись в огромные облака, а потом снова выпадают на землю в виде росы, дождей и снегов, вновь попадая на плодоносные поля, на широкие долины и суровые горы, наполняя судоходные потоки, служащие артериями, по которым струится кровь человечества, даруя жизнь странам и народам.

И масонство также способно на великие свершения, если каждый масон согласится выполнить свое предназначение и если их совместные усилия будут направляться мудрой рукой во имя общей для всех цели. Да творит Господь Всемогущий великие дела в миг единый, но да идет человек мало-помалу к величию, которое предначертано ему Господом.

Если масонство будет верно своей миссии, а сами масоны – своим обязательствам и клятвам, если, решительно вступая на путь благотворения, оно и они будут верно и неустанно следовать этим путем, памятуя о том, что величайшие наши вложения в дело просвещения и благотворительности тем и велики, что чего-то стоят нам самим – отказа ли от неоправданной роскоши, временного ли лишения покоя и удобств, если мы будем постоянно работать на благо того, что некогда было величайшими целями масонства в этом мире, то есть на благо просвещения и совершенствования человека, причем, не периодически, а непрестанно и постоянно, как водяной пар поднимается ввысь, навстречу весенним солнечным лучам, как встает и садится Солнце, как зажигаются и гаснут на небе звезды, – только тогда можем мы быть уверены в том, что величайшая наша работа будет выполнена и величайшие ее плоды собраны. И тогда со всей очевидностью станет ясно, что масонство не бессильно и не инертно, не терпит упадка и не скатывается в пропасть забвения.

Sublime Elect of the Twelve **11**

Верховный Избранник Двенадцати, или Князь Эмет

Долг Князя Эмет – быть честным, верным и надежным; защищать людей от клеветы и незаконных обвинений; бороться за их политические права и, по мере сил и возможностей, следить за тем, чтобы те, кто разрушает государственные устои, всегда несли заслуженное наказание.

Вы должны быть верны всем своим обязательствам перед всеми людьми.

Вы должны быть честны и откровенны во всем и со всеми.

Вы должны честно выполнять свой долг.

И да не раскается никто в мире в том, что положился на ваше усердие, ваш профессионализм и ваше слово.

Величайшей отличительной чертой истинного масона является его сочувствие всему человеческому роду. В человеческом роде он видит одну большую семью, где каждый член связан с другими членами невидимыми нитями могущественной паутины обстоятельств, создаваемых и поддерживаемых Господом.

А коль скоро он ощущает это сочувствие, его первейшим долгом как масона становится вспомоществование своим ближним. Как только он вступает в Орден, он перестает быть один, становясь членом огромного вселенского братства, и принимает на себя обязательства по отношению к каждому масону на Земле, в то время как каждый масон принимает на себя такие же обязательства по отношению к нему.

И эти обязательства принимаются им отнюдь не только по отношению к масонам. Они касаются также его страны и особенно

огромной страдающей массы ее простого народа, ибо каждый его представитель – брат масону, и Бог слышит каждого из них, как тихо он ни воссылал бы свои мольбы ввысь, чередуя их со стонами. Всеми доступными средствами – через свое влияние, силу убеждения, еще как-нибудь – если этого потребуют чрезвычайные обстоятельства, он просто обязан защищать простой народ от незаконного преследования и тирании.

Он с одинаковым упорством защищает и совершенствует простой народ. Он не льстит народу, ибо это уводит народ от истинной цели, он не подлаживается под него, чтобы обрести над ним власть, масон не скажет народу, что он не способен на ошибки, что глас народа – глас Божий. Но он знает, что безопасность любого государства при любой форме его устройства, продолжительность его существования и память о нем в веках зависят от добродетели и разума простого народа этого государства; и добродетель эта должна быть такова, чтобы ее нельзя было отнять у народа силой оружия; а такой она будет, только если является продуктом постоянной практики мужества, доблести, справедливости, умеренности и милосердия, если она глубоко укоренилась в умах и сердцах людей, – и тогда народу не страшны даже те, кто, несомненно, может попытаться отобрать у них предательством и хитростью то, что они не отдали тем, кто пробовал это отобрать силой оружия или государственной власти.

Масону отлично известно, что, если, отложив в сторону орудия войны, когда в них больше нет нужды, люди имеют обыкновение пренебрегать мирными искусствами и науками, если свобода и мир народа являются для него причиной постоянного пребывания в состоянии войны, если война для него является естественным состоянием, единственной доблестью и вершиной его успеха, этот народ вполне может вскоре счесть долгожданный мир неестественным и болезненным состоянием, противным его интересам. И тогда снова грянет война, еще более страшная и разрушительная; и то, что этот народ почитал свободой, будет для него еще хуже рабства. Ибо только посредством обретения Знания и нравственности, не велеречивых и пустых, а истинных, незапятнанных и немногословных, может народ расчистить свои горизонты от пелены невежества, заблуждений и страстей, поднимающейся с влажных лугов порока; в противном случае когда-нибудь обязательно найдется некто, кто заставит весь этот народ склонить головы, чтобы удобнее было

надеть ему на шею ярмо, которое суждено всем низким и невежественным народам; и этот народ, несмотря на все свои военные заслуги, склонится перед новым завоевателем, тут же забыв о своей славе, а завоеватель будет черпать силы для своей деспотической власти именно в невежестве народа, его страстях и неуравновешенных заблуждениях.

Народ, который подчиняет свои богатство и процветание алчности, чувственности и ни на чем не основанному честолюбию отдельных личностей, не изгоняет из них самих и их семей роскошь, не сдерживает рост нищеты, не способствует образованию неимущих, не стремится возвысить своих соотечественников над низменностью и пропастью греха, не старается, чтобы труженики не умирали от голода на порогах роскошных пиршественных залов праздной аристократии, вскоре осознает, что выпестовал таким образом алчность, страсти, необоснованные амбиции и неизмеримую роскошь всего лишь одного класса на фоне нищеты, деградации, пьянства, невежества и огрубения основной массы населения; что в стране появилось больше сорняков, чем на заброшенном поле; и тогда непременно на его шею вскоре усядется очередной тиран.

Вот первые враги, которых следует победить, первые войны во имя мира, первые победы, бескровные, но исполненные славы и достоинства, которые гораздо достойнее тех побед, достигнутых убийствами и грабежами; и если не одержать победу в этой войне, уже не имеет никакого смысла одерживать победу над жестоким и деспотичным врагом на полях сражений.

Ибо если какой-либо народ полагает, что величие, мудрая и дальновидная политика состоят в том, чтобы изобретать новые налоги, сборы и займы, дабы вытягивать все соки из беднейших слоев населения; наращивать и наращивать вооружения на земле и на море; соревноваться в хитрости и низости с послами иностранных государств; входить в сговоры с целью поглощения территории соседних государств; заключать неправедные и лживые договоры; править страной за счет страха ее народа перед власть предержащими; а не наоборот – в том, чтобы нести всем без исключения людям в стране справедливость, одинаковую для всех; улучшать положение и оказывать помощь трудящимся массам; помогать неимущим, повышать благосостояние трудолюбивых и умиротворять униженных; строго блюсти честно приобретенную частную собственность, – тогда такой народ в большой беде, он впал в колоссальное заблуждение,

и слишком поздно он осознает, когда иллюзия обретенного таким образом могущества рассеется, что, презирая эти, казавшиеся малозначительными, добродетели, он сам подготовил свой крах и свое падение.

К сожалению, в каждом веке возникают свои собственные проблемы, зачастую крайне сложные и практически неразрешимые; проблема этого века, например, которую он предлагает всем нам и призывает к ее решению всех мыслящих людей, такова: как в государстве с огромным населением, процветающем и благословленном свободными правительственными институтами и конституционной властью, обеспечить все огромные массы простого рабочего народа постоянной и достойно оплачиваемой работой, не дать им вымирать от голода, а их детей удержать от греха и разнузданности и наоборот – не просто обучить их читать и писать, а дать им тот уровень знаний, который позволил бы им осознанно исполнять свои обязанности и пользоваться всеми правами свободных граждан, пусть им даже будет – как это зачастую ни опасно – даровано избирательное право.

Ибо даже если нам не известно, почему бесконечно мудрый и милосердный Господь так все устроил, несомненно именно Его законом является такое положение вещей, когда даже в цивилизованных христианских странах большая часть населения обретает счастье в том только случае, если на протяжении всей своей жизни – от младенчества до старости, в здравии и болезни – эти люди имеют достаточное количество самой простой пищи для пропитания самих себя и своих детей, их спасения от гнетущего чувства голода, простейшей и грубейшей одежды для защиты самих себя и своих детей от пронизывающего окружающего холода, а также если им есть где преклонить голову, пусть это будет простейшее и грубейшее жилище.

А также, по всей вероятности, Он учредил другой великий закон, который до сих пор ни одно земное человеческое общество не было в силах ниспровергнуть, состоящий в том, что как только страна становится густо населенной, ее капиталы имеют тенденцию концентрироваться в руках ограниченного количества людей, которые вскоре обретают власть над производительным трудом, вследствие чего не менее скоро оказывается, что простой ручной труд, например, ткача или кузнеца, стоит не больше самого низкого прожиточного минимума, а в крупных городах и деревнях на

всей огромной территории страны – и того меньше, а сами труженики в отрепьях блуждают по просторам страны, умирая от голода и не находя работы.

Лошади и быку всегда найдется работа, за которую их сытно накормят, а с человеком это далеко не всегда так. Получить работу, которая оплачивалась бы достойно, становится одной из наиболее важных целей человеческой жизни. Капиталист вполне может прожить, не используя труд наемного рабочего, и он увольняет последнего, как только производимый им труд перестает приносить прибыль. Как только погода перестает благоприятствовать, рента – расти, а условия рынка – ужесточаться, он прогоняет работника, обрекая его на голодную смерть. Если поденщик заболевает, ему перестает начисляться заработная плата. Когда он стареет, не может быть никакой речи о пенсии для него. Его дети не могут получить образование, ибо не успевают их кости окрепнуть, как им тоже приходится становиться поденщиками, а то они умрут от голода. Сильный и здоровый мужчина вынужден работать за пару шиллингов в день в то время, как его жена, склонившись над тусклым пламенем угля в очаге, когда ртуть в термометре опускается гораздо ниже нулевой отметки, а дети, плача от голода, наконец заснули, при свете единственной своей дешевой свечи зашивает одежду своего супруга без всякого материального возмещения, ибо он, взяв ее в жены, точно купил, ничего не платя, ее каторжный повседневный труд.

Отцы и матери убивают собственных детей ради правительственной денежной компенсации на похороны, чтобы смертью одного ребенка купить жизнь, еду и одежду для оставшихся детей. Несчастные босоногие девочки в жуткий жалящий мороз метут уличные перекрестки и жалостливо выпрашивают пенни у прохожих, кутающихся в теплые меха. Дети растут в страшной нищете и пугающем невежестве; нужда заставляет девушек и женщин торговать своим телом; другие женщины в мороз, падая от голода, ночь напролет и ночь за ночью, похожие на груды старого тряпья, подпирают стены работных домов в надежде, что там освободится для них местечко; сотни семей живут буквально друг у друга на головах в рабочих бараках, где царят смрад, болезни и прочие кошмары, где мужчины, женщины и дети копошатся по колено в грязи; но зато там вповалку спят вместе люди всех возрастов, всех рас и национальностей, в то время как в великом и могущественном республиканском государстве в расцвете юности, сил и мощи практически каждый

молодой человек с семнадцати лет становится нищим и начинает получать пособие по безработице.

Как справиться с этим практически неизбежным злом и нравственной болезнью – наверняка самая важная из всех общественных проблем. Что делать с нищетой и избыточным предложением на рынке труда? Как может продолжаться жизнь страны, в которой жестокость и пьяное полуварварство полномочно выбирают своих представителей, не оставляющих своих привычек, даже занимая государственные посты и оказывая воздействие на правительство? Как быть, если не мудрость и общественный вес, а скандальность и низменный порок возносятся на сенаторские посты, если отбросы общества, «благоухающие» грязью борделя, оказываются у руля в департаменте ценообразования и на бирже, легализуют игорный бизнес и всячески возносят подлость и презрение к нравственности в угоду прибыли?

Масонство должно делать все, что в его силах – или через прямое свое влияние, или посредничество, или сотрудничество с другими людьми – чтобы просвещать, совершенствовать и защищать народ, улучшать физические условия его существования, уничтожать то, что неизбывно гнетет его, удовлетворять, по мере возможностей, его нужды. Так пусть же каждый масон сделает все, что в его силах, для этого!

Потому что правда, и всегда было правдой, и вечно пребудет правдой, что быть свободным – значит, быть и религиозным, и мудрым, и умеренным, и справедливым, и воздержанным, и великодушным, и отважным; а если человек обладает диаметрально противоположными качествами, он все равно что раб. И часто случается так, что по воле и, как мы уже не раз имели возможность видеть, невыразимой справедливости Господней люди, неспособные управлять собой и умерять свои страсти, попавшие в кабалу к своим порокам, вскоре вынуждены бывают идти в настоящее рабство.

Также справедливость и законы Природы диктуют тому, кто из-за собственной глупости или неумеренности не в силах управлять сам собой, необходимость быть управляемым другими.

Превыше всего прочего нам никогда не следует забывать о том, что все человечество есть одно большое братство: все мы рождены для страданий и горя, а потому должны сострадать и сочувствовать друг другу.

Ибо ни одна из возведенных людьми до сих пор башен Гордыни не бывала настолько высока, чтобы раз и навсегда вознести своего строителя и владельца над испытаниями, страхами и слабостями остального человечества. Никогда человеческой руке не удавалось (и никогда не удастся) возвести стену, которая была бы настолько крепкой, чтобы не допустить внутрь боль, злобу и слабость. Слабость и горе, несчастье и смерть – великие уравнители. Они не знают ни высших, ни низших классов. Бытовые жизненные нужды и великие и неизбывные потребности человеческой души не знают исключений ни для кого. Они делают всех людей одинаковыми и одинаково бедными и слабыми. Они заставляют величайшего из правителей мира страдать от голода точно так же, как и самого нищего из уличных попрошаек.

Однако принцип сострадания сам по себе не порочен. Мы ошибаемся, а последствия ошибок делают нас мудрыми. Все окружающие нас стихии, все природные законы, по которым мы живем, ведут нас к этому, ибо Провидение намерено вести нас к Истине и счастью путями болезненных ошибок и просчетов. Если же ошибки только учат нас ошибаться и дальше, если они только в очередной раз убеждают нас в нашем несовершенстве, если страдания, в которые ввергает нас наше собственное следование путями попустительства отвратительному пороку, ведут нас только к дальнейшему погрязанию в пучине греха, – такое страдание грешно и порочно. Но ведь все не так: наоборот, все наши страдания должны, по идее, заставлять нас пересматривать свои поступки и исправляться нравственно. Страдание – наука добродетели, которая больше счастья, но именно поэтому включает счастье в себя. Добродетель воспитывает, растит и совершенствует счастье. Добродетель – это приз победителю трудной гонки, кровавого и тяжкого сражения, и она стоит всех перенесенных ран и затраченных усилий. Человек должен идти вперед смело и непреклонно на битву с пороком. Он должен возобладать над ним и не позволить ему возобладать над собой. Никогда не должен человек оставлять свой пост, связанный с постоянными испытаниями, иногда смертельно опасными; он не должен сходить с места до тех самых пор, пока Провидение не станет судить его по делам его и не прикажет в конечном итоге взлететь ввысь или пасть в пучину. Отважно и целеустремленно должен истинный масон вершить предназначенную ему работу, глядя сквозь

мутное облако человеческих пороков ввысь, на светлый Престол высшего мира. Путь страданий возвышен и велик. Никакие страдания не могут длиться вечно или быть бесполезными или бесцельными. Они назначены нам беспредельной Мудростью Господней и Его беспредельной Любовью, дабы со временем мы возвысились до истинных счастья и славы.

Добродетель есть истинная свобода; ведь нельзя назвать свободным в полном смысле этого слова того, кто склоняется пред собственными страстями, как нельзя назвать рабом преданного слугу Господа. Лучше всего воспринимается обучение на собственном примере, и лучший пример – добродетель наставника. Счастлив сотворивший добро и показавший другим добрый пример. Время не сотрет его заслуги из памяти потомков. Он действительно живет и после смерти тела, и его добродетели являются посмертными вечными обелисками его славы, и каждый новый день добавляет славы его памяти в людских сердцах. Добрые дела – это семена, которые приносят добродетельному человеку урожай ежедневно; слава его деяний проживет намного дольше мраморных памятников.

Жизнь – это школа. Мир людей – это не тюрьма, не камера предварительного заключения, но и не дворец из слоновой кости, полнящийся лишь радостью и увеселениями, не театр, в котором мы – только зрители, наблюдающие разыгрываемое перед нами представление; это место нашего постоянного обучения и опыта. Жизнь дается нам ради нашего нравственного и духовного просвещения; и весь курс обучения в этой великой школе жизни направлен на то, чтобы мы возвысились к добродетели, счастью и Жизни Грядущей. Жизненные циклы – это семестры обучения в этой школе; все жизненные ситуации – изучаемые предметы; все занятия на протяжении жизни – уроки. Первичной ячейкой этого образования в школе жизни является семья; затем следуют различные общественные институты и группы, а потом – университеты, то есть царства и республики.

Богатство и бедность, радости и горести, свадьбы и похороны, налаживание общественных связей и их разрыв, удары судьбы и удачи, благие приобретения и болезненные утраты – все это уроки в школе жизни. Все жизненные события отнюдь не беспорядочны, наоборот – они тесно связаны между собой. Не бывает и не может быть так, чтобы Провидение наставляло одного человека, а другого в то же время ограждало и оберегало от жизненных испытаний

и горестей. У Провидения не бывает богатых любимчиков и несчастных жертв. Случившееся с одним случается и со всеми остальными. У всех людей на Земле – одна цель, всех ожидает один и тот же конец.

Богач наверняка прошел хорошую школу жизни. Наверное, он считает, что его богатство – огромное его достижение, которое делает его великой личностью; но в действительности он – всего лишь ученик. Он, наверное, считает себя Мастером, хозяином, которому ничего не надо делать – только приказывать и командовать; но в действительности над ним существует другой, Высший, Хозяин – Мастер Жизни. А Он не смотрит ни на наше положение в обществе, пусть и самое высокое, ни на наши неисчислимые претензии на величие, ни на то, как мы применяем в жизни полученные знания, – но лишь на то, насколько мы в действительности овладели этими знаниями. И богатых и бедных Он оценивает по одной и той же мерке, и для Него между ними не существует иных различий, кроме различий в степени постижения Истины.

Если из богатства мы извлекаем уроки умеренности, скромности, незаметности, благодарности Господу и щедрости к ближнему, мы достойны славы и награды. Если же мы обучаемся лишь самовлюбленности, эгоизму, неправедности, пороку, презрению к слабым сим, брезгливости по отношению к менее удачливым своим собратьям и неуважению к Провидению Господню, мы недостойны похвалы, мы осуждены на наказание и презрение, пусть и привыкли всю жизнь купаться в роскоши и гордиться тем, что происходим из рода, насчитывающего сотни поколений достойных и прославленных людей; пусть все и вправду так, но для Небес и всех праведников этого мира это все равно что мы лежали бы в больнице, пав жертвой нищеты и жестоких болезней, или умирали бы в ночлежке или под забором, или на свалке. Простейшее понятие человеческого равенства принимает в расчет не школу, которую закончил человек, но только то, чему он в ней научился; и правосудие Небес также не будет отходить от этого стандарта оценки, потому что оно равно для всех.

Бедняк тоже прошел школу жизни. Так пусть же не забывает он то, чему научился, вместо того, чтобы плакать и жаловаться на превратности судьбы. Пусть он следует путем скромности, умеренности и сердечной доброты. Пусть он воздерживается от зависти, зависимости от произвола других, свято блюдет свою независимость и

не забывает о самоуважении. Труды тела – ничто. Да не забывает он никогда о возможности нравственного и умственного вырождения и падения. Если удача поворачивается к нему лицом и его положение начинает улучшаться, да не забывает он, в первую очередь, о совершенствовании и развитии своей души. Да извлекает он всегда уроки из своей бедности, пусть и длящейся вечно, – великие уроки выдержки, отваги, веселья, удовлетворенности и твердой уверенности в справедливости Божественного Провидения. При наличии этих добродетелей наряду со спокойствием, самоконтролем, независимостью и страстной любовью к ближнему его скромное существование станет священным и более возвышенным, нежели самое высокое и замечательное положение в людском обществе. Но превыше всего да ценит он свою независимость. Да не поручает он – будь он нищий из нищих, обездоленный, беспомощный и отверженный бедняк – свою жизнь доброте окружающих. Господином человека должен быть Бог, а не другой человек, и да не отвергнет никто уроков жизни в нищете – по своей ли подлости, будучи ли подкуплен другими, потому что в противном случае его ждет падение, которое хуже бесчестья, – утрата уважения к самому себе.

Связи, устанавливаемые нами в обществе, учат нас любить друг друга. Сожаления достойно то общество, в котором отсутствие искренней любви и привязанности его членов друг к другу пытаются заменить помпезностью, красивыми словами, учтивостью и лицемерным лоском, которые силятся, но не могут прикрыть честолюбия, зависти, взаимного недоверия, царящих в таком обществе вместо простоты, доверия и доброты.

Общественная жизнь также учит человека скромности и доброте; и из неуважения окружающих, неоправдания оказанного доверия недостойным человеком, неспособности мира оценить нас по заслугам мы извлекаем уроки терпения и спокойствия, возможности и необходимости быть выше общественного мнения, причем, не цинично и с горечью в душе, а спокойно, дружелюбно и с любовью к людям.

Смерть – тоже великий учитель, суровый, холодный, неумолимый и необоримый; ее не в силах остановить или отвратить ее приход объединенная мощь всех людей и всех людских сообществ. Последнее дыхание, слетающее с уст царя царей мира сего или самого нищего, опустившегося бродяги, одинаково едва колеблет прозрачный воздух, и вернуть его на уста умирающего нельзя ни на секунду ни за какие земные богатства. Какой это великий урок нашей сла-

бости и беззащитности пред лицом Великой Силы, Которая превыше нас всех! Это страшный урок, к которому никто и никогда не в силах привыкнуть. Смерть красной нитью проходит через всю историю Земли, окруженная величайшей и страшной тайной, и налагает свою длань на всех и вся. Она являет свою власть ежедневно и ежечасно. Прошедшие годы отмечены ее мрачными и пугающими верстовыми столбами; ее перст оставляет огненные письмена скорого конца на стенах каждого дома.

Смерть учит нас Долгу; мы все должны исполнить свой долг, сделать назначенное нам дело. Когда человек умирает, возникает лишь один, самый главный вопрос: хорошо ли он прожил жизнь? В смерти нет зла; зло бывает в прожитой жизни.

Уроки в школе Божественного Провидения тяжелы; но, тем не менее, все занятия в великой жизненной школе во всех случаях и ситуациях человеческой жизни отлично приспособлены к индивидуальным способностям и возможностям каждого конкретного человека, рождающегося на свет, его страстям и недостаткам. Нет в них ничего особенного, такого, что не вело бы напрямую к ожидаемому результату. Вся человеческая жизнь есть борьба с трудностями, и если прожить ее правильно, она приведет человека к прогрессу и совершенству. Учиться никогда не поздно. Школа жизни – это не часть жизни, это вся жизнь, во всей полноте ее составляющих. Никогда не настанет то время – пусть и в миазмах тления и немощи старости, когда можно будет оставить усердие и любознательность, веселье и целеустремленность. Человек терпеливо идет по жизни опасным и неторенным путем, иногда блуждая в полной тьме, ибо терпение порождает совершенство, опасности – победу, а из мглы непременно сверкнет молния, озаряющая человеку путь к Вечности.

Да будет каждый истинный масон прилежным учеником в этой школе жизни, наизусть помнящим все преподанные ему в ней уроки! Да не останется он глух к ее урокам, но да не заботится он особо о том, что узнал, а что – нет. Да не пролетают годы мимо него, свидетельствуя лишь о его безразличии и лени или о стремлении обрести в этом мире все, кроме добродетели. Да не трудится он лишь ради себя самого и да не забывает о том, что самый бедный и презренный из людей этого мира – его брат, имеющий полное право на его сочувствие и помощь, что под грубой робой труженика, вполне возможно, бьется сердце, не менее благородное и великодушное, чем под княжеской мантией.

Бог в нас ценит не деньги, а души.
Любит Бог и меня, и тебя.
И Закон мы Его не нарушим,
Всех как братьев по крови любя.

Не менее важны и другие обязанности, налагаемые на масона посвящением в этот градус. Неотъемлемым Божественным свойством и основанием любой добродетели, говорят каждому масону при посвящении, является Истина, а также неразрывно связанные с ней искренность, правдивость и откровенность, надежность, прямота и все остальные качества, в которые претворяется Истина в душе человеческой. По доброй воле масон никогда не предаст ничье доверие – ни человека живого, ни мертвого, ни в присутствии оказавшего ему доверие, ни в его отсутствие. Каждому оказавшему ему доверие он остается навечно обязан, и в этом – еще одно проявление высшего для масонов принципа Равенства. Лишь последний человек, как говорил Цицерон, обманет доверие того, кто меньше бы пострадал, если бы не доверился никому. Все добрые деяния, сотворенные человечеством на всем протяжении его многовековой истории, бывали творимы лишь людьми верными и отважными. Всегда надежный и заслуживающий доверия человек одновременно и добродетелен и мудр; он и сам надежно защищен от опасностей этой жизни, ибо закон не может покарать человека добродетельного, а судьба никогда не отвернется от человека мудрого.

Поскольку в основании масонского Храма лежат добродетель и нравственность, лишь постоянно учась первой и практикуя вторую, может масон считать свое поведение безупречным. Поскольку главной целью Ордена является благо всего человечества, одной из основных добродетелей, обязательных для его посвященных адептов, является беспристрастность, ибо она – источник милосердия и душевной щедрости.

Сочувствие бедам окружающих, скромность, но без утраты собственного достоинства, гордость, но без высокомерия, неумение гневаться, ненавидеть и мстить, великодушие и свободомыслие, но без мотовства и безбожия, враждебность по отношению к греху, почтение к мудрости и добродетели, преклонение пред невинностью, постоянство и терпение в часы невзгод, скромность в часы успеха и процветания, стремление избегать всяческих излишеств, пятнаю-

щих душу и приносящих вред телу, – только следуя этим принципам, масон становится добрым гражданином, верным мужем, нежным отцом, послушным сыном, верным братом, начинает ценить дружбу и с должным усердием исполняет те обязанности, которые налагают на него добродетель и общественные условия.

Именно потому, что масонство налагает на нас обязанность исполнять определенный общественный долг, именует оно свои занятия работой; и полагающий, что он становится масоном, лишь приняв посвящение в первые два из трех символических градусов, что взойдя на это небольшое возвышение, он с полным правом может рассчитывать на все преимущества и привилегии истинного члена масонского Ордена, не трудясь и не тратя собственных сил, не принося себя в жертву ради блага ближних своих, что в масонстве, собственно делать-то особенно нечего, глубоко заблуждается, непонятно откуда взяв такие странные представления.

Правда ли, что в масонстве так-таки и нечего делать?

Неужели не бывает еще так, что один масон подает в суд на другого масона, принадлежащего к его же ложе, причем, по делу, которое отлично могло быть решено во время простого братского доверительного разговора?

Неужели дуэли, это отвратительное наследие средневекового варварства, запрещенные меж братьями нашими основными законами и осужденные гражданским законодательством, полностью искоренены в странах, в которых мы живем? Неужели высокопоставленные масоны с достоинством отказываются от них? Или же наоборот – они склоняются под гнетом развращенного общественного мнения и отдаются на его милость, несмотря на трагедию, которую они тем самым навлекают на Орден, нарушая данную при вступлении в него клятву?

Неужели масоны более не думают плохо о своих братьях, не злословят о них по темным углам и не судят себя самих по одним законам, а ближних своих – по совсем иным?

Неужели у масонства уже существует отлаженная и эффективная система благотворительности? Неужели оно уже сделало все, что могло, на ниве народного образования? Где масонские школы, академии, колледжи, больницы, аптеки и дома престарелых?

А политические конфликты? Что, они уже обходятся без войн и страданий целых народов?

Неужели масоны раз и навсегда отказались от оговаривания своих братьев потому только, что те отличаются от них по вере или политическим взглядам?

Какие великие и важные общественные вопросы привлекают наше внимание на собраниях лож? Какие именно зодческие работы, зачитанные на этих собраниях, действительно нацелены на просвещение и образование братьев? Разве большинство наших собраний уже не проходят в атмосфере обсуждения малозначительных обстоятельств нашей деловой жизни, разъяснении ритуальных и административных тонкостей внешней деятельности Ордена, а также посвящения новых и новых кандидатов, которых мы потом не берем на себя труд обучать?

Где, в каких ложах по-настоящему глубоко разъясняется суть наших церемоний и обычаев, пускай со временем они и исказились практически до полной неузнаваемости? В какой ложе посвященных наставляют в тех великих, простых и незапятнанных истинах, которые масонство сохранило для мира?

Мы присваиваем друг другу высокие титулы, которым сопутствуют высокие почести. Считают ли их обладатели себя обязанными нести в мир просвещение в соответствии с высокими целями и задачами масонства? Наследники великих посвященных, правивших империями мира сего, используете ли вы свое влияние в профанском мире для добрых дел во имя гарантированной Конституцией свободы?

Споры ваши должны проходить в форме дружеского разговора. Вы должны жить в вечных согласии, мире и взаимопонимании. Зачем же вы в таком случае держите в своих ложах тех, кто возбуждает раздоры и приводит вас к ссорам? Зачем позволять им и далее преследовать свои непомерные амбиции, сея среди вас вражду? Как согласуются между собой ваши слова и дела? Если вы полные нули как масоны, то какого же влияния можно ожидать с вашей стороны на других?

Вы постоянно хвалите друг друга и в возвышенных тирадах славите Орден и себя в нем. Вы привыкли считать, что вы таковы, какими и должны быть, и вы ни разу не взглянете на себя со стороны, чтобы узнать, каковы вы на самом деле. А все ли ваши действия имеют своей целью воспевание добродетели? Загляните в глубины своих сердец; изучите сами себя непредвзято и дайте ответы на собственные вопросы. Можем ли мы чистосердечно сказать сами

себе, что всегда и при всех поворотах судьбы верно и непреклонно исполняли свой долг? Или что мы исполняли его хотя бы наполовину?

Давайте отбросим бесполезное самовосхваление! Давайте хотя бы будем мужчинами, если не можем быть мудрецами! Законы масонства, пусть они нравственно и превосходят все прочие законы, не в силах изменить человеческую природу. Они просвещают, они наставляют на путь истинный, но вести по нему вперед они могут, лишь ограничивая человека в проявлениях его страстей и эгоизма. Но увы, обычно побеждают страсти, и масонство бывает забыто и отброшено прочь.

Прохвалив нас всю жизнь, наши добрые братья не останавливаются на этом и проливают елейные потоки восхвалений и на крышку нашего гроба. Каждый отошедший на Восток Вечный брат, как бы бессмысленна и порочна ни была бы его жизнь, становится в их устах просто образцом добродетели, настоящим носителем Небесного Света и любимым дитятей Господа. В древнем Египте, где масонство ценилось превыше светской праздной суетности, никто не мог после смерти попасть под освященные своды усыпальницы до справедливого и беспристрастного суда над его земной жизнью. Строгий трибунал судил и выносил вердикт обо всех, включая царей. Мертвому говорили: «Кто бы ты ни был, отвечай перед своей землей за свои дела. Что сделал ты за время своей жизни? Закон спрашивает тебя, Земля слушает тебя, Истина будет судить тебя». Князья мира сего приходили туда, сопровождаемые лишь своими добродетелями и своими пороками. Общественный обвинитель зачитывал список благих и греховных деяний умершего, бросая свет на самые туманные страницы его биографии. Если суд выносил решение, что человек был при жизни грешником, память его подвергалась поруганию перед всем собравшимся народом, и телу его отказывали в погребении с почестями. Какой прекрасный урок масонской справедливости всем сынам человеческим!

Неужели правда, что масонство ныне выхолощено, что высохшая его акация больше не дает тени, что масонство более не шагает в авангарде Истины? Нет. Тогда правда ли, что весь мир уже стал в одночасье свободным? Правда ли, что невежество и суеверие исчезли с лица Земли? Исчезла ли ненависть в сердцах людей? Пропали ли навсегда сребролюбие и ложь? Царят ли среди всех политических и религиозных течений мир и гармония?

Перед масонством стоят еще тысячи и тысячи задач, выполнить которые будет потруднее, чем совершить двенадцать подвигов Геракла. И масонство должно идти вперед и вперед, непреклонно и прямо, оно должно просвещать людские умы, изменять общественный уклад, совершенствовать законы и общественную нравственность. Перед ним расстилается такая же бесконечность, как и та, в которую погружены его истоки. И масонство просто не может прекратить свои труды во имя общественного прогресса, не утратив при этом верность самому себе, не перестав при этом быть масонством.

Grand Master Architect **12**

Великий Мастер-Архитектор

Великие обязанности, налагаемые на нас наставлением в использовании рабочих инструментов Великого Мастера-Архитектора, которые столь многого требуют от нас, подразумевая при этом, что мы окажемся способными верно и совершенно исполнить их, немедленно заставляют нас поразмыслить над достоинством человеческой природы и неохватными способностями и силами человеческой души. Именно к этой теме я привлекаю ваше внимание в толковании данного градуса. Давайте начнем восхождение от Земли к звездам.

Человеческая душа вечно стремится к Господу, к Свету, к Бесконечности. Особенно в своих горестях. Слова бессильны передать всю глубину трагедии. Мысли, плодящиеся в молчании и навечно уходящие в бесконечность и вечность, не имеют материального воплощения. Там, в этом бесконечном пространстве, мыслей больше, чем когда-либо изрекали человеческие уста. И они не нуждаются в человеческом сочувствии – скорее, в помощи свыше. В глубоком горе есть некое одиночество, избавить от коего способен один лишь Господь. В этом своем бесконечном одиночестве человеческое Сознание борется с великими бедами земной жизни, ища ответы на свои вопросы в великой Бесконечности, которая неизменно приводит его к Богу.

В нас есть много такого, о чем мы сами не имеем определенного представления. Пробудить это спящее сознание и тем самым направить его вверх, к Свету, – вот величайшая и важнейшая задача каждой

человеческой души, будь орудием труда этого человека лопата, перо или язык. Мы не представляем себе, насколько огромна и непостижима наша собственная внутренняя жизнь. Здоровье и болезнь, радость и горе, успех и поражение, жизнь и смерть, любовь и утрата любимого – знакомые и часто срывающиеся с наших уст слова, но откуда нам знать, какие потаенные струны наших душ они затрагивают?

Мы не способны осознать истинное значение ни единого из известных нам понятий до тех самых пор, пока не утратим то, что оно обозначает. Бесчисленные органы, мышцы и фибры нашего организма неизменно и постоянно выполняют свое предназначение внутри нас, в то время как мы совершенно не представляем себе значение каждого и каждой из них. Но стоит одному из наших органов выйти из строя или нам – не дай Бог – потерять его, как тут же мы понимаем, для чего он служил, насколько он был важен для наших покоя и счастья и насколько это невосполнимая утрата теперь. Нам не дано осознать все значение таких слов, как «собственность», «покой» и «здоровье», весь глубокий смысл с детства привычных понятий «родители», «дети», «любимые», «друзья», пока люди, которых мы привыкли так называть, не покидают нас, возможно, навсегда; пока на месте такого простого, такого материального, такого привычного человека не появляется темная и пугающая тень, которая есть ничто; и мы протягиваем к ней руки, которые никогда и ничего не нащупают, мы пытаемся проникнуть сквозь пугающую тьму отчаяния своим взором, но и этому не суждено быть. Но и в этой тьме мы не теряем тех, кого привыкли видеть рядом с собой и любить. Они становятся для нас еще реальнее, еще дороже. И все то хорошее, что мы творим, тоже не тускнеет и не теряется вдали, а совсем наоборот – становится еще ярче и реальнее, при этом навсегда оставаясь в бесконечной и вечной Реальности; так и настоящие любовь и дружба навечно запечатываются во всем своем блеске холодной каменной печатью смерти.

Смутное осознание присутствия великой тайны и величественной неизвестности преследует нас во всех простейших жизненных событиях. Величие и страх Господень преследуют нас во всех мелочах привычнейшего нашего земного быта. Грубый крестьянин откуда-нибудь из Апеннин, уснувший у подножия величественной колонны древнеримского храма, казалось бы, не видит и не слышит стада, которое он привык выгонять на луга в своих горах, – он

лишь видит во сне его образ. Но даже сквозь полусмеженные веки он не может не услышать – пусть и в отдалении – могущественные хоралы и не узреть – пусть и смутно – сияющие золоченые арки Вышнего мира.

Так и душа, как бы ни была она погружена в заботы земной жизни, никогда не забывает о том, кто она такая, где ее место и что находится выше и вокруг нее. Арена ее действий в материальном мире может быть сколь угодно мала; пути, которыми она следует, – сколь угодно знакомыми и проторенными; материи, которыми она занимается, – сколь угодно избитыми и затасканными от постоянного использования. Так и бывает чаще всего, ибо именно в таких условиях нам и приходится чаще всего жить. Так мы и проживаем нашу маленькую жизнь; но Небеса остаются над нами, а Природа продолжает окружать нас и пребывать от нас в непосредственной близости; Вечность – впереди и позади нас; Солнце и звезды хранят молчание у нас над головами, но слышат и видят нас. Вечность – вокруг нас. Нас окружают бесконечно огромные пространства и безгранично могущественные силы. Пугающий свод тайны распростерся над нами, и сквозь него не способен проникнуть ни единый звук. Вечность вращается среди мириадов и мириадов звезд небесного свода на их недосягаемой для человеческого разума высоте, и ни разу ни единого слова не донеслось до нас из этих далеких и безмолвных пространств. Там, наверху, пребывает неизрекаемое Величие; и повсюду вокруг нас Оно распространяется в бесконечность; а внизу, под Ним, протекает ничтожная борьба за ничтожную жизнь, этот ничтожный бытовой конфликт, это подножие величественного понятия Времени.

Но именно от этого подножия во всепоглощающую Вечность возносятся все слова, все звуки музыки, отражающиеся от небосклона, волнение и поступь толпы, радостные клики и вопли смертельного ужаса; также и среди треволнений и шума видимой жизни из самых душевных глубин материального человека ввысь возносится молящий зов, вопиющий к помощи стон, невысказанная и не могущая быть высказанной мольба об Откровении, в своих стенаниях и практически бессловесных страданиях молящая о падении пугающего свода тайны, дабы заговорили звезды, молчаливо плывущие над пучиной человеческого бренного бытия, дабы обрели голос царящие над ним ужасные и пленительные высоты, дабы приблизились таинственные и скрытные небеса, дабы все они вместе

сообщили нам то, что известно им одним о том, что мы любили и что утратили, кто мы есть и для чего, куда мы идем.

Над человеком склонился свод непостижимых чудес. И вокруг него, и внутри него – то, что наполняет все его существование неизрекаемыми величием и святостью. Частица святости и возвышенности была ниспослана Небесами в душу каждого живого существа. Нет на свете существа настолько низменного, чтобы и в нем не осталось хотя бы частицы святости; может быть, столь малой и столь несовместимой со всем остальным в его облике, что он тщательно скрывает ее от окружающих; той частицы святости в его душе, куда более нет доступа никому, в некоем потаенном сердечном убежище, где хранятся воспоминания его детства, образы его достойных родителей, воспоминания о чистой любви, эхо однажды сказанных ему от чистого и доброго сердца слов – эхо, которое никогда не умрет.

Жизнь – это не бренное, не мирское и не суетное существование. Все наши шаги сопровождаются шагами наших мыслей, которые значительно шире наших земных шагов, которые многие полагают воспоминаниями о нашем пред-существовании. Поэтому они вечно сопровождают нас, пока мы идем избитыми и утомительными путями земных странствий. То, что мы видим в этом мире, – это еще далеко не весь мир. Жизнь, которую мы проживаем на Земле, – это еще не вся жизнь. Незримое и извечное Присутствие никуда не девается, оно остается с нами – это ощущение чего-то несравненно более великого, нежели все, чем мы владеем, ощущение поиска чего-то благого за пределами, казалось бы, бескрайних пустот жизни, воззвание из глубин самого сердца к объяснению, воспоминания уже умерших, которые играют на самых тонких струнах этих величественных таинств.

Все мы обладаем способностью не только к обретению откровений свыше, но и способны ко многому другому в пределах того, что нам и так уже известно. Какая-либо нависающая опасность может способствовать развитию в нас способностей и сил, которые значительно превосходят нашу обычную природу; и Небеса зачастую посылают нам подобные испытания именно для того, чтобы эти способности и силы наконец проявились в нас. Вряд ли существует на свете семейство настолько самовлюбленных людей, которое, будь ему приказано избрать одного из своих членов – родителей и их детей – для принесения в жертву, стало бы выбирать: ибо каждый сделал бы шаг вперед со словами: «Убейте меня, но не заставляйте

делать выбор». И разве действительно не каждый, освободясь от пелены сомнений и даже инстинкта самосохранения, возвысившись над ними, скажет, уподобляясь тем самым достойным отцу и сыну из истории Древнего Рима: «Да падет удар на мою голову!». Во всех нас есть много гораздо лучшего и более достойного, чем требует от нас этот мир и чем мы сами знаем; и только бы нам вовремя обнаружить в себе все это! И поэтому частью нашего извечного масонского труда является обнаружение этих черт Божественной силы и самоотверженности в самих себе, возрождение в самих себе казалось бы навечно утраченных жертвенности и великодушия, казалось бы навечно забытых воспоминаний о Господней милости и доброте к нам, и стремление положиться на них и позволить им управлять нашими поступками.

Надо всеми состояниями человека на этой Земле довлеет один неизменный и бесстрастный Закон. Всем судьбам, всем кажущимся случайными событиям, будь они плохи или хороши для нас, разум придает особенный характер. В действительности все они суть не то, чем они являются, а то, чем они кажутся тем, кто претерпевает их на своем жизненном пути. Царь может быть жадным, низким, падшим, рабом своих страстей, амбициозным, пугливым. А простой крестьянин может быть истинным нравственным Царем, господином своей судьбы, свободным и возвышенным существом, которое счастливее князя, достойнее земного монарха.

Человек – это не пена на волнах собственных судеб, беспомощный и лишенный ответственности за события своей жизни. При одних и тех же обстоятельствах разные люди достигают совершенно различных результатов. Те же самые трудности, неудачи, бедствия, нищета, которые совершенно ломают одного человека, другого укрепляют и возвышают нравственно. И истинно человеческой славной чертой является способность подчинять обстоятельства своей возвышенной духовной природе, и именно сила воли и умение владеть собой отличают человека достойного от человека падшего.

Нравственная воля, которую развивают у ребенка, становится новой чертой его врожденной Божественной сущности. Это вступающая на сцену новая его могущественная сила, ниспосланная Небесами. Никогда еще и никакой человек не падал столь низко, чтобы не быть способным – в силу Господнего дара – снова воспрянуть. Ибо если Господь велит ему воспрянуть, он точно воспрянет. Каждый человек обладает способностью и силой и обязан использовать

их: превращать все жизненные ситуации в испытания, а все соблазны – в средства возвышения своих добродетелей и достижения счастья; он не является продуктом стечений жизненных обстоятельств, скорее, он их господин и управляет ими, используя для того, чтобы они – плохие или хорошие – делали из него нравственное существо.

Жизнь – это то, что мы делаем из нее, и мир – это то, что мы делаем из него. Глаза и жизнерадостного, и расстроенного человека взирают на одно и то же Творение; но смотрят они на все окружающее с разных сторон. Одному из них все кажется прекрасным, все вселяет в него радость: и волны, которые Океан перекатывает в лунном свете, и горы, залитые рассветными лучами. Жизнь видится ему сверкающей и переливающейся в каждой капле росы на лепестке цветка, в каждом древесном листке, трепещущем на ветру. Во всем он видит нечто большее, чем доступно простому зрению; он видит присутствие неизъяснимой радости в холмах и долинах, в поблескивании танцующих вод. Другой же человек праздно и грустно взирает на те же самые картины, и все видится ему мрачным, бессмысленным и пустым. Поскрипывание древесных ветвей раздражает его, в реве моря слышатся ему угроза и гнев, торжественная музыка просыпающихся утром сосен звучит для него отходной молитвой по оставившему его счастью, благословенные лучи зари режут ему глаза своим блеском. Смена времен года проходит мимо него похоронной процессией, и он со вдохом отводит взор. В определенной степени человеческий глаз создает то, на что взирает; ухо в определенной степени создает мелодии и звуки, которые слышит; внешний мир вообще склонен отражать мир внутренний.

Да не забывает масон никогда, что жизнь и мир являются обычно тем, что мы из них творим посредством нашего внутреннего мира и настроя наших душ, нашим приспособлением или стремлением приспособиться к реалиям общественных условий, отношениям и целям окружающего мира. Для самовлюбленных, холодных и бесчувственных, для чванливых и суеверных, для обуянных гордыней, требующих большего, нежели то, на что они могут рассчитывать, для завистливых, пребывающих в вечном страхе, что чего-то недополучат в этой жизни, для чрезмерно чувствительных к плохому или хорошему отношению к себе окружающих, для всех нарушителей общественного закона, для грубых, жестоких и бесчестных, для рабов низменных страстей – для всех них общественные условия по

 определению являются фактором раздражающим, разочарованиями,

болью, все в соответствии с их личными чертами. Милосердие и искренняя привязанность не будут окружать таких людей в жизни; холодный встретит к себе лишь холодность; горделивый столкнется с еще большей гордыней; раб страстей падет жертвой гнева другого; жестокий – грубости. Забывающий о правах других да не удивится, если будут попраны его собственные права; опускающийся до самых низменных чувственных наслаждений да не удивится, что никто не снизойдет до того, чтобы поднять из пыли его поруганную честь, и не вернет ему доверие и уважение общества.

А вот к доброму будут добры многие; к учтивому – многие учтивы. Благой человек постигнет и благость этого мира; человек честный постигнет честность мира; человек принципиальный познает и принципы, управляющие поведением окружающих.

Нет такой милости, которую человеческое сознание не способно было бы превратить в горчайшее зло; и нет таких испытаний, которые оно не было бы способно превратить в величайшее и возвышеннейшее благо. Нет таких соблазнов, против которых уязвленная добродетель не обрела бы силу, вместо того, чтобы пасть пред ними, пораженная и запятнанная. Действительно, соблазны обладают огромной силой, и добродетели часто бывает суждено пасть; но сила этих соблазнов отнюдь не в них самих, а в несовершенстве нашей собственной добродетели и слабости нашего собственного сердца. Мы чересчур полагаемся на неуязвимость и прочность наших бастионов и крепостных стен, позволяя тем самым врагу незаметно и без особого труда подводить под них подкопы и возводить осадные башни. Соблазн недозволенного наслаждения или незаконной прибыли делают достойного человека лишь более достойным, а чистого сердцем – лишь еще чище. Он заставляет их души возноситься до небес праведного гнева. Но в то же время несчастливая случайность, неблагоприятное стечение обстоятельств, испытание соблазном могут привести к вечному позору и крушению человека. Достойный и честный человек никогда не станет дожидаться, пока враги приблизятся и захватят все его редуты, оставив ему лишь последнюю линию обороны.

Но бесчестному, нечистому, лживому, чувственному и порочному человеку случаи пасть жертвой соблазна предоставляются каждый день и даже каждый час, каждую минуту, на любом пути и в каждом закоулке жизни, мысли и воображения. Он готов сдаться еще до первой атаки; он высылает парламентера с белым флагом навстречу

наступающему противнику, как только он появится ввиду стен его крепости. Он сам создает такие ситуации, а если они не создаются, к нему приходят злые мысли, и он широко раскрывает им навстречу врата своего сердца и обращается с ними со всей широтой сердца, на которую способен.

Земные, мирские дела поглощают, унижают и порочат разум одного человека, в то время как в другом человеке они выращивают и пестуют достойнейшие независимость, милосердие и великодушие. Для одних удовольствия – яд, для других – здоровое отдохновение. Для одних мир – великая гармония, подобная великой и торжественной симфонии; для других – это огромная и душная фабрика, шум и скрежет оборудования которой врезается ему в уши и сводит с ума. В принципе, жизнь одинакова для всех живущих. Но тем не менее, одни в течение ее возвышаются к могуществу и славе, а другие, испытывая те же самые соблазны и обладая теми же самыми преимуществами, тем не менее, низвергаются в пучину позора и забвения.

Но честное и откровенное стремление к совершенствованию всегда приносит успех и высшее счастье. Только сочувственно вздыхать при виде страданий человеческих – удел неразвитого, зачаточного ума, и такой неразвитый ум – чаще всего не беда, а вина человека; Божественное Провидение наставляет его на истинный путь искупления этой вины. Со временем такой разум обретет счастье, обязательно пропорциональное его мудрости и вере. Если разум низмен, он сам устилает путь человека терниями; человек напарывается на них и воссылает вверх стоны и мольбы; и чем горестнее и обильнее эти жалобы, тем яснее для всех и каждого становится, что он сам устлал терниями свой путь.

Духовность пронизывает практически все деяния и вещи нашего быта. Никакое деловое предприятие невозможно без хотя бы зачаточной веры в человека; нельзя даже вырыть яму в земле, не будучи хотя бы отчасти уверенным в еще не достигнутом, но достижимом результате. Нельзя ни сделать что-то, ни помыслить о чем-то, ни шагу сделать, не будучи уверенным хотя бы в зачаточных внутренних принципах своего духовного устройства. Пристрастия и межчеловеческие связи, надежды и жизненные интересы коренятся в духовной сфере; и мы прекрасно знаем, что разорвись эта основополагающая связь – мир будет ввергнут в хаос.

Так верьте же в то, что Бог есть; что Он наш Отец; что для Него как Отца важно, чтобы нам было хорошо и мы совершенствовались;

что Он даровал нам силы и способности избежать греха и падения; что Он назначил нам Жизнь Грядущую, исполненную бесконечного движения вперед и вверх, к познанию Его Самого, – верьте в это, ибо в это должен верить каждый истинный масон, и вы будете жить в мире и покое, терпеливо выносить все искушения, упорно трудиться, с радостью приносить себя в жертву, надеяться на лучшее – и тем самым станете победителями во всех сражениях земной жизни. А отними у нас хотя бы один из этих принципов – что от нас останется? Предположим на секунду, что Бога нет или что нет надежды, совершенствования и победы, что нет Жизни Вечной, не будет вечного покоя для утомленных, не будет пристанища на груди Господней для беспокойной и метущейся души; что Бог есть всего лишь слепой и низменный случай, наносящий удары вслепую; или что Он есть, по зрелой оценке того, что именно Он Собой представляет, величайшее ничто, великое Безразличие ко всему доброму и злому; или что Он – это завистливый и жестокий божок, мстящий своим новым детям за грехи их отцов и пращуров и насылающий оскомину на внуков человека, поевшего кислого винограда; или не терпящая возражений авторитарная высшая Воля, заставляющая людей поступать хорошо и не поступать плохо потому только, что Ей Самой так нравится, и оставляющая за собой право изменить основополагающий Закон в любую минуту и так, как это нравится Ей Самой; или низменное, подверженное страстям и порокам божество; или жестокий и кровожадный бог древних евреев или пуритан, предположим только все это – и немедленно падем жертвой случайности и отчаяния, станем несчастными странниками на лице опустошенной, позабытой, ненавистной и ненавидящей Земли, пребывающими во тьме и неустанно сражающимися со все новыми препятствиями, в поте лица своего и в полном мраке добывающими скудные и не приносящие удовлетворения плоды, отвлекаемыми сомнениями и обманывающимися вспышками ложного света; путниками без конечной цели, без пути вперед и без дома, куда можно было бы вернуться; приговоренными к неизбежной смерти матросами на корабле, плывущем в темноте по бурному морю без карты и компаса и не видя звезд, чтобы ориентироваться хотя бы по ним, корабле, который без руля и без ветрил отдает себя на волю жестоких, безжалостных волн, и нет среди туч впереди ни проблеска ночного неба с направляющим светом звезды, сулящей отдохновение и покой.

Таким образом, религиозная вера, которой учит масонство, незаменима для достижения в жизни великих целей, а потому изначально была предназначена для того, чтобы являться частью жизни каждого человека. Мы созданы для этой веры, и у каждого из нас должно быть нечто, во что можно было бы верить. Без этого нельзя ни вырасти здоровыми, ни жить счастливо. Поэтому в вере – истина. Если возможно было бы вырвать из души каждого человека принципы, в которых наставляет масонство, то есть веру в Бога, в бессмертие, в добродетель, в изначальную праведность, – душа непременно впадет в порок, соблазн, отчаяние и таким образом придет к полному краху. Если возможно было бы отнять у человека сознание этих великих истин, он непременно и немедленно опустился бы до уровня животного.

Ни единый человек не способен страдать терпеливо, бороться и побеждать, совершенствоваться и обрести счастье, если он, подобно простому скоту, лишен совести, надежды, веры в мудрого, справедливого и милосердного Бога. В силу необходимости мы просто обязаны полагаться на великие истины, в которых наставляет масонство, и жить в соответствии с ними, и быть счастливы. «Вера моя – в Бога», – это протест масона против идеи жестокого, мстительного и мелочного бога, которого его дети должны скорее бояться, чем почитать.

Общество, во всей совокупности его неизмеримо сложных взаимоотношений, в такой же мере является творением Всевышнего, в каком им является система Вселенной. Если бы силы тяготения, которые связывают между собой все части этой великой системы, в какой-то миг перестали действовать, Вселенная была бы немедленно повергнута в дикий безмерный хаос. И если бы внезапно разрушились все нравственные связи в обществе, если бы оно утратило понятия истины и единства, верховной власти и совести, оно также немедленно было бы объято ужасной анархией и пало бы. Посему религия, в которой мы наставляем, является таким же неоспоримым принципом мироздания, как сила тяготения.

Вера в нравственные принципы, в добродетель и в Бога так же необходима для управления человеком, как инстинкты – для управления поведением животного. А поэтому вера как основополагающий принцип человеческого бытия является в глазах Господа такой же нерушимой основой, как инстинкт – основой бытия животного. Радости сердечные также зависят от определенных принципов. Для

них необходимо признание существования души, ее свойств и ответственности, совести и чувства Высшей власти; а это суть принципы Веры. Все во Вселенной имеет определенные и неизменные принципы действия: звезда на своей орбите, зверь в своих рысканиях, земной человек в своей деятельности. Но существуют точно такие же определенные и неизменные законы и для духовной жизни. Душа человека не умирает потому только, что ее некому вылечить или наставить на путь истинный. Любой душе этот путь поможет найти разум. Из кроны раскачивающегося в бурю высокого кипариса раздается испуганный крик молодого ворона; и было бы удивительно если бы подобный, пусть и неслышный, клич не воссылала бы в небеса страдающая, обиженная и несчастная душа в минуты житейских невзгод. Полное отрицание всякого нравственного и религиозного руководства выбивает из любого человека, как искру, принцип, столь же важный для его природы, сколь важен принцип тяготения для звезд, инстинкт – для животного, а кровообращение – для жизни человеческого тела.

Господь назначил нам, чтобы жизнь наша была общественным достоянием. Мы являемся членами гражданского общества. Жизнь этого общества целиком и полностью зависит от нравственного климата в нем. Общественный долг, разум, праведность, умеренность, доброта, чистота в быту сделают это общество счастливым и принесут ему процветание и долгую жизнь. А широко распространенные эгоизм, бесчестность, неумеренность, вольнодумство, коррупция и преступность непременно сделают его несчастным и вскоре приведут к падению. Весь народ живет жизнью единой; единое могучее сердце бьется в его груди; кровь его подчиняется единому ровному пульсу. Это единый жизненный поток, состоящий из десятков тысяч взаимно переплетенных рек и ручьев, стекающихся в единый дом человеческой любви. Звук одной-единственной капли всего этого множества вод, единый пронзительный горестный вздох немедленно возносится во вместилище всенародной души.

Общество не есть пустая абстракция; также и ничто, творимое против Общества, против общественного интереса, закона или добродетели, не должно проходить бесследно для совести и сознания. Жизнь общества – это расширенное толкование и распространение жизни каждого отдельно взятого человека, океан слез, целая атмосфера вздохов или наоборот – великие единые радость и счастье. Общество страдает страданиями миллионов, радуется

радостями миллионов. Какое же великое преступление свершает каждый отдельный человек – частный или общественный деятель, агент или фабрикант, законодатель или правительственный чиновник, сенатор или президент, если он осмеливается своими гневом или недостойным поступком нанести удар в грудь общественному Благу, поощряя и распространяя коррупцию и низменность, постыдно продавая и покупая голоса избирателей или государственные посты, разрушая доверие и связи привязанности и любви, разрушая единство нации! Какой же великий преступник тот, кто своими грехами, как острыми кинжалами, пронзает сердце, питающее животворящей кровью целый океан человеческих жизней, которым нация является!

С другой стороны, какая великая выгода для общества – в добродетели каждого, кого мы любим! В добродетели его, и более нигде, таится величайшее из сокровищ мира. Что нужды нам в нашем брате или друге, если нас не заботят его честь, достоинство, добродетель и верность? Какого достоинства исполнена для сына добродетель отца! Как священна его репутация! Никакое несчастье так не удручает верного сына, как отцовское бесчестие. Любой родитель, будь он язычник или христианин, желает своему детищу только всех благ, а потому изливает на него все источники отцовской любви в одной только надежде, что все у его сына будет хорошо, что он окажется достоин всех отцовских усилий и добровольно претерпленных страданий, что он будет следовать путями чести и счастья. На этих путях он не сможет преодолеть ни единой ступени, не имея добродетели. Такова жизнь в ее проявлениях. Тысячи связей облекают нас сетью, подобной сети тончайших нервов, подобной струнам изысканного музыкального инструмента, способного издавать сладчайшие звуки, но немедленно начинающего фальшивить, если струна рвется вследствие гнева, самонадеянности или грубости каждого играющего на нем музыканта.

Если чья бы то ни было воля способна была сделать жизнь бесчувственной к боли и страданию, если бы сердце человеческое уподобилось прочностью и жесткостью граниту – тогда скупость, амбиции и чувственность проторили бы в ней свои каналы и вскоре сделали бы их привычными и обжитыми водными артериями, и никто бы не удивился этому и не восстал бы против такого положения вещей. Если бы мы терпеливо и безропотно несли бремя земного существования, подобно тому, как это делают звери, – тогда у нас,

как у зверей, также и все мысли были бы устремлены к земле, и никакой призыв возвышенных и недосягаемых Небес не сбил бы нас с привычного и низменного пути.

Но мы, к счастью, не бесчувственные невежды, которые не способны ответить на призыв разума и совести. Душа способна к угрызениям. Когда великие превратности судьбы обрушиваются на нас, мы страдаем, грустим, рыдаем. А страдания и горе нуждаются в иных спутниках, нежели мирская жизнь и неверие. Мы ни за что не желаем нести бремя сердечных мук: страха, тревоги, разочарований и беспокойства – без всякой пользы и цели. Мы не желаем страдать, болеть, терпеть унижения, терять дни и месяцы, которые в противном случае могли бы протекать в радостях и удобстве, а так затемнены горестями и суетами, – без всякого за это вознаграждения в будущем; менять все сокровища жизни на эти самые страдания сердечные; не желаем задаром ни за что отдавать кровь жизни нашей, свежесть наших щек, наши слезы и горестные вздохи. Человеческая природа, уязвимая, чувственная, страстная и страдающая, не позволяет стерпеть жертву бесцельную.

Всегда и повсюду человеческая жизнь является великим и торжественным деянием. Человек, в своих страданиях, радостях, любви, ненависти, надеждах и страхах крепко привязанный к земле и при этом неустанно исследующий таинства Вселенной, тем самым обретает способность общения с Господом и Его ангелами. Это великое дело земного существования под возвышенным покровом Времени; но в покрове этом есть отверстия, позволяющие нам время от времени бросить взгляд в Вечность. Господь благосклонно взирает на эти дерзания Своего человечества. Мудрецы и праведники всех времен содействовали этому своими учениями и своей кровью. Все, что есть вокруг нас, каждый миг существования Природы, каждый совет со стороны Провидения, каждое повеление Господне посвящены одной и той же цели – сохранению верности и веры людской. И даже если духи давно умерших, но никем не забытых людей в полночь неслышно проходят в запертые двери наших жилищ, если окутанные сиянием призраки неслышно проплывают по нефам церквей и восседают среди нас в масонских Храмах – их учения для нас будут не более красноречивы и впечатляющи, чем ужасные реалии нашей жизни, воспоминания о впустую потраченных годах, призраки упущенных возможностей, которые, взывая к совести человеческой и Вечности, неустанно крича нам прямо в уши:

«Трудись при свете дня, ибо грядет смертная тьма, когда престанет время труда!».

Общество не проявляет признаков страдания в годину душевной болезни. Человек склонен рыдать, когда смерть постигает тело, и, сопровождая его к месту последнего пристанища, люди идут молчаливой и скорбной процессией. Но о погибшей душе никто не плачет и не горюет открыто; по ней никто не устраивает пышных похорон.

Тем не менее, душа и разум человеческие обладают значением, которого нет более ни у чего. Потому они и достойны такой заботы, которой не удостаивается ничто больше в мире; и для каждого отдельно взятого человека они должны обладать такой ценностью, какой также не обладает более ничто. Сокровища его сердца, неисчерпаемые алмазные копи его души, бескрайние поля мысли, бездонные склады человеческих надежд и святых привязанностей – все они сверкают ярче золота и стоят много дороже всяких сокровищ.

Но в действительности область сознания изучена мало и мало кому интересна. И тем не менее, она есть все, что представляет собой человек, его внутреннее «я», его Божественная энергия, его бессмертные мысли, неограниченные возможности, бесконечные устремления, – и все равно, цена всего этого интересует очень немногих и крайне редко. Мало кто способен разглядеть родственным ум за рубищем нищего, за бременем жизненных трудностей, за ежедневным давлением бытовых испытаний, нужд и желаний. Мало кто способен радоваться своему разуму, признавать его, довольствуясь при этом весьма скромным жребием, и при этом осознавать достоинство как нынешнего земного, так и грядущего небесного своего существования.

Человек не привык ценить свою душу. Он привык гордиться силой своего ума, но внутреннюю, сокрытую от поверхностного наблюдателя цену своего разума он зачастую просто не способен постигнуть. Бедняк, допущенный на прием в величественный дворец, ощущает себя просто незначительным элементом убранства палат, сколь возвышенным и неземным существом он бы ни был в действительности. Он видит проезжающую мимо роскошную карету материального богатства и немедленно забывает о внутреннем вечном достоинстве своего разума, который тонет в унизительной и низменной зависти, и человек начинает ощущать себя ничтожно малым существом, потому только, что кто-то другой стоит выше него, пусть лишь во внешних проявлениях, а не по уму или собственным

достоинствам. Человеку свойственно уважать самого себя тем больше, чем выше он поднимается по лестнице обретения богатства, чинов, славы среди людей, власти над людьми, все больших и больших милостей со стороны власть предержащих.

Разница между людьми состоит не столько в их внутреннем содержании или возвышенности ума, сколько в способности к общению. Кое-кто более способен ораторствовать и достойно облекать в слова свои мысли. Но все люди способны в большей или меньшей степени эти мысли ощущать. Слава гения и добродетельный поступок, если их правильно и достойно преподать, проникают в умы миллионов людей. Когда говорят ораторское мастерство и поэзия, когда создают зримые образы такие великие искусства, как живопись, скульптура и музыка, когда свое веское слово успевают вовремя вставить такие великие добродетели, как милосердие, патриотизм и великодушие, – сердца тысяч и тысяч людей воспламеняются благодарным и радостным огнем. Если бы дело обстояло не так, в мире не было бы места красноречию, ибо красноречие есть искусство говорить так, чтобы отзывалось сердце другого, это искусство заставлять сердце другого отзываться на свои слова. Ни единый человек не в состоянии пасть столь низко, чтобы хотя бы раз в жизни не отозваться на прекрасное сияние добродетели. Ни одно сердце в мире не может состоять из металла столь грубого или столь грязного, чтобы хотя бы раз в жизни не отозваться всеми своими фибрами на зов чести, патриотизма, великодушия и добродетели. Бедный африканский раб погибает за господина или госпожу, или за любимых детей. Нищая, потерянная, всеми отверженная и презренная женщина, не ожидая за это никакого вознаграждения, берет на воспитание и вскармливает из своего скудного подаяния совершенно чужих ей детей, пусть и живет в промерзшей и кишащей паразитами хижине. Простой карманник бросается во время пожара на стену, чтобы спасти из ревущего пламени совершенно незнакомых ему женщину или ребенка.

Это славная способность человека! Это способность к общению с Господом и ангелами Его, отражение Света Несотворенного, вогнутое зеркало, способное сфокусировать и собрать в своем центре все красоты Вселенной! Именно душа, и только она, придает значение всем творениям мира сего; лишь возвышая свою душу до точки, изначально предназначенной ей в мироздании, мы оказываемся способны правильно понять цель существования этой Земли и себя на ней.

Ни скипетр, ни трон, ни вековая династия, ни обширнейшая из империй не могут сравниться в величии с одной этой простой мыслью. Только посредством размышления над этой идеей постигается Творец всего сущего. Только она одна есть ключ к раскрытию всех тайн и таинств Вселенной, сила, царящая над пространством, временем и самою вечностью. Она одна под Господом является величайшей сеятельницей меж людьми благословения и славы, которые только доступны для человека. Добродетель, Небеса и Вечность не существуют и никогда не будут существовать для нас, кроме как в чувствах, восприятии и мыслях славного и возвышенного разума.

Брат мой, полагая, что ты внимательно выслушал и понял наставление данного градуса, а также что ты вполне ощущаешь честь и достоинство своей личности и огромные возможности своей души творить как добро, так и зло, я продолжу и далее вкратце поведаю тебе основные символы этого градуса.

Слово, начертанное древнееврейскими и самаритянскими литерами на Востоке над пятью колоннами, есть «Адонай», одно из Имен Божьих, чаще всего переводимое как «Господь», то самое Имя, которым иудеи по сей день во время молитвы заменяют Истинное Имя Господне, которое для них неизрекаемо.

Пять колонн пяти различных ордеров архитектуры обозначают для нас пять основополагающих разделов Древнего и Принятого Шотландского Устава, а именно:

1 Тосканский – первые три градуса – голубое, или первичное (примитивное) масонство.
2 Дорический – от четвертого до четырнадцатого – неизрекаемые градусы.
3 Ионический – пятнадцатый и шестнадцатый – градусы Второго Храма.
4 Коринфский – семнадцатый и восемнадцатый – градусы Нового Закона.
5 Смешанный (композитный) – от девятнадцатого до тридцать второго – философские и рыцарские градусы.

Полярная звезда, которая для нас всегда неизменна и неподвижна, олицетворяет точку в центре круга, то есть Господа в центре Вселенной. Это также символ долга и веры. Этой и семи оборачивающимся вокруг нее звездам приписывается магический смысл, который будет тебе открыт впоследствии, если тебе дозволено будет

следовать далее, к изучению философских доктрин древних Израиля и Иудеи.

Звезда Утренняя, восстающая на Востоке, а также Юпитер, именовавшийся древними иудеями צדק – «Цадок», или «Цадик» – «справедливый», является для нас символом вечно приближающейся зари совершенства и масонского Света.

Три Великих светоча ложи в данном градусе предстают нам символами Могущества, Мудрости и Милосердия Господних. Также они являются символами первых трех сефирот, или Божественных эманаций, в соответствии с учением Каббалы: Кетер – всесильной Божественной Воли, Хохмы – способности Божественного Разума создавать мысли, и Бины – разумной Божественной способности производить мысли на свет, – причем, названия двух последних из них обычно переводятся как Мудрость и Понимание и являются, соответственно, активной и пассивной, положительной и отрицательной сторонами, суть какового деления мы пока не будем с тобой разбирать. Это также колонны Яхин и Боаз, стоящие у портала нашего Храма.

Старейшина над Архитекторами (רב בנים – «Рав Банаим») символизирует в этом градусе конституционного главу исполнительной власти и свободного правительства; посему этот градус наставляет в том, что никакое свободное государство не способно просуществовать долго, если оно перестает избирать своими руководителями лучших и мудрейших их своих государственных и общественных деятелей; когда оно обходит таких деятелей вниманием и позволяет группировкам, замешенным на личной выгоде отдельных фракций, избирать в руководители низменных, бесчестных, незначительных людишек, в руки которых отдает судьбы целой страны. Кроме всего прочего, существует Божественное право на власть, и им обладают лишь мудрейшие, праведнейшие и вообще самые лучшие представители каждого народа мира. «Боже! даруй царю Твой суд и сыну царя Твою правду, да судит праведно людей Твоих и нищих Твоих на суде; да принесут горы мир людям и холмы правду; да судит нищих народа, да спасет сынов убогого и смирит притеснителя – и будут бояться Тебя, доколе пребудут солнце и луна, в роды родов».[1]

На сей раз, брат мой, довольно. Мы приветствуем тебя среди нас, в этом мирном оплоте добродетели, дабы пользовался ты всеми правами, дарованными тебе и разделил с нами наши радости и горести наши.

13

Royal Arch of Solomon

Царственный Свод Соломонов

Правдивы или нет легенда и история данного градуса с научной точки зрения или они просто суть аллегория, содержащая в себе несколько более глубокое и таинственное значение и потаенный смысл или несколько смыслов, один внутри другого, – мы не будем подвергать рассмотрению в данном наставлении. Если это всего лишь легенда, миф, ты сам должен будешь раскрыть его смысл. Определенно, то Слово, которое ныне запрещено произносить иудеям, совершенно спокойно использовали Авраам, Лот, Исаак, Иаков, Лаван, Ревекка и даже племена, не входившие в еврейский племенной союз, вплоть до времен Моисея; это Имя неоднократно встречается также в лирических произведениях Давида и других израильских и иудейских поэтов.

Мы знаем, что на протяжении многих веков иудеям запрещено было произносить Священное Имя, что вместо Него они повсюду употребляют слово «Адонай» и что, когда были введены в обиход масоретские огласовки, именно точки, соответствующие гласным слова «Адонай», начали подставляться к согласным буквам Священного Имени. Считается, что знание истинного произношения Священного Слова наделяет мудреца неведомыми, сверхъестественными силами, а само это Слово в начертанном виде, носимое человеком на одежде или специальной табличке, является чем-то вроде амулета, оберегающего от злых духов, опасностей и болезней. Нам известно также, что это глупое суеверие, вполне обычное для грубого

и дикого племени и немедленно исчезающее, как только ум народа обретает просвещение, суеверие, совершенно недостойное настоящего масона.

Примечательно, что понятие священности Божественного Имени, или Слова Творения, было характерно практически для всех народов древности. Древние персы (которые одними из первых мигрировали из северной Индии) полагали, что священное слово «ХОМ» обладает огромными сверхъестественными силами, что именно им был сотворен этот мир. В Индии запрещено было произносить священное слово АУМ (или ОМ) – Священное Имя Единого Божества, проявленного в Брахме, Вишну и Шиве.

Эти предрассудки относительно силы Священного Слова и запрета на его произнесение не могли, будучи ошибочными, входить в основу древней примитивной религии, эзотерического учения, преподанного Моисеем, полное знание которого бывало даровано лишь посвященным; с другой стороны, все эти ложные концепции могли быть и гениальным способом сокрытия некой другой истины, касающейся Имени, и опять же, знание истинного значения обычая бывало сообщено лишь немногим избранным. В таком случае, как и в случае с прочими общими заблуждениями и суевериями, предрассудки относительно Священного Имени выросли в умах непосвященных из глубинных, потаенных истин и учений примитивной религии Откровения, которая была ими неверно истолкована. Часто бывало так, что символы и аллегории, которые изначально предназначались для того, чтобы вести мудрецов по пути познания Истины, в действительности понимались людьми буквально, что плодило новые и новые заблуждения.

Действительно, до изобретения масоретских огласовок (а было это в начале христианской эры) произношение Священного Имени Господня нельзя было определить по Его древнееврейскому начертанию. Поэтому имя Бога вполне могло быть забыто и утрачено. Ясно, что это Имя было не «Иегова»; а потому ясно и то, что Иегова не есть Имя Бога и Неизрекаемое Слово.

У древних символов и аллегорий всегда несколько значений и толкований. Они всегда обладают двойным значением, а часто этих значений гораздо больше и все они как бы размещаются одно внутри другого. Поэтому символом было и произношение Священного Имени, и это произношение, как и само Священное Имя, было

утрачено, когда понятие об истинных свойствах и силах Бога стерлось из умов иудейского народа. Это одно из толкований, но не обязательно окончательное и единственное.

Слова о том, что люди утратили Господне Имя, образны и означают, что они утратили истинное знание и начали поклоняться языческим божествам, и возжигали им фимиам на горних местах, и приносили детей своих, и повергали их в пламя Молоха.

Поэтому попытки жителей древнего Израиля и других посвященных обрести Истинное Имя Господне и Его произношение, а также сам факт утраты Истинного Слова являются аллегорией, отражающей незнание истинных свойств и природы Бога, привычку народов древних Иудеи и Израиля к поклонению божествам других народов и неверное понимание ими природы Великого Архитектора Вселенной, которые были характерны практически для всех, кроме немногих избранных, ибо даже Соломон строил алтари и служил Астарте, богине сидонской, и Милхому, богу аммонитскому, строил на горних местах капища Хамосу, богу моавитян, и Молоху, «мерзости Аммонитской». Им неведома была истинная природа Господа, как и Его Имя; и поклонялись они тельцам Иеровоама, как в пустыне, когда тельца отлил из золота Аарон.

Подавляющее большинство древних евреев вплоть до сравнительно позднего периода своей истории не верили в Бога Единого. Их ранние идеи о Боге и Его свойствах были достаточно вульгарны и низменны. Даже когда Моисей получал для них на горе Синайской заповеди, они заставили Аарона отлить им из золота идол египетского бога Аписа и пали пред ним ниц, и поклонялись ему. Они и далее сохранили легкость возвращения к поклонению богам Мицраима: вскоре после смерти Иисуса Навина они с легкостью вернулись к поклонению богам и идолам многих из окружающих народов. «Вы носили скинию Молохову, – говорит иудеям Амос, напоминая о сорока годах странствий в пустыне под водительством Моисея, – и звезду бога вашего Ремфана, изображения, которые вы сделали для себя».[1]

Среди них, как и среди всех прочих народов, понятие Бога формировалось под влиянием идей разных выдающихся людей, которые различались между собой по уровню образования и духовности; недалекие и несовершенные наделяли Бога грубыми и низменными чертами простого народа и проповедовали о таком Боге среди невежественного и приземленного народа; возвышенные и добродетельные души наделяли Бога высшими и совершенными качествами.

Постепенно любые понятия очищались и обретали более возвышенные черты, равно как и сами народы шли вперед по пути цивилизации, что заметно по Библии, потому что в исторических книгах народ Израиля предстает грубым и жестоким, в книгах пророков он уже идет по пути совершенствования, а в поэтических книгах он уже достоин высших похвал.

У всех древних народов были общее для всех понятие о Боге и единая религия, предназначенная для просвещенных, образованных и разумных избранных; для простого же народа религии были другие. И народ Израиля не был здесь исключением. Для него Иегова был таким же богом, как боги окружающих народов, за тем лишь исключением, что это был их, особенный, бог, изначально – бог рода Авраама, Исаака и Иакова, а затем и общенародный бог, более могущественный, как они полагали, чем точно такие же боги соседних народов; символ их веры укладывался в восклицание: «Кто сравнится силой с Тобой, о Иегова!».

Бог древних иудеев говорил с Адамом и Евой в Саду Блаженства, когда вошел туда в дневной прохладе; Он говорил с Каином; Он сидел с Авраамом в его шатре и ел с ним; патриарху требовались видимые знаки со стороны Бога, чтобы поверить в истинность Его обетований; Он позволял Аврааму спорить с Собой и даже изменил по просьбе патриарха Свое первое решение относительно судьбы Содома; Он боролся с Иаковом; Он явил Себя Моисею, хотя и не показал Своего Лика; Он выдал народу Израиля указания относительно мельчайших деталей устройства и убранства Скинии; Он требовал Себе жертв всесожжения и наслаждался ими; Он был злобен, ревнив и мстителен, часто нерешителен и иррационален; Он позволил Моисею переубедить Себя, когда Сам решил совершенно и окончательно стереть народ Израилев с лица Земли; Он покровительствовал ужасающе жестокому и низменному варварству; Он ожесточил сердце фараона; Он сожалел о зле, которое посулил народу Ниневии, и мало того, Он не стал творить это зло, к гневу и обиде Ионы.

Таковы были понятия простого народа о Боге, а первосвященники или сами думали так же, или считали, что для народа и этого достаточно и что ничего менять и не стоит, или же общий уровень развития интеллекта в то время в принципе не позволял развить какие-либо иные понятия о Всемогущем.

Но эти понятия не были понятиями немногих просвещенных и образованных представителей народа Израиля. Определенно, именно

они обладали истинным знанием природы и свойств Бога, как и избранные других народов – Зороастр, Мани, Конфуций, Сократ и Платон. Но их учение о Боге было эзотерическим: они не передавали его всем подряд, избирая для этого самых достойных, с их точки зрения, людей, а само посвящение в эти таинства происходило так же, как в Индии и Египте, Персии и Финикии, Греции и Самофракии – в ходе Великих Мистерий.

Система передачи этого знания, равно как и других таинств, многие из которых, возможно, были со временем утрачены, посвященными именовалась по-разному, а в наше время мы знаем ее под названием «масонство», или «вольное каменщичество». В определенной степени это знание состояло в постижении Утраченного Слова, которое открывалось Великим, Избранным, Совершенным и Верховным Масонам. Конечно, было бы смешно утверждать, что формы масонства в то время были такими же, как в настоящее время. Современное название Ордена, титулы посвященных, названия градусов, используемые ныне, были тогда неизвестны. Даже символическое масонство пока не может представить исторического подтверждения своего существования в современной форме и с современными названиями градусов ранее 1700 года. Но под каким бы названием оно ни существовало в разные эпохи и у разных народов, масонство все же существовало и обладало тем же духом и тем же сердцем, что и сейчас, не только во время строительства Храма Соломонова, но и за много веков до этого, когда первые человеческие колонии поселились в Южной Индии, Персии и Египте, придя из колыбели человеческой цивилизации.

Для образованных и просвещенных Избранников всех времен и народов Верховный, Самодостаточный, Предвечный, Всемогущий, Всеведущий, Бесконечно Милосердный, Благой, Сочувствующий Творец и Предержитель Вселенной был един, каким именем Его ни называли бы. Имя Его было ни чем иным, как символическим иероглифом Его природы и свойств. Имя Эль означало Его отдаленность от человека, пребывание над человеком, Его недоступность; Имена Бэл и Бала – Его силу; Элохим – Его неограниченные возможности; Йеху – предсуществование и творение всего сущего. Ни одно из этих Имен, которыми пользовались на древнем Востоке, не описывало Его беспредельную Любовь и всеохватную Милость. Как Молох, или Малх, Он был всемогущим правителем, обладателем всеподчиняющей Божественной безответственной Воли; как

Адонай – единоправным правителем этого мира, его господином; как Эль-Шаддай – могущественным Разрушителем.

Передача истинного знания о Божественной природе была основной задачей мистериального посвящения. Именно через Мистерии Хурум-Царь и Хурум-Мастер обрели знание этих таинств, именно через них это знание было передано и Моисею с Пифагором.

Ничто не мешает тебе считать легенду этого градуса, как и степени Мастера, всего лишь аллегорией, описывающей постоянную передачу из уст в уста знания Бога Истинного в посвятительной цепи. Под подземными гротами следует понимать тайные места посвящения, потому что в древнем мире инициации обычно действительно происходили под землей. Храм Царя Соломона символически толкуется как Вселенная, а все его устройство и убранство подобны устройству и убранству всех посвятительных храмов практически всех народов древности. Символика чисел тесно связана с этими религиозными практиками, и она дошла до нас через масонство, хотя истинное значение числового символизма остается в значительной степени неведомым большинству из тех, кто пользуется числами в повседневной жизни. Особенным почтением пользовались числа, имеющие отношение к природе Бога, Его свойствам, а также встречающиеся во вселенском устройстве, времени и пространстве, составляя в той или иной степени фундамент мироустройства. Эти числа повсеместно считались священными, потому что отражали понятия порядка и разума, которые суть проявления Самого Господа.

Святая Святых Храма по форме было кубическим, а в кубе, как известно, если изобразить его на плоскости, видимыми являются $4+3+2=9$ ребер и три грани. Он соответствует числу четыре, которое для народов древности символизировало Природу, поскольку таково число основных материальных форм и стихий, частей света и времен года, а также вторичных цветов. Число три повсеместно означает Верховное Существо. Поэтому Имя Бога, начертанное на треугольной пластине и помещенное в агатовый куб наставляло масонов древности, как наставляет и нас, в истинной Божественной природе и Его свойствах; это Имя начертано Самим Господом на страницах Великой и Вечной Книги Вселенской Природы, и прочесть Его способен каждый обладающий достаточными образованием и способностями. Это знание Бога, записанное там и во все века толкуемое масонством, и есть Священное Слово Мастера.

Внутри Храма все соотношения и все убранство подчинялись той же самой символической системе. Потолок, или свод, убранный звездами, как ночное небо, поддерживался двенадцатью колоннами, символизировавшими двенадцать месяцев года. Карниз, огибающий колонны, был испещрен знаками Зодиака, и каждой из колонн соответствовал один из его знаков. Медное море поддерживали двенадцать быков, смотрящих во все стороны света.

Поэтому и в наши дни каждая ложа символизирует Вселенную. Каждая ложа, как мы уже знаем, простирается от восхода до заката, от Юга до Севера, от поверхности Земли до небес и, наоборот, до земного центра. В ней находятся эмблемы Солнца, Луны и звезд; освещается она тремя светильниками, расположенными на Востоке, Западе и Юге, а Блистательная Дельта на Востоке, в которую вписано Неизрекаемое Имя, математически равная и равновеликая всеми своими сторонами и углами, символизирует красоту и гармоническую пропорцию, которыми управляется во всех своих мельчайших проявлениях Вселенная, а кроме того, количество этих углов и сторон – три – символизирует триединство Силы, Мудрости и Гармонии, царивших над строительством великого Храма. Три Великих Светоча также символизируют великое таинство трех принципов – творения, удержания и разрушения, а также возрождение и восстановление, освященное практически всеми мировыми религиями в понятиях характерных для них троиц.

Сияющий пьедестал, освещенный постоянным светом изнутри, символизирует свет Разума, дарованный Богом людям, посредством которого человек обретает возможность читать в великой Книге Природы мысли и откровения о Божественной природе.

Трое Мастеров – Адонирам, Иоаберт и Столкин – символизируют три типа истинного масона, который ищет знания из чистых побуждений, надеясь с их помощью еще лучше служить на благо человечества в целом, в то время как нечестивые и алчные мастера, которые были погребены под развалинами Храма, отождествляются с теми, кто ищет знаний с целями нечестивыми, чтобы, например, обрести власть над своими ближними, тешить собственные гордыню, суетность и алчность.

Лев, охранявший подступы к Ковчегу и державший в зубах ключ от него, означает Соломона, Льва колена Иудина, хранящего ключ и передающего его только обладателю истинного знания о Боге и Его законах, о физическом и нравственном устройстве Вселенной.

Енох (חנוך – «Ханух»), насколько известно, ходил путями Господа триста лет после того, как ему исполнилось шестьдесят пять, и «всех же дней Еноха было триста шестьдесят пять лет. И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его».[2] По-древнееврейски, его имя означает «посвященный» или «посвятитель». Легенда о возведенных им колоннах – гранитной и медной (или бронзовой) – вероятно, имеет символический подтекст. Бронзовая колонна, сохранившаяся после Потопа, символизирует Мистерии, законным наследником которых является масонство – с древнейших времен хранитель и хранилище великих философских и религиозных истин, неизвестных широкой общественности и передающихся из века в век по неразрывной цепи традиции, воплощенной в символах, эмблемах и аллегориях.

Это объясняет часть символизма легенды. Откровенно говоря, не суть важно, имеет ли она историческое подкрепление, ибо основное ее значение – в нравственных уроках, содержащихся в ней, и в обязанностях, которые она налагает на услышавших ее. Аллегории и притчи Писания не менее важны, чем история. Наоборот, они гораздо важнее, потому что реальная история человечества малопоучительна, а содержащиеся в ней истины чаще всего скрыты под наслоениями легенд и мифов.

В символике этого градуса кроется иной, потаенный, смысл, тесно связанный с философской системой иудейской Каббалы, с которой ты более подробно ознакомишься позднее, если тебе повезет и ты будешь допущен, чтобы следовать далее. Каббалистические таинства раскрываются в высших степенях. Лев (ארי или אריה – «Ари» или «Арье», что также означает «жертвенник») все еще держит в своей пасти ключ от тайны сфинкса.

Однако один из символов этого градуса ты уже имеешь право знать: он связан с Мастером Хурумом и относится к философскому понятию свободы, которое ты должен будешь сам открыть для себя.

Народу недостаточно обрести свободу, ему еще нужно ее сохранить. Народу ни в коем случае нельзя отдавать свою свободу на хранение первому попавшемуся человеку или позволять ему одному наслаждаться всеми даруемыми ею радостями. Краеугольным камнем великого Храма Свободы является вселенский закон, хартия или конституция, фиксирующая мысли, обычаи и привычки народа, являясь, кроме того, универсальным инструментом и продуктом медленного развития человеческой мысли на протяжении

многих веков; она должна быть неизменна в годы войны и в годы мира, нерушима и всесильна, свята, подобно Ковчегу Завета Господня, к которому никто не мог прикоснуться и при этом выжить.

Постоянно действующая Конституция, основанная на людских привязанностях, выражающая их волю и суждение и коренящаяся в инстинктах, привычном образе мыслей и действий народа, должна предусматривать независимую судебную власть, а также существование двух ветвей государственной власти (причем, исполнительная власть должна нести ответственность перед народом), право на суд присяжных, гарантии прав и свобод человека, в том случае, если они носят добродетельный и умеренный характер и не подразумевают роскошь; точно так же в ней должно быть черным по белому написано, что никто не имеет права стремиться к власти в обход нее, ибо такая власть будет узурпацией. В то же время Конституция не должна стремиться воплотить в себе все виртуальные идеи о недостижимом, идеальном нравственном совершенстве.

Масонство наставляет своих посвященных в том, что цели и занятия наши на протяжении земной жизни, наши деятельность, заботы, открытия, предназначенное Господом развитие природы в период нашего пребывания в ее среде, – все служит тому, чтобы претворять в жизнь Его великий План сотворения мира и никоим образом не противоречат целям и смыслу жизни в целом. Оно учит тому, что все хорошо и правильно – в свое время, в нужном месте и при необходимых обстоятельствах; что все предназначенное человеку неизменно и правильно исполняется им на протяжении земной жизни, тем самым служа его Спасению; что если он верно и неизменно следует всем путям своего высшего предназначения, он есть и пребудет человеком праведным; что, лишь не обращая внимание на свое Господне предназначение в этом мире, лишь впадая в бездействие и апатию, лишь преступая высокие духовные принципы, предначертанные ему Провидением, становится он человеком неправедным и порочным. Предназначенный нам в этой жизни путь есть часть высшего Плана Провидения, и если человек принимает его как свой собственный, церкви и обряды будут ему нужны лишь для выражения своих религиозных благодарности и восхищения.

Ибо есть религия труда. Это вам не выстаивание на коленях, зазубривание катехизисов и простирание во прахе пред иконостасами. У нее есть и цель, и значение. Живое сердце вливает кровь

жизни в трудящуюся руку; самые теплые чувства и привязанности этой жизни неразрывно связаны с трудом. Это домашние чувства. Труд целый день царит в полях, в городских мастерских, он выравнивает кили кораблей, ведущих торговлю в дальних странах; но центром всех человеческих связей все равно остается дом; именно туда человек всегда возвращается со всякой работы, неся в кармане заработанное, чтобы помочь своим близким и родным; и эта жертва своим ближним не менее священна, чем всесожжение в раззолоченном храме. Многие прегрешения совершает человек в процессе труда, много поспешных и ненужных слов срывается с его языка в эти часы, но, тем не менее, он продолжает свой труд, каким бы тяжким, неблагодарным и отчаянно бесконечным он ни был. Ибо дома его ждут старые и больные родители или беспомощные младенцы, или любящие дети, или нежная спутница, и они ни в чем не должны испытывать нужды. Если бы человека наполняли одни лишь эгоистические интересы и заботы об одном только себе самом, мы никогда бы не увидели этой возвышенной картины труда и даже просто не представляли бы себе, что такая возможна.

Адвокат, справедливо и честно отстаивающий свое дело в суде, всеми своими знаниями и нравственными достоинствами стремящийся помочь суду придти к верному решению, убежденный в том, что над всем в мире царит высшая Господня справедливость, тем самым совершает религиозный акт, проживает еще один день истинно праведного и религиозного человека; если это не так, значит, праведность и справедливость вообще не входят в понятие религиозности. Взывал ли он хотя бы один раз в течение этого дня к своему религиозному сознанию – по форме или содержанию, говорил ли он хотя бы один раз о Боге и религии – неважно; ибо если у него была внутренняя цель, было намерение и стремление к торжеству Божественной справедливости, он в любом случае прожил день истинно праведного и религиозного человека и сделал достойнейшее вложение в свою Божественную и общественную религию, ибо защитил равенство всех праведных и безвинных людей между собой.

Книги, чтобы быть истинно религиозными в масонском понимании, не должны быть лишь сборниками проповедей или молитв, или мудрствований над строками Писания. Любое произведение, наполненное достойными, нравственными, патриотическими, чистыми утверждениями, затрагивающее струны человеческой души своей красотой или примерами праведной жизни, соответствует

масонскому пониманию религии и является настоящим Евангелием от Литературы и Искусства. Этому Евангелию учат многочисленные произведения литературы и живописи, многие поэмы и романы, даже многие журналы и газеты; и страшной ошибкой, опасным заблуждением было бы не признавать эти столь широко распространенные в мире проявления Божественного Провидения, не видеть и не приветствовать эти многообразные средства достижения великой и для всех единой цели. Оракулы Господни вещают не только с кафедры проповедника.

Есть и религия общества. Деловая жизнь – это не только продажа, обмен, цены и выплаты, ибо, в первую очередь, это святая вера человека человеку. Когда мы полностью полагаемся на честность и праведность другого человека, когда мы убеждены в том, что он не свернет с истинного, справедливого, достойного, прямого пути, несмотря на любые искушения, для нас его достоинство и праведность уподобляются Господним свойствам, и в таком случае это наше действие будет все равно что восхваление собственно Божественных свойств во всем их великолепии.

Во время развлекательных собраний, предназначенных для увеселения народа, все жизненные радости и чувства перемешиваются. Будь это не так, все карнавалы и светские развлекательные вечера были такими же отвратительными и мрачными, как собрания изгоев общества и разбойников с большой дороги в темных пещерах и непроходимых лесных чащобах. Когда вместе собираются друзья, жмут друг другу руки и всем своим видом, всем блеском своих глаз выражают искреннюю привязанность друг к другу, меж ними устанавливаются отношения религии сердца, и каждый из них восхищается и почитает то истинное и благое, что есть во всех остальных. И не деловые нужды, не холодная светская вежливость раскидывают над таким собранием пелену своих чар, а царит над ним сияние истинной человеческой привязанности и дружбы.

То же самое сияние дружбы, искреннего уважения и любви величественной небесной аркой возвышается над всем миром, оно повсюду, где люди идут по миру рука об руку и совместно трудятся на общее благо, – и не только над уединенными беседками вздохов влюбленных и священными алтарями брака, не только над мирными и чистыми семейными очагами, но и над покрытыми испариной вспаханными полями, и над душными городскими цехами, пыльными дорогами и мощеными улицами. Глядя на отшлифованный

миллионами ног старый камень тротуарной брусчатки, вы должны видеть в нем алтарь приношения жертв этой вселенской любви и привязанности; нет такой деревянной колонны или простой стальной балки, к которым ни припадали бы любящие сердца в искренней молитве о благе человечества. Сколько еще человеческих чувств, эмоций, страстей протекают по незримым каналам всеобщего взаимного обмена искренней, сердечной, невыразимой любовью, которые пронизывают все сущее!

Каждая масонская ложа является Храмом религии, и масонское учение есть учение религиозное, ибо оно состоит в наставлении в самоотверженности, любви, терпимости, верности, целеустремленности, патриотизме, истине и великодушном сочувствии всем страдающим и плачущим, милосердии к падшим и заблудшим, вспомоществовании нуждающимся, в Вере, Надежде и Милосердии. Здесь мы встречаемся по-братски, дабы учиться познавать и любить друг друга. Здесь мы с радостью приветствуем друг друга, мы снисходительны к заблуждениям друг друга, внимательны к чувствам друг друга, всегда готовы помочь друг другу во всех трудностях. Это истинная религия, раскрытая патриархам древности, в которой масонство наставляет человечество уже много веков и в которой оно будет продолжать наставлять его столь долго, сколь долго вообще будет существовать на этой Земле. Если в Храм проникнут недостойные страсти, самолюбие, мстительность и злоба, презрение, ненависть, они будут здесь незваными гостями, не друзьями, но врагами и нежелательными посетителями.

Конечно, в мире много зла и много недостойных страстей, много ненависти, презрения и лжи. Нельзя закрывать глаза на существующее в мире зло. Но не все в мире есть зло. Нельзя не видеть присутствия в мире Бога. Добро есть посреди любого зла. Милосердие приносит вспомоществование нищете и горю. Истина и совершенство преодолевают несчастья и сомнения. Праведные сердца бьются как под шитыми золотом камзолами, так и под робами нищих.

Любовь пожимает руку любящего посреди всей зависти и суетности обычной для нашего мира конкуренции и ожесточенной борьбы за преимущества; верность, сочувствие и симпатия несут сменную вахту у постели больного посреди нищеты и неизменного отчаяния. Верные своему долгу люди переходят из города в город для того, чтобы помочь несчастным, страдающим от смертоносных эпидемий, которые время от времени возобновляют свой мистически

ужасный путь по нашим жилищам. Высокообразованные и изнеженные светские дамы ухаживают в госпиталях за ранеными солдатами, и вскоре такое поведение даже входит в моду, и даже нищие, всеми, кроме Бога, позабытые и позаброшенные женщины с героическими терпением и нежностью ухаживают за чумными больными в промерзших бараках. Масонство и родственные ему ордена учат человечество возлюбить своего ближнего, накормить голодного, одеть раздетого, помочь больному, похоронить умершего сироту. Господь видит каждое наше доброе дело и благословляет его, каждую исполненную милосердия мысль, порожденную теплом наших сердец.

Добро присутствует в каждом законном предприятии человека, и в каждой его праведной привязанности чувствуется дыхание Святого Духа. И земля, по которой ступает праведник, – святая земля. Есть естественная религия жизни, отвечающая иногда фальшивыми и несовершенными звуками мелодии религии Природы. Есть природные красота и слава в человечестве и в каждом конкретном человеке, отвечающие – пусть и зачастую не в тон, – мелодии природных ландшафтов, мягких склонов зеленых холмов и величественного сияния звездных небес.

Человек может проявить свои религиозность, праведность и совершенство в своих начинаниях. Именно для этого человеческие начинания и существуют. Все общественные отношения: дружба, любовь, семейные взаимоотношения – святы. Они могут считаться истинно религиозными, причем, не в знак протеста против того, как их обычно понимают, а в силу их истинного, природного характера и предназначения; эти отношения не исключают религию, а обеспечивают следование ей. Может быть религиозным работник в поле и в заводском цехе, врач, адвокат, скульптор, поэт, художник или музыкант. Все они могут быть религиозными во всех своих профессиональных предприятиях и во всех радостях в часы отдыха. Сама жизнь их может быть религией, алтарем которой являются все необъятные пространства Земли, воскурениями – само дыхание жизни, паникадилами – сияние небес и его светил.

В тенетах нашего приземленного и незамысловатого существования пребывает могучая мысль, ускоряющая коловращение всего видимого мира. Душа наша постоянно просится наружу, жаждет свободы. Она взирает сквозь узкие и полуслепые бойницы наших

чувств на необъятность и бесконечность вселенского бытия; ей ведомы бескрайние пути, простирающиеся во все стороны от нее и ввысь.

Все внутри и вне нас должно пробуждать в нас удивление и восхищение совершенством Творения. Все мы суть таинства в окружении еще больших таинств. Таинство есть связь сознания и материи; таинство есть также и чудесное соотношение мозга со всеми частями нашего тела, мощь и деятельность человеческой воли. Каждый с детства привычный шаг более удивителен, чем целая жизнь, прожитая в сказочной стране. Энергия наших движений не менее удивительна, чем энергия мысли. Наши память и сны являются эхом давно умерших мгновений и столь же необъяснимы. Вселенская гармония проистекает от вселенской же сложности и многомерности бытия. Каждый сделанный нами шаг незримо присоединяется к невыразимому порядку функционирования всей Вселенной. Узы мысли и даже узы материи и ее проявлений связывают нас со всей безграничной Вселенной и всеми прошлыми и грядущими поколениями людей.

Мельчайшая песчинка, попадающая в поле нашего зрения, столь же достойна нашего внимания, сколь достойны его принципы обращения далекой и огромной звезды. Каждый листок на дереве, каждая травинка содержат в себе такие необъятные таинства, в которые человеческому сознанию никогда и ни за что не суждено проникнуть. Никто из людей не в состоянии сказать, в чем смысл жизни. Никто не может утверждать, что ему ведомы все его силы и способности во всей их полноте. И то и другое – тайны, недоступные нашему разуму. Куда бы мы ни ступили, мы ступаем по крышке ковчега, таящего непостижимые тайны. Куда ни протянешь руку – чудеса преследуют повсюду. Песчинки морские, полевые травы, галька на побережье, грубые камни гор – все в мире покрыто едва различимыми записями, которые древнее, значительнее и возвышеннее, чем все руины древнего мира и позаброшенные и полуразрушенные города прошлых поколений и цивилизаций, ибо все это – писания Всемогущего.

Величайшая задача каждого масона на протяжении всей его земной жизни – читать книгу Господних наставлений и осознавать, что жизнь – это не тяжкая лямка, которую нужно тупо и бессмысленно тянуть весь отмерянный срок, а постоянное внимание

голосу оракулов. Древняя мифология – тоже одна из страниц этой книги, ибо она наполнила мир одухотворенными силами природы, и наука при всем ее современном развитии до сих пор читает ту же самую страницу чудес, только более пристально и осмысленно.

В Жизни Грядущей мы будем ровно настолько же счастливы, насколько мы справедливы и чисты в этой, но не больше; в этой жизни мы настолько же счастливы, насколько это предусматривает наша природа, и не больше. Наша нравственность, как и наша внутренняя природа, формируются не вдруг, не сразу; таково устройство нашего разума; он есть продукт взаимного переплетения множества мыслей, чувств и усилий посредством природных и человеческих уз. Великий закон Воздаяния состоит в том, что каждый новый грядущий опыт определяется испытываемыми в настоящем чувствами; каждый миг в будущем определяется каждым мигом в настоящем; каждый миг, потраченный в настоящем на порок или его искупление, так и остается потраченным впустую и потерянным навек; отложить на час вступление на путь праведности – значит, неизмеримо далеко отложить миг наступления своего счастья; и поэтому каждый грех пусть и самого праведного в остальном человека должен влечь за собой ответственность, если и не в той же мере, что грех закоренелого грешника, то, в любом случае, в соответствии с неизменным и беспристрастным законом Воздаяния.

Закон Воздаяния един для всех людей без исключения, знает человек о нем или нет, думает он о нем или нет. Этот закон управляет его жизнью во всех начинаниях, следует за человеком неустанно и непрестанно, следит за человеком неусыпным оком. Будь это не так, нельзя было бы говорить ни о беспристрастности и справедливости Бога, ни о примате нравственной истины, ни о воздаянии по заслугам, ни о свете мудрости, пролитом на таинства Провидения.

Что бы ни посеял человек, то и только то он и пожнет. То, что мы творим, доброе или злое, мрачное или радостное, сегодня или завтра, каждая мысль, каждое чувство, каждое действие, каждое событие, каждый прожитый час, каждый миг нашего дыхания – все это участвует в формировании нашего характера, по которому о нас будут впоследствии судить. Каждая частица, участвующая в формировании этого единого целого – нашего характера – будет просеиваться через частое сито во время этого будущего суда над нами, который, возможно, спустя века и тысячелетия, песчинка за пес-

чинкой, составит полный отчет о всех наших горестях и радостях. И этот суд обязательно подвергнет тщательному рассмотрению каждое наше случайное слово и каждый впустую потраченный час.

Так давайте же сеять осмотрительно. Ибо часто посещает нас искушение пороком, неправедной прибылью, недостойными увеселениями в деловой или общественной жизни, в быту, среди людей или в уединении. Если мы сдаемся на милость порока, мы сеем семена горя и несчастья. И завтра жизнь наша превратится в ад. В страхе и сомнении мы зарываем всходы греха, погребая их под слоями лицемерия и лжи. Но под ними порок продолжает жить, питаясь соками снисходительности, грех не умирает, а растет и укореняется, а вокруг его корней роятся все новые и новые бактерии нравственного гниения, пока из одного-единственного семени разврата в душе не произрастает раскидистый куст лжи, порока и разложения. Иногда мы с проклятиями оступаемся на путях нашей жизни, но пугающая своим величием сила неизменно заставляет нас идти вперед и вперед; часто долги, болезни, презрение окружающих, угрызения совести черными тучами затягивают небосклон нашей жизни, будучи всего лишь началом и предзнаменованием грядущих бед. Ничего не стоит сотворить злое дело, но совесть никогда не дремлет, память нашей жизни никогда не спит; вина никогда не превратится в невиновность, а совесть никогда не нашепчет в ухо слова умиротворения.

И берегись, всякий свершивший зло! Подумай о том, какой фундамент ты заложил для своего будущего! Подумай, какую запись ты оставил о себе в архивах Вечности! Не обмани ближнего своего, чтобы воспоминания этого ближнего о тебе не впились в будущем в твою душу угрызениями неусыпной и жестокой совести, которые не стихают со временем! Не врывайся в дом беззащитного, отбирая у него нажитое праведным трудом, дабы спустя многие годы его горестные стенания не впились в твой слух неутихающим призывом к мщению! Не возводи в сердце своем престол неуемному честолюбию, не отвлекайся на хитрые эгоистичные построения, направленные на извлечение личной выгоды, дабы не стали твоими извечными спутниками на жизненном пути одиночество и отвержение людьми! Живи праведной, справедливой и исполненной истинной веры жизнью, ибо даже если твоя жизнь не такова, она все равно будет подпадать под действие закона Воздаяния, и спустя сколь

угодно много лет и даже веков она принесет тебе справедливую кару за все сотворенные несправедливости и грехи! И не обманывай сам себя: природа твоя есть творение Господне, направленное в будущее, в Вечность. Закон Его нельзя преступить безнаказанно, голос Его нельзя не услышать, и вечно должна управлять всеми твоими мыслями и делами великая аксиома: «Что посеешь – то и пожнешь».

Grand Elect, Perfect, & Sublime Mason 14

Великий Избранный, Совершенный и Верховный Каменщик (Совершенный Избранник)

Каждый Вольный Каменщик должен сам раскрыть для себя Масонскую Тайну, размышляя над символами Царственного Искусства и анализируя все, что говорится и делается в Храме во время ритуальной работы. Масонство не наставляет в своих истинах; оно лишь говорит о них, один раз и кратко, или даже просто один раз намекает на них, часто довольно туманно, или даже специально замутняет их облаком неясных толкований, если те, для кого они, по идее, предназначены, не в состоянии выдержать весь их блеск. «Ищите и обрящете», – это побуждение относится и к масонским истинам.

Практической целью масонства является физическое и нравственное улучшение человеческой природы и духовное и интеллектуальное совершенствование человеческого общества. И достигнуть этих целей невозможно без повсеместного распространения Истины. Именно ложь популярных учений и ложные принципы порождают практически все беды человека и трагедии целых народов. Общественное мнение редко бывает право, о чем бы ни шла речь, и всегда есть неизменные истины и основополагающие законы, которыми необходимо заместить в общественном мнении неисчислимые заблуждения и широко распространенные предрассудки. Мало какие истины и ныне непреложные факты не бывали в свое время ненавидимы общественным мнением как ересь; мало какие глупые предрассудки не бывали в свое время почитаемы им как истина, проистекающая от самого Престола Господня. Существуют нравственные

болезни человека и общества, которые нельзя победить одной лишь смелостью, но только лишь открытостью и разумом, поскольку они суть плоды не злого намерения, а ложных учений, неправедного и безосновательного доктринерства и честных заблуждений.

Масонство, пусть хотя бы отчасти, раскрывает свои истины всякому, кто постепенно проходит посвящение в его степени, даже если он не получает никаких наставлений в словесной форме, вплоть до обретших посвящение в высшие степени Древнего и Принятого Шотландского Устава. Устав приподнимает завесу тайны даже для посвященного в первый градус, степень Ученика, потому что именно тогда открывается истина, что масонство есть служение Богу.

Масонство трудится над совершенствованием общественного порядка путем совершенствования умов людей, обогревания их сердец теплом истинной любви к благодетели, оно вдохновляет людей вселенским принципом всеобщего братства и требует от своих посвященных, чтобы их слова и дела соответствовали этому принципу, чтобы они просвещали друг друга, овладевали своими страстями, презирали грех и сочувствовали одержимым им как страдающим от смертельного заболевания.

Это вселенская, вечная, неизменная религия в той форме, в которой Бог поселил ее в людских сердцах. Ни одна религия, выдержавшая испытание временем, не была основана на каких-либо иных принципах. Она есть базис, а они – лишь надстройка над ним. «Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцем есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира».[1] «Братия! если кто из вас уклонится от истины и обратит кто его, пусть тот знает, что обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов».[2] Священниками этой религии являются все масоны, которые осознают ее справедливость и верны ей; жертвами, которые она приносит на алтари Господа, являются добрые дела, отказ от низменных и неправедных страстей, возложение на алтарь человеческого благосостояния самолюбивых устремлений и постоянные усилия достичь того нравственного совершенства, способностью к обретению которого обладает каждый человек.

Сделать честь и долг теми маяками, которые будут вечно направлять корабль вашей жизни в обход всех рифов и мелей по жизненному морю; делать то, что следует делать, не потому, что это принесет личный успех или награду, или просто будет «верной политикой»,

более мудрой или более осмотрительной, – но потому, что это действительно следует делать, а потому нужно сделать; вести непрекращающуюся войну с заблуждениями, нетерпимостью, невежеством и пороком, при этом, однако, сожалея о заблуждающихся и сочувствуя им, быть терпимым даже к нетерпимости, наставлять невежественных, бороться за возвращение в круг достойных тех, кто обуян пороком, – вот лишь некоторые из обязанностей истинного масона.

Истинный масон тот, кто смотрит в лицо смерти так же спокойно, как выслушивает ее историю, кто выдерживает все труды и горести земной жизни, у кого душа поддерживает во всех них его тело, кто способен презирать богатство, когда обладает им, точно так же, как тогда, когда им не обладает, кто радуется отличному балансу чековой книжки своего ближнего так же, как богатству убранства собственного дома, кто остается равнодушным к судьбе, повернись она к нему лицом или отвернись от него, кто смотрит на земли ближнего своего с тем же чувством удовлетворения, с каким обзирает собственные владения, а свои владения рассматривает и пользуется ими так, как если бы они были дарованы ему лишь во временное пользование; кто не тратит беспутно свое достояние, но и не спит на грудах золота, подобно последнему скупцу, кто измеряет подарки, милости и подношения не по весу и количеству, а по нравственным достоинствам тех, кто даровал их; кто никогда не считает, что переодарил кого-то, если это был человек достойный всяческих благ; кто не делает ничего в угоду общественному мнению, но только своей совести; кто соразмеряет каждое свое слово – будь то на рыночной площади или в театре – с самим собой, точно с мнением целого достопочтенного собрания; кто весел и щедр со своими друзьями, но способен также милосердно прощать своих врагов; кто любит свою страну, охраняет ее честь и соблюдает ее законы, кто не желает ничего более, как исполнять свой долг и почитать Господа. Такой масон в конце жизни с полным правом может полагать, что прожил жизнь человека достойного и счесть ее месяцы не по движению Солнца, а по движению Зодиака добродетелей.

Весь мир – это огромная республика, в которой каждое государство – отдельная семья, а каждый человек – ребенок в ней. Масонство, ни в коей мере не требуя от своих посвященных отклонения от многочисленных и разнообразных обязанностей, которые налагает на них деление мира на государства, тем не менее, стремится к созданию новой нации, которая, состоя из граждан всех стран

мира, всех народов, будет связана воедино узами просвещения, нравственности и добродетели.

Изначально филантропическое, философское и прогрессивное общество, масонство основой своего учения почитает твердую веру в существование Бога и Его Провидение, в бессмертие души; своей целью – распространение нравственной, политической, философской и религиозной Истины, а также практику всех существующих добродетелей. Во все времена его девизом было: «Свобода. Равенство. Братство», – при условии конституционной власти, закона, дисциплины и повиновения законной власти – то есть правительства, а не анархии.

Но масонство не является ни политической партией, ни религиозной сектой. Оно принимает к себе представителей всех политических партий и всех религиозных конфессий, чтобы составить из них одно общее братское объединение. Оно признает высокое предназначение человека и то, что он достоин той степени свободы, которой заслуживает; масонству неведомы факторы, которые могут сделать одного человека ниже другого, кроме невежества, подлости и злости, а также оно признает необходимость подчинения высшей воле законной власти.

Оно филантропично, потому что признает и проповедует простую истину: все люди имеют единое происхождение, единые интересы и должны совместно трудиться во имя общих для всех целей.

Поэтому оно учит своих посвященных любить друг друга, помогать друг другу во всех жизненных коллизиях и при любых обстоятельствах, разделять друг с другом беды и напасти, равно как радости и счастливые приобретения, оберегать репутацию друг друга, уважать мнение друг друга, быть терпимыми к заблуждениям друг друга в вопросах веры и убеждений.

Оно философично, потому что наставляет в великих истинах, касающихся природы и бытия Верховного Божества и бессмертия души. Своим существованием оно оживляет вековые традиции Академии Платона и мудрого учения Сократа. Оно оперирует истинами, изреченными Пифагором, Конфуцием и Зороастром, и с величайшим почтением внимает наставлениям Того, Кто принял мученическую смерть на кресте.

Древние полагали, что вселенская гармония осуществляется путем извечного конфликта двух основополагающих принципов – Добра и Зла, из которых Добро ведет людей по пути обретения Истины,

Независимости и Просвещения, а Зло – Лжи, Эгоизма и Рабства. Масонство стоит на страже принципа Добра, и потому ведет неустанную борьбу со Злом. Оно есть Геркулес, Осирис, Аполлон, Митра и Ормузд на поле никогда не утихающего сражения с демонами невежества, грубости, низменности, лжи, рабства души, нетерпимости, суеверия, тирании, хитрости, распутства и предрассудков.

Когда деспотизм и предрассудки – эти братья-близнецы, дети злых и темных сил – правили повсюду и казались непобедимыми и бессмертными, оно изобрело для борьбы с ними аллегории, символы и эмблемы и начало передавать свое учение избранным в ходе тайных мистериальных действ. В наше время, сохранив свои древние символы и отчасти – свои древние церемонии, оно горделиво развернуло во всех странах мира свое знамя, на котором буквами живого света начертан его великий девиз; и оно лишь мудро улыбается в ответ на смехотворные попытки королей и пап сломить его путем официальных отлучений и запретов.

Взгляды человека на Бога всегда будут содержать ровно столько объективной истины, сколько в состоянии воспринять человеческий разум; обретена ли эта истина путем длительных размышлений или получена путем Откровения свыше. Истина эта неизменно будет ограниченной и перемешанной с заблуждениями для того просто, чтобы быть доступной человеческому пониманию. Сами будучи конечны, мы просто не в состоянии верно и полностью осознать Бесконечное; будучи по своей природе материальны, мы никогда до конца и полностью не осознаем чисто Духовное. Мы верим, мы знаем о бесконечности времени и пространства, об одухотворенности души, но понимание этих бесконечности и одухотворенности нам недоступно. Даже Всемогущий не в состоянии вселить понимание бесконечности и одухотворенности в конечный по своей сути разум; также Бог не в состоянии влить в наши конечные и приземленные души полное осознание Своего величия и Своих свойств, не изменив полностью и безвозвратно всех условий нашего земного существования. Ни человеческое сознание не способно постичь их, ни человеческий язык – выразить. Таким образом, зримое для нас становится необходимым и единственно возможным мерилом незримого.

Сознание человеческое способно к отражению одного лишь самого себя. Знания человека не могут превысить масштабы его личности. Его понятия об окружающем мире остаются всего лишь его

понятиями. Это далеко не сам окружающий мир. Живой принцип устройства живой Вселенной бесконечен, в то время как все наши понятия и идеи конечны, а потому могут быть применимы только к конечным вещам и явлениям.

Бог в силу этих причин является объектом не знания, а веры; постигается Он не пониманием, а нравственным чувством; Его следует не воспринимать, а чувствовать. Все попытки поместить Бесконечное в рамки конечных понятий поэтому всегда свидетельствуют лишь о несовершенстве человеческой природы. Скрытый от человеческого понимания в той вечной тьме, сквозь которую способно проникнуть только в высшей степени чистое сознание, – а мысль смиряется с невозможностью это сделать, – Бог остается тем, о чем человек просто не способен строить какие бы то ни было предположения, а тем более устанавливать догмы. Здесь самый философский интеллект осознает свое бесконечное несовершенство.

Но так всегда получается, что человек бесконечно догматизирует, классифицирует и составляет описания Божественных свойств, составляет пространные таблицы Божественной природы и своих представлений о Божественных свойствах, чувствах, страстях и побуждениях, а впоследствии начинает жечь и вешать своих ближних, которые не согласны с этими его догмами, поскольку успели составить свои собственные. Человеческое сознание не склонно к жалости. Его Бог – это Божество воплощенное. Несовершенство его налагает свои собственные ограничения на Бесконечное и заключает недоступный для понимания Дух Вселенной в формы, доступные человеческим разуму и чувствам, определяемые бесконечно несовершенными свойствами всего тварного мира.

Мы все, все заблуждаемся, хотя и в разной степени. Любимые и трогательно пестуемые каждым из нас догмы совершенно определенно не являются Господней Истиной; это всего лишь характерные для каждого из нас формы заблуждения, жалкие попытки обрести Истину, преломленные и неоднократно отраженные лучи Света Истины, озарившие наконец наше сознание своим тусклым блеском. Все наши умы имеют определенные период жизни и работы, потом наступает миг – и они умирают; они воспринимают отраженный свет Божественной Истины, но Сам Он неизмеримо превосходит их все. Совершенную Истину найти невозможно. Данный градус мы именуем степенью Совершенства; но все равно его наставления несовершенны и ущербны. Но разве стоит поэтому

совершенно забрасывать поиски Истины и плыть по воле волн, впав в заблуждение и решив так и оставаться в его тенетах? Обязанность наша состоит в том, чтобы неустанно продвигаться вперед, ни на миг не прекращая поисков, ибо – пусть Истина и недоступна – общий объем заблуждений и ошибок может быть уменьшен нами вплоть до практически полного искоренения, вот почему масонство есть путь постоянного приближения к Свету.

Не все ошибки одинаково плохи. Наибольший вред приносит неверное и недостойное понимание Божественных бытия и свойств, которое в масонстве символизирует утрата Истинного Слова. Истинное Слово масонства – это не полная, совершенная и абсолютная Истина о Боге, но высшие, возвышеннейшие и чистейшие понятия, которые только может сформировать в этой области наше несовершенное сознание; и слово это неизрекаемо, ибо один человек не способен передать другому свое представление о Боге, потому что представление каждого человека о Боге должно пребывать в соответствии с его культурным и интеллектуальным уровнем, его нравственным развитием. Бог в представлении каждого человека является отражением самого этого человека.

Ибо представления о Боге изменяются от человека к человеку в зависимости от интеллекта и нравственного развития каждого из нас. Если кто-либо удовлетворяется более низменным представлением о Боге, чем позволяет ему сформировать его разум, ему приходится довольствоваться представлением, которое ложно для него, не говоря уже о том, что оно ложно в принципе. Если его представление о Боге более низменно, чем может сформировать его разум, человек обязательно почувствует это. И если мы в нашем девятнадцатом веке от Рождества Христова пользуемся концепциями и представлениями девятнадцатого века до Его Рождества; если наши представления о Боге такие же, как у низменного, невежественного и мстительного народа Израильского, – мы начинаем придерживаться низменных представлений о Боге и видим Его природу более приземленной и ограниченной, чем Сам Господь позволяет нам постигнуть. Ближе всего к Истине будут самые возвышенные представления, на которые только способен наш разум. Если же представления наши пребывают ниже этого предельного уровня постижения, они совершенно точно будут ложными. И тогда они будут оскорбительны и унизительны для Него, потому что именно в этом случае Он предстанет злобным, жестоким, близоруким

и неблагодарным божком, вера в которого оскорбительна для человеческой природы. Размышляя над своим представлением о Боге, мы должны осознавать, что если сознание наше обретает способность сформировать новое представление о еще более славном, милосердном, возвышенном, могущественном Боге, то именно это второе представление и является истинным нашим представлением о Нем, ибо невозможно представить ничего совершеннее Его.

Ради обретения материальных благ и влияния в человеческом обществе религии приходится смешивать свое учение с необходимым объемом предрассудков и заблуждений, которые неизмеримо отдаляют ее от возвышенного и чистого стандарта восприятия Бога. Религия, совершенно лишенная низменных напластований и максимально приближенная к самым возвышенным представлениям, на которые только способен человеческий разум, никогда не смогла бы стать доступной пониманию низменного человеческого большинства, а потому и не смогла бы оказывать на него хоть какое-то влияние. То, что является истиной для философа, не является истиной и не воздействует так, как воздействует истина, на простого крестьянина. Религия необразованного большинства просто в силу обстоятельств бывает более сумбурна и неверна, чем религия немногих высокообразованных избранных, не столько по своему содержанию, сколько по избранным внешним формам, не столько по основополагающей идее, которая неизменно лежит в фундаменте каждой религии человечества, сколько по символам и догмам, избранным для преподавания этой идеи и наставления адептов. Истинная религия, наверное, не была бы понятна невежественному большинству, она не приносила бы ему успокоения, чувства защищенности, не поселила бы мир в душах. Библейские истины зачастую сокрыты под словесной шелухой, которая затрудняет проникновение в их суть, но именно эта форма была мудро избрана для передачи этих истин невежественному и грубому народу Израиля в то время. Совершенная и чистая религия, свободная от всех ложных наслоений и примесей, система высокого теизма и возвышенной нравственности слишком велика и слишком чиста для человека, не готового к ее восприятию ни умственно, ни душевно, поэтому она так до сих пор и не была явлена человечеству в виде Откровения; Истина просто не смогла бы добраться до наших умов, не позаимствуй она на время крылья у Суеверия.

Истинный масон полагает Бога как Изначальным Творцом, так и Нравственным Правителем, он считает, что Бог неизменно присутствует рядом, а не только в необъятных и неизмеримо отдаленных пространствах прошлого и будущего мировой Вечности. Он считает, что Бог проявляет неизменный отеческий интерес ко всему происходящему на земле и оказывает неизменное влияние на все чувства и все действия людские.

Для истинного масона Бог есть великий Источник и Творец живого материального мира, а человек – в единстве его прекрасных физических и умственных способностей – любимейшее Его детище. Также он верит в то, что Господь создал людей разными по интеллектуальному развитию и позволил немногим избранным среди них в силу более развитых способностей к размышлению и созерцанию видеть и постигать изначальные истины, в большинстве своем сокрытые от основной массы людей. Масон верит в то, что при Его на то воле человечество делает огромный шаг вперед в своем развитии или совершает огромного значения открытие. Его волей человек обретает способности, которые выделяют его из основной людской массы и позволяют ему свершить величайшие открытия и геройские деяния, постичь потаеннейшие из настоящих истин этого мира и открыть их всем людям Земли.

Мы полагаем, что Господь так все устроил в этой прекрасной и гармоничной, но таинственной и зачастую непостижимой Вселенной, что время от времени на Земле всегда возникают великие умы и великие души, которым предназначено раскрывать человечеству истины, в которых оно нуждается, и именно в том объеме, в котором оно в них нуждается и который оно сможет выдержать. Он так все устроил, что в мире для постижения этих истин появляются люди высочайшей умственной и нравственной организации, которая подразумевает способность этих людей постигнуть отраженный свет Божественной истины и преподать его другим. Такие люди учат по наитию свыше.

Кем бы в действительности ни был Хирам, для нас он остается эталоном, возможно, придуманным эталоном человека на высшей стадии развития, примером того, кем может и должен стать человек на своем многовековом пути к реализации своего высшего предназначения в этом мире, человеком, наделенным блистательным разумом, возвышенной душой, тонкими чувствами и идеально

уравновешенными нравственными принципами, – образцом того, чем может и чем должно стать человечество в назначенные Богом сроки, реализованной возможностью развития нашей расы.

Истинный масон верит в то, что Господь сотворил этот прекрасный и загадочный мир с некоей, лишь Ему ведомой целью, и в соответствии со Своим великим Планом. Он считает, что каждый посланный на эту Землю человек, а особенно человек великого ума и великой души, должен исполнить некий долг, осуществить некую миссию, обрести свое собственное крещение; что в каждом великом и праведном человеке пребывает частица Божественной Истины, которой он должен поделиться со всем миром, и она сама по себе принесет плоды. Он верит в то, что каждый мудрый, чистый и разумный человек в самом прямом и простом смысле слова вдохновлен Господом на труды по совершенствованию, просвещению и возвышению человечества. Это вдохновение, как всемогущество Господне, принадлежит целым народам, всему человечеству, а не только нескольким великим учителям, «присвоенным» религиями иудеев, христиан и мусульман. Оно является непременным результатом верного и добросовестного применения способностей, которыми мы бываем наделены при рождении. Целью этого вдохновения является каждый человек, источником – Бог, единственной порукой – Истина. Оно различается по степени от человека к человеку, в соответствии с интеллектуальным и нравственным развитием каждого, со степенью развития его собственных способностей и сил. Оно не может быть ограничено рамками одного народа, одной расы, одной религиозной секты. Оно велико, как весь этот мир и просто, как Сам Бог. Оно не было даровано лишь избранным представителям человечества на заре людской цивилизации, ибо в таком случае они монополизировали бы вдохновение и навечно изгнали Бога из душ людских. Мы рождаемся не ради нравственного гниения и общественного разложения этого мира. Звезды одаряют нас с высоты своим чудесным сиянием, Небеса полны чудесных тайн и силы. Бог присутствует повсюду в природе. Где бы ни билось вдохновленное любовью сердце, где бы вера и разум ни выносили свои мудрые суждения – там присутствует Бог, открывающий Свою волю устами пророков и мудрецов. Ничто на Земле так не свято, как сердце человеческое, ничто другое так не наполнено присутствием Бога. Это вдохновение бывает даровано не только мудрейшим из мудрых, не только великим и высокоученым, но всем

верным детям Создателя. Точно так же как открытый зрячий глаз впитывает солнечный свет, открытое и преданное сердце способно лицезреть Господа, и всякий живущий праведно постоянно ощущает Его присутствие в своем сердце. Совесть наша есть неумолчный глас Божий.

Масонство, вокруг алтаря которого христианин, иудей, мусульманин, брамин, последователи Конфуция и Зороастра могут собраться вместе как братья и объединить свои голоса в молитве Единому, Который превыше всех ваалов, требует от каждого из своих посвященных самостоятельного и беспристрастного анализа оснований своей веры и поиска Истины в священных писаниях своей религии. Ибо оно полагает, что эти истины известны, что они просты и понятны всем, что они начертаны перстом Бога в сердце человека и на великих страницах Книги Природы. Взгляды на религию и долг, выработанные мудрецами во время размышлений, подтвержденные умозаключениями праведных и благих мудрецов, скрепленные, точно золотой печатью, откликом, который они находят в сердце каждого неиспорченного разума, запечатлеваются в сердце масона любого вероисповедания и всеми безоговорочно принимаются.

Ни один истинный масон не претендует на обладание догматической ясностью во всем, он даже никогда не станет утверждать, что такая ясность достижима. Он считает, что не существуй даже писаных откровений, он вполне мог бы возложить надежды, которые вдохновляют его, и принципы, которые управляют его действиями, на плоды своих собственных размышлений и инстинкты своей совести. Эти плоды его разума и сердца вполне могут обеспечить истинного масона основополагающими концепциями истинной и достойной веры. Ибо разум даст ему представление о существовании, природе и свойствах Бога, а инстинкты, которые он постоянно ощущает как глас Господень в своем сердце, дадут ему ощущение духовной связи с Богом, убежденность в высшем благе, проистекающем от Творца и Предержителя, надежду на Жизнь Грядущую; и разум и совесть его неизменно и безошибочно будут указывать ему на добродетель как на высшее благо, цель и итог человеческой жизни на Земле.

Он изучает чудеса Небес, обращение и устройство Земли, таинственные красоты животного и растительного миров и их приспособление к тому или иному образу жизни, физическое и нравственное устройство человека, сотворенного столь сложным и столь прекрасным;

он довольствуется знанием того простого факта, что Бог есть, и восхищается этим великим, мудрым и благим Творцом звездного неба над его головой и нравственного мира внутри него; и разум его находит соответствующее основание надеждам, поклонению, принципам действий в бескрайней Вселенной, в сияющей тверди, в глубинах, в душе, разрывающейся от переполняющих ее мыслей и чувств.

Существуют истины, которые без колебаний примет каждый восприимчивый ум, полагая их неизменными, необходимыми, не требующими совершенствования или улучшения, истины, которые, если неуклонно им следовать, действительно превратят жизнь на Земле в истинный Рай, а человека – в существо, лишь немного уступающее ангелам небесным. Вера в важность соблюдения ритуалов и необходимость практического применения всех добродетелей; настойчивое очищение сердец как гарант безопасности и чистоты человеческой жизни; управление своими мыслями как гарантами и предвестниками действий; вселенское человеколюбие, неизменно требующее от нас творить ближним своим то и только то, что мы сами сочли бы мудрым, щедрым и справедливым, будь это сотворено ими нам самим; прощение обид; необходимость самопожертвования во имя долга; снисходительность к проступкам ближних, честность, откровенность и бытие тем, кем желаешь казаться в глазах окружающих, – эти высшие принципы не нуждаются в каком-то особенном знамении для утверждения своей истинности, в гласе, раздающемся из облаков, чтобы подтвердить нам свое Божественное происхождение. Они требуют подчинения себе исключительно в силу своей внутренней справедливости и красоты; они были, есть и будут законом во все времена и во всех странах мира. Бог открыл их человечеству в начале времен.

Бог для истинного масона есть Отец наш Небесный, Чьими Избранными детьми всю жизнь стремятся стать миротворцы, видя в этом величайшую награду за свои труды, Чей Лик узреть есть величайшая надежда всех чистых сердцем; Кто всегда находится рядом и всегда же укрепляет в вере истинных приверженцев Своих; Кто достоин высшей нашей любви, высшего уважения и высшего поклонения; истинное служение Кому состоит в очищении собственного сердца и праведной жизни; в Чьем постоянном присутствии проходит наша жизнь; в Чьи милосердные объятия возвращаемся мы по смерти, которая есть – как мы верим и надеемся – лишь врата в новую, лучшую жизнь; Чьи мудрые законы запрещают

человеку держать свою душу в тенетах одних лишь плотских радостей этого мира.

В том же, что касается наших чувств по отношению к Богу и наших действий по отношению к своим ближним, масонство не ведает практически никаких признаков, по которым люди могли бы различаться или вступать в противоречия друг с другом. Бог – наш общий Отец, а все мы – братья. Это должно быть так же ясно самым невежественным и занятым людям, как и самым образованным и имеющим больше всех свободного времени для размышлений. Для того чтобы наставить в этой истине, не нужен священник, чтобы подтвердить ее истинность, не нужна печать светской власти; и если бы каждый человек делал только то, что соответствует этой истине, варварство навсегда было бы изгнано из нашей среды вместе с жестокостью, нетерпимостью, предательством, лживостью, мстительностью, эгоизмом и всеми прочими пороками и низменными страстями, обуревающими этот мир в настоящее время.

Истинный масон, веря в то, что Верховный и Единый Бог создал этот мир и управляет им, верит также, что управление это осуществляется в соответствии с законами, которые, будучи милосердны, мудры и справедливы, тем не менее, также и неизменны, суровы и обязательны для исполнения всеми. Он верит в то, что все страдания и горести его в этой жизни имеют своей целью его очищение, его воспитание, его совершенствование и развитие, ибо все они являются результатом действия законов, наилучшим образом предназначенных для счастья и очищения нашего вида и предоставляющих нам возможность практиковать все существующие добродетели, от самых простых и земных до самых возвышенных и истинно небесных; или все даже еще проще, и они предназначены для исполнения нами всеохватного, сиятельного, поразительного вечного Плана Великого Вселенского Духа. Он верит в то, что даже природные катаклизмы, которые принесли ему несчастье, в силу своей неизменности и постоянного действия, в то же самое время пролили свет истинного благословения на пути многих других людей; что неумолимая колесница Времени, пронесшаяся по его жизни всесокрушающим галопом, в действительности несется к великой и высокой цели, участвовать в достижении которой – пусть и в роли жертвы – достойное и самоценное предприятие. Он принимает эту точку зрения на Время и Божественную природу, в то же время с достоинством неся свой крест, без ропота и нытья, ибо это

его долг, его доля в исполнении Всеобщего Плана, назначенная ему Господом. Он не может считать, что Бог отвернулся от него, надзирая за осуществлением всеобщей неизменной гармонии Вселенной; не может он и считать, что все его горести и боли не были изначально предусмотрены и назначены ему при Сотворении мира, установлении неизменных законов бытия и при всех предшествовавших его земному пути вселенских процессах и человеческих жизнях. Он верит в то, что его личное благо предусмотрено Богом настолько же, насколько предусмотрено Им развитие всего и вся во вселенском масштабе.

Веря в это, масон достигает величия истинной добродетели, высшего пассивного совершенства, какого только может достичь человек. Вознаграждение за это он обретает в сознании того, что является неизменным и самоотверженным со-тружеником Творца Вселенной; в сознании того, что он достоин сего высокого звания и с честью несет его, несмотря на все превратности изменчивой судьбы. В таком случае он в высшей степени достоин звания Великого Избранного, Совершенного и Верховного Каменщика. Он готов даже задолго до положенного срока сложить голову в битве, если его мертвое тело станет ступенью для дальнейшего восхождения человечества к Небу.

Не может быть, чтобы Бог, Который, по нашему глубокому убеждению, есть высшее благо, предназначил нам страдать и мучиться, если бы эти страдания и мучения не служили бы своего рода противоядием против того зла, которое обуревает нас изнутри, или что это внешнее зло является неотъемлемой частью вселенского Плана, который мы также полагаем изначально благим. Как бы то ни было, истинный масон покорно принимает любой свой жребий. Не будь это написано ему на роду, ему не пришлось бы страдать. К какой бы официальной конфессии он ни принадлежал, если он верит в то, что Бог существует и что Он заботится обо всех своих детях, масон не может сомневаться в этом; не может он также сомневаться в том, что, что бы ни пришлось ему претерпеть на протяжении земной жизни, все имеет своей целью или его благо, или благо других людей, или благо Вселенной в целом. Жаловаться и ныть – значит, роптать на Творца своего, а это хуже неверия.

Масон, чей разум отлит в более совершенной форме, чем разум невежды, не заботящегося о развитии своего ума; кто инстинктивно приближается к возвышенной, праведной жизни; кто возлюбил мир Небесный больше мира Земного; кому ведомо, что человек

жив не столько радостями и удовольствиями, сколько постоянным Божественным Присутствием, должен навсегда отбросить мечты о каких бы то ни было радостях и спокойствии, кроме тех, которые приходят после долгих страданий и болезненных раздумий; он обязан отбросить всякие мечты о Небесах, кроме тех, которые подразумевают путь туда через врата страданий и бед; он обязан препоясать чресла свои и затянуть пояс ради трудов, которые ему предстоит свершить и свершить добросовестно. Если ему претит жизнь в богато украшенном Храме общепринятой традиции, ему остается выстроить для себя собственный дом – собственную веру.

Управляющей нами, ведущей нас вперед силой должна быть надежда на общий успех, а не на личное вознаграждение. Целью нашей должна быть вдохновенная наша мысль, а не наше личное благо. Эгоизм – грех, будь он временный или основополагающий для человека. Стремитесь к Вечности, и она перестанет быть непроницаемой и далекой твердью. Мы должны жить, трудиться и умирать не ради Царствия Небесного или какого-то особого благословения, а во имя Долга.

Более часто, когда нам приходится объединять свои усилия с тысячами и тысячами других людей во имя великой и достойной цели: вспахивать землю и сеять семена во имя неизмеримо отдаленного от нас во времени урожая или приуготовлять принятие какого-либо великого закона, нацеленного на улучшение жизни всех людей, – взнос каждого человека в достижение окончательного и общего для всех результата, цена, которую каждый должен, по высшей Справедливости, заплатить за него, не могут быть вымерены совершенно точно. Мало кто из трудившихся в тайне, тиши и уединении ради приближения тех великих изменений, которые, по их убеждению, принесли бы человечеству благо, прогресс и процветание, дожил до воплощения своих планов в жизнь или даже просто ощущал благой результат их развития. Еще более немногие сумели затем с гордостью объявить, что именно они многое сделали для достижения общей цели, для блага всего человечества, обретенного и всеми с радостью принятого. Многие усомнятся в том, что такие усилия вообще чего бы то ни было стоят, и, разочаровавшись, прекратят всякие подобные действия вообще.

Дабы не постигло его такое разочарование, истинный масон должен всячески возвышать и очищать мотивы своих поступков, равно как и укрепляться в совершенно справедливом убеждении, что

в мире не существует впустую потраченных усилий; что все наши труды в этом мире приносят ощутимые плоды; что все наши усилия, предпринятые ради всеобщей, а не корыстной, личной, цели в результате обязательно приводят к успеху, сколь много ни наблюдали мы видимых свидетельств противоположного; что никакой хлеб, пущенный по воде, не бывает утрачен навсегда; что никакое брошенное в пашню семя не останется в ней, не дав всходов в нужное время и в должной мере; что как бы мы ни сомневались время от времени в конечном успехе нашего предприятия и, в случае его успеха, в признании нашего достойного вклада в него окружающими, – существует Единый, Который не только видел все предпринятые нами нелегкие труды, но и способен определить долю каждого Своего воина в достижении великой победы над тем или иным социальным злом. Никакое доброе дело не пропадает зря.

Никакой Великий Избранный, Совершенный и Верховный Каменщик не будет достоин своего высокого звания, если не обладает этой силой, этой мощью, этой внутренней жизненной энергией, этой возвышенной верой, питаемой отнюдь не земными надеждами и даже не мыслями о грядущем торжестве, но убежденностью в необходимости вечной борьбы, наслаждением этой борьбой и признанием возможности и блага поражений и падений.

Авгиевы конюшни земного мира, общая нечистота и порочность всех веков его существования могут быть промыты и очищены лишь великим кристальным потоком; и каждая капля, которую мы оказываемся способны добавить в этот поток, усиливает и расширяет его, к вящей радости Господа, пусть не всегда и не во всем разделяемой нашими ближними; и никого из тех, чье рвение честно и глубоко, не будет заботить, чтобы каждая привнесенная им лично капля была четко различима среди капель, привнесенных другими в этот могучий очистительный и плодотворный поток, тем более – чтобы привнесенные им капли текли мелководным ручейком отдельно от общего могучего русла.

Истинного масона не должно заботить, начертано ли его имя на лепте, добавленной им в великую Господню сокровищницу. Ему довольно будет знания того, что, коль скоро он трудился не ради своего крошечного частного блага, а во имя всеобщей и благой цели, его вклад во всеобщий успех должным образом учтен; что степень его участия во всеобщем прогрессе для него самого не представляет ровным счетом никакого интереса; что единственным вознаграж-

дением для него является сам факт признания его участия во всеобщем прогрессе, сколь незначительным и мало заметным во вселенском масштабе оно бы ни было. Так пусть же каждый Великий Избранный, Совершенный и Верховный Каменщик пестует в себе веру в это. Это его долг. Это неугасимый ослепительный Свет, изнутри освещающий алебастровый пьедестал, на который водружен совершенный агатовый куб – символ Долга, на котором начертано Неизрекаемое Имя Господне. Трудолюбивый пахарь и сеятель собирает заслуженный свой урожай, являя собой образ труженика, вознагражденного за труды. Но сеятель, урожай плодов которого соберут другие, не знающие, кто сеял, есть труженик более достойный и заслуживающий более возвышенной награды.

Истинный масон ни от кого не требует аскетического отрицания радостей земной жизни как незначительной и низменной части вечного человеческого бытия, ибо это требует от человека чувств, которые, если человек их действительно испытывает, мрачны и безнадежны, а если он просто проповедует их, ложны и лицемерны; такие проповеди скорее призывают к ожиданию вознаграждения за земные страдания в Жизни Грядущей, а не к исправлению социальных несправедливостей в жизни сей; а поэтому они вредят добродетели и общественному прогрессу. Земная жизнь реальна и полна обязанностей, которые необходимо исполнить. Она есть начало нашего бессмертия. Лишь те, кто испытывает откровенный интерес к делам этого мира, кто любит его, тяжко трудятся во имя его совершенствования; а те, кто все привязанности и всю любовь свою отдают одним лишь Небесам, спокойно мирятся с несовершенством этого мира, полагая его неисправимой, погрязшей в пороке юдолью слез, они лишь тешат себя надеждами на награду, которую получат спустя некие сроки в Мире Грядущем. Грустно, но правда, что слишком многие из тех, кто занимает свой разум мыслями о духе и душе, кто строит жизнь свою на фундаменте возвышенной религиозной веры, – самые большие пессимисты во всем, что касается мирской жизни на этой Земле и возможности совершенствования мироустройства; во многих случаях они даже выступают сторонниками сохранения мирового зла в неизменности, они протестуют против политических и общественных реформ, полагая, что все они отвлекают разум человеческий от размышлений о Вечности.

Истинный масон не воюет со своими инстинктами, не умерщвляет плоть, до тех пор, пока не впадет в болезнь и слабость, не

отвергает то, что видит вокруг себя и считает прекрасным, удивительным и невыразимо близким и дорогим себе. Он не отвергает Природу, дарованную ему Богом, ради борьбы за нечто, не предназначенное ему. Он знает, что человек послан в этот мир не духовным, а плотским существом, состоящим из тела и разума, и что телу в этом материальном мире в силу его свойств и природы также принадлежит своя доля. Жизнью истинного масона управляет четкое знание такого человеческого устройства. Он не отрицает его в гневных проповедях, одновременно с этим бесконечно и неизбежно совершая грехопадения в силу своей врожденной слабости. Он верит в то, что полностью его духовность проявится в Жизни Грядущей, когда он облечется духовным телом; что тогда он, как змея кожу, сбросит свое нынешнее смертное и грешное тело, а до тех пор это земное тело следует любить, заботиться о нем и управлять его страстями, а не презирать его, ибо это влечет за собой крайне серьезные последствия.

Однако истинный масон никогда не забывает и о бессмертии своей души, и о ее грядущей жизни после смерти земного, физического тела, и об условиях, в которых эта грядущая жизнь будет протекать. Для него эти материи являются предметом постоянных высоких и святых размышлений. Они занимают большую часть его досуга, и когда он привыкает уже к невзгодам и горестям этой жизни, когда они застилают ему видение грядущего счастья, когда жизнь утомляет его своими непредсказуемыми поворотами и перипетиями, когда он устает, бывает унижен, когда прожитые года невыносимым бременем давят на его плечи, – весы его сознания начинают неумолимо склоняться в пользу Грядущей Жизни, и он все больше и больше внимания уделяет своим возвышенным размышлениям, без всякого дополнительного к этому побуждения и невзирая ни на какие возможные запреты. Эти раздумья – удел утомленных, многое повидавших и переживших, но сохранивших в душе надежду.

Размышления о будущем проливают ему свет на настоящее, развивая все самое лучшее и возвышенное в нем самом. Он стремится приспособить свое тело и свою душу к требованиям, налагаемым на них Небесами и Землей, дабы тем самым в наибольшей степени исполнить свой пред ними долг во благо мира сего и во исполнение надежд на лучший мир, а также во имя собственного совершенствования и очищения, во имя служения своим ближним.

Истинный масон не устанавливает догм, следования которым требует от окружающих; он только излагает собственные убеждения и оставляет всем окружающим право поступать так же; он лишь надеется, что настанет время, пусть и спустя много веков, когда все люди мира составят единую братскую семью с единым законом для всех – Законом Любви, управляющим всею Господней Вселенной.

Верь так, как можешь, брат мой, и если Вселенная для тебя не лишена Бога, если человек для тебя не подобен смертному животному, а обладает бессмертной душой, мы как братья примем тебя в своей среде и наградим, отлично представляя себе все твои достоинства и недостатки, высоким титулом Великого Избранного, Совершенного и Верховного Каменщика, который с величайшими почтением и скромностью носим сами.

Глубочайшим смыслом наполнен тот факт, что апостолов Христа было двенадцать, и учеников Его – семьдесят два, что Св. Иоанн обращал свои пророчества и угрозы к семи Церквам – по числу архангелов и основных планет. В Вавилоне была Борсиппа Семиступенчатая – великая пирамида в семь уровней; в Экбатане – семь концентрических разноцветных сферических помещений. В Фивах было семь врат, и число это повторяется снова и снова в повествовании о Потопе. Священное Пифагорово число повторяется и в десяти сефирот, или эманациях Священного: три одного класса и семь – другого. Ормузду сопутствовали семеро Амешаспента – планетарных духов; в мифологии индуизма в священном ковчеге спаслись семеро низших Риши во главе со своим отцом; семеро древних мудрецов возвратились вместе с древним британским справедливым героем Ху из долины печальных вод. Семь Гелиад были дочерьми Гелиоса, или Солнца, пересекавшего небо в златой колеснице; семеро титанов были сыновьями старейшего титана Крона, или Сатурна; семеро было и Корибантов; семеро было Кабиров – сынов Седека; семеро было изначальных небесных духов древней Японии, и семеро было спасшихся от великого Потопа будущих отцов человечества, поселившихся на священной горе Альборди[3]; семеро Циклопов возвели стены Тира.

Цельс, в пересказе Оригена, говорит, что персы передавали символами двухплоскостное движение звезд, неизменное и планетарное, равно как и последовательное прохождение человеческой души через их сферы. В своих потаенных пещерах, в которых проходило

тайное посвящение в священнодействия Мистерий Митры, они возводили то, что он называет высокими лестницами, семь ступеней которых были семью великими вратами – по числу основных планетарных тел. Через эти врата должны были проходить все посвящаемые, пока не достигали вершины, и этот их проход именовался «прохождением сфер».

Иаков узрел в своем видении лестницу, установленную или произросшую из земли и достигающую небес, и Мэлахай Элохим восходили и нисходили по ней, и наверху ее пребывал Йеху, именовавший Себя Йеху-Элохи Авраам. Слово, обычно переводимое как «лестница» – это סלם – «салам», происходящее от סלל – «салаль» – «возвышенный, поднявшийся, поднятый, нагроможденный, поддерживаемый, aggeravit». סללה – «салала» – обозначает любой холм, кучу, гору, вообще любую искусственную возвышенность из камней или земли, а סלע – «салаа», или «сало», – камень, скалу и название древнего города Петры. Для обозначения пирамиды в древнееврейском языке не было специального термина. На вершину священной горы Меру вели семь символических ступеней, и все пирамиды и прочие искусственные возвышенности в странах, в основном, расположенных на равнинах, были символическими отражениями этой священной горы, возведенными в целях религиозного поклонения. Это были те самые «высоты», столь часто упоминаемые в священных писаниях древних иудеев, на которых язычники свершали церемонии во славу своих богов.

Пирамиды же бывали как квадратными, так и округлыми в основании. Священная Вавилонская башня (מגדל – «магдол»), посвященная Великому Отцу Бэлу, была искусственной возвышенностью пирамидальной формы о семи ступенях, построенной из обожженного кирпича разного цвета для каждой из семи ступеней, и каждая из них воплощала ту или иную небесную сферу, а цвет их – ту или иную царящую в сфере планету. Сама гора Меру, по преданию, была отдельно стоящей горой, вершина которой разветвлялась на три отрога, тем самым символизируя Тримурти. Великая пагода Танжера, по легенде, состояла из шести этажей, а роль седьмого исполнял храм на ее вершине; на его крыше были возведены три башни-пика. Древние тохарские пагоды были увенчаны башнями, несшими на себе мистическое яйцо и трезубец. Геродот пишет, что великий храм Бэла в Вавилоне, сужающийся к вершине, представлял собой башню, состоявшую из семи меньших башен, стоявших

на восьмой, которая служила им фундаментом; Страбон же утверждает, что этот храм был пирамидой.

Фабер полагает, что мистическая лестница персов в действительности была пирамидой о семи ступенях, соединенных между собой узкими проходами, через которые должен был пройти посвящаемый для того, чтобы достигнуть вершины, а затем – спуститься через такие же лестницы и соединяющие их проходы с другой стороны пирамиды снова на землю, что символизировало восхождение и возвращение на Землю человеческой души.

Каждый храм Мистерий Митры, да и вообще практически каждый храм самых древних религий человечества, символически представлял собой Вселенную, которая сама часто именовалась и всеми считалась обителью Бога. Каждый храм, таким образом, был миром в миниатюре, а весь мир был единым великим Храмом. Самые ранние храмы не имели крыши, поэтому древние персы, кельты и скифы вообще не любили искусственные крытые помещения. Цицерон говорит о том, что Ксеркс сжигал греческие храмы на том твердом основании, что весь мир есть величественный Храм – обиталище Высшего Божества. Макробий считает справедливым мнение многих своих современников, что вся Вселенная есть Храм Всевышнего Бога. Платон пишет, что истинный Храм высшего Бога есть мир; Гераклит полагает Вселенную, населенную животными, растениями и звездами, истинным Храмом Бога.

Насколько Храм Соломона был символичен по своей сути, становится ясно из постоянно повторяющихся в его измерениях и убранстве священных чисел и астрологических символов, но еще более того – из соответствий между ними и чертами воображаемого величественного здания из видения Иезекииля. Завершает символическое толкование измерений Храма автор Апокалипсиса, придавая им каббалистическое значение. Во всех древних зданиях отчетливо просматриваются древнейшие символы искусства архитектоники, и эти математические символы и методы, воспринятые Рыцарями Храма, совершенно идентичны символике гностических печатей и амулетов-абраксасов, что указывает на неразрывную связь учения гностиков с древними халдейскими, сирийскими и египтескими философскими течениями. Тайное пифагорейское учение о числах с не меньшим успехом практиковалось и учеными монахами Тибета, иерофантами египетских и Элевсинских Мистерий, в Иерусалиме и в сферических храмах друидов, но особенное значение придается ему в Откровении Св. Иоанна.

Все храмы в древности были окружены колоннами, число которых соответствовало созвездиям ночного небосклона, знакам Зодиака или планетарным орбитам, и каждый храм был микрокосмом, символом Вселенной, увенчанным изображением звездного неба.

А в начале времен все храмы вообще не имели крыш, точнее, крышей служило им само вечное небо. Двенадцать колонн символизировали пояс Зодиака. Но каково бы ни было число колонн, оно в любом случае было мистическим и священным. Друидический храм в Эбери числом и расположением своих колонн воспроизводил планетарные циклы. Храмы в Гильминаре в Персии, в Баальбеке и в Тухти Шломо в Татарии, на границе с Китаем, окружали сорок колонн. По сторонам Пестского Храма, о чем повествует Плутарх, было расположено по четырнадцать колонн, по числу принятых у древних египтян темных и светлых периодов обращения Луны; всего их, таким образом, было двадцать восемь, и они символизировали два цикла космического движения метеоритных потоков, столь часто встречающиеся и в эмблематике друидических храмов.

Амфитеатр, возведенный в Греции Скавром, окружали триста шестьдесят колонн, а храм в Мекке и храм в Ионе, что в Шотландии, – по триста шестьдесят камней.

Chapter of Rose Croix

Капитул Розы и Креста

Knight of the East, of the Sword, or of the Eagle

15

Рыцарь Востока, или Меча (Рыцарь Орла)

Этот градус, как и остальные градусы масонства, глубоко символичен. Основанный на исторической правде и древней традиции, он все же является аллегорией. Основным уроком этого градуса является верность принятому на себя обязательству, постоянство и неизменное служение, несмотря на все трудности и разочарования.

Масонство ведет бесконечный Крестовый поход против невежества, нетерпимости, фанатизма, суеверий, заблуждений и жестокости. Оно плывет не милостью попутного ветра по спокойной и мирной водной глади прямо к радостно встречающей его корабль тихой гавани – напротив, оно постоянно борется с враждебными жестокими течениями, жалящими ветрами и убийственными штилями.

Главными препятствиями на его пути являются бездействие и неверность его собственных неблагодарных, эгоистичных детей и полное безразличие окружающего мира к его святым трудам. В шуме и треске вечно спешащего, суетного делового мира, в реве и столкновении враждебных друг другу политических течений тихий глас масонства редко бывает услышан и оценен по заслугам. Первый урок, усваиваемый каждым предпринявшим усилия к благому преобразованию общества, есть тот, что люди обычно совершенно глухи и слепы ко всему, что не ведет их к немедленной личной выгоде. Именно усилиям героических одиночек, а не совместным усилиям людских масс, человечество обязано всеми благими свершениями, ведшими к совершенствованию человеческого рода. Энтузиаст, уверенный в том, что ему легко будет заразить своим энтузиазмом

окружающую его людскую массу или хотя бы тех немногих, кто ему ближе всех, например, ближайших своих сотрудников, вполне возможно, глубоко заблуждается; и вполне может оказаться так, что он сам разуверится в своей правоте и сердце его наполнится отчаянием и презрением к самому себе. Все сделать, за все сполна заплатить, за все сполна пострадать, а затем увидеть, как те, кто выступал против самой идеи, кто мешал на пути к ее осуществлению или просто холодно взирал на все горести и трудности, пожинают плоды успеха, в котором ближе к концу трудов начинал сомневаться уже и сам его творец, не бросивший, несмотря на это, орудий труда, – вот наиболее частый и даже обычный удел великих благотворителей человечества.

Желающий помочь, послужить человечеству, улучшить его существование, подобен пловцу, борющемуся с сильным и жестоким течением реки, овеваемой необоримым ураганом, вздувающим на ее поверхности гигантские волны. Ветер ревет над ним, пена плещет ему в лицо, волны накрывают с головой. Большинство полагается на волю волн, которые могут со временем вынести их на тихий берег, хотя могут и завлечь в смертоносные глубины; и лишь немногие отважные и стойкие сердца приказывают сильным рукам снова и снова грести вперед, к успеху и победе.

Больше всего прогрессу человечества мешают застой и лень; они подобны холодному камню или мертвому древесному стволу на дне реки, над которыми течение не может продолжаться по прямой, а вместо этого завивается предательскими водоворотами; таков и масон, который сомневается, мнется, разочаровывается в избранном пути, который не верит в способность человечества к совершенствованию, который не готов трудиться и претерпевать муки во имя блага человечества в целом, который ожидает, что другие все сделают за него, в то время как он будет сидеть и лишь наблюдать за их трудами, то аплодируя, то предсказывая неудачу.

Много было таких людей при строительстве Второго Храма. Это были пророки неудач и поражений – трусливые, неуверенные в собственных силах и силах своего народа, безразличные, равнодушные; они лишь взирали, исполненные презрения, на потные спины тружеников; некоторые из них, правда, считали, что исполнят свой долг пред Господом, если немного похвалят строителей. Это были вороны дурных предзнаменований, наушники, перешептывавшиеся о глупости и бессмысленности всего предприятия. Из таких

людей, к сожалению, и состоит в основном этот мир; тогда их было не меньше, чем сейчас.

Но как бы ни были мрачны и безрадостны перспективы, как бы ни обуревали их сомнения изнутри и злые языки извне, наши древние братья выжили и продолжили свой труд. Давайте же воздадим им должные почести за их самоотверженный труд, и когда бы ни казался нам успех практически недостижимым, далеким и требующим колоссального труда, да будет единственным вопросом, волнующим нас как истинных и верных масонов, – чего требует от нас долг, а не какова будет наша награда или каков будет материальный результат исполнения нами этого долга. Трудитесь, трудитесь неустанно, удерживая одной рукой меч, а другой – мастерок!

Масонство учит тому, что Господь есть Всеобщий Отец, проявляющий неизменный интерес к жизни своих детей, что подразумевается самим его определением как Отца, и такой интерес Его к нашей жизни не встречается ни в одной из языческих религий, нельзя его обнаружить в учениях ни одной из философских школ; этот высший интерес проявляется не только к существам других, высших сфер, к Сынам Света или существам Небесного мира, но и к нам, низменным, недостойным и невежественным. Он вечно милосерден к заблуждающимся, Он прощает виновных, любит чистых сердцем, знает о бедах униженных и обещает Жизнь Вечную всем, кто верует в Него и повинуется Ему.

Без веры в Него жизнь ужасна, мир темен, Вселенная лишена всей своей величественной красы, интеллектуальные связи с природой разорваны, очарование бытия разрушено, великая его надежда утрачена; и сознание, подобно звезде, сошедшей со своей орбиты, начинает бесцельный путь по бескрайней пустыне бессмысленных концепций, без всякой цели, без руля, без ветрил, без конца.

Масонство наставляет в том, что среди всех событий, всех действий, происходящих во Вселенной многих миров на протяжении всех бесконечных веков ее существования, нет и не может быть ни единого – даже самого малого, которое не было бы предвидено и предначертано Богом с тем, чтобы человек участвовал в его осуществлении посредством своей Богом же дарованной свободы воли, которая есть одна из сил Природы.

Масонство учит тому, что душа человеческая была создана Богом во исполнение некой великой цели, что сотворенная совершенной во всех своих аспектах и являющаяся эманацией Его Предвечного

Духа, она по природе своей, по цели и предназначению своим добродетельна. Она так сотворена, так создана и сформирована, так точно и справедливо уравновешена, так идеально выдержана во всех мельчайших своих аспектах и частях, что проникновение в нее греха есть величайшее горе; гнусные мысли падают в нее каплями смертоносного яда; порочные устремления своим ядовитым дыханием овевают ее нежные фибры, оставляя на них чумные бубоны, как на теле пораженного смертельной болезнью. Она сотворена для добродетели, а не для порока, для чистоты, покоя и счастья. Скорее мы сумели бы, если бы захотели, сровнять высокие горы с долинами, волны заставили бы течь вспять, от берегов в глубины, звезды – замереть в небе и более не продолжать свой вечный круговой путь, чем изменили бы свою человеческую природу. И один из неизменных законов высшей, Небесной Конституции, произнесенный Божественными устами и отражающийся каждым нервом, каждой клеткой нашего существа, каждой природной силой и стихией, состоит в необходимости быть праведными и добродетельными, бороться с искушениями, управлять своими низменными страстями, держать себя в руках и не отдаваться на милость чувственных устремлений. И это не бесконтрольная воля жестокого авторитарного правителя, субъективное и немотивированное распоряжение, это составная часть великого закона Гармонии, связующего Вселенную воедино и продиктованного не столько Высшей Волей, сколько Безграничной Мудростью.

Нам ведомо, что Бог благ и все предпринимаемое Им – верно. Зная это, мы рассматриваем все простирающееся пред нашим мысленным взором: все Творение, судьбы безграничной Вселенной, жизненные перипетии – как свидетельства безграничной Его любви. Зная же это, мы знаем также и то, что любовь эта служит возникновению того, что, как и она сама, превосходит все наши мысли и предположения, какими бы возвышенными и великими они ни были; что единственная причина, почему мы иногда неспособны до конца понять все пути Господни, состоит в том, что они чересчур возвышенны для нашего понимания. Господь охватывает своей любовью совершенно все, ничего не пропуская. Его любовь касается абсолютно всего во Вселенной, соответственно приспосабливаясь к особенностям всего – юного, зрелого, пожилого, старого – сущего на этом свете и на том, радостного, горестного, слабого, сильного, даже греховного. Все в мире благо и праведно и пребудет таким

вечно. Во все вечные века будет неизменно ярко светить Божественный Свет, освещая и обогревая все, поглощая все дурное, вознаграждая собой всех, кто достоин награды. В будущем мы узрим, во что сейчас только верим. Но завеса тайны поднимется, врата отворятся, и Свет Вечный воссияет повсюду – тот Свет, символом которого является ложа. И тогда восторжествует то, что приносило нам до тех пор одни лишь жестокие испытания, и радостью нас наполнит то, что до тех пор лишь наполняло сердца наши болью; и тогда мы узрим, что там, как и здесь и сейчас, нам предстоит учиться одной лишь вечной радости, совершенству и благу, существование которых невозможно в мире, пока не побеждены заблуждения, невежество и порок. Необходимо пройти сквозь тьму, дабы обрести свет.

16

Prince of Jerusalem

Князь Иерусалимский

Мы уже давно не собираемся восстанавливать Иерусалимский Храм. Он стал для нас символом. Весь мир для нас – это Божий Храм, возведенный в каждом праведном сердце. Установить во всем мире Царство Нового Закона – Закона Любви, Мира, Терпимости и Милосердия – значит восстановить Храм в Истине и Вере, и именно этим занимается в наше время масонство. Более не нуждаясь в возвращении для молитвы в Иерусалим, в пролитии крови жертв ради возвеличивания своего Божества, человек может сделать своими церквями и храмами леса и горы и поклоняться своему Богу посредством вечной благодарности Ему за все ниспосланное, равно как и милосердия и благотворения своим ближним. Когда бы слабое, но твердое в своих убеждениях сердце не воссылало бы благодарственные мольбы Господу под широко раскинувшимся сводом древесной кроны или в открытой всем ветрам долине, на склоне холма, посреди болота, на оживленной городской улице – там и есть для него Дом Господень, Новый Иерусалим.

Князья Иерусалимские более не восседают в городских советах, верша мировой суд над жителями; число их более не ограничивается пятью. Но обязанности их остаются теми же, что в глубокой древности, и символы и эмблемы их не претерпели изменений за все прошедшие с тех времен века. Отличительными их чертами по сей день остаются справедливость и беспристрастность. Разрешать споры и засыпать разделяющие людей пропасти, восстанавливать мир и взаимную любовь, примирять несогласных и ссорящихся,

бороться с предрассудками – вот их главные обязанности, а девиз их – «Блаженны миротворцы».

Эмблемы Князей Иерусалимских уже были объяснены тебе: они являются частью привычного образного языка масонства и они остаются неизменными с тех самых пор, когда Моисей узнал их от египетских иерофантов.

Мы свято блюдем древние положения всеобщего священного Закона, тем самым поддерживая незримые связи с нашими братьями тех лет, когда был восстановлен Храм Иерусалимский и снова открыта Священная Книга:

«Так говорил тогда Господь Саваоф: производите суд справедливый и оказывайте милость и сострадание каждый брату своему; вдовы и сироты, пришельца и бедного не притесняйте и зла друг против друга не мыслите в сердце вашем… Вот дела, которые вы должны делать: говорите истину друг другу; по истине и миролюбно судите у ворот ваших. Никто из вас да не мыслит в сердце своем зла против ближнего своего, и ложной клятвы не любите, ибо все это Я ненавижу, говорит Господь…

Вот, Царь будет царствовать по правде, и князья будут править по закону; и каждый из них будет как защита от ветра и покров от непогоды, как источники вод в степи, как тень от высокой скалы в земле жаждущей… Невежду уже не будут называть почтенным, и о коварном не скажут, что он честный. Ибо невежда говорит глупое, и сердце его помышляет о беззаконном, чтобы действовать лицемерно и произносить хулу на Господа, душу голодного лишать хлеба и отнимать питье у жаждущего… Тот, кто ходит в правде и говорит истину; кто презирает корысть от притеснения, удерживает руки свои от взяток, затыкает уши свои, чтобы не слышать о кровопролитии, и закрывает глаза свои, чтобы не видеть зла; тот будет обитать на высотах; убежище его – неприступные скалы; хлеб будет дан ему; вода у него не иссякнет».[1]

Никогда не забывай эти основные положения древнего и мудрого Закона, и в особенности запомни и вечно храни в памяти, по мере продвижения по лестнице масонских степеней, что каждый масон, какое бы положение он ни занимал в Ордене или в профанском мире, – твой брат, а каждый труженик в поле или в цеху – выше тебя. Всегда помни, что масонство – это труд, а эмблемой степеней сего Совета является мастерок. Труд, при верном его понимании, одновременно и сам по себе достоин, и придает честь и достоинство

исполняющему его, ибо его предназначение в том, чтобы совершенствовать нравственную и духовную природу человека, а посему нельзя даже думать о нем, как о наказании или несчастье.

Все вокруг нас по своей природе и влиянию, на нас оказываемому, нравственно. Тихое и ясное утро, когда наше сознание вырывается из объятий сна навстречу новому дню, когда Господь призывает нас к новой жизни из этого отдаленного подобия смертного плена, снова даруя нам земное существование, пронизывая каждую нашу мысль, каждое наше чувство яркими лучами Своего Света, порождающего в нас вечную благодарность и душевный мир; тишь этого раннего утра, тишь затаенного радостного ожидания, святая прохлада вечерних сумерек, когда удлиняются тени предметов и на землю спадает кружевная печальная пелена; полуденное сияние и священный покой полуночи; весна и всеочистительная осень; лето, раскрывающее пред нами все духовные врата и ведущее нас к лицезрению всех чудес и тайн этого мира; и зима, собирающая нас вечером у очага, – все это, проходя перед нашим взором, пробуждает в нас источники духовной жизни и направляет их к добру или ко злу. Даже простое созерцание красот этого мира неизменно пробуждает нечто особенное внутри нас, и тень гномона на циферблате солнечных часов нашего внутреннего мира часто падает на сектор, отвечающий за нравственное чувство.

Жизнь, исполненная тяжкого труда, ни в коем случае не является ущербной или неудавшейся. Всевышний поместил человека на Землю не для того, чтобы тот пребывал посреди зеленеющих холмов и плодородных долин, в приятной тени рощ и лощин без всякой назначенной ему работы, без обязанностей и долга, разве только просыпаться и есть, а потом ложиться снова спать. Всевышний назначил ему великий труд во всех сферах жизни, где бы он ни жил и ни работал, – в каждом бурлящем жизнью городе, на каждой волне пустынного и мрачного мирового океана. И сделал Он это потому, что Ему доставило радость сотворить человека более достойным и обладающим более высоким предназначением, чем простая и скучная растительная жизнь на всем готовом; а для развития подобных способностей, необходимых для исполнения целей Всевышнего, нужно и должно работать – работать неустанно и усердно. Если нас интересует, почему Он не мог сотворить нас способными достигнуть тех же высот без труда, то с тем же успехом мы

могли бы спросить Его, почему Он не сделал так, чтобы дважды два было шесть. И то, и другое просто невозможно.

Этому масонство учит как великой Истине, великой нравственной ландмарке, которая должна управлять ходом развития всего человечества. Оно учит своих трудолюбивых адептов тому, что работа их духовна, что все результаты их труда, вырабатываемые ткани, продаваемые товары – все они служат достижению духовных целей; что, веря в это, они превратят свою трудовую жизнь в возвышеннейшее предприятие свободного Духа. То, что мы делаем в часы досуга: отдыхаем, посещаем церковь, читаем книги – все предназначено для еще лучшего исполнения нами трудов этой жизни. Мы читаем, видим, слышим для того, чтобы лучше трудиться, и сами эти труды суть сферы нашего высокого нравственного совершенствования. Нет такого рода деятельности: в сфере производства или в сфере обмена, в поле или в лесу, на верфи или в доке, в конторе или на бирже, которая не вела бы к достижению духовных целей. Нет такого испытания, которое нам приходилось бы претерпевать в нашей жизни и в нашем труде и которое не было бы нацелено на воспитание в нас терпения, спокойствия, решительности, усердия, беспристрастности, мягкосердечия и великодушия. И каждое орудие труда, каждый рабочий инструмент служат также орудиями обработки нашего духа.

Все жизненные связи: родительские, детские, братские, сестринские, дружеские, коллегиальные, любовные, супружеские – нравственны и действуют через все нервы, все фибры связанных воедино человеческих душ. Они не могут существовать ни единого дня, не подвергая человеческий разум испытанию своей истинностью, терпением, остротой чувств и беспристрастностью.

Любой большой город является широкой сценой нравственного действия. Ни единое действие в нем не может протекать без того, чтобы быть плохим или хорошим, а потому, в любом случае, нравственным. Ни одно действие не может быть предпринято немотивированно, а ведь мотивы действий также входят в сферу нравственности. Тротуары, мостовые, дома, мебель – все это символы того, что является нравственностью, ибо они тысячью различных способов свидетельствуют о добрых или злых чувствах, обуревавших их творцов. Все принадлежащее нам и обеспечивающее нам удобство или роскошь пробуждает в нас законную гордость и благодарность

или, наоборот, гордыню и суетность, эгоистические устремления или, наоборот, сочувственные мысли о нуждающихся и обездоленных.

Все окружающее воздействует на нас. Великий Господень закон сочувствия и гармонии всеохватен и неизменен, как Его же закон тяготения. Фраза, содержащая в себе достойную мысль, заставляет бурлить кровь; шум, создаваемый невоспитанным ребенком, раздражает и злит нас, также влияя на наши поступки.

Нас окружает мир духовных понятий, влияний, действий и связей. Все мы смутно подозреваем это, но лишь тот живет истинно прекрасной и одухотворенной жизнью, кто по какому-то поэтическому наитию воспринимает окружающую его духовную картину мира, в каждом звуке слышит глас духа, видит его отражение в каждом проходящем перед его взором образе и чувствует его присутствие в каждом чувстве, действии, страсти и явлении. Копи вечной мудрости совсем рядом; они буквально окружают нас, а мы не замечаем их. В простейших вещах есть нечто таинственное, в самых незатейливых – нечто чудесное, в скучнейших – нечто чарующее.

По природе своей все мы – искатели чудес. Мы отправляемся в дальние странствия, чтобы посмотреть на прекрасные древние руины, причудливые очертания древних скал, великие водопады и художественные галереи. Но ведь чудеса окружают нас повсюду: заход солнца, звездный небосклон, распускающиеся весной на деревьях почки, загадочные метаморфозы бабочки, величественное таинство Бесконечной Божественности и Ее властное Откровение. Нет великолепия, которое превосходило бы ежеутреннее воцарение Солнца на его сияющем престоле на Востоке; нет купола более величественного, чем небесный свод; нет красоты большей, чем цветущая, изобильная, плодоносная Земля; нет более прекрасного и дорогого сердцу места, сколь угодно освященного памятью веков, чем родной дом, сколь бы ни были ветхи и грубы его деревянные стены и крыша.

Все это суть символы понятий куда более возвышенных и священных. Все это – лишь покров духа. В это вековое облачение убрана вечная и бессмертная природа; в этих непрестанно сменяющих друг друга внешних формах и образах заключена поражающая воображение реальность. Так да будет человек вечно, как и сейчас, душой живой, пребывающей в мире с собой и с Богом, а жизнью ее да будет Вечность, обителью – Бесконечность, а духовной родиной – обитель всеохватной Любви.

Величайшие вопросы человечества разрешаются в самых скромных его обиталищах точно так же, как и в высших его сферах. Человеческое сердце точно так же бьется под рубищем нищего, как и под княжеской мантией. Красота любви, очарование дружбы, святость мученичества, героизм терпения, достоинство самопожертвования – все эти и подобные им добродетели делают жизнь настоящей, исполненной чести и доблести. Они суть бесценные сокровища и слава человечества, и пребывают они повсюду, безусловно и без исключения. Нет места в мире, которое не пребывало бы под живительным покровом святых добродетелей, подобных этим.

На нашем жизненном пути: в быту, дома, у родного очага – повсюду встречаются многочисленные возможности поступить так же достойно, как если бы мы всю свою жизнь управляли огромными армиями, восседали в сенатах или бдели у постели больных и обездоленных. Бесконечно меняются жизненные обстоятельства, и бесконечно возникают для нас миллионы и миллионы новых возможностей побороть свои страсти, подчинить порывы сердца терпению и великодушию, отказаться от собственной выгоды в пользу другого, произнести мудрое и доброе слово, поднять упавшего физически, подбодрить падшего духом и впавшего в уныние, облегчить тяжкий жребий своего ближнего. Каждому масону предоставляется вполне достаточно этих возможностей. Эти заслуги не запишут на его могильной плите, но они запечатлеются сияющими буквами в сердцах людей, в душах его друзей, детей, прочих родственников, а также в великой Книге Судеб и на вечных и всеведущих страницах Книги Вселенной.

По крайней мере к такой судьбе должно нам стремиться, братья! Этим всеобщим законам масонства должно нам следовать! И да станут сердца наши истинным Храмом Бога Живого! И да поддержит Он нас в наших трудах, станет оплотом надежд наших и дарует нам успех в конце пути!

17

Knight of the East & West

Рыцарь Востока и Запада

Это первый из философских градусов Древнего и Принятого Шотландского Устава, начало курса наставлений, который полностью посвятит вас во внутренние таинства масонства, откроет вам его сердце. Да не разочарует вас то, что так часто вы уже приближались к грани, за которой ожидали увидеть свет последнего и самого чистого откровения, но каждый раз оказывалось, что до него еще далеко. Во все времена Истина скрывалась за символами, чередой последовательно раскрываемых аллегорий; всегда нужно было проходить покров за покровом, пока не спадала последняя пелена и Истина не оказывалась явной и зримой. Свет человеческий – это только тусклое и несовершенное отражение Света Предвечного и Бесконечного.

Мы собираемся приблизиться к изучению тех древних религий, которые во время оно правили умами людей и чьи величественные руины заполняют долины прошлого, точно разрушенные колонны Пальмиры или Тадмора, поблескивающие среди песков пустыни. Они вырастают перед нашим мысленным взором, эти древние, непривычные, таинственные религии и верования, окутанные пеленой древности и балансирующие на грани времени и Вечности; они позволяют нам проникнуть в мир их загадочных образов, иногда пугающих, поразительных, диких и прекрасных.

Религия Моисея, которая, как и законы древнего Египта, проповедовала принцип избранности народа, следовавшего ей, тем не менее, успешно заимствовала многое из верований всех окрестных

народов. Заимствуя трудами просвещенных мудрецов своих все самое лучшее, самые достойные и возвышенные принципы религий древних Египта и Азии, она в то же время воспринимала и самые отвратительные соблазны языческих племенных религий, с которыми приходилось сталкиваться народу Израиля в ходе его продолжительных странствий. Она была одной во времена Моисея и Аарона, другой – при Давиде и Соломоне, третьей – при Данииле и Филоне.

В те времена, когда у берегов Мертвого моря появился Иоанн Креститель и начал свою проповедь, практически все философские и религиозные системы древности походили одна на другую, как близнецы. Всеобщая свобода религиозного мышления склоняла тогда людей к мирному сосуществованию в среде фактического слияния всех и всяческих религиозных понятий, дорогу которому проложили великие предприятия Александра Македонского и не менее великие их последствия, установление царств Азии и Африки, греческие правящие династии и колонизация греками окрестных земель. Вследствие смешения множества народов во времена военных кампаний Александра на территории трех четвертей известного тогда мира точно так же перемешались философские и религиозные системы Греции, Египта, Персии, Индии... Обрушились барьеры, ранее разделявшие народы, и, коль скоро народы Запада начали охотно воспринимать таинственные учения Востока, восточные народы тоже поторопились проявить интерес к традициям Рима и Афин. Поскольку греческие философы – практически все, кроме учеников Эпикура, платоники, – торопились усвоить учения Востока, иудеи и египтяне – в то время действительно избранные из всех восточных народов – поспешили предоставить им такую возможность, поделившись своими учениями с завоевателями – греками и римлянами.

В этой атмосфере всеобщей веротерпимости и тотального смешения верований даже адепты новой религии – христианства – по наитию смешивали новое со старым, христианство – с философией, учение апостолов – с древней мифологией. Любой образованный человек тогда вряд ли был способен отринуть привычные философские представления для того, чтобы заменить их новой религиозной концепцией во всей ее первозданной чистоте. Люди обычно воспринимают веру такой, какой им ее преподносят. Так эзотерическая традиция и ее отличие от экзотерической, давно позабытые в других религиях, легко укоренились среди новых адептов христианства;

многие из них даже в годы проповеди Павла были убеждены в том, что писания апостолов не полны, что в них содержатся лишь зачатки новой веры, обрести полное знание которой возможно только эзотерическим путем – посредством систематического анализа всех писаний и раскрытия всех их тайных смыслов. По мнению сторонников этой теории, в писаниях апостолов, направленных на просвещение невежественной толпы, содержались лишь основные положения грубой народной веры; для просвещения же умов возвышенных, избранных, предназначены таинственные Мистерии, передаваемые из поколения в поколение, из уст в уста; и этой науке Мистерий они дали название Γνώσις – «гнозис».

Гностики извлекли основы своего учения из трудов Платона и Филона, Зенд-Авесты и Каббалы, священных писаний Индии и Египта, тем самым обогащая христианскую традицию космологическими и теософскими концепциями, составлявшими основу религий Востока; они объединили его с доктринами Египта, Греции и Иудеи, с учением неоплатоников, давно уже широко распространенным на Востоке.

Эманация всех духовных существ от Верховного Божества, постепенная их деградация от воплощения к воплощению, покаяние и последующее возвращение к чистоте Единого Божества, а по восстановлении первичной всеобщей гармонии – пребывание в счастье и истинно Божественном состоянии на престоле Всевышнего, – вот фундаментальные положения религии гностиков. Доктрины Востока, со всеми своими откровениями, рассуждениями, размышлениями и предвидениями, диктовали им основы вероучения. Язык его также был неразрывно связан с его истоками. Образный и аллегоричный, величественный и полный несоответствий, он обладал всей подвижностью возвышенного художественного стиля.

Узри, гласили труды гностиков, свет, проистекающий из необъятного Центра Света и повсюду распространяющий животворные свои лучи; так и духи Света проистекают от центра Божественного Света. Узри духов, которые питают, одухотворяют, оплодотворяют и очищают Землю; все они проистекают из одного всеобщего Океана; так и из всеобщего Божественного центра проистекают все бесчисленные потоки, составляющие и наполняющие разумную Вселенную. Узри числа, которые все проистекают от единого первичного числа, все похожи на него, поскольку содержат в себе его сущность, но при этом бесконечно отличаются одно от другого; узри

слова и фразы, состоящие из бесчисленного множества самых разнообразных слогов и звуков, которые, однако, все содержатся в одном-единственном первичном Слове; так и разумный мир проистек от Первичного Разума и содержит в себе его сущность, являясь, тем не менее, вместилищем неохватного разнообразия разумных форм.

Гностицизм вмещал все многообразие философских учений Востока и Запада, полагая это своей прямой обязанностью, тайно указанной во многих местах Евангелий и апостольских Посланий. Сам Христос говорил притчами и аллегориями, Иоанн пользовался образным языком платоников, Павел часто прибегал к загадочным и маловразумительным речевым оборотам, истинное значение которых определенно могло быть до конца понято одними лишь посвященными.

Считается, что колыбель гностицизма находится в Сирии или даже в Палестине. Большинство его адептов писали на том вульгарном греческом языке, которым пользовались большинство иудеев-эллинистов и на котором написаны Септуагинта и большинство списков Нового Завета; существует поразительное соответствие между их творениями и трудами иудео-египтянина Филона Александрийского, родной город которого был настоящим храмом одновременно трех религиозных традиций: египетской, греческой и иудейской.

Пифагор и Платон, самые известные мистики среди греческих философов (причем, второй наследовал в этом первому), много путешествовавшие, первый – по Финикии, Индии и Персии, второй – по Египту, также учили эзотерической доктрине и различиям между религией для посвященных и религией для профанов. Основы учения платонизма можно обнаружить и в доктринах гностиков. Проистекание разума от Бога; отход разума от Бога и страдания духа, погрязшего в тенетах материи; долговременные суетные усилия, направленные на обретение Истины и воссоединение с Богом в первичном состоянии союза; объединение чистой и праведной души с неразумной душой – вместилищем порочных страстей; ангелы и демоны, управляющие планетами, но имеющие несовершенное представление о силах и идеях Творения; возрождение всех живых существ по возвращении в κόσμος νοητός – «космос ноэтос» – Мир Разумный, к его Владыке – Верховному Существу – как единственный способ возвращения к первичной гармонии Творения, которую Платон называл «музыкой сфер», – таковы сходства между

двумя философскими системами, и в них мы находим многое, что роднит их с основополагающим учением масонства, в котором – например, в современных переполненных ложными символами и искаженными ритуалами символических градусах – они сокрыты под слоями абсурдных позднейших наслоений и выдумок или упомянуты лишь вскользь, почти совершенно незаметно для большинства посвященных.

Различие между эзотерической и экзотерической доктринами (абсолютно масонское, по своей сути) всегда и с самого начала соблюдалось религиозными и мистическими школами Греции. Традиция эта уходит своими корнями в легендарные времена Орфея, когда все традиционные мифы содержали в себе зачатки теософии. А после завоеваний Александра Македонского они перешли в ритуалы, догмы и мифологию практически всех школ почти всего древнего мира: Египта, Азии, Фракии, Сицилии, Этрурии и Аттики.

Иудео-греческая Александрийская философская школа известна в основном по трудам двоих ее руководителей – иудеев Аристовула и Филона. Принадлежа Азии по своим истокам, Египту – по месту основного развития, Греции – по языку и направлению мысли, эта школа одной из основных своих целей видела доказательство того, что все истины всех окружающих народов пришли к ним из Палестины. Аристовул, например, заявлял, что все факты и события, содержащиеся в иудейском Священном Писании, являются аллегориями и символами, скрывающими более глубокое, потаенное значение, воспринятое Платоном и отраженное в его основных трудах. Филон, живший век спустя, следуя той же самой теории, посвятил свои труды доказательству того, что иудейские религиозные понятия легли в основу всех религий мира. Он полагал, что буквальное значение их писаний предназначено только для бессмысленной толпы. Всякий упражняющий свой ум в философских размышлениях, очищающий душу добродетелью и возвышающий духовные порывы к Богу и разумному миру обретает вдохновение и проникает за пределы простого смысла начертанных букв, обнаруживая там совершенно новое для него мироустройство, обретает посвящение в таинства, лишь несовершенный, неполный образ которых может предоставить ему буквальное прочтение писаний. Исторический факт, образ, слово, буква, число, обряд, обычай, сложные картины пророческих видений – все это лишь покровы потаенных истин, и всякий обретший ключ к их познанию, упражняясь в науках,

сможет истолковать их настолько, насколько позволит ему озаривший его Свет.

Здесь, как и в масонстве, мы видим символический путь кандидата к Свету. «Пусть удалятся ограниченные разумом и закрывающие себе уши, – гласит ритуал. – Божественные истины мы сообщаем тем, кто обрел святое посвящение, кто воистину набожен и не пребывает в плену пустых слов и языческих суеверий».

Для Филона Верховным Существом был Изначальный Свет, или Архетип Света, Источник лучей, озаряющих души. Также он был Душой Вселенной, в силу этого присутствующей в ней повсеместно. Она Сама творит Бытие и заполняет его Собой, Своими силами и добродетелью. Эти силы (Δυνάμεις – «динамейс») являются духами, отдельными от Бога, воплощенными «идеями» Платона. Сам же Бог, бесконечный и безначальный, пребывает в прототипе Времени (αἰών – «эон»).

Образом Его является Слово (Λόγος – «логос»), нечто более блистательное, чем огонь, но еще не чистый свет. Логос пребывает в Боге, ибо Бог творит для Себя в недрах Своего Разума прототипы всех идей, которым суждено стать реальностью в этом мире. Логос – это орудие Божественного Творения в этом мире, которое может быть отчасти уподоблено человеческой речи.

Если Логос – это Мир Идей (κόσμος νοητός), посредством которого Бог сотворил видимый мир, Он есть древнейший из богов в противовес материальному миру, который является, наоборот, последним по времени творением. Логос – Владыка Мудрости и главный ее представитель в мире – именуется архангелом, типом и представителем всех духов, даже духов смертных. Также он именуется прототипом человека и первичным человеком – Адамом Кадмоном.

Мудр лишь Бог. Человеческая мудрость есть лишь отражение и образ мудрости Божественной. Бог есть Всеобщий Отец, а Мудрость Его – праматерь всего Творения, ибо Он объединился с Мудростью (Σοφία – София), оплодотворил ее семенем Творения, и она породила материальный мир. Он сотворил лишь мир Идей и позволил Логосу, который является Его речью и идеей, Миром Разума, сотворить материальный мир по его образу и подобию. Интеллектуальный Город, таким образом, был Мыслью Архитектора, размышлявшего над Творением, созерцая модель Города материального.

Слово занимает место не только Творца, но и Верховного Существа. Через Него действуют все свойства и силы Бога. С другой

стороны, как первый представитель человечества Оно служит ему защитником и пастырем.

Господь дарует человеку разумную душу, которая существует еще до его рождения и которую Господь соединяет с его телом при рождении последнего. Разумный принцип проистекает от Бога через Слово и вступает в священный союз с Богом и Словом; однако в человеке существует и внеразумный принцип, управляющий его страстями и низменными чувствами и проистекающий от низших духов, наполняющих воздух, будучи посланцами и свидетелями Бога. Тело, взятое от Земли, и внеразумный принцип, оживляющий его одновременно с разумным принципом, ненавидимы Богом, пока они держат в жестоком плену, в непроницаемом гробу разумную душу, дарованную Им телу. Современное состояние человека далеко от того первичного его состояния, когда он был образом и подобием Логоса. Человек низко пал и утратил это счастливое состояние. Но он может снова возвыситься, следуя указаниям Мудрости (Софии) и ангелов, посланных Господом для оказания ему помощи в освобождении от уз плоти и борьбе со злом, существование которого позволено Господом ради упражнения человека в пользовании своей свободой воли. Души, прошедшие очищение не Законом, а высшим Светом, возносятся в небесные области, в обители высшего счастья. Те же души, которые неисправимы в следовании путями зла, бесконечно переселяются из тела в тело, лишь меняя обиталища злобы и низменных страстей. Положения этого учения наверняка покажутся знакомыми всем читавшим послания Св. Павла, ученика Филона, жившего во времена Христа и умершего уже при Калигуле.

Каждый масон должен быть знаком с этим учением Филона: Высшее Существо есть центр высшего Света, лучи которого пронизывают всю Вселенную; и именно на поиски этого Света направлены все масонские странствия, а Солнце и Луна в наших ложах являются лишь его несовершенными эмблемами. Свет и Тьма, извечные враги с начала времен, оспаривают друг у друга власть над миром, и эта борьба символизируется в наших ложах путешествием кандидата из тьмы во свет. Мир был создан Всевышним в единении со вторым действующим лицом – Его Словом (Логосом) – по образам, которые являлись Его идеями, при помощи Разума, или Мудрости (Софии), являющегося одним из Его неизменных свойств. Этим объясняет-

 ся наше стремление вновь познать потаенный смысл Утраченного

Слова и колонн Силы и Мудрости, также являющихся параллельными линиями, между которыми заключен круг – символ Вселенной. Материальный мир есть отражение мира незримого. Сущность человеческой души есть образ и подобие Господне, она существовала до человеческого тела; задача ее в этом мире состоит в том, чтобы сбросить оковы тела, своей гробницы, и по мере очищения возвыситься в небесные обители. И в наших ложах эти положения символизируются ныне уже отчасти позабытыми обрядами испытаний и очищений кандидата перед и во время его посвящения в степень Ученика, в соответствии с Древним и Принятым Шотландским Уставом.

Филон не включил в свое достаточно эклектическое учение ни египетских, ни восточных элементов, но в Александрии были и другие иудейские учителя, которые делали это. Иудеи, проживавшие в Египте, завидовали палестинским иудеям и враждовали с ними, особенно после возведения первосвященником Онией святилища в Леонтополе, а потому они возносили до небес мудрецов и пророков, которые также жили в Египте, например, Иеремию. Книга Премудрости Соломоновой была написана в Александрии и еще во времена Св. Иеронима приписывалась Филону; однако в ней содержатся мысли, разительно противоречащие его учению. Мудрость в ней представлена воплощенной, проводящей линию строгого разделения между своими детьми и профанами; в этой идее египтяне всегда наставляли иудеев. Это разделение изначально существовало в вере Моисея. Сам Моше (Моисей) был посвящен в египетские Мистерии в обязательном порядке как сын Фуорис[1], дочери фараона Сезостриса-Рамзеса, которая, насколько позволяют судить надписи на ее гробнице и памятниках, во время рождения Моисея была властью своего несовершеннолетнего супруга правительницей Нижнего Египта, то есть области дельты Нила, и трон ее стоял в Гелиополе (Илиополе). Также она была, судя по тем же надписям, жрицей Хатхор и Нейт – двух высших и древнейших египетских богинь. Поскольку иудейский пророк жил при ней в ее дворце до сорока лет, будучи только очень отдаленно знаком со своими соотечественниками-иудеями, посвящен он был в египетские Мистерии и таинства египетского священного Закона, и вследствие этого, многие его слова и поступки направлены на сохранение строгого разделения между посвященными и простым народом как в жизни, так и в религиозном учении, а ведь это идея изначально египетская.

Сам Моше, брат его Ахаро (Аарон) и все последующие первосвященники, Совет Семидесяти Мудрецов (Синедрион), Шломо (Соломон) и все последующие пророки – все они были носителями высшего Знания; наследником именно этого Знания, хотя бы чисто формально, является масонство. Известно оно было в те времена под названием «Знания Слова».

Верховным Богом Моисея был Амон, первый из богов Нижнего Египта, имя которого по-древнееврейски означает «истина». Его титуловали «Небесным Господом, проливающим свет на потаенное». Он был источником Божественной жизни, символом которой является crux ansata[2], источником силы и мощи. Он объединял в себе все свойства, соответствующие в древней восточной теософии Верховному Существу. Он был Πλήρωμα (Плерома), то есть Всеобщая полнота, ибо он содержал в себе все и вся; также он, будучи богом Солнца, являлся и источником Света. Он один был неизменен в изменчивых мирах. Он ничего не сотворил, но все проистекло от него, а все прочие боги были его воплощениями.

Символом его был агнец, которого вы видели на табеле этого градуса возлежащим на книге о семи печатях. Он сотворил этот мир посредством Первичной Мысли (Ἔννοια – «эннойа»), или Духа (Πνεύμα – «пневма»), проистекшей от него через его Голос, или Слово; этот Дух был воплощен в богине Нейт. Она также была богиней Света и матерью Солнца; в Саисе в ее честь проводили праздник Светильников. Созидательная Сила – еще одно Божественное воплощение – порождала самозачатый Божественный Разум, который посредством Слова творил Вселенную, символом которой являлось яйцо, вышедшее изо рта Кнефа; из этого яйца родился Пта, образ Высшего Разума в его земном и человеческом воплощении, творец природы и созидательный и животворящий Огонь. Пра, или Ра, Небесный Свет, символом которого была точка внутри круга (⊙), был сыном Пта, а Тефнут, его супруга, богиня небесной тверди и семи небесных тел, одушевленных и управляемых семерыми духами, или гениями, на многих фресках изображалась одетой в синее с золотом и украшенной Солнцем, Луной, звездами и пятью планетами, тем самым символизируя предвечную Мудрость и управляемые ею семь планетарных Духов, или Гностиков, правящих в подлунном мире.

Именно это учение и донесли до нас эмблемы сего градуса, несмотря на то, что истинный их смысл оставался в течение многих сотен лет тайной даже для тех, кто бывал в сей градус посвящен.

Это относится к эмблемам агнца, желтых занавесей, усыпанных звездами, семи колонн и семи печатей.

Лев был символом Амона-Ра, великого бога Верхнего Египта, ястреб – Ра, или Пра, орел – Мендеса, бык – Аписа, и три из этих образов поддерживают в этом градусе алтарь приношения клятв.

Первым Гермесом был Разум, или Слово, Бога. Испытывая сострадание к человеческому роду, живущему без Закона, и стремясь сообщить ему, что он проистек из Его сердца, наставить его на путь истинный (книги, написанные первым Гермесом, то есть Енохом, были посвящены таинствам Божественной науки и начертаны священными письменами, непонятными послепотопному человечеству), Бог послал людям Осириса и Исиду вместе с Тотом, воплощением, или земным повторением, первого Гермеса; и он научил людей наукам, искусствам и религиозным обрядам, а затем вознесся на Небо или на Луну. Осирис был принципом Добра. Тифон, как и Ариман, был принципом и источником всего и всяческого Зла, как физического, так и нравственного. Обиталищем его, как и Сатаны в учении гностицизма, была материя.

Заимствовав из Египта и Персии, неоплатоники передали гностикам идею того, что человек на протяжении всей жизни находится под влиянием Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера и Сатурна, пока он не вознесется в небесные Елисейские Поля, – у нас эту идею символизируют семь печатей.

Прямыми предшественниками гностиков были иудеи Сирии и собственно Иудеи, усвоившие учения Востока. Эти иудеи на протяжении двух периодов своей истории имели тесные контакты с народами Азии, многое позаимствовав у них, особенно у халдеев и персов: в первый раз это было во время их пленения ассирийцами и вавилонянами, во второй – во время их добровольного расселения практически по всему древнему Востоку во времена правления в Палестине династии Селевкидов и римлян. Проживая в течение двух третей века (а многие – и еще дольше) в Месопотамии, говоря на одном языке с местными жителями, воспитывая своих детей вместе с детьми халдеев, ассирийцев, мидян и персов, принимая характерные для местных жителей имена (как, например, Даниил, которого окружающие звали Валтасаром), они, без всякого сомнения, восприняли также и философские и религиозные доктрины своих завоевателей. Писание свидетельствует, что эти потомки Ездры и Неемии даже не очень хотели возвращаться из чужих краев на родину,

когда им это было позволено. Они пользовались в Персии определенной автономией, ими управляли старшины и судьи, избранные из их собственной среды; многие из них занимали руководящие посты в государственной структуре; дети их воспитывались вместе с детьми местной знати. Даниил, например, был близким знакомым и советником царя, главой вавилонской Коллегии магов, если верить библейской книге, озаглавленной его именем и ее в высшей степени образному и маловразумительному языку. Мордехай также занимал видный государственный пост, аналогичный современному посту премьер-министра, а его двоюродная сестра Эсфирь (или Астар) была женой царя.

Вавилонские маги были толкователями священных писаний и снов, исследователями законов природы, астрономами и предсказателями, и именно их влиянию обязан иудаизм возникновению многих своих сект и ответвлений по возвращении народа Израиля из плена, новых толкований Писания, зачастую загадочных и трудно поддающихся объяснению. Эоны гностиков, идеи Платона, ангелы иудеев и демоны греческих философов – все они соответствуют духам (пери) учения Зороастра.

Многие иудейские семьи остались в новой стране на постоянное жительство; одна из самых известных и влиятельных их религиозных школ была в Вавилоне. Постепенно они ознакомились с учением Зороастра, более древним, чем сам Кур. Из Зенд-Авесты они взяли и впоследствии развили все идеи, которые были совместимы с верой их отцов, и вскоре эти новые веяния распространились среди всех иудеев, поскольку торговые и общественные их связи с Сирией и Палестиной были очень тесными.

Бог Зенд-Авесты – это Безграничное Время. Он ниоткуда не проистек, Он пребывает в круге собственной Славы, Его природа и свойства настолько непостижимы для человеческого разума, что Он может быть лишь объектом молчаливого поклонения. Творение произошло путем проистечения всего и вся от Него. Первой Его эманацией был первичный Божественный Свет, от которого, в свою очередь, проистек Царь Света – Ормузд. Ормузд своим Словом сотворил мир, первичный и чистый. Ормузд является судьей и хранителем мира, Небесным возвышенным Существом, он есть Разум и Знание, первенец Безграничного Времени, облеченный всеми силами Высшего Божества.

Однако объективно он все же остается четвертым из высших существ. Он обладает пери, или предсуществующей Душой (говоря

языком Платона, типом, или идеей), и существовал раньше всего прочего, в первичном идеальном Свете. Но поскольку этот Свет был лишь одной из стихий, а его пери – лишь одним из типов, сам он рассматривается лишь как первенец Зервана-Ахерона. Здесь давайте снова вспомним Утраченное Слово масонства, изображение человека на табеле данного градуса и Свет, к которому должен стремиться каждый истинный масон.

По своему образу и подобию он сотворил шестерых гениев, именуемых Амешаспента и окружающих его престол. Они являются чем-то вроде его органов чувств, служа его общению с миром низших духов и людей, передавая ему их мольбы, ходатайствуя перед ним за их нужды и служа для них образцами чистоты и совершенства. Ту же самую концепцию мы наблюдаем в учении гностиков, где Демиургу помогают шестеро гениев. А в иудаизме им соответствуют планетарные архангелы. Имена Амешаспента были: Баман, Ардибегест, Шаривар, Сапандомад, Хордад и Амердад. Человека – первых мужчину и женщину – сотворил четвертый из них, священный Сапандомад.

Также Ормузд сотворил двадцать восемь изедов, старшим над которыми был Митра. Они совместно с Ормуздом и Амешаспента следят за чистотой, счастьем и сохранением мира, которым управляют; они также являются примерами для подражания человечества и ходатаями за него. Вместе с Митрой и Ормуздом они составляют Плерому (полноту), то есть число тридцать; у гностиков же мы встречаем тридцать эонов, а у египтян – огдоаду, додекаду и декаду. Митра был богом Солнца, ассоциирующимся с ним и вскоре даже отчасти вытеснившим на периферию мифологии самого Ормузда.

Третий порядок чистых духов более многочисленный. Это пери – мысли Ормузда, или идеи, сформированные им перед тем, как он приступил к творению мира. Они также выше человека. Они защищают человека на протяжении его земной жизни, а по воскресении должны очистить его душу. Это личные духи людей, сопровождающие их от падения до полного воскресения.

Ариман, второе детище Первичного Света, проистек от него таким же чистым, как Ормузд, но впоследствии, обуянный гордыней, воспылал ревностью к первородному брату. За гордыню и ненависть Предвечный приговорил его к 12 000 лет пребывания в том краю Вселенной, куда не проникало ни единого луча света, – в черном царстве вечной Тьмы. По истечении этого срока прекратится извечная борьба Света и Тьмы, Добра и Зла.

Ариман в своей гордыне отказался подчиниться и повел с Ормуздом войну. Воинству добрых духов, сотворенных братом, он противопоставил свои собственные бесчисленные полчища злых духов. Семерым Амешаспента он противопоставил семерых Архидэвов семи планет, изедам и пери – такое же число дэвов, которые принесли в мир всевозможное физическое и нравственное зло. От них произошли бедность, болезни, нечистота, зависть, горе, пьянство, ложь, клевета и все прочие гнусности.

Символом Аримана был дракон, отождествляемый иудеями с Сатаной, или Змием-искусителем. После 3 000 лет правления Ормузд создал материальный мир в шесть этапов, постепенно творя свет, воду, Землю, планеты, животных и человека. Однако в творении принимал участие и Ариман, поскольку Тьма в то время уже существовала, и Ормузд просто объективно не мог исключить из сотворчества ее владыку. Следовательно, оба бога участвовали в сотворении человека. Ормузд сотворил своим словом и своей волей идеальное существо, которое должно было стать типом и источником вселенской жизни для всего под Небесами. Он поместил внутрь человека принцип изначального духовного Света, проистекающего от Верховного Существа. Однако Ариман уничтожил этот принцип в той форме, в которую он был помещен, и когда Ормузд сотворил из своей отделенной и очищенной сущности первомужчину и первоженщину, Ариман искушал их вином и плодами и совратил, причем, женщина поддалась искушению первой.

В течение последующих 3000-летних периодов Ариман и Тьма часто торжествуют и должны торжествовать. Но благим душам помогают добрые духи; окончательное торжество Добра также неизбежно по воле Верховного Существа, и время этого торжества неминуемо придет. Когда мир достигнет предельного падения и погрязнет в пороках, привнесенных в него злыми духами, в него будут посланы пророки, которые принесут спасение всем смертным. Сосиош, старший из троих, воссоздаст Землю в ее первозданных чистоте, красе и силе. Он будет судить и праведников, и грешников. После всеобщего воскрешения праведников он отправит их в обитель вечного счастья. Ариман, его злые духи и люди-грешники также претерпят очищение в водовороте кипящего металла. Закон Ормузда воцарится повсюду, все люди обретут счастье и все, пребывая под неизменным благословением Верховного Существа, будут петь ему хвалу совместно с Сосиошем.

Эти доктрины, некоторые элементы которых были восприняты фарисеями, в гораздо большей степени легли в основание учения гностиков, которые наставляли в конечном воскресении всех вещей, их итоговом возвращении в состояние первичной чистоты, вечном счастье избранных спасенных и их допущении в обитель Предвечной Мудрости.

Изначально учение Зороастра сформировалось в Бактрии, индийской провинции Персии. Отсюда естественным видится заимствование им некоторых элементов из индуизма и даже буддизма. Фундаментальной идеей буддизма является пребывание разума в плену у материи и его вечное стремление освободиться из этого плена. Возможно, кое-что гностики позаимствовали даже из Китая. «Еще до хаоса, который предшествовал сотворению Неба и Земли, – пишет Лао Цзы, – существовало единственное Существо, огромное и молчаливое, неподвижное и вечно деятельное – Мать Вселенной. Мне неведомо ее имя, но я называю ее Разумом. Человек имеет свой тип и свое изображение в Земле, Земля – в Небе, Небо – в Разуме, Разум – сам в себе». Здесь мы снова встречаемся с пери, идеями, эонами – Разумом (Ἔννοια), Молчанием (Σιγή), Словом (Λόγος) и Мудростью (Σοφία) учения гностиков.

Среди иудеев после возвращения из вавилонского плена господствовала религиозная система парушим, или фарисеев. Происходило ли их самоназвание от парсов, последователей Зороастра, или из других источников, в любом случае, не подлежит сомнению, что многое в своем учении они позаимствовали именно у персов. Как и те, они утверждали, что являются избранными носителями высшего и совершенного Знания, недоступного основной массе населения. Как и они, фарисеи учили тому, что между царствами Добра и Зла ведется непрекращающаяся война не на жизнь, а на смерть. Как и персы, они приписывали все мировое зло нечистым духам и их предводителю, а защиту человека от их влияния – подвластным Иегове ангелам. В основе всех их наставлений, определенно, лежали иудейские священные книги, но развитие изложенных там идей довольно далеко отходило от первоисточника, причем, несомненно, в сторону учений Востока.

Они называли себя толкователями, подразумевая свое исключительное право на обладание истинным смыслом Писания в силу посвящения в таинства устной традиции, переданной Моисею на горе Синай и с тех пор так же передававшейся из уст в уста посвященными

из поколения в поколение в неизменном и совершенном виде, вплоть до них самих. Их одеяния, вера во влияние звезд на судьбы мира и человека в нем, в бессмертие и переселение душ, система ангелов и планетарное устройство небесных сфер – все, совершенно определенно, было иноземного происхождения.

Саддукеи возникли как чисто иудейская идеологическая оппозиция этим «чужеземным» толкователям и их эклектичному учению, овладевшему массами.

Мы подошли к рассмотрению учения сект ессеев и терапевтов, которым, в основном, и посвящена легенда данного градуса. Смешение восточных и западных обрядов, пифагорейских и персидских учений, на которое мы указали, рассматривая учение Филона, в высшей степени характерно для этих двух сект.

Они занимались не столько метафизическими построениями, сколько особыми медитациями и нравственными практиками. Но терапевты неизменно следовали зороастрийскому принципу необходимости освобождения души из тенет материи, от влияния последней, что неизбежно вело к аскетическим практикам умерщвления плоти, радикально противоречащим вере древних иудеев, которая была достаточно снисходительна к плотским радостям.

В общем, быт и привычки адептов этих таинственных сект, как их описывают Филон и Иосиф Флавий, особенно их молитвы при восходе Солнца, чрезвычайно напоминают предписания Зенд-Авесты для истинных последователей Ормузда, и некоторые их обряды просто никак иначе и объяснить невозможно.

Терапевты жили в Египте, в окрестностях Александрии, а ессеи – в Палестине, на побережье Мертвого моря. Но между их учениями было поразительное сходство, легко объясняемое иноземным влиянием. Иудеи Египта под влиянием Александрийской школы стремились привести свое учение в равновесие с традициями Греции, и отсюда происходят описанные Филоном многочисленные параллели между учением терапевтов и пифагорейскими и орфическими идеями, с одной стороны, и иудаистскими постулатами – с другой; палестинские ессеи же, менее знакомые с традициями Греции или более презирающие их, полной чашей пили живительную влагу учений древнего Востока, с которыми познакомились в их колыбели и которые продолжали проникать к ним в силу тесных торговых отношений с соответствующими странами. Особенно явно эти связи просматриваются в учении Каббалы, родиной которой является

действительно Палестина, а не Египет, хотя и там она была широко распространена. Некоторые из ее поразительных и загадочных положений взяли на вооружение и гностики.

Знаменательным является тот факт, что Иисус, много времени посвятив обличению фарисеев и саддукеев, ни словом не обмолвился о ессеях, а между тем существует несомненное сходство между их учением и Его, а в некоторых положениях – прямое тождество. Действительно, в Новом Завете о них ни разу не упоминается, ни прямо, ни косвенно.

Иоанн, сын священника Иерусалимского Храма и женщины из колена Ааронова, до явления народу Израиля проживал в пустыне. Он не употреблял вина и более крепких напитков. Одетый во власяницу с кожаным поясом, питаясь лишь тем, что находил в пустыне, он проповедовал на берегах Иордана крещение водой и покаяние во имя избавления от греха, то есть покаяние посредством перерождения. Он учил щедрости и свободе мысли, честности в делах и общественном служении, справедливости, равенству, отваге, миру, истине и душевному покою, он учил ни на кого не поднимать руку, никого ложно не обвинять, довольствоваться своим жребием. Он учил праведной жизни и необходимости отринуть ложную гордость происхождением от Авраама.

Он осуждал и фарисеев, и саддукеев, называя их отродьем гадюк, навлекшим на себя гнев Господень. Он крестил водой всех раскаявшихся в грехах. Он проповедовал в пустыне, то есть в тех землях, где жили, исповедуя то же учение, ессеи. В темницу он попал еще до того, как Христос начал свою проповедь. Матфей упоминает о нем, не сообщая, кто он был такой и чему учил, точно история его и его учение и так слишком хорошо известны читателям. «В те дни приходит Иоанн Креститель, – пишет он, – и проповедует в пустыне Иудейской».[3] Ученики его подвергали себя испытаниям частым постом, ибо нам известно, что они приходили к Иисусу вместе с фарисеями и спрашивали, почему Его ученики не постятся так же часто, как они; Он же не осудил их и ответил им не гневной отповедью, а добрым и ласковым разъяснением.

Из темницы Иоанн послал двоих своих учеников к Иисусу спросить: «Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?».[4] Христос ответил описанием Своих чудес и объявил народу, что Иоанн – пророк и более, чем пророк, что не рождался еще человек, сравнимый с ним по величию, но что даже самый сирый

из христиан выше его. Он провозгласил Иоанна Илией, которому предсказано было явиться народу Израиля.

Иоанн осуждал Ирода за его незаконную женитьбу на жене брата: за это он и попал в темницу и затем был казнен ей в угоду. Его ученики похоронили его, а впоследствии Ирод и другие думали, что он воскрес из мертвых и воплотился в Христе. Люди почитали Иоанна пророком, и Иисус заставил замолчать фарисеев и саддукеев, спросил их, считают ли они Его одержимым Духом Божьим. Они не могли позволить народу обрушить на себя всю силу гнева, сказав, что нет, не считают. Христос же объявил им, что пришел «путями праведности», и низшие общественные слои поверили ему, в отличие от фарисеев и саддукеев.

Отсюда следует, что Иоанн, дававший советы Ироду, которого этот монарх в высшей степени уважал и часто руководствовался его мнением в своих поступках, чье учение было широко распространено среди народа и общественных деятелей того времени, учил некоей своей вере, соответственно, старейшей, чем христианство. Это просто, но так же просто и то, что достаточно значительное количество иудеев, которые пошли за ним, не были ни фарисеями, ни саддукеями. Это был простой народ. Определенно, это были ессеи. Далее, нам известно, что Иисус говорил о крещении как о священном ритуале с древней историей и широко практикуемом. Он же, по Его собственным словам, был лишь рад вернуть народ к свершению всех обрядов праведности.

Восемнадцатая глава Деяний Апостолов (24–26) гласит: «Некто Иудей, именем Аполлос, родом из Александрии, муж красноречивый и сведущий в Писаниях, пришел в Ефес; он был наставлен в начатках пути Господня и, горя духом, говорил и учил о Господе правильно, зная только крещение Иоанново. Он начал смело говорить в синагоге. Услышавши его, Акила и Прискилла приняли его и точнее объяснили ему путь Господень».

Если перевести этот отрывок с символического образного языка Писания на простой и понятный, получится следующее: «Некий иудей по имени Аполлос, человек красноречивый и высокообразованный, пришел в Эфес. Он был посвящен в таинства истинного учения о Боге и, исполненный праведного рвения, без устали учил истинному пониманию Бога, не получив никакого другого посвящения, кроме крещения от Иоанна». Он ничего не знал о Христе и христианах, поскольку ранее жил в Александрии и лишь затем

пришел в Эфес; но вполне возможно, что он был учеником Филона или даже терапевтом.

«Это во все времена, – пишет Св. Августин, – и называлось христианской религией, знать которую и следовать которой – значит, следовать пути самому верному и здоровому, название которого соответствует этой религии, но который не есть ее суть, а есть лишь название; ибо сам этот путь, называемый ныне христианской религией, был уже известен Древним, и время, прошедшее с начала времен вплоть до пришествия в этот мир Христа во плоти, таким образом, не пропало впустую, а после Его пришествия эта религия начала называться христианством; так в наши дни христианская религия не является таковой, какой не существовало в мире до Христа, но таковой, каковая, по Его пришествии, лишь обрела нынешнее свое название». Последователи нового учения стали именовать себя христианами только в Антиохии в годы проповеди там Варнавы и Павла.

Иудейские странствующие экзорцисты, утверждавшие, что изгоняют злых духов при помощи Неизрекаемого Имени Господня, определенно, были терапевтами или ессеями.

В девятнадцатой главе Деяний Апостолов (1–5) читаем: «Во время пребывания Аполлоса в Коринфе, Павел, прошед верхние страны, прибыл в Ефес и, нашед там некоторых учеников, сказал им: приняли ли вы Святого Духа, уверовавши? Они же сказали ему: мы даже и не слыхали, есть ли Дух Святый. Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение. Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса. Услышавши это, они крестились во Имя Господа Иисуса».

Эта вера, которой учил Иоанн и которая была так близка к христианству, не могла быть ничем иным, кроме как учением ессеев, и никакого сомнения не может быть в том, что Иоанн принадлежал к этой секте. Место его проповеди, его облачение, его приверженность исключительно растительной пище, умерщвление плоти – все это доказательства того же самого положения. Не было другого религиозного направления, к которому он мог бы принадлежать, кроме ессеев.

Из двух писем Павла братии в Коринфе, этого «града роскошества и порока», нам известно, что между христианами там были разногласия. Там уже к 57 году нашей эры развернули знамена соперничавшие

между собой секты – Павла, Аполлоса и Кифы. Некоторые из их сторонников отрицали Воскресение. Павел требовал от них возврата к учению, которое проповедовал он, с каковой целью и отправил к ним Тимофея, который должен был вновь объединить их.

Павел учил, что Христос возвратится и положит конец всем прочим религиозным принципам и силам и даже самой Смерти, а затем Сам сольется со Всевышним, Который тогда станет всем во всем.

Церемонии и обряды ессеев были символическими. У них, по Филону Иудеянину, было четыре степени посвящения, разделенные на два ордена – практиков и терапевтов, из которых вторые были посвященными, чьими основными занятиями были молчаливая медитация и медицина, а первые занимались торговлей и вообще осуществляли практическую деятельность секты. По рождению они были иудеями, а секта их была особенно известна теплыми дружескими связями между своими адептами. Они исполняли христианскую заповедь возлюбить ближнего своего. Они презирали богатство. Ни у кого из них не могло быть больше денег, чем у другого. Достояние каждого отдельного брата становилось также и достоянием остальных братьев общины; они говорили, что у них один отец, а все они – братья. Набожность их не имела пределов. До восхода они не произносили ни слова о мирских делах – только повторяли молитвы, пришедшие к ним от их праотцев. С восхода и до света к Небу устремлялись их молитвы и священные гимны. Они хранили веру в Бога и верность Ему; среди людей они были миротворцами. У них были собственные таинственные обряды, присоединение к общине проходило через посвятительную церемонию, а кандидаты приносили обязательство хранить верность людям и властям, ибо «всякая власть от Бога».

Что бы они ни говорили, слово их было крепче любой клятвы, однако клясться они избегали, считая, что это преступление хуже лжесвидетельства. Они жили простой жизнью, ели простую пищу, терпеливо несли бремя невзгод и презирали смерть. Они совершенствовались в науках, достигнув в них больших высот. Они считали необходимым облачаться в белое. У них были свои суды, где они судили по справедливости. Субботу они соблюдали еще строже остальных иудеев.

Главными их городами были Эн-Гадди, что у Мертвого моря, и Хеврон. Эн-Гадди находился приблизительно в 40 километрах к юго-востоку от Иерусалима, а Хеврон – приблизительно в 30 километрах

к югу от столицы. Иосиф Флавий и Евсевий называют ессеев древней сектой; по свидетельству историков, они одними их первых среди иудеев приняли христианство, с которым были во многом сходны их собственные постулаты, являясь, по сути, той же самой религией. Плиний считал их одной из древнейших религиозных школ мира.

С молитвами они обращались к Богу, повернувшись лицом к восходящему Солнцу, в то время как остальные иудеи оборачивались в сторону Храма Иерусалимского. Однако при этом они не были язычниками, поскольку со всей строгостью и тщательно соблюдали все законы Моисея. Все их вещи находились в общей собственности, они презирали богатство, а все их нужды удовлетворяли избранные кураторы, или служители. Они почитали Тетрактис, составленный из круглых точек вместо литер Йод. Поскольку это пифагорейский символ, такое их к нему отношение безошибочно указывает на родство их учения с пифагорейской философской школой, однако более всего их учение напоминает доктрины Конфуция и Зороастра, возможно, усвоенные ими еще во время Вавилонского пленения, чем можно также объяснить и то, что они обращались лицом к Солнцу во время молитвы.

Поведения они были трезвого и нравственного. Они подчинялись старейшине, которого сами избирали из своей среды. Все свое время посвящали труду, размышлениям и молитве, особенно были чувствительны к зову нравственного долга, человеколюбия и справедливости. Они веровали в Бога Единого. Они полагали, что человеческие души по воле жестокой судьбы низвержены из небесных сфер счастья и совершенства в те тела, которые они ныне занимают, и пребывание в этих телах для душ является пленом. Поэтому они не верили в телесное воскресение, а лишь в духовное. Они верили в посмертные вознаграждение или кару, но считали излишним соблюдение всех внешних обрядов и ритуалов, следование которым предписано Моисеевым законом для верующих в Бога Единого. Они считали, что слова великого законодателя следует понимать в сокровенном и мистическом их смысле, а не буквально. Они приносили жертвы только дома, а во время медитаций стремились елико возможно отделить душу от тела и возвратить ее к Богу.

Евсевий допускает даже, что «древние терапевты были христианами, а их древние писания – нашими евангелиями и апостольскими посланиями».

Ессеи были достаточно эклектичной философской сектой, высоко ценившей гений Платона; они полагали, что истинная философия, величайший и полезнейший из даров Господа смертным, рассеяна Его волей в различной степени по всем религиозным течениям, а поэтому долгом каждого мудреца является собирание воедино отдельных ее частей, где бы они ни были рассеяны, и применять полученное целое для борьбы с властью порока и безбожия.

Ессеи широко праздновали солнцестояния, что вполне понятно, поскольку они поклонялись Солнцу – не как богу, а как символу света и огня; многие восточные народы видели бога в столбе огненном. Ессеи жили аскезой и общежитием, очень в этом напоминая первых христианских монахов.

Писания ессеев полны загадок, тайн, иносказаний, аллегорий и притч. Они считали, что у Писания два смысла – экзотерический и эзотерический, и, как мы уже говорили, они подкрепляли это свое убеждение словами самого Писания, которые они находили в Ветхом Завете точно так же, как гностики – в Новом. Христианские писатели и даже Сам Христос признавали истиной существование внешнего и внутреннего смысла Писания.

В одном из Евангелий[5] действительно сказано: «И поучал их много притчами... И приступивши ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано; ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет».

Павел в четвертой главе своего Послания к Галатам, говоря о простейших фактах ветхозаветной истории, тем не менее, призывает рассматривать их аллегорически. В третьей главе Второго послания к Коринфянам он говорит о себе как о проповеднике Нового Завета, назначенном Самим Господом, служителе «не буквы, а духа, потому что буква убивает». Ориген и Св. Георгий также считали, что Евангелия не следует понимать буквально, а Афанасий наставлял, что «понимать священные книги буквально – это значит впадать в еще больший грех, нежели богохульство».

Евсевий писал: «Сидящие у Гроба Господня размышляют над ним и распространяют буквальный его смысл на аллегории».

Источниками каббалистического учения являются книги «Сефер Йецира» и «Сефер Зогар», первая из которых впервые увидела свет приблизительно во II в. н. э., а вторая – чуть позже; однако

в действительности учение это гораздо древнее. Судя по некоторым его элементам, отнести его следует скорее к годам Вавилонского пленения. Как и в доктрине Зороастра, в Каббале все также проистекает от единого Источника бесконечного Света. Прежде всего и вся существовал Ветхий Днями, Царь Света – этим титулом часто величали Творца Зенд-Авеста и сабейские кодексы. Также можно найти сходные понятия в индийском политеизме. Царь Света, Ветхий Днями есть также Всё, Что Есть. Он не только настоящий Отец всего сущего, но и Бесконечный (Эйн-Соф). Он есть Сущий; в Нем нет ничего, что мы не могли бы назвать «Ты».

В индуизме Верховное Существо – это не только Первотворец, но и вообще единственное настоящее бытие: все остальное – иллюзия. В Каббале, как и в учениях персов и гностиков, Он есть Верховное Существо, непознаваемое никем, «Неизвестный Отец». Видимый мир является Его откровением, существующим только в Нем Самом. Его свойства воспроизводятся в этом мире, претерпевая различные изменения, поэтому Вселенная – это Его Святое Сияние, Его порфира. Поклоняться Ему следует в тишине. Все вещи проистекли от Верховного Существа: чем ближе они к Нему, тем совершеннее, чем дальше – тем они более нечисты.

Луч Света, порожденный Всевышним, – причина и источник всякого бытия. В высшем смысле этот луч является и Отцом, и Матерью всего сущего. Он проникает повсюду, и без него ничто не может существовать и мига. Из двойной Силы, обозначаемой первыми двумя буквами священного слова й∴х∴в∴х∴, проистек Первенец Бога – Вселенская Форма, в которую были заключены все вещи; в учениях персов и Платона это называлось Архетипом Вещей, неразрывно соединенным с Богом лучом небесного Света.

Первенец этот – одновременно и активный исполнитель Творения, и Предержитель, и живительный Принцип Вселенной. Это Свет Света. Он обладает тремя изначальными силами Божества: Светом, Духом и Жизнью (Φως, Πνεύμα, Ζωή). Поскольку он получает то, что дарует – Жизнь и Свет, он также является зачинающим и порождающим принципом, Первочеловеком, то есть Адамом Кадмоном. В качестве такового он раскрывается через эманации, или сефирот, которые не являются десятью отдельными существами, точнее, вообще не являются существами; это источники жизни, сосуды Всемогущества и типы Творения. Это Царство (или Воля), Мудрость, Разум, Милость, Суровость, Красота, Победа, Слава, Постоянство и Власть.

Это Божественные свойства; сама мысль о том, что Господь раскрывается в Своих свойствах, поскольку человеческое сознание не способно постигнуть Его Самого в Его деяниях, но лишь в той степени, в которой Он решает явить их человеку, есть великая истина. Незримое познается нами лишь в той степени, в какой позволяет нам его познать зримое.

Мудрость также может быть названа Нусом или Логосом (Νους, Λόγος), Разумом или Словом. Разум, источник мирры для помазания, можно рассматривать как аналог христианского Духа Святого.

Красота символизируется зеленым и желтым цветами. Победа – это Йавоба-Цаваот, правая колонна, Яхин; Слава – это левая колонна, Боаз. Таким образом, наши символы легко найти и в Каббале. И Свет – предмет нашего постоянного поиска – рассматривается здесь как Божественная Сила. А круг является эмблемой первой сефиры – Кетер, что означает «Венец».

Далее в учении Каббалы подробно рассматриваются четыре мира Духов – Ацилут, Бриа, Йецира и Асия, то есть миры эманации, творения, производства и формирования, из которых каждый последующий проистекает из предыдущего и находится ниже его, причем, каждый высший мир облекает собой низший. Также Каббала учит, что ни в чем сущем не может присутствовать одна только материя, что все проистекает от Бога и во всем Он присутствует в виде вечного Сияния; что все существует лишь милостью Божественного луча, проникающего повсюду в сотворенном мире, что все воссоединяется в Духе Господнем, Который есть Жизнь Жизни; что все есть Бог, а все сущее наполняет четыре мира, каждый последующий из которых находится ниже предыдущего, в соответствии со степенью удаления от Великого Царя Света; что война доброго и злого принципов, добрых и злых ангелов продлится вплоть до тех пор, пока Предвечный во всей Славе Своей не снизойдет в этот мир и не прекратит ее, восстановив повсюду изначальную гармонию; что душа человека состоит из четырех основных частей, а также что нечистые души вынуждены блуждать по Вселенной вплоть до полного своего очищения, после которого они будут достойны вместе с духами Света созерцать Верховное Существо, сияние Которого переполняет Вселенную.

Понятие Слова также можно обнаружить в финикийской вере. Как и другие верования Азии, она гласила, что Божественное Слово сотворило мир, будучи начертано планетарными богами звездными

письменами и передано наиболее развитым представителям человеческого рода полубогами с тем, чтобы те потом передали его знание остальному человечеству. Вера финикийцев проистекала от древнего поклонения звездам, которое лишь Зороастр в своей доктрине увязал с верой в Бога Единого. Основными действующими лицами финикийской мифологии являются Свет и Огонь. Она учит тому, что существует целая раса Детей Света, а также наставляет в поклонении Небесам со всем Светом их как Верховному Божеству.

Все проистекает от единого Верховного Принципа, а Изначальная Любовь, вседвижущая сила мира, всем управляет. Свет в его единстве с Духом, символом и орудием действия которого он является, есть также вселенская Жизнь, проникающая повсеместно. Поскольку она всем управляет и повсюду проникает, она должна везде почитаться и восхваляться.

Халдейские и иерусалимские парафрасты (толковники) почти всегда переводили словосочетание דבר יהוה – «Давар-Иегова» – как Слово Господне, имея в виду персонифицированное его значение; а фразу «И сотворил Бог человека» Иерусалимский Таргум приводит как «И сотворило Слово Йхвх человека».

В Книге Бытия (28:20–21) Иаков говорит: «Если Бог (יהוה אלהים – «Йхвх Элохим») будет со мною и сохранит меня в пути сем, в который я иду, и даст мне хлеб есть и одежду одеться, и я в мире возвращусь в дом отца моего, и будет Господь моим Богом (והיה יהוה לי לאלהים – «вэхайа Йхвх ли Элохим»)... то этот камень будет домом Божьим (יהיה בית אלהים – «йихйе бейт Элохим»)...». Онкелос трактует это как «если Слово Йхвх будет мне подмогой... тогда Слово Йхвх будет мне Богом».

Также в Книге Бытия (3:8) вместо «голос Господа Бога» (יהוה אלהים – «Йхвх Элохим») мы читаем: «голос Слова Йхвх».

В Книге Премудрости Соломона (9:1): «О Господь Бог отцев моих, Господь милостивый! Сотворивший все Своим словом (εν λόγου σου)...».

В той же Книге Премудрости (18:15): «Слово (Λόγος) могучее Твое низверглось с небес».

Филон полагает, что Слово – это то же самое, что Господь Бог. Поэтому в нескольких местах своих писаний он именует Его «δεύτερος Θείος Λόγος», то есть Вторым Божеством, «εικών του Θεού», то есть Образом Божьим, Божественным Словом – Творцом мира, «ύπαρχος», то есть заместителем Господа, и так далее.

Таким образом, Иоанн к моменту начала своей проповеди опирался на многовековую традицию, разработанную учителями и философами Востока и Запада ради обретения понимания Вечности и Творения мира и человека Верховным Божеством, происхождения, цели существования и окончательной судьбы мирового Зла, связи между материальным и духовным мирами и между Богом и человеком; сотворения, падения, искупления, раскаяния и возвращения в Небесную обитель человека.

Иудейское учение, в этом отличающееся от остальных религиозных доктрин Востока и даже от элохвической легенды, которой открывается Книга Бытия, приписывает Сотворение мира непосредственному действию Верховного Бога. Теософы других восточных народов, наоборот, указывают на одного или даже более посредников между Богом и материальным миром. Для иудеев же поместить между Всевышним Богом и Его миром хотя бы одно иное существо, хотя бы одного посредника означало бы оскорбить Божественное Величие. Пространство между Всевышним, Который есть совершенная Чистота, и низменной и порочной материей было для них не столь велико, чтобы создавать в нем «перевалочные пункты». Даже на Западе ни Платон, ни Филон не могли таким образом принизить Духовный Мир.

Таким образом, Керинф Эфесский, как и гностики, Филон, Каббала, Зенд-Авеста, Пураны и все религии Востока, полагал пространство, разделяющее Всевышнего Бога и материальный мир и противоречия между ними, слишком великими, чтобы выводить второй из акта Творения, осуществленного первым. По его мнению, ниже Ветхого Днями находится сотворенный Им или проистекающий от Него, Срединный Свет, Начало, или Первый Принцип (Αρχή), затем – один или два, или больше других Принципов, или Сущностей, или Разумных Существ, одному или нескольким из которых (без всякого непосредственного участия в этом Всевышнего Недвижимого и Молчаливого Бога) приписывалось Творение материальной и духовной Вселенных.

Мы уже много говорили о всевозможных доктринах на этот счет. Для некоторых мыслителей мир был создан Логосом, или Словом, – первым проявлением, или эманацией, Бога. Для других Творение мира началось с луча Божественного Света, породившего принцип Жизни и Света. Изначальная Мысль, сотворившая низших богов; последовательность появления Разумных Существ, как у Зороастра

его Амешаспента, изедами и пери; платоновы «идеи»; эоны гностиков; ангелы иудеев; Нус и демиурги; Божественный Разум; Силы, или Власти, Филона; Элохаим, или Силы высших богов, древней легенды, которой открывается Книга Бытия, – все они считались разными мыслителями посредниками в Творении нашего мира. Их воображение и творческая фантазия не имели границ. Самые смутные абстракции становились для них вполне реальными Сущностями. Божественные свойства были персонифицированы или в Силах, Властях, Духах или в Разумных Существах.

Бог был для них Светом Света, Божественным Огнем, Невещественным Разумом, Корнем или Эмбрионом Вселенной. Симон Волхв, основатель гностической религии, и многие из первых христиан-иудеев признавали, что ипостаси Всевышнего Бога: Отец, или Иегова, Сын, или Христос, и Святой Дух в действительности являются просто разными способами существования, или Силами (Δυνάμεις), одного и того же Единого Бога. Для других же они продолжали оставаться, как и все множество низших по отношению к Богу Разумных Существ, вполне реальными и отдельными от Него сущностями.

Восточное воображение демонстрировало все свои беспредельные способности, развивая учение о сотворении этих низших Разумных Существ, сил Добра и Зла, ангелов. Мы уже говорили о мыслях на сей счет персов и каббалистов. В Талмуде же каждая звезда, каждая страна, каждый город и практически каждый народ имели своего собственного защитника, Князя Небесного. Иегудиил является покровителем огня, Михаил – воды. Семеро духов помогают друг другу: Серафиил, Гавриил, Нитриил, Фаммаил, Цимшиил, Хадарниил и Сарниил – например, духи огня. Этих семерых ангелов символизируют семь квадратных в сечении колонн этого градуса, в то время как колонны Яхин и Боаз символизируют ангелов воды и огня. Но не только их.

Для Василида Бог был безымянным, несотворенным, изначально содержавшим и скрывавшим в Себе всю полноту Своего Совершенства; и когда они были явлены и проявлены, это привело к сотворению множества отдельных Существ, которые все были аналогичны Ему и все были с Ним едины. Веру ессеев и гностиков породило единение вер Востока и Запада, которые гласили, что все необъятное множество Идей, Понятий, Божественных Проявлений, Существ, Творений является Богом Единым, никакое из них не существует отдельно от Него, но все они суть нечто большее, чем в наше время

принято понимать под словом идея. Они проистекли от Бога и вновь с Ним сливаются. Они пребывают в некоем промежуточном состоянии между нашим современным представлением об идеях и Разумами, или Идеями, возвышенными до уровня гениев в философиях Востока.

Эти воплощенные Божественные атрибуты, по теории Василида, были Πρωτόγονος, или Перворoдными: Νους – Нус, или Сознание; из него проистек Λόγος – Логос, или Слово; из него – Φρόνησης – Фронесис, или Разум; из него – Σοφία – София, или Мудрость; из нее – Δύναμις – Динамис, или Сила; а из нее – Δικαιοσύνη – Дикеосине, или Праведность, которой иудеи дали имя Ειρήνη – Ирини, то есть Мир, или Покой, – основополагающее свойство Бога, гармоническая сумма всех Его совершенств. Общее число последовательных эманаций – 365, которое гностики выражали при помощи греческих букв слова ΑΒΡΑΞΑΣ – Абраксас, определяющего Бога как проявление или сумму всех Его проявлений, но не как Самого Верховного и Таинственного Бога. Эти 365 Разумных Проявлений вместе составляют Πλήρωμα – Плерому, то есть Полноту Божественных эманаций.

У офитов, одной из гностических сект, было семеро низших духов (по отношению к Иалдабаофу, Демиургу – действительному Творцу мира): Михаил, Суриил, Рафаил, Гавриил, Тавтабаоф, Эратаоф и Атаниил – гении звезд, которые они называли Быком, Псом, Львом, Медведем, Змеем, Орлом и Ослом и которые ранее пребывали в созвездии Рака; символизировали эти звезды соответствующие животные. Иалдабаоф, Иао, Адонай, Элои, Ораи и Астафаи были у них гениями, соответственно, Сатурна, Луны, Солнца, Юпитера, Венеры и Меркурия.

Во всех этих верах присутствует понятие Слова. Это Ормузд Зороастра, Эйн-Соф каббалистов, Нус Платона и Филона и София или Демиург гностиков.

И все эти религии, признавая различные проявления Всевышнего Бога, также утверждают, что Его единая Сущность неизменна и постоянна. У Платона в этом было различие между Существом, которое всегда неизменно (το Ον), и постоянным потоком вещей, проистекающим от Него и изменяющим Творение.

В той или иной степени практически всеми народами была воспринята дуалистическая вера. Те, кто полагал, что все проистекло от Бога, стремится к Богу и возвратится к Богу, верили также в то, что среди этих эманаций есть два основополагающих взаимно про-

тивоположных принципа – принципы Света и Тьмы, Добра и Зла. Такие взгляды превалировали в Азии и Сирии, в то время как в Египте они приобрели особенности греческих абстрактных построений. В Азии было принято верить в существование второго Разумного Принципа, отдельного от Принципа Добра, владеющего своей собственной злой империей и даже ведущего с империей Добра никогда не прекращающуюся войну. Так понимали мироустройство персы и сабеяне. В Египте же этот второй принцип был материей, и это слово использовалось платониками в единстве всех сопутствующих ему свойств – Пустоты, Тьмы и Смерти. По их теории, материя может быть оживлена лишь низменным проявлением Божественного принципа. Но даже в этом случае она сопротивляется любому влиянию, способному ее одухотворить. Сила этого сопротивления – Сатана, восставшая Материя, не воспринявшая в себя Бога.

Для многих философов великих принципов действительно было два: Неведомый Отец, Всевышний и Предвечный Бог, пребывающий в центре Света, счастливый и находящийся в совершенной чистоте Своего бытия, и вечная Материя, инертная, бесформенная, темная масса, полагаемая источником всех зол, матерь и обиталище Сатаны.

Филон и платоники верили также в существование Души Мира, творящей вещи зримого мира и действующей среди них в качестве орудия Высшего Разума, реализуя идеи, переданные Ей этим Разумом, но иногда превышающие степень Ее понимания; тем не менее, Она реализует их все, не рассуждая и даже не понимая.

«Апокалипсис», или «Откровение», – кто бы ни был его настоящим автором – в действительности принадлежит глубокой древности восточной эзотерической традиции. В нем содержатся мысли, которые гораздо древнее самой книги. Самыми яркими красками, доступными изощренной фантазии восточного гения, эта книга описывает заключительные сцены великой битвы Света, Добра и Истины с Ложью, Тьмой и Злом, каковые понятия воплощены в Новой религии, с одной стороны, и язычестве и иудаизме – с другой. Так в новых условиях была пересказана древнейшая легенда о битве Ормузда и его гениев с Ариманом и его дэвами; в ней говорится об окончательной победе Истины над объединенными полчищами демонов и людей. Идеи и образы Откровения позаимствованы отовсюду, элементы его учения можно обнаружить в религиозных и философских школах всех веков. В Откровении мы постоянно наталкиваемся на элементы Зенд-Авесты, иудейских писаний, сочинений

Филона и гностиков. В самом начале великих событий семь Духов окружают престол Предвечного, чтобы затем сыграть такую важную роль в последующем развитии великой драмы; практически во всех верованиях Востока первыми и главными орудиями Божественной Воли становятся аналоги семерых Амешаспента зороастрийской религии; двадцать четыре Старца, воздающие Всевышнему первое восхваление, напоминают нам о таинственных Вождях иудаизма, а также об эонах гностиков и о двадцати четырех добрых духах, сотворенных Ормуздом и заключенных в яйцо.

Христос Апокалипсиса – Первенец по Творению и Воскресению – обретает признаки Ормузда и Сосиоша Зенд-Авесты, Эйн-Софа Каббалы и Карписта (Καρπίστης) гностиков. Мысль о том, что посвященные и верные становятся царями и первосвященниками, исповедовалась всеми ими – персами, иудеями, христианами и гностиками. И определение Всевышнего Бога, в частности, то, что Он есть Альфа и Омега, начало и конец, что Он есть Тот, Кто был, есть и пребудет, то есть что Он есть Безграничное Время, – это типично зороастрийское определение Зервана-Ахерона.

Неизмеримые для человека глубины, в которых пребывает Сатана; его временная победа, обретенная через ложь и насилие; его пленение ангелом Господним и заковывание в цепи; его вызволение и низвержение в железное море; описание его как Змея и Дракона; вся война Небесных воинств Добра против злых духов, – все эти идеи перекликаются с учениями Зенд-Авесты, Каббалы и гностиков.

В Апокалипсисе встречается даже такая сравнительно редкая зороастрийская мысль, как определение некоторых низших животных как дэвов или ездовых животных дэвов.

Охрана Земли ангелом, обновление Неба и Земли, окончательная победа чистых сердцем и праведных людей, общая победа Добра над Злом – к этому стремился весь древний Восток.

Золотые и белые облачения двадцати четырех Старцев, в соответствии с персидской верой, являются символами возвышенного совершенства и Божественной чистоты.

Так человеческое сознание страдало, мучило само себя борьбой с философски непознаваемыми вопросами ради того, чтобы объяснить самому себе, что оно чувствует, и при этом не ссылаться на необъяснимость этих чувств в принципе. Огромные тучи маловразумительных умозаключений замутняли воображение философов, и в результате их труды во многом представляют собой словесные

потоки образного сознания, в которых основополагающие идеи становятся практически неуловимы.

Однако, несмотря на все хитросплетения лабиринта неясных и полуясных смыслов, одна идея остается повсюду неизменной и главенствующей. Бог велик, мудр и благ. Зло, боль и горе существуют лишь временно и ради благих и мудрых целей. Они пребывают в соответствии с Божественными благом, чистотой и безграничным совершенством; и не может не существовать способа объяснить их присутствие в этом мире, – его нужно только найти, постоянно стремиться его найти. В конце концов Бог победит, и Зло будет ниспровержено. Только Бог способен сделать это, и Бог сделает это, допустив очередную Свою эманацию, на этот раз воплотившись в человеческом теле – теле Спасителя мира.

Вот цель, конечный результат великих размышлений и умозаключений мудрецов древности, окончательное уничтожение зла, возвращение человека к его изначальному состоянию Спасителем, Мессией, Христом, Воплощенным Словом, Разумом, или Божественной Силой.

Этот Спаситель и есть Логос, или Слово, Ормузд Зороастра, Эйн-Соф Каббалы, Нус Платона и Филона; Тот, Кто изначально был с Богом и был Богом и Кем все было сотворено. То, что именно Он имелся в виду всеми великими философами древности, отлично демонстрируют Евангелие от Иоанна и Апостольские послания Павла, в которых отдельно не оговаривались необходимость и предназначенность пришествия этого Спасителя, ибо сама эта идея казалась авторам очевидной и не требующей отдельных доказательств и даже отдельного напоминания; однако всеми своими силами древние авторы стремились доказать, что Иисус был Христом, ожидавшимся всеми народами, Словом, Мессией, священным Помазанником.

Ритуал данного градуса символизирует последнюю великую битву Добра и Зла, ожидание и итоговое пришествие Избавителя, Спасителя Мира; а его учение – это сумма эзотерических мистических учений ессеев и каббалистов. О практиках первых из них мы узнаем из фрагментов трудов древних авторов; но поскольку нам известно, что в их учении наставлял Иоанн Креститель, мы вполне можем предположить, что оно представляет собой практически то же самое, чему – пускай в более совершенной и чистой форме – учил Иисус; что, вопреки утверждениям священников и фарисеев о том, что Иоанн, мол, был лишен пророческого дара, не только Палестина полнилась его учениками, но наоборот – его учение было широко

известно и в Малой Азии, имело сторонников в высоко культурном Эфесе, в Александрии Египетской; что они одними из первых с радостью восприняли христианскую веру, о которой до тех пор не имели ровным счетом никакого представления.

Отмерли старинные противоречия, древние веры отошли в вечное небытие. Но масонство живо до сих пор и так же сильно и деятельно, как в те времена, когда философские диспуты шли в школах Александрии и под афинским портиком; оно преподает те же самые истины, которым учили ессеи на берегах Красного моря и Иоанн Креститель в пустыне, истинам, вечным, как Сам Господь, и неоспоримым, как Его Свет. Ессеи извлекли эти истины из учений Востока и Запада, из Зенд-Авесты и Вед, из трудов Платона и Пифагора, из Индии, Персии, Финикии, Сирии, Греции и Египта, а также из священных книг иудеев. Потому мы и называем себя Рыцарями Востока и Запада, что учение этого градуса пришло к нам из обеих этих частей света. И это учение – муку, просеянную через частое сито, Истину, отделенную от заблуждений, – масонство собрало в сердце своем, в своей душе и неизменным пронесло сквозь все штормы и бури, сквозь огонь преследований вплоть до наших дней. Истина же состоит в том, что Бог существует, Бог един, неизменный, бесконечно справедливый и благой; в конце времен Свет непременно возобладает над Тьмой, Добро победит Зло, Истина победит Ложь – вот в чем состоит, несмотря на все хитросплетения, многословие и заблуждения Зенд-Авесты, Каббалы, учений гностиков и прочих философских школ, истинная религия и философия масонства.

Все эти учения и даже заблуждения очень полезно изучать, дабы в какие бы бесплодные и бессмысленные размышления ни ввергло вас в будущем ваше пытливое сознание, вы больше ценили простые, незатейливые, высшие, общепризнанные истины, которые во все века служили истинным масонам тем самым Светом, который направлял их на пути праведности, Мудростью и Силой, которые, подобно нерушимым колоннам, всегда поддерживали, поддерживают сейчас и всегда будут поддерживать его славный и величественный Храм.

Knight Rose Croix **18**

Рыцарь Розы и Креста (Князь Розы и Креста)

Каждый из нас так применяет в жизни свою веру и свою религию, а также символы и эмблемы, которые постигает в данном градусе, как ему это видится наиболее нужным. Мы же здесь не будем заниматься этими частными толкованиями. Как легенда о Мастере Хуруме, в которой многие видят аллегорию суда над Христом и Его казни, в то время как другие – страдания несчастного Великого Мастера Ордена Рыцарей Храма, третьи – английского короля Карла I, а четвертые – вообще ежегодное нисхождение Солнца в обитель мрака в период Зимнего солнцестояния, каковая легенда действительно встречается во многих религиях древности, – точно так же и церемонии этого градуса могут быть истолкованы по-разному, причем каждое толкование самоценно и никоим образом не противоречит прочим.

Никаким другим образом масонство и не могло приобрести свою вселенскую природу, ту самую природу, настолько явно характеризовавшую его на протяжении всей его истории, с самого начала, но только таким, который позволял правителям, поклонявшимся различным богам, сидеть рядом на одной скамье как масонским Мастерам в годы возведения первого Храма, а работникам-иудеям – работать плечо к плечу с иноземцами, боги которых были им отвратительны, а затем восседать с ними в одних ложах как братьям.

Все вы уже знаете, что эти церемонии имеют одно общее значение для всех людей, принадлежащих к любой религиозной конфессии, верующих в Бога Единого и в бессмертие души.

Первые люди встречались в Храмах нерукотворных. «Обитель Бога, – говорил Стефан, первый мученик, – есть Храм нерукотворный». Под открытым небом, под так хорошо знакомым нам недосягаемым небесным куполом, в великом Храме – Мире – они возносили свои молитвы и благодарения, поклоняясь Богу Света, того самого Света, который символизировал для них Добро точно так же, как Тьма символизировала Зло.

Все древние решали для себя извечный вопрос причин существования в мире зла, предполагая существование Первопринципа Зла, демонов, падших ангелов, Аримана, Тифона, Шивы, Локи, Сатаны, которые пали первыми и, погрязнув в страданиях и тьме, искушали человека, привели и его к падению и принесли в мир грех. Все они верили в Жизнь Грядущую, обретаемую полным очищением в ходе многих испытаний; в градацию различных состояний посмертных вознаграждения или кары; в Посредника, то есть Избавителя, Которому дано победить Первопринцип Зла, а также в Верховное, Единое и Всемогущее Божество, милостивое к своим чадам. Практически все религии древности соглашались с тем, что Спаситель будет рожден девой и претерпит мученическую гибель. Индусы называли его Кришной, китайцы – Цзюньцзы, персы – Сосиошем, халдеи – Дуванаи, египтяне – Хар-Эри, платоники – Любовью, а скандинавы – Бальдуром.

Кришна, Спаситель индуистской религии, был рожден и воспитывался среди пастушек. При его рождении тиран, правивший в его стране, приказал умертвить всех новорожденных мужского пола. Кришна, по легендам, творил чудеса, даже воскрешал умерших. Он омывал ноги браминам и был скромен и терпелив. Он был рожден от девы, снизошел в Ад, восстал оттуда, вознесся на Небеса, приказав своим ученикам распространять его учение и наделил их способностью творить чудеса.

Первым масонским законодателем, имя которого сохранила для нас история, был Будда, который осуществил реформу религии Ману за тысячу лет до Рождества Христова. Он призывал к проповеди всех людей, чувствовавших себя обязанными и способными нести людям Слово Божье вне зависимости от их кастовой принадлежности. Позже эти проповедники объединились в Союз Пророков, приняв название самана. Они признавали существование Единого, никем не сотворенного Бога, в Котором все зародилось и произрастает, развивается и изменяется. Поклонение этому Богу для них

состояло в подчинении Его Воле всех творений Его. Слугами Его были созвездия. Учение Будды наводнило Индию, Китай и Японию. Пророки Брахмы, носители темной и кровавой веры, переполненной суевериями, объединились в борьбе с буддизмом и при помощи деспотической светской власти уничтожали его сторонников. Но кровь их пала на плодородную почву, взрастив новое поколение философов, которые стали называть себя гимнософистами; а многие проповедники успели бежать в Ирландию, где они продолжали распространять свое учение, и именно они были строителями огромных круглых башен-ступ, многие из которых до сих пор стоят там, твердо и непоколебимо, как прежде, живыми свидетелями давно минувших веков.

Финикийская космогония, как и прочие азиатские мифы, утверждала, что мир был сотворен Божественным Словом, начертанным в звездных небесах планетарными богами и тайно переданным полубогами самым светлым умам человечества для дальнейшего распространения среди людей. Их учение сродни раннему сабеизму, а поскольку такова была вера Хирама-царя и его тезки – Великого Мастера, она представляет для любого масона несомненный интерес. Первопринцип этой религии был наполовину материальным, наполовину духовным, это был темный воздух, исполненный Духа и беременный им, неуправляемый Хаос, облаченный во тьму. Из этого Хаоса и было рождено Слово, то есть началось Творение и зарождение мира; постепенно это привело к появлению первольдей – Детей Света, поклонявшихся небу и звездам на нем как Верховному Божеству; все разнообразные боги были лишь воплощениями Солнца и Луны, звезд и Эфира. Великой животворящей силой природы был Хрисор, Солнце и Луну отождествляли с Баалом и Малкарт, причем по-древнееврейски второе слово означает «царица».

Человек действительно претерпел падение, но не из-за искушения Змием, поскольку финикияне, как, впрочем, и египтяне, полагали змею обладающей частью энергии Высшего Божества, а потому святой. Считалось, что змея не умирает, ее можно только насильственно лишить жизни, потому что в старости она снова становится молодой путем пожирания самой себя. Отсюда змея в форме круга, пожирающая свой хвост, является символом вечности. Змея с головой сокола считалась обладающей Божественной природой и являлась эмблемой Солнца. Поэтому одна из гностических сект считала

змея своим добрым гением, и именно такова природа Медного змея, отлитого Моисеем для народа Израиля, глядя на которого люди исцелялись и оставались в живых.

«До Хаоса, который предшествовал сотворению неба и земли, – писал китайский философ Лао Цзы, – было одно только Существо, огромное и молчаливое, неизменное и вечно действующее; мать Вселенной. Имя этого Существа мне не известно, и я называю его Разум. Человек имеет отражение в Земле, Земля – в Небе, Небо – в Разуме, а Разум – сам в себе».

«Я есмь Природа, – говорит Исида, – присутствующая во всех вещах, высшая из всех Стихий, изначальная праматерь Времени, возвышеннейшая из божеств, первая из небесных Богов и Богинь, Царица Теней, Единый Лик; повелевающая своим посохом всеми светильниками Небес, живительными ветрами моря и горестным молчанием мертвых, чьей единственной божественности в разных формах, под разными именами и по различным ритуалам поклоняется весь мир. Египтяне, сведущие в древнем законе, поклоняются мне должным образом и называют меня моим истинным именем – Царица Исида».

В индийских Ведах Божество определяется так:

«Тот, кого не описать словами, но кто силой своей сотворил речь, знай, он – Брахман, а не все те бренные вещи, которым поклоняются люди.

Тот, кого не понять разумом, – как говорят мудрецы, – и чьей только силой познается природа разума, знай, он – Брахман, а не все те бренные вещи, которым поклоняются люди.

Тот, кого не увидеть глазами, но кто силой своей дарует глазам зрение, знай, он – Брахман, а не все те бренные вещи, которым поклоняются люди.

Тот, кого не услышать ушами, но кто силой своей дарует ушам слух, знай, он – Брахман, а не все те бренные вещи, которым поклоняются люди.

Тот, кого не почувствовать носом, но кто силой своей дарует носу обоняние, знай, он – Брахман, а не все те бренные вещи, которым поклоняются люди».

«Когда Бог решил приступить к творению человеческого рода, – пишет Арий, – Он сотворил Существо, которое назвал Словом, Сыном, Мудростью, чтобы это Существо даровало жизнь людям». Это

Слово – Ормузд Зороастра, Эйн-Соф Каббалы, Νους Платона и Филона, Мудрость, или Демиург, гностиков.

Это Истинное Слово, знания которого наши древние братья добивались как величайшей награды за все их труды по возведению Храма, это Слово Жизни, Божественный Разум, «в котором – жизнь, и жизнь эта – свет человеков», который долго «светил во тьме, и тьма не объяла его», Беспредельный Свет – Душа Природы, о которой напоминает нам священное слово этого градуса и поклоняться которой, верить в которую – особый долг каждого масона.

Иоанн открывает свое Евангелие следующими словами: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была Жизнь, и Жизнь была Свет человеков; и свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Древняя традиция гласит, что этот отрывок был взят из гораздо более древней работы. И Филосторгий, и Никифор утверждают, что когда император Юлиан решил восстановить Храм, он решил брать для этого камень со дна глубокой древней каменоломни; и когда туда опустили на длинной веревке одного из работников, он обнаружил на дне древнюю колонну, квадратную в сечении, на которой возлежал древний свиток, обернутый в тончайшую льняную ткань, а в нем большими буквами был записан этот самый отрывок.

Как бы то ни было, ясно, что Евангелие от Иоанна полемизирует с гностиками; в самом его начале приводя такое понимание концепции сотворения Мира, Иоанн тем самым стремится всем последующим текстом доказать, что Словом этим был Иисус Христос.

Если полностью перевести этот отрывок на современный язык, получится следующее: «Когда начался процесс эманации, творения и развития всего сущего, низшего по отношению в Верховному Богу, появилось Слово и начало существовать; и Слово это было рядом с Богом (προς τον Θεόν), то есть было первой и самой близкой Его эманацией, и это был Сам Бог, просто тогда Он развивался и действовал в этой избранной Им форме. И именно силой этого Слова все и было сотворено». Так и Тертуллиан утверждает, что Бог сотворил мир из ничего Своим Словом, или Мудростью, или Силой.

Для Филона Иудеянина, как и для гностиков, Верховный Бог был Изначальным Светом, или Архетипом Света – Источником, откуда проистекают лучи Света, озаряющего души. Он – Душа мира, и в качестве

таковой присутствует повсюду. Он Сам наполняет Собой все Им сотворенное, и силы Его проникают повсеместно. Образом Его является Слово (Логос), нечто более яркое, чем огонь, но не являющееся чистым Светом. Слово пребывает в Боге, ибо именно в недрах Своего Разума Верховный Бог формирует для Самого Себя типы и формы Идей всех вещей, которым суждено быть сотворенными и начать существовать во Вселенной. Слово есть орудие воздействия Бога на Вселенную, это мир Идей, посредством которого Бог сотворил все видимые формы бытия, оно гораздо древнее материального мира; это главный и всеобщий представитель всех Разумов пред Богом и ходатай за них, архангел, тип и представитель всех духов, даже духов смертных людей, прототип человека и даже сам изначальный, примитивный человек. Эти идеи позаимствованы у Платона. И Слово выступает не только в роли Творца («все чрез Него начало быть»), но Оно также в некоторых случаях выступает в роли Бога, и через Него действуют все силы и атрибуты Бога. Кроме того, как первый представитель человеческого рода, Оно является защитником и пастырем человеков, Оно есть Бен-Адам – Сын Человеческий.

Нынешнее состояние человека далеко от его первичного состояния, когда он был образом и подобием Слова. Неуправляемые страсти привели его к грехопадению, и он утратил свое изначальное возвышенное состояние. Однако он способен снова возвыситься, если будет следовать учению Божественной Мудрости и указаниям ангелов, которых Бог посылает, чтобы те помогли ему избавиться от оков плоти, а также если он будет вести неустанную борьбу со Злом, существование которого в мире Бог допускает исключительно ради того, чтобы человек имел возможность пользоваться дарованной ему свободой воли.

Высшим Существом древних египтян был Амон, тайный, сокровенный бог, Неведомый Отец гностиков, Источник Божественной жизни и любой силы, всеобщая Полнота, познающая все вещи внутри Самой Себя, изначальный Свет. Он ничего не сотворил, но все проистекло от него, а все остальные боги суть лишь его проявления. Из него, по произнесении им Слова, эманировала Нейт, Божественная Всематерь, изначальная Мысль, Сила, заставляющая все двигаться, Дух, распространяющийся повсюду, богиня Света и мать Солнца.

Образом этого Верховного Существа был Осирис – источник всего и всяческого добра в материальном и духовном мирах, неизменный

враг Тифона, злого гения, Сатаны гностиков, грубой материи, пребывающей в вечном противостоянии всему добру, проистекающему от Бога, того самого Тифона, которого в конечном итоге должен победить Хар-Эри, Избавитель, сын Осириса и Исиды.

В Зенд-Авесте персидской религии Верховным существом является Зерван-Ахерон – Безграничное Время. Оно не имеет начала, истока, потому что Оно покоится в пеленах Своей собственной славы, и Его силы и атрибуты настолько превышают возможности человеческого разума к пониманию, что Оно может быть лишь объектом молчаливого поклонения. Творение началось с эманации от Него. Сперва от Него проистек изначальный Свет, из которого, в свою очередь, проистек Ормузд – Царь Света, своим Словом сотворивший мир во всей его чистоте и извечно являющийся его защитником и судией, святым и священным Существом, Разумом и Знанием. Ормузд также является и Самим Безграничным Временем, обладающим всеми силами и атрибутами Верховного Существа.

По этой религии, как ей учили за много веков до нашей эры и как она отражена в Зенд-Авесте, в человеке изначально существует принцип Добра, проистекающий от Верховного Существа, произведенного силой и словом Ормузда. Но с ним в человеке соединен принцип Зла, проистекающий от Аримана, Дракона, Змея. Падение первых мужчины и женщины произошло под влиянием искушения со стороны Аримана, и в течение двенадцати тысяч лет шла война между Ормуздом и порожденными им добрыми духами, или гениями, и Ариманом и злыми духами, которых он вызвал к жизни своей силой.

Добрые духи помогают чистым человеческим душам, окончательное торжество принципа Добра предначертано заветами Верховного Существа, и время этого триумфа, несомненно, наступит. Когда мир окончательно погрязнет во грехе, в который ввергли его духи грехопадения, людям явятся трое пророков, которые принесут смертным избавление. Сосиош, старший из троих, восстановит мир и возвратит ему утраченные Красоту, Чистоту и Силу. Он будет судить и праведников, и грешников. Тогда, после воскресения всех праведников, добрые духи вознесут их на небо в обитель вечного счастья. Ариман, его злые духи и весь материальный мир претерпят очищение в потоке кипящего расплавленного металла. Закон Ормузда воцарится повсюду, и все люди станут счастливы, все станут наслаждаться неизменной и вечной милостью Бога и присоединят свои голоса к голосу Сосиоша, поющего хвалу Ормузду.

Это учение было впоследствии с некоторыми изменениями воспринято каббалистами и гностиками.

Аполлоний Тианский пишет: «Выше всего мы будем превозносить и лучше всего поклоняться Богу, Которого мы называем Первым, Единым, отдельным от всего и вся, под Которым мы понимаем всех прочих богов, если не будем приносить Ему никаких жертв, не будем возжигать Ему никаких огней, ни одаривать Его никакими материальными вещами, ибо Он не нуждается ни в чем, даже в том, чего мы и представить себе не можем в силу нашего несовершенства. Не производит такого плода земля, не вдыхает небесный воздух никакое подобное живое существо – короче говоря, не существует ничего, что не было бы нечисто пред Ним. Обращаясь к Нему, мы должны пользоваться лишь возвышенными словами, то есть такими, какие не в состоянии воспроизвести наш язык, то есть внутренними словами нашего духа... Мы должны искать благословения Величайшего из всех существ мира лишь при помощи всего святого и великого в наших собственных душах, и дух наш не нуждается ни в каком органе выражения».

Страбон пишет: «Эта Верховная Сущность обволакивает собой нас всех, воду и землю, то, что мы называем небом, мир, природу вещей. Этому Верховному Существу следует поклоняться без какого бы то ни было видимого образа в священных рощах. В этих священных местах посвященным следует ложиться спать в ожидании узреть образ Бога во сне».

Аристотель пишет: «Из ранних времен в поздние в мистической форме передавалась из поколения в поколение та истина, что существуют боги и что Божественность окутывает всю природу. Все прочее было добавлено потом с той целью, чтобы убедить в главном толпу, а также в интересах законов и для блага государства. Поэтому люди стали придавать богам человеческий вид и часто представляли их в виде иных существ, которые следовали одно за другим, и это была цепь постоянных ошибок. Но если от всех прочих вещей мы отделим общий принцип и будем рассматривать только его, а именно, что первые Сущности – это боги, мы поймем, что в этом и есть Божественная истина; а если принять за данность, что все науки и искусства бывали неоднократно обретены человеком, а затем утрачены им, то, следовательно, если они дошли до наших дней, в них содержится Божественная истина».

Порфирий пишет: «Древние представляли Бога и Его силы образами, обращенными к человеческим чувствам; в зримом они пытались отразить незримое для тех, кто мог бы научиться читать в этих видимых образах, как в книге, повествование о Божественных свойствах. Не стоит удивляться тому, что невежды не видят в этих образах ничего, кроме камня или дерева; ибо это действительно так для них – невежда не видит в памятнике ничего, кроме камня, в табличках – ничего, кроме дерева, а в книге – ничего, кроме свитка папируса».

Аполлоний Тианский полагал, что рождение и смерть – одна лишь видимость; то, что отделяет себя от единой сущности (сущности единого Бога) и отдается во власть материи, рождается; то же, что, наоборот, избавляется от уз материи и воссоединяется с единой Божественной сущностью, умирает. Существует альтернатива: отдаваться воле видимого или невидимого мира. Но все это, строго говоря, одна сущность, которая одна только действует и испытывает на себе действие, превращаясь во все и вся, это Единый Бог, Которого люди унижают и недооценивают, когда лишают Его тех свойств, которые принадлежат Ему по праву, и приписывают их иным существам.

Неоплатоники заместили идею Верховной Сущности идеей Абсолюта, то есть примитивного изначального принципа – предшественника всех вещей, о котором не может быть сказано ничего определенного, которому нельзя приписывать разум и самосознание, поскольку сделать так – непременно значило бы признать существование в нем какого-либо качества, разделения на субъект и объект. Верховная Сущность может быть познаваема только лишь разумной интуицией Духа, превосходящего самого себя и преодолевающего свои собственные пределы.

Эта простая логическая теория, посредством которой люди надеялись придти к пониманию этого Абсолюта, О́на (Ον), соединялась с мистицизмом, который в этом трансцендентном состоянии сообщал абстракции некоторые черты, придававшие ей сходство с реальностью в глазах человеческого разума. Это поглощение духа Сверхбытием (το επέκεινα τής ουσίας) и его полное с Ним отождествление, или его откровение Духу, преодолевшему свои собственные пределы, считалось высшим итогом духовной жизни.

Понятие неоплатоников о Боге состояло в том, что Единая Изначальная Простая Сущность, возвышенная над всей множественностью

и всем тварным, – это единственное настоящее Существо, неизменное, вечное, от которого произошли все сущности на всех разнообразных уровнях бытия, из коих первым был мир богов, то есть мир, наиболее приближенный к Нему, первенствующий и главенствующий. В этих богах воплощаются и раскрываются те благо и совершенство, которые в Самом Верховном Существе были сокрыты и невидимы. Они имеют своей целью на разных уровнях проявить образ Верховной Сущности, к которому никак не состоянии воспарить никакая душа – только посредством глубочайших размышлений и высочайшего полета духа, только после того, как она очистится от всего чувственного во всем его многообразии. Эти боги являются посредниками между человечеством (пораженным и поставленным в тупик их множеством) и Верховным Единством.

Филон пишет: «Всякий не верящий в чудеса просто как чудеса никогда не знавал Бога и даже не искал Его; ибо в противном случае он обязательно осознал бы, просто глядя на поразительные и величественные виды мира, что Вселенная – чудо сама по себе и что все ее чудеса (свидетельствующие о том, что Бог постоянно направляет человека на его путях) суть лишь детская игра по сравнению с Божественной Силой. Но воистину чудесное ныне унижено, потому что стало привычным. А самые обыденные вещи в силу того только, что они для нас новы, и в силу нашей любви ко всему новому поражают наше воображение».

Антропопатии[1] иудейского Писания книжники Александрии противопоставили стремление очистить идею Бога от всех человеческих черт и наслоений. Путем очищения от всех человеческих чувств и страстей она наконец превратилась в нечто, лишенное практически всяких свойств и совершенно трансцендентное; и простое Бытие (Ον), Добро-в-себе, существующее само по себе, платонический Абсолют, заменило персонифицированного Бога (יהוה) Ветхого Завета. Стремясь ввысь, за пределы всякого тварного бытия, сознание отрясает с себя все чувственное и воссоединяется с разумной интуицией этого Абсолютного Существа, о Котором оно, однако, не способно ничего предположить, кроме самого факта Его существования, ибо все иные предположения о Нем отвергаются как недостойные величия этого Абсолюта.

Филон проводит четкое разделение между теми, кто является воистину Детьми Бога, возвысившимися путем долгих размышле-

ний до уровня Абсолюта, обретших познание Его в Его непосредственном проявлении, и теми, кому Он открывается лишь через Свои действия – как, например, Он проявил Себя в Творении – короче говоря, теми, кто связан с одним лишь Логосом, Которого они и считают Высшим Богом. Таким образом, они являются Сынами Логоса, а не Истинного Высшего Существа.

«Бог, – пишет Пифагор, – не является ни объектом чувств, ни страстей, он не видим, а только познаваем, он обладает высшим разумом. Телом своим он подобен свету, а душой своей он подобен истине. Он есть вселенский дух, проникающий повсюду и наполняющий собой всю природу. Все сущее получает жизнь от него. Существует один лишь высший Бог, Который – в отличие от того, что думают о Нем многие, – не восседает где-то выше всего сущего, за пределами орбиты Вселенной, но является самим бытием во всей его полноте; Он видит все сущее, пребывающее во всем неизмеримом бытии, это единый Принцип, Свет Небесный, Всеотец. Он все порождает, Он всем распоряжается и управляет, Он есть разум, жизнь и движение всех вещей».

«Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни».[2] Так сказал основатель христианской веры, как передал Его слова апостол Иоанн.

Бог, как сообщают священные предания иудеев, явил Себя Моисею в языках пламени в среде пылающего куста, который пламя не поглощало. На гору Синай Он снизошел в клубах дыма; Он предшествовал народу Израиля, указывая ему путь в пустыне днем – в столбе облачном, а ночью – в столбе огненном. Пророк Илия говорил служителям Вааловым: «И призовите вы имя бога вашего, а я призову имя Господа, Бога моего. Тот Бог, Который даст ответ посредством огня, есть Бог».[3]

По Каббале, как и по зороастрийским источникам, все в мире произошло из единого Истока беспредельного света. Прежде всего прочего существовало великое Изначальное Существо, Ветхий Днями, древнейший Царь Света, – и этот титул тем более примечателен, что часто им называется Бог именно в Зенд-Авесте и в сабейском кодексе, а отнюдь не только в иудейском Писании.

Все мироздание есть Его откровение, Бог открыл его Сам Себе, и все оно существует лишь в Нем Самом. Все Его свойства воплотились в мироздании в различных формах и с различной степенью

интенсивности, так что Вселенная является Его священной Славой, Его порфирой. Поклоняться Ему следует в полной тишине, а совершенство достигается елико возможно большим приближением к Нему.

Еще до сотворения миров все пространство заполнял Изначальный Свет, так что пустот нигде не было. Когда же Верховное Существо, пребывавшее в этом Свете, решилось явить Свое совершенство, Оно приступило к творению миров, в которых Оно сумело бы это сделать. Для этого Оно сжалось внутри Самого Себя так, чтобы образовалась некая пустота, и тут же выбросило в эту пустоту свою первую эманацию – луч Света, Первопричину и Первопринцип всего сущего, объединяющую в себе зачинающую и порождающую силу, творящую все в мире, вне которой ничто в мире не способно просуществовать и мига.

Грехопадение человека произошло под влиянием искушения его злыми духами, наиболее отдаленными от Великого Царя Света, пребывающими в четвертом мире духов – Асии, во главе со своим князем Велиалом. Они вообще ведут постоянную войну с чистыми духами и разумами других духовных миров, которые, подобно Амешаспента, изедам и пери зороастрийской религии, поставлены Всевышним оберегать и наставлять человека. Изначально мир пребывал в равновесии и совершенной гармонии, и все было чисто и преисполнено Божественного Света. Но пали семеро Царей Зла, и Вселенная попала в большую беду. Тогда Всевышний отобрал у семерых царей принципы Добра и Света и распределил их между четырьмя духовными мирами, первые три из них наделив чистым Разумом, единым с Ним Самим в любви и гармонии, а для четвертого у него остались лишь несколько отблесков истинного Света.

Когда извечная война Добра со Злом продлится достаточное время и когда духи, погруженные во тьму Зла, совершат отмеренное им количество попыток навечно поглотить Добро и Свет, тогда Сам Предвечный снизойдет в этот мир, чтобы исправить положениевещей. Он избавит его от плотных наслоений материи, которые окутывают его и заключают в плен, восстановит и укрепит в нем луч Божественного Света, который является его духовной природой и который он, несмотря ни на что, все же сохранил в себе, и восстановит во всей Вселенной изначальную Гармонию, которая и будет Его благословением этому миру.

Гностик Маркион пишет: «Душа истинного христианина, усыновленная, как ребенок, Высшим Существом, для Которого она столь

долго была чужой, принимает от Него Дух и Божественную Жизнь. Этот дар выводит ее на путь к чистой и святой жизни, подобной жизни Бога, и человек так и заканчивает свой земной путь в чистоте, милосердии и праведности, и в один прекрасный день избавляется от своей материальной оболочки, подобно тому, как виноград отделяют от лозы и как птица вылупляется из яйца. Наравне с ангелами душа будет купаться в благословении Благого и Совершенного Отца, заново обретя свои воздушные одежды, подобные облачению ангелов небесных».

Теперь ты видишь, брат мой, каково истинное значение масонского Света. Теперь ты знаешь, почему Восток, где восседает Мастер ложи, над головой которого располагается начальная буква Имени Господня, есть место и источник Света. Свет, противопоставленный Тьме, есть Добро, противопоставленное Злу; и именно этот Свет, то есть истинное знание Бога, и есть Вечное Благо, поискам которого посвящали свои труды масоны во все века. Масонство и сейчас идет твердым шагом к Свету, сияющему вдали, Свету того дня, когда побежденное и сброшенное с пьедестала Зло растает в тумане и исчезнет навек, и Жизнь и Свет станут единственным законом Вселенной и ее вечной Гармонией.

Степень Розы и ✠ учит трем основным постулатам: единству, неизменности и благу Бога; бессмертию души и неизбежности окончательного поражения и искоренения зла, несправедливости и горя Избавителем, или Мессией, который обязательно придет, если еще не приходил.

В этом градусе три колонны Древнего Храма заменяются на три новые колонны, значение которых уже было тебе разъяснено: это Вера (в Бога, в человечество и в самого себя), Надежда (на победу над злом, на развитие человечества и на Жизнь Грядущую) и Милосердие (вспомоществование людям и снисходительность к их заблуждениям и провинностям). Быть надежным, надеяться самому и быть снисходительным – вот в наш век эгоизма, плохого и низкого мнения о человеческой природе, суровых и несправедливых суждений самые важные масонские добродетели и истинные подпоры каждого масонского Храма. Это, в сущности, те же самые колонны Первого Иерусалимского Храма, только сменившие имена. Ибо только тот мудр, кто милосерден в своих суждениях о других; только тот силен, кто не оставляет надежды; и нет большей красоты, чем вера в Бога, наших ближних и самих себя.

Вторая палата, в которой траурные занавеси, храмовые колонны разбиты, и обломки их разбросаны по полу, а все братья низко склонили головы в глубочайшем отчаянии, – символизирует мир, страдающий от деспотической власти Первопринципа Зла, ибо добродетель гонима, а порок торжествует; ибо праведники страдают от голода и вымаливают милостыню на улицах, в то время как грешники купаются в роскоши и закутывают свои тела в пурпур и тонкие шелка; ибо повсюду правит наглое невежество, а ум и разум прислуживают им; ибо цари и священнослужители попирают своими ногами свободы и, в первую очередь, свободу совести; ибо свобода скрывается в глубоких пещерах и среди высоких гор, в то время как лизоблюдство и беспринципность процветают; ибо из миллионов грязных трущобных дыр возносится к небесам стон умирающих от голода вдов и замерзающих на улицах сирот; ибо миллионы людей, готовых работать и умирающих при этом от голода, имеющих семьи и невинных детей, которых им не прокормить, не имея работы, изгоняются со своих заводов сытым и жестоким капиталистом; ибо суды приговаривают к тюремному заключению несчастного, из чувства голода укравшего кусок хлеба, в то время как развратного обольстителя отпускают на волю; ибо политический успех партии оправдывает совершенное ради него убийство, а насилие и жестокость остаются безнаказанными, а тот, кто в жизни своей разбогател за счет обездоливания сотен тысяч несчастных, становится уважаемым гражданином, избирается на высокий общественный пост, а после смерти бывает с помпой похоронен в прекрасном мавзолее; ибо этот мир, в котором с самого мига его сотворения ни на день не прекращались войны и человек ни на минуту не прервал своего страшного жребия – мучить и убивать своих собратьев; мир, превращенный в пандемониум личными амбициями, эгоизмом, алчностью, завистью, ненавистью, похотью и всеми остальными демонами армии Аримана и Тифона, этот мир погряз в низменности, грехе и как следствие – в несчастиях и горе. Если кто-то видит в этом убранстве также горе всех адептов Царственного Искусства по смерти Мастера Хирама, горе иудеев после падения Иерусалима, горе тамплиеров после крушения их Ордена и мученической смерти Де Моле или горе всего мира и его величайшую тоску по смерти Спасителя, то он вполне имеет на это право.

Третья палата представляет собой итог грешного и порочного существования человечества и Ад, царящий в сердце человеческом, –

все из-за его низменных страстей. Если кто-то видит в ней также отображение Гадеса греков, Геенны иудеев, Тартара римлян или христианского Ада, или же просто отображение всех мучений и страданий, претерпеваемых стремящейся к очищению совести, то он вполне имеет на это право.

Четвертая палата символизирует мир, освобожденный от жестокой абсолютной власти Первопринципа Зла и воссиявший в Свете Истины, проистекающем от Всевышнего Бога, когда порок и грех, страдания и боль, угрызения совести и нищета исчезнут безвозвратно; когда достигнет своих окончательных целей великий План Беспредельной и Вечной Мудрости и все творения Господа осознают, что все их беды и страдания были лишь мельчайшими каплями, немедленно поглощенными великим потоком воплощенного Добра, и для них станут очевидны Сила Господа, Его благо и милость, которые так же безграничны, как сила Его. Если кто-то видит в ней место свершения таинств той или иной веры или религии, или если она напоминает ему какое-либо событие в прошлом, то он вполне имеет на это право. Да толкует всякий эти символы так, как ему подсказывают совесть и разум. Для всех нас эти символы отождествляются со вселенским принципом масонства – тремя его добродетелями: Верой, Надеждой и Милосердием, с братской любовью и вселенским благом. В этом цель нашего земного существования. И в другом толковании эти символы просто не нуждаются.

Древние братья Розы и ✠ приносили обязательство исполнять все долги дружбы, радости, милосердия, мира, свободолюбия, терпимости и чистоты, а также всячески избегать нечистоты, высокомерия, ненависти, злобы и всех прочих видов греха. Свою теологию они позаимствовали из древнего Египта, как и Моисей с Соломоном, а свои символы, шифры и иероглифы – у древних иудеев. Основными их принципами были: заниматься медициной, не беря за это платы, провозглашать торжество добродетели, развивать науки и побуждать людей жить так же, как в Золотой Век древности.

Не имеет смысла сейчас стремиться досконально выяснить, ни когда именно появился сей градус, ни в каких формах какие уставы каких стран практиковали его в разное время. Он очень древний. Ритуалы его очень отличаются друг от друга на различных широтах и долготах, поскольку символы его повсюду истолковываются по-разному. Если бы мы поставили перед собой задачу изучить все церемонии этого градуса, эмблемы и формулировки, мы бы вскоре

сделали открытие, что все они в действительности относятся к древнейшим символическим основам Ордена, почитаемым в каждом масонском святилище. Ибо все наши церемонии направлены на практику добродетельной жизни и обретение плодов добродетели. Все они посвящены труду. И труд этот направлен на искоренение порока, очищение человека, развитие наук и искусств и избавление человечества.

Никакой адепт не может быть допущен к этим священным философским знаниям, не пройдя предварительно очищение в символических градусах. Какое значение имеют все споры о происхождении и «возрасте» этого градуса или о тонкостях проведения его церемоний, или о точности той или иной литургической формулировки, или об оттенке цвета знамени того или иного колена народа Израильского, если все адепты все равно почитают Священную Арку символического масонства – его первый и единственный источник, если все сохраняют верность консервативным принципам Ордена и его возвышенным целям?

Если где бы то ни было когда бы то ни было какие бы то ни было братья исключались из кандидатов на посвящение в этот градус на основании их принадлежности к той или иной религии, это наглядно демонстрирует нам, насколько отвратительно и невежественно может быть искажено учение нашего высокого Ордена. Ибо когда бы ни закрывались двери нашего Храма перед человеком, верующим в Бога Единого и в бессмертие души, какими бы ни были остальные положения и догматы его веры, градус сей перестает быть достоин носить название масонского. Никакой масон не обладает правом толковать символы этого градуса для другого масона или отказывать ему в посвящении в таинства этого градуса, если тот отказывается принять их в его интерпретации.

Выслушай же, брат мой, наше толкование таинств сего градуса и далее толкуй их сам, по своей совести и своему разуму.

Крест является священным символом с древнейших времен. Его изображение встречается на древнейших памятниках материальной культуры в Египте, Ассирии, Индостане, Персии, даже на буддистских ступах Ирландии. По легенде, Будда умер на кресте. Друиды срубали ветви древнего дуба, придавая стволу форму креста, и храмы их также имеют в плане его форму. Он служил символом вселенской Природы, поскольку его ветви указывали на четыре стороны света. Именно на крестообразном дереве, по легенде,

принял смерть от вражеских стрел Кришна. Поклонялись кресту и в Мексике.

Однако в этом градусе кресту придается несколько иное значение, которое придавалось ему в древнем Египте. Древнейшие изображения Тота и Пта на египетских монументах держат в руках crux ansata, или анх. Его можно увидеть на двойной скрижали Шуфу и Нох-Шуфу, строителей величайшей из пирамид в Вади-Мегара на Синайском полуострове. Он служил иероглифическим символом жизни, а если ему было предпослано изображение треугольника – то Дарующего жизнь. Посему для нас он также является символом жизни, дарованной Богом, и той Жизни Вечной, на которую все мы уповаем в силу нашей веры в безграничную милость Господню.

Роза является древнейшим символом Авроры, или Зари, и Солнца. Она является символом возрождения и обновления жизни, а также первого дня Творения, возрождения Света и Воскресения; соединенные роза и крест символизируют поэтому Зарю Новой Жизни, на которую надеются все люди по пришествии Спасителя.

Пеликан, кровью своей питающий птенцов, символизирует плодородие и милость Природы и Спасителя падшего человечества, а также человечность и милосердие, которые должны отличать рыцаря, посвященного в сей градус.

Орел издревле служил египтянам живой эмблемой бога Мендеса, или Мен-Хе-Ра, которого Сезострис-Рамзес объединил с Амоном-Ра, богом Фив и Верхнего Египта, богом Солнца, обозначаемого словом «Ра», равно означающим и «царь».

Циркуль, увенчанный короной, означает, что, несмотря на возвышенное положение, обретенное в масонстве Рыцарем Розы и Креста, поведением его все равно неизменно должны управлять принципы беспристрастия и равенства.

Множество разнообразных значений приписывается буквам INRI над головой Мастера капитула этого градуса. Посвященный-христианин с почтением увидит в них табличку, прибитую над головой Спасителя на кресте Его страстей – "Iesus Nazarenus Rex Iudæorum" – «Иисус Назорей, Царь Иудейский». Мудрецы древности связывали их с одним из величайших таинств Природы – таинством постоянного возрождения материи. Они расшифровывали их как "Igne natura renovatur integra" – «Вся природа обновляется огнем». Масоны-герметики полагали, что в них зашифрован афоризм "Igne nitrum roris invenitur"[4]. А иезуиты, как полагают, решили придать им

смысл своего недостойного принципа: “Justum necare reges impios”[5]. Еще одна версия гласит, что четыре эти литеры обозначают четыре стихии и читать их следует по-древнееврейски: ימים – «йамаим» (воды, моря), נור – «нор» (огонь), רוח – «руах» (воздух, ветер), יבשה – «йаваша» (земля, почва). Наверное, мне не стоит повторять, как их, по традиции, читаем мы.

Крест (X) был также символом творческой Мудрости Логоса, Сына Господня. Платон пишет: «Он явил Его во Вселенную в виде буквы X. Новая Сила Верховного Божества была явлена миру или явилась ему в виде изображения креста». Митра также начертал на лбу каждого из своих воинов изображение креста (X), что символизировало мистическое число 600 – число вселенского цикла воплощений.

Часто нам встречается символ объединенных литер «тав» и «реш» (₽). Эти две буквы, по Арию, означали у древних самаритян первая – 400, а вторая – 200; итого – 600. Также они являются посохом Осириса, его монограммой, которая впоследствии была воспринята христианами как основополагающий символ. На памятной медали Константина Великого начертано: “In hoc signo victor eris ☧”.[6] В миланском Домском соборе одна из настенных надписей гласит: “X et P – Christi – Nomina – Sancta – Teneï”.[7]

Древние египтяне считали знаком своего бога Анубиса тау-крест (T) или крест, состоящий из литер «тау» (+). Индийские вайшнавы также используют священную литеру «тау» как свой знак и изображают ее или в виде креста (卍) или в виде треугольников (✡). Облачение жрецов бога Гора было усыпано крестами такого вида (✠), точно так же, как и мантии тибетских лам. Индийские джайны приняли как знак своей секты свастику (卍), а отличительным знаком японской секты Ксай является тот же самый знак несколько иного вида (卐). Это знак Фо – аналога христианского Спасителя.

Среди многочисленных символов и эмблем на развалинах индийского Мандора часто встречаются мистический треугольник и переплетенные треугольники (✡). Тот же самый знак часто встречается на древних медалях и монетах, найденных при раскопках Джента и других индийских городов.

Ты пришел сюда, в обитель мрака и печали, облаченный в одежды горя. Оплакивай же вместе с нами падение и горести человеческого рода в сей юдоли слез! Оплакивай страдания человека и беды целых народов! Оплакивай ужасное состояние человеческой души, подернутой пеленой мучений и удаленности от Бога!

Нет такой человеческой души, которая по временам не страдала бы. Нет такой мыслящей души, которая не впадала бы время от времени в отчаяние. Вероятно, нет и не было ни единой души из тех, которые заботят не только вопросы и нужды бренного телесного существования, что не задавалась бы великими и ужасными вопросами, которые она задает сама себе в глубине себя, точно стесняясь выставлять их напоказ и считая чем-то постыдным. Демоны истязают такие души сомнениями и уничтожают их отчаянием, ставя перед собой цель проверить, насколько в действительности крепки и обоснованны убеждения этих душ, действительно ли они, души, твердо уверены в том, что Беспредельно Милосердный Бог управляет Вселенной, или же в них живет простая необходимость Веры, то есть вера, порожденная отчаянием, сокрытая непроницаемой пеленой мрака, вера, для которой страдания человека, его горести, надежды и радости не более важны, чем танцы бабочек в лучах солнца поутру; или же это вера в то, что Бог есть Существо, наслаждающееся Своим всевластием и использующим его во зло, всего лишь с неподдельным интересом наблюдая за бедами и радостями ничтожных насекомых, составляющих человечество и впустую стремящихся подражать Всевышнему. «Кто мы, – вопрошает Искуситель, – как не марионетки в бродячем театре? О всемогущая судьба, тяни же понежнее за наши нити! Поласковее направляй нас в наших ничтожных танцах на ничтожной нашей сцене!»

«Не только неуправляемая суетность человеческого рода, – нашептывает нам демон, – заставляет его полагать себя равным Богу по разуму, пристрастиям и страстям, но сама идея, усвоенная им в самом начале истории, идея о том, что он телесным своим образом, своими органами подобен Самому Богу. Не является ли Бог, таким образом, всего лишь тенью человека, отброшенной им на величественный покров облачных небес? Не является ли Бог, таким образом, всего лишь порождением человека, придавшего Ему свои собственные черты, силы и страсти и только усилившего их до недоступных ему самому пределов?»

«Кто, – вопрошает никогда не умолкающий внутренний глас, – бывал удовлетворен одними лишь собственными суждениями о своей природе? Кто когда-либо умудрялся доказать самому себе со всей убедительностью, способной превратить веру в уверенность, что он – всего лишь бестелесный дух, временно пребывающий в плену телесной оболочки, которому суждена Жизнь Вечная после того,

как оболочка сия истлеет в земле? Кто когда бы то ни было бывал способен или способен сейчас четко и непреложно доказать, что разум человеческий хотя бы в чем-то стоит выше разума большинства высших животных? Кто может, наконец, привести какие-нибудь более или менее осмысленные и последовательные доказательства того, что человеческий разум превосходит инстинкты собаки? И собака, и лошадь, и слон обладают точно таким же самосознанием, что и человек. Они мыслят, фантазируют, спорят сами с собой, строят умозаключения, планируют свои действия, короче говоря, размышляют. Что есть, в таком случае, разум человеческий, как не тот же разум животного, только выросший количественно и чуть более высоко развитый?» Вся метафизика в сжатом виде может быть представлена в разумном объяснении всего лишь одной настоящей мысли собаки.

И с не меньшей убежденностью тот же самый глас вопрошает, насколько людские массы, вся круговерть рода человеческого на этой Земле, сумели доказать, что они лучше и мудрее животных, в глазах которых чаще можно видеть проблески разума, чем в их безумных поступках и свершениях; насколько им удалось доказать, что именно они заслуживают Жизни Вечной. Будет ли жизнь эта наградой подавляющему их большинству? Существует ли у них на Земле возможность совершенствоваться и в конечном итоге достигнуть того уровня существования, на котором они больше не стремились бы к материальной власти, как собаки – к сахарной кости, не терроризировали и не унижали бы слабых и беззащитных; на котором они перестали бы ненавидеть, преследовать, мучить и уничтожать друг друга; на котором они перестали бы жульничать и спекулировать, играть на деньги и совершать финансовые махинации, предавать доверие поручителей и внезапным нападением лишать конкурента способности защищаться, презирать потерпевших неудачу в деловом предприятии и благодарить Бога за то, что Он, по их мнению, любит других меньше, чем их самих? Что для таких людей будут стоить небесные пределы, в которых они не смогут предаваться лени и пороку, земным, плотским радостям и увеселениям?

С грустью оглядываемся мы вокруг, видя кругом наследие темных и мрачных веков. Более восемнадцати столетий унеслось прочь от нас в великое, неизмеримое царство Прошлого с тех пор, как Христос, проповедовавший Религию Любви, претерпел мучения и был распят затем только, чтобы она превратилась в Религию Ненависти;

и сейчас учение Его все еще не признано истинным более чем четвертью человечества. Со времени Его смерти какое огромное множество людей рождалось и умирало, не имея ровным счетом никакого представления обо всем том, что мы полагаем незаменимыми элементами Спасения! Сколь неисчислимые мириады душ с тех пор, как плотная и непроницаемая пелена идолопоклонства снова накрыла землю, восходили к небесному престолу Господню с тем, чтобы узнать окончательное Его о себе суждение!

Эта самая Религия Любви за долгие семнадцать веков своего существования сумела продемонстрировать, что она в той же степени является Религий Ненависти и в гораздо большей степени Религией Преследования, чем магометанство – ее извечный и необоримый соперник. Первые ереси в ней появились еще при жизни апостолов; и Бог «ненавидел» николаитов, если верить Св. Иоанну, призывавшему на них с Патмоса Его гнев. Секты появлялись одна за другой во все века, и стоило одной придти к власти, как она тут же начинала преследовать все прочие, пока практически вся земля христианского мира не оказалась насквозь пропитанной человеческой кровью и забросанной кусками разорванной человеческой плоти, усыпанной белыми костями мучеников за веру, а мысль человеческая доходила до предела своих возможностей с одной-единственной целью – изобретать все новые и новые орудия пыток для продления и усиления мучений человеческих.

«По какому праву, – продолжает вопрошать глас, – это варварское, безжалостное, мстительное животное, которому самое полное удовлетворение доставляют страдания и муки иных представителей его собственного ничтожного рода, а все собратья которого стремятся только к тому, чтобы есть, пить, спать, одеваться, наслаждаться плотскими утехами, а якобы лучшие и избранные охвачены ненавистью, завистью, злобой или, в лучшем случае, непроницаемым эгоизмом, по какому праву это существо тешит себя уверенностью в том, что оно – не животное, такое же, как волк, гиена и тигр, а нечто более достойное, возвышенное, бессмертный дух, луч Божественного Света, Огня и Разума, Который Сам есть Бог? Какого такого бессмертия может желать это существо, кроме бессмертия своего эгоизма? На что еще оно способно? Не должно ли бессмертие начинаться уже здесь, и не должна ли жизнь быть его составной частью? Способна ли смерть изменить порочную природу низменной души? Почему все прочие животные, которые при всем желании не

способны приблизиться к человеку в жестокости, кровожадности, алчности и прочих пороках, не могут надеяться на любовь Бога и на Жизнь Вечную?».

Мир улучшается. Человек перестает преследовать других людей – когда эти другие становятся многочисленными и сильными и перестают поддаваться преследованию. Когда же этот источник «радостей» иссякает, человек начинает со всей своей изобретательностью и со всем усердием мучить животных и прочих живых существ, стоящих ниже его на эволюционной лестнице. Убийство животных не для того лишь, чтобы поедать их плоть, а просто ради пустого развлечения, становится приемлемым для общества и не осуждаемым с точки зрения нравственности занятием в свободное время для огромного количества людей, совершенно убежденных в том, что именно они – Цари Мироздания, пребывающие лишь чуть ниже ангелов Господних. А уж если ему запрещают использовать дыбу, удавку, клещи и кол столь часто, сколь ему этого бы хотелось, он начинает клеветать, лгать и ненавидеть в полной уверенности, что потом, в кущах небесных, он будет наслаждаться всеми вожделенными плотскими радостями, наблюдая при этом сверху за страданиями тех, кто законно был ввергнут в Геенну огненную за то, что не исповедовали те же самые взгляды, что он, на предметы, в которых ни он, ни они не смыслили и не смыслят ровным счетом ничего.

Там, где прекращают убивать и бесчинствовать армии тиранов и деспотов, их место занимают армии «свободы», которые также продолжают убивать и грабить, снова и снова смешивая белое с черным. Каждый век повторяет подвиги и преступления предыдущего, и снова и снова в мире бушуют войны, превращающие плодородные земли в пустыню, а Бога благодарят в церквях за кровопролитные сражения, принесшие победу жестоким завоевателям, которых увенчивают лаврами и которым устраивают овации, будь они хоть трижды грабителями и убийцами.

Практически ни один человек из десяти тысяч не способен в своей жизни подняться выше обычных нужд низкого животного. Во все времена и во всех странах подавляющее большинство людей рождаются, живут и умирают, подобно простой скотине; они работают фактически наравне с коровами и лошадьми. Совершеннейшие невежды, пусть и живя в так называемых «цивилизованных» странах, они мыслят и строят выводы точь-в-точь так же, как те животные, бок о бок с которыми они трудятся. Для них «Бог», «дух», «душа»

и «бессмертие» – это просто слова, лишенные конкретного значения. Бог двадцатых годов девятнадцатого века христианской эры – это Молох, Ваал, Зевс или, в лучшем случае, Осирис, Митра или Адонай, просто под другим именем, хотя поклоняются Ему все равно в ходе древнейших языческих церемоний. Это статуя Зевса Олимпийского, которой поклоняются под именем Бога Отца в христианской церкви, в которую превращен был языческий храм; это статуя Венеры, «превратившейся» в Деву Марию. В действительности же люди в глубине сердца своего не веруют в то, что Бог безгранично благ и милостив. Они боятся Его, боятся Его гнева и удара Его молнии. В действительности они в основном лишь думают, что верят в то, что есть жизнь после жизни, Страшный Суд и кара за грехи. Однако они с неизменным упорством предаются преследованию «неверных» и «атеистов», то есть не верящих в то, во что, как они думают, верят они; а не верят они в это, в большинстве случаев, потому только, что это для них не понятно или не истинно в силу их интеллектуального и нравственного развития. Для подавляющего большинства людей Бог – всего лишь безгранично увеличенное и распространенное отображение земного тирана на его земном престоле, Он для них только более могуществен, более справедлив, и более продолжительно его правление. Чтобы человечество навечно было проклято и обречено на муки, достаточно того лишь, чтобы каждый тиран в его истории походил на образ Бога в народном сознании.

Подавляющее большинство населения огромных мегаполисов нашего мира лишено как веры, так и надежды. Остальные же обладают лишь слепой верой, которая при этом премного уступает в том, что касается результирующего нравственного совершенства и даже простой честности в быту, магометанству. «Вот здесь дом твой и деньги будут в безопасности, – говорят мусульмане. – Христиан тут нет». Философский и научный мир становятся все более атеистичными день ото дня. Вера и Разум – не уравновешивающие друг друга противоположности; они ведут между собой жестокую войну на выживание, а итогом ее продолжает оставаться тьма невежества и отчаяния, голый скептицизм, иногда прикрывающийся пеленой рационализма.

На территории более чем трех четвертей обитаемого земного шара человечество все еще смиренно преклоняет колена, подобно верблюду, для того лишь, чтобы взвалить на себя груз, который потом терпеливо несет для своих деспотичных хозяев. Стоит только

какой-нибудь республике звездой воссиять на политическом небосклоне – она немедленно начинает укореняться на новой почве, обильно орошая ее кровью. И царям окружающих государств не нужно предпринимать никаких особенных усилий для того, чтобы раз и навсегда убрать ее со своего пути. Нужно просто оставить ее в покое – и скоро она сама наложит на себя окровавленные свои руки. И когда некий народ сбрасывает наконец тяжкие узы рабства, вполне возможным становится задать на первый взгляд неуместный вопрос:

...возопиет ли вдруг восставший раб
К слепой Свободе, что его связует –
Чрез все безумия – с сиятельным Законом,
Который есть Система и Венец?

Повсюду в мире труд является в той или иной степени рабом капитала; в общем и целом, работника кормят до тех только пор, пока он может работать, или даже более того – до тех только пор, пока труд этого одушевленного орудия труда выгоден его владельцу. В Ирландии – голод; забастовки и голод – в Англии; нищета и зависимость – в Нью-Йорке; бедность, отчаяние, невежество, грубость, порок, бесстыдство, попрошайничество царят буквально повсюду, где бы ни проживал человек. Здесь умирает от голода и холода белошвейка; там матери убивают одних своих детей, чтобы остальные могли прожить на государственную дотацию на похороны погибших и также не умерли от голода; а в соседнем квартале юные девушки выходят на панель ради куска хлеба.

Более того, продолжает вещать Глас, этому грязному животному виду недостаточно того, что огромное количество его представителей ежегодно уносят страшные эпидемии, причины которых ему неведомы и о справедливости и мудрости которых он не способен судить. Ему еще нужно при этом постоянно воевать. Не было ни единого дня в истории человечества с тех пор, как оно разделилось на племена, когда повсюду на Земле царил бы мир. Испокон веку армии пожирали мужское население всех стран мира, войны истощали их ресурсы, внутреннюю энергию и приводили к краху целых государств и народов. И сейчас они продолжают сказываться на всех мировых державах, оставляя после себя огромные внешние долги, препятствующие развитию экономики и лишающие страны доброго имени среди прочих стран мира.

Иногда разрушительный пожар войны охватывает до половины всей Земли: и когда мировые престолы объединяются для того, чтобы посадить на шею тому или иному народу очередную ненавистную династию, и когда одни государства стремятся воспрепятствовать другим разорвать унизительный и невыгодный союз для того, чтобы создать свое собственное автономное правление. Тогда пламя тоже вспыхивает и снова угасает, но не исчезает совсем, а продолжает тлеть в углях, чтобы вскоре вспыхнуть снова, с еще большими силой и жестокостью. Иногда природные и общественные бури вьются только над отдельными регионами мира; иногда они, подобно огням маяка, озаряют все окрестности, практически весь мир. Нет такого моря, над которым не раздавался бы гром пушек; нет такой реки, которая не текла бы кровью; нет такой долины, которая не сотрясалась бы от тяжкого топота кавалерии; нет такого поля, которое не было бы удобрено кровью падших; и повсюду люди убивают друг друга, грифы набивают себе брюхо падалью, а волки воют прямо в уши умирающим воинам. Нет такого города, стены которого не рушились бы под ударами ядер и бомб, и нет такого народа, который не богохульствовал бы во время войны, воссылая хвалы Богу Любви за свои кровавые победы и богатую добычу. “Te Deum” слышалось повсюду в Варфоломеевскую ночь и во время Сицилийской бойни. Все силы человеческого разума, вся его изобретательность используются для того, чтобы изобретать все новые и новые, все более и более совершенные орудия, при помощи которых человеческую плоть можно было бы еще скорее и эффективнее разрывать, растягивать, корежить и стискивать; и все равно лицемерное человечество, напитавшееся кровью и насладившееся страданиями ближних, поднимает дикий крик и взывает к небесам, осуждая одно-единственное убийство, которое, между тем, ничуть не менее христианское, чем его обычное поведение, а вызвано бывает чаще всего той же самой алчностью, которую дьявол поселил в сердцах всех наций мира.

Мечтая об Утопии и Миллениуме, мы чуть не начинаем слепо верить в то, что человек – это не полуусмиренный тигр и что вид и запах крови не пробудит в нем дремлющие до поры темные страсти, для того лишь, чтобы воочию убедиться в том, что непрочная маска цивилизации моментально разбивается надвое и с презрением отбрасывается прочь. Мы ложимся спать, как ложился в древности крестьянин на склонах Везувия. Гора, на которой он возлежал, столь

давно уже молчала, что все считали: пламя в ней давно утихло. Его окружали тяжелые гроздья винограда, а листья оливок тихо шелестели под нежным вечерним бризом. Над его головой мирно мерцали звезды на безоблачном ночном небосклоне. А потом его внезапно пробуждало оглушительное бурление пылающей подземной лавы, и первый язык пламени извержения пронзал ночное небо; и он в ужасе наблюдал, как пробудившийся измученный и униженный титан в гневе мечет свои земные молнии в бледные звезды, окутывается клубами дыма и гари и низвергает вниз по склонам огненные потоки, все разрушающие на своем пути. Нас точно так же окружают шум и треск Гражданской войны; она превратила землю в пандемониум; человек снова стал варваром. Огромными волнами, одна за одной, на землю накатываются враждующие армии, повсюду оставляя за собой дымящееся пепелище. Мародеры бесчинствуют повсюду, вырывая кусок хлеба даже изо рта голодного ребенка. Седина обагряется кровью, а невинные девы тщетно молят грубую Похоть о пощаде. Законы, суды, конституции, христианская мораль, милосердие, жалость – все они исчезают; иногда кажется, что Бог самоустранился от всего происходящего на Земле и место его занял горделивый Молох, в то время как и пресса, и кафедра проповедника исходят праздничными словесами в честь новых и новых убийств, требуют полного уничтожения побежденных огнем и мечом, полного разграбления нажитого ими достояния во славу и во благо очередного христианского Сената.

Коммерческая выгода умерщвляет живые нервы целых народов и делает их глухими к призывам чести, порывам великодушия, стонам страдающих от несправедливости. Повсеместно вселенская жадность до богатств мира сего низвергает Бога с Его Престола и усаживает на него Маммону и Вельзевула. Высшая власть передается самовлюбленному Эгоизму, и обретение материального богатства возводится в высшую цель земного бытия. Настоящей эпидемией стали узаконенные игра на деньги и спекуляция; предательство считается лишь логическим продолжением ума и хитрости; общественный пост становится добычей наиболее наглой и наиболее подлой политической партии; страну, точно Актеона, разрывают собственные псы, ее собственные граждане тем более жестоко грабят и унижают ее in extremis[8], чем лучше она их обучила и больше обогатила.

По какому праву, вопрошает Глас, это существо, вечно грабящее и убивающее себе подобных и, в свою очередь, ограбляемое и умерщ-

вляемое ими, признающее своим богом только лишь свою личную выгоду, требует себе больших прав, нежели те, которыми обладают так называемые «низшие» животные, в действительности точь-в-точь на него похожие?

И действительно, в мрачную и непроницаемую тьму погружается душа, лишенная любви, доверия и Веры; символом этой вечной тьмы была та временная тьма, которая окружала тебя в ходе ритуала посвящения. Такая душа начинает сомневаться в истинности Откровения, в собственной одухотворенности, даже в самом бытии и благости Бога. Она часто задается вопросом, можно ли вообще говорить о каком бы то ни было прогрессе человечества, и не будет ли всегда так, что, даже преуспев в чем-то одном, оно всегда будет в чем-то другом откатываться далеко назад – просто по закону равновесия и воздаяния; не всегда ли прогресс цивилизации сопряжен с ростом эгоизма; не всегда ли свобода неуклонно ведет к анархии и вседозволенности; не всегда ли обнищание и отчаяние масс являются следствием роста народонаселения и успеха коммерции и производства. Она задается вопросом, не является ли человек всего лишь слепой игрушкой безжалостной Судьбы, не являются ли все философские учения иллюзиями, а все мировые религии – продуктом человеческой суетности и самоуверенности, а кроме всего прочего, коль скоро призывы Разума не слышит никто и не слышал никогда, не обладает ли вера буддиста или брамина точно такими же правами на истинность и самодостаточность, как и наша собственная вера, просто в силу своей точно такой же слепоты и бездоказательности.

Такая душа наконец задается вопросом, не являются ли явной и неоспоримой основой слепой веры в Жизнь Грядущую и все посмертные блага именно несправедливости жизни земной, успех и процветание Зла и страдания и преследования, выпадающие на долю Добра. Сомневаясь в способностях человеческого рода, она вместе с тем сомневается и в возможности какого-либо прогресса вообще; и даже если она не усомнится в существовании и благости Бога, она, тем не менее, не может заставить замолкнуть в своих ушах вкрадчивый шепот, утверждающий, что страдания и горе человека, его жизнь и смерть, его беды и несчастья, все войны и эпидемии суть в глазах Бога явления, не менее низменные и лишенные для Него всякого интереса, чем, например, метаморфозы органических компонентов почвы; что миллионы древних рыб, полностью

исчезнувшие с лица Земли для того, чтобы уступить в морях место новым видам, окаменевшие искореженные скелеты которых мы и сейчас находим в донных отложениях, кораллы, звери и птицы, насекомые, черви земные, павшие от руки человека, – все они имеют равное с нами право жаловаться на несправедливость к ним Бога и требовать для себя бессмертия души и новой Вселенной в качестве возмещения морального ущерба за всю боль и все страдания, вызванные безвременной кончиной в этом мире.

Это не только плод нашего воображения. Многие великие умы нашего мира задавались этими вопросами. Кто будет утверждать, что вера его столь полна и совершенна, так глубоко укоренена в его душе, что он никогда не слышал вкрадчивого шепота, задающего эти вопросы? Трижды блаженны те, кто никогда и ни в чем не сомневается, кто пребывает в полном достоинства удовлетворении всем окружающим, как коровы, например, кто наслаждается опиумным дымом слепой веры, на чьи души никогда не падает ужасная тень, которая есть всего лишь отсутствие Божественного Света.

Дабы объяснить самим себе присутствие в мире зла и страданий, древние персы представляли существующими во Вселенной два Принципа и двоих богов – доброго и злого, постоянно воюющих друг с другом за владение Вселенной и попеременно терпящих поражения и одерживающих победы. Мудрецы же их считали, что над обоими этими божествами находится Единый Верховный Бог, а поэтому они знали, что в конце концов Свет победит Тьму, Добро победит Зло, а Ариман и все его демоны расстанутся со своей злой и алчной сущностью и вместе с добрыми духами будут наслаждаться благословением вселенского Избавления. Они преспокойно мирились с тем, что такое понимание природы принципа Зла (подвластного Высшему Богу), тем не менее, оставалось никак не объясненным; им было его вполне достаточно. Человеческий разум способен очень быстро успокаиваться, если ему удается обойти препятствие на пути и спокойно следовать далее, пусть в действительности это препятствие и продолжает оставаться на том же месте. Человек никак не может смириться с мыслью, что мир наш висит в необъятной пустоте, но, тем не менее, преспокойно удовлетворяется «точным знанием» того, что этот мир покоится на спине гигантских слонов, стоящих на титанической черепахе. Дай Вере черепаху – и она ею удовлетворится. Сколь многие люди открыто радуются тому, что существует

понятие Дьявола, который так кстати избавляет Бога от необходимости нести ответственность за появление в этом мире зла!

Но не всем для избавления от этой величайшей трудности на духовном пути хватает одной лишь слепой веры. И они говорят вместе с апостолом: «Верую, Господи!», – но как и он, они продолжают: «Помоги моему неверию!»[9]; их Разум должен пребывать в равновесии и взаимодействии с Верой, иначе им не выйти из тьмы сомнений – самого плачевного состояния, в которое только может погрузиться человеческое сознание.

Только те, кого не интересует практически ничего, кроме повседневных земных забот их собственной жизни, совершенно спокойно обходятся без решения этих глобальных проблем. Обходятся без него и животные. Только бессмертную душу характеризует постоянное стремление постигнуть природу своего бессмертия и разгадать величайшую тайну – Вселенную. Если, например, готтентоты или папуасы не стремятся разгадать эту загадку, значит, их нельзя считать ни мудрыми, ни счастливыми. Свинья тоже совершенно равнодушна к великим таинствам Вселенной, и она также совершенно счастлива, не имея никакого представления об Откровении и явлении в бескрайнем времени и беспредельном пространстве единой Мысли Единого и Всемогущего Бога.

Даже если возвышать и возвеличивать Веру до неизмеримых высот, говорить, что она начинается там, где заканчивается разум, она все равно должна иметь какое-то обоснование, в области ли разума и аналогии, в области ли сознания или человеческого свидетельства. Почитатель Брахмы также верует в то, что кажется нам «на ощупь» ложным и безосновательным. Вера его лежит не в области сознания, разума или аналогии, а лишь в словах его учителей и их священных книг. Мусульманин верует в непогрешимость свидетельства Пророка, и мормон также имеет полное право сказать: «Верую, ибо абсурдно!». Никакая вера, как низменна и нелепа она ни была бы, никогда не нуждалась в таких основаниях, свидетельствах и книгах. Чудеса, доказанные неоспоримым свидетельством, использовались в качестве основания веры во все времена; доказательства современных чудес собираются в сто раз более профессионально и активно, чем в древности.

Посему очевидно, что вера должна проистекать из некоего источника внутри нас, когда то, во что мы должны уверовать, не постигается

нашими естественными чувствами, иначе мы так никогда и не уверуем со всей убежденностью.

Сознание, то есть внутреннее врожденное убеждение, или Божественный врожденный инстинкт, позволяющий распознавать истинность всех вещей и процессов в мире, является высшим из возможных доказательств, если не единственным возможным доказательством, истинности тех или иных вещей и процессов – но лишь в ограниченной области.

То, что мы называем разумом, то есть наш человеческий, ограниченный разум, не только может, но и в действительности уводит нас в сторону от Истины во всем, что касается мира незримого, а тем более – беспредельного, если мы целенаправленно отказываем себе в вере во все находящееся за пределами этого своего разума или то, что он путем своего развития и логических умозаключений может в конечном счете признать недостойным веры или абсурдным. Рулеткой нашего разума не измерить Беспредельное. Например, сочетание в одной Личности Беспредельной Справедливости, Беспредельных Милосердия и Любви для человеческого разума непостижимы. Для человека одно раз и навсегда исключает другое. Посему также аксиомой для человеческого разума является то, что до начала Творения Бог в течение вечности пребывал в бездействии.

Глядя в безлунную ночь на озаренный мерцающим сиянием звезд небосклон, осознавая, что каждая из этих звезд является точно таким же Солнцем, как и наше, и вероятно, каждая окружена планетарной системой, такой же, как наша Солнечная система, а в каждой планетарной системе существует неограниченное количество миров, каждый из которых, возможно, населен живыми существами, мы начинаем отчетливо понимать, насколько мелко и незначительно наше собственное бренное существование в глазах Всевышнего, а также, что многое из того, что в разное время считалось и становилось религиозными верованиями, никогда бы не стало таковым, если бы древним были ведомы истинные природа, размеры и удаленность от Земли Солнца, Луны и прочих планет.

Для древних же они были всего лишь светильниками, подвешенными к небесной тверди, подобно лампам или факелам, единственное предназначение которых было в том, чтобы освещать им дорогу по ночам. Землю они считали единственным обитаемым небесным телом. Слова «Земля» и «Вселенная» были для них синонимами. Древние не имели ровным счетом никакого представления

об огромных истинных размерах и неизмеримой удаленности от нас небесных тел. Мудрецы Халдеи, Египта, Индии, Китая и Персии, а посему и все остальные мудрецы древности, исповедовали одну и ту же потаенную эзотерическую веру, неведомую вульгарной толпе. Ни в одной из этих стран, а также ни в Греции, ни в Риме ни единый мудрец никогда не верил в то, что было тогда традиционной народной религией. Боги и идолы для них были всего лишь символами тайных и священных Истин.

Толпа всегда считала, что внимание богов сконцентрировано исключительно на людях и их земных делах. Греческие боги обитали на Олимпе, достаточно невысокой и во всех отношениях посредственной и вполне земной горе на востоке страны. Там находился царский двор Зевса, который частенько навещали Нептун, приходящий туда из океанских глубин, и Плутон с Прозерпиной – из мрачного Тартара, располагавшегося, по легенде, в недосягаемых глубинах у самого центра земли. Древние иудеи полагали, что Бог спустился с небес на гору Синай и там даровал их вождю Моисею Свой Закон. Судьбы людей считались неразрывно связанными и зависящими от звезд небесных, созвездий, сорасположения и противостояния. Луна считалась невестой или сестрой Солнца, проживающей так же, как оно само, на небе и, как и оно, единственную цель свою видящая во вспоможении людям или наказании их за грехи.

Если изучить при помощи огромного телескопа лорда Росса титанические звездные скопления в созвездиях Геркулеса, Ориона и Андромеды, легко выяснить, что звезд там гораздо больше, чем даже песчинок на дне морском; и если только представить себе, что каждая из этих звезд является Солнцем, точно таким же, как наше, или в сотни миллионов раз большим, чем наше, и каждое из них окружают собственные планеты, наверняка населенные живыми существами; если только попытаться представить себе бесконечный, действительно бескрайний Космос, наполненный неисчислимыми миллионами таких солнц, наше собственное существование станет для нас настолько незначительным, что о нем не захочется даже говорить.

Вселенная, которая есть изреченное Слово Господне, безгранична в пространстве. И нигде в ней нет ни единого пустого места. Вселенная, которая есть изреченная Мысль Господня, никогда не могла не существовать, поскольку Бог никогда не пребывает в бездействии и никогда не пребывал в бездействии, не мысля и, следовательно,

не творя. Формы сущего меняются со временем, солнца и миры живут и умирают, подобно древесным листьям и насекомым, но сама Вселенная – вечная и бесконечная – остается неизменной, потому что Бог есть, был и пребудет вовеки, и никогда так не было, чтобы Он не мыслил и не творил.

Разум готов признать, что Высший Интеллект, безгранично мудрый и могущественный, сотворил безграничную Вселенную, но в таком случае ему придется также признать, что все мы в ней не более важны, чем мельчайшие кишечные паразиты или насекомые, или чем те незаметные невооруженному глазу микроскопические формы жизни, которые наполняют воздух и водную поверхность.

Поэтому наша вера, основанная на воображаемом интересе Творца к жизни нашего, людского рода, вера, являющаяся логическим результатом убеждения, что мы являемся единственными разумными существами во всех существующих мирах, а посему единственными существами, заслуживающими интереса и заботы со стороны Бога, Который сотворил только ее одну и только за происходящим на ней следит, Которому достаточно сотворить лишь ее – эту крупицу во всем безбрежном океане Вселенной, населенную нами, единственными, кто отличается от всех прочих наличием бессмертной души, – эта наша вера терпит страшные удары и потрясения по мере того, как Вселенная расширяется в наших глазах, и тьма неведения, а потому и страха, и недоверия, снова окутывает наши души.

Способы, которыми мы обычно пытаемся избавиться от этого недоверия, приводят чаще всего лишь к его росту. Продемонстрировать необходимость существования причины этого Творения – все равно, что доказать необходимость существования причины причины этой причины. Отрицание такой причины и плана Творения, казалось бы, устраняет препятствие с пути рассуждения, но в действительности лишь еще на шаг уводит нас в сторону от истинного ответа. Мы просто снова ставим мир на спину слона, слона ставим на черепаху, а черепаху помещаем... куда на этот раз?

Если даже признать, что животные руководствуются в своих поступках одними лишь инстинктами, и только мы одни обладаем разумом, это все равно не даст нам исчерпывающего удовлетворительного ответа на вопрос о кардинальном различии между нами и ними. Ибо если разумные феномены, демонстрируемые животными, которые способны думать, помнить, видеть сны, строить логические цепочки от причины к следствию, планировать на будущее,

сравнивать, сопоставлять и передавать свои мысли друг другу для того, чтобы более эффективно действовать сообща, если их способность любить, ненавидеть и мстить могут быть сочтены результатами самоорганизации материи, подобно цвету или запаху, тогда обращение к понятию нематериальной души ради объяснения тех же самых явлений, но только более ярко выраженных в человеческой природе, кажется, по меньшей мере, абсурдом. То, что организованная материя способна мыслить или даже чувствовать – само по себе неразрешимая загадка. «Инстинкт» – это всего лишь слово, которым зачастую обозначают вдохновение. Думает, размышляет и помнит или само животное, или Бог внутри животного; а сами инстинкты, в наиболее современном и общем смысле этого слова, являются величайшим из мировых таинств – не меньшим, чем прямое, явное и целенаправленное Слово Божье, адресованное конкретному человеку, ибо животные – это не самодвижущиеся машины, не автоматы. Обезьяна – это все равно что австралийский абориген, только немой.

Всегда ли нам следует оставаться во мраке невежества, неуверенности и сомнений? Неужели нет иного пути выхода из лабиринта, кроме слепой веры, которая ничего не объясняет да еще при этом – как во многих древних, так и во многих современных религиях, – презирает и унижает разум, требуя, чтобы люди верили во Вселенную без Бога, в Бога без Вселенной или во Вселенную, которая сама есть Бог?

В древних иудейских хрониках мы читаем, что Соломон Мудрый – Царь Израильский – приказал поставить у портика Храма Богу Истинному в Иерусалиме две огромные бронзовые колонны, которые он назвал «Яхайан» и «Бааз», что в нашем традиционном толковании означает «в силе» и «установлю». Масонство Символической Ложи не дает удовлетворительного толкования символики этих двух колонн, как не дают его и книги иудейского Писания. Однако даже если они и не были символами изначально, при установлении, они приобрели огромное аллегорическое значение впоследствии.

Коль скоро мы убеждены в том, что все внутри Храма было исполнено глубочайшего символизма, что все здание должно было служить символом Вселенной, нам не остается ничего другого, кроме как признать, что символическим значением были наполнены также и колонны его портика. Не время и не место приводить здесь

все толкования, придуманные для них людьми вследствие неразборчивости, неограниченности их фантазии и чрезмерного количества свободного времени, которое нечем было больше занять.

А между тем, ключ к их истинному смыслу отнюдь не навеки скрыт от нас непроницаемой пеленой тайны. Совершенное и изначальное различие, установленное в начале времен между двумя основополагающими принципами силлогизма Творения для того, чтобы наиболее явно подчеркнуть их гармоническое единство в борьбе противоположностей, – это второй великий принцип оккультной философии, более известной под названием «Каббала», начертанный священными иероглифами на всех величайших памятниках древности и в ритуалах, совершенно понятных лишь очень немногим из древних и новых франкмасонов.

Книга Зогар гласит, что все в мире происходит посредством величайшего таинства Весов, то есть посредством равновесия. Десять сефирот, или Божественных эманаций, составляют неизменные пары – Мудрость и Понимание, Суровость и Милость, Справедливость и Милосердие, Победа и Слава.

Мудрость, или разумная созидательная энергия, и Понимание, или способность понести во чреве от Божественной энергии и породить размышление, или мысль, символически представлены в Каббале в виде мужского и женского принципов, как и Справедливость с Милосердием. Сила – это разумная энергия, или деятельность; Становление, или Постоянство, – это разумная способность произвести на свет пассивность. Существуют созидательная Сила и порождающая Способность. В книге говорится, что Бог творит посредством Мудрости и устанавливает посредством Понимания. Две колонны украшают портик Храма – Мужчина и Женщина, Разум и Вера, Всесилие и Свобода, Беспредельная Справедливость и Беспредельная Милость, абсолютная Сила, то есть способность творить даже то, что является наименее мудрым и справедливым, и абсолютная Мудрость, делающая это невозможным; Право и Долг. Это колонны интеллектуального и морального миров, величественные монументальные иероглифы, символизирующие наиболее важное для закона существования нашего мира противоречие.

Каждое действие должно встречать противодействие, свету должна противостоять тьма, царь не может существовать без народа, а любое мнение должно встречаться с противоположным мнением.

В учении каббализма Свет сопоставляется с активным Принципом, в то время как Тьма – с пассивным Принципом. Поэтому каббалисты и сделали Солнце и Луну эмблемами двух Божественных полов и двух творческих Божественных сил; и именно поэтому они приписывали женщине, то есть порождению Луны, первый грех и первый тяжкий труд по его искуплению, ведь именно из тьмы мы приходим к свету, и именно она этот свет порождает. Пустота призывает Полноту, и точно таким же образом бедность и нищета, то есть кажущееся зло, кажущееся пустотою Ничто нашей земной жизни, притягивает полноводный океан бытия, богатства, сострадания и любви. Христос завершил крестное Искупление сошествием в Ад.

Справедливость и Милосердие – противоположности. Будь они беспредельны, их единовременное существование казалось бы невозможным, а будь они равны по силе, ни одна из этих Божественных эманаций не была бы в состоянии уничтожить другую, чтобы править миром единолично. Таинства Божественной Природы превыше нашего ограниченного понимания, впрочем, как и наша собственная ограниченная природа; однако очевидно, тем не менее, что вся гармония и все равновесие всех явлений и процессов в природе являются результатом единства и борьбы равносильных противоположностей.

Противостояние противоположностей объясняет и одну из величайших и интереснейших проблем современной философии – точное и адекватное определение разума и веры, власти и свободы изучения, науки и верования, совершенства Бога и несовершенства человека. Если наука, или знание, – это Солнце, то вера – это человек, это отражение дня на ночном небосклоне. Вера – это Исида под пеленами, пища для разума, тень, предшествующая ему и следующая за ним. Она порождается разумом, но не может заключаться только в нем одном или заключать его в себе. Посягательства Разума на власть Веры и наоборот, посягательства Веры на оплот Разума – это лунные и солнечные затмения: во время них перестают быть видимыми и сам свет, и его отражение.

Наука умирает, если ее загоняют в рамки схем, представляющих собой не что иное, как верования, а веру можно легко убить, пытаясь постигнуть ее разумом. Чтобы подпираемый ими портик твердо стоял вовеки и не падал, его колонны должны стоять отдельно друг

от друга и параллельно друг другу. Стоит только попытаться силой свести их вместе, как это сделал Самсон, они непременно сломаются и упадут, и все здание обрушится на голову торопливого слепца или безумного революционера, чьи личные или государственные интересы заранее предвосхитили его крах.

Гармония достигается чередованием временных побед противоположных сил. Стоит только правительству утратить свои положительные свойства, оно непременно вскоре падет, иначе государство ожидают деспотия или анархия. Как ни печально, все теоретически идеальные правительства, вне зависимости от конкретной теории, на которой основывается их правление, заканчивают превращением в то или другое. Правительства, которым суждена долгая жизнь, рождаются не на рабочем столе Локка или Шефтсбери, не в стенах какого-нибудь конгресса или конвента. В демократическом обществе какое-либо движение вперед, какая-либо жизнь возможны только в результате взаимодействия сил, которые не только кажутся, но и в действительности являются противоположными. Высшие сферы сотворены и водружены на свои орбиты для того, чтобы двигаться гармонично и безошибочно, однако они движутся в противоположных направлениях, которые с первого взгляда кажутся враждебными друг другу. Если центростремительная сила окажется превосходящей центробежную и баланс сил нарушится, все сферы будут притянуты Солнцем, что приведет к гибели всей системы. Вместо единения это приведет ко всеобщему крушению.

Человек свободен в своих действиях, хотя Всемогущий и окружает его повсюду и пребывает над ним. Дабы быть свободным творить добро, он должен быть свободен творить также и зло. Свет нуждается в тени. Государство свободно, подобно человеку, в любом своем суждении, достойном этого названия. Государство слабее Бога, и поэтому свобода каждого отдельного его гражданина находится в прямой зависимости от независимости государства. Это противоположности, но они не враждебны друг другу. Таким образом, в союзе государств независимость каждого из его членов находится в прямой зависимости от примата единства нации. Стоит только какому-либо из государств содружества оказаться выше других, стоит только им перестать пребывать in equilibrio[10], ускорение распада их союза становится подобным ускорению падающего тела, и слабейшее государство терпит поражение, а победитель, уже не сдерживаемый ничем, на полной скорости летит к собственному краху.

Таким образом, как только в человеке или в государстве нарушается баланс разума и веры, как только они перестают поочередно торжествовать друг над другом, непременным результатом неизбежной победы одного или другой становятся царство атеизма или царство религиозного мракобесия, неверия или слепой веры, а священнослужители веры или безверия превращаются в деспотов.

«Кого Бог любит, того очищает», – вот выражение, в котором заключен весь этот постулат. Жизненные испытания – это и жизненные радости человека или народа, если только душа их достойна Спасения. «Свет и тьма, – говорил Зороастр, – это два главных пути жизни». Свет и Тьма пребывают повсюду в одинаковой степени, и Свет является причиной существования Тьмы. Только через испытания, через горе и страдания, через мучительное преодоление препятствий и человек, и целый народ могут обрести посвящение. Мучения в Гефсиманском саду и крестные муки на Лысой горе предшествовали Воскресению и служили Искуплению. Бог способен навредить человечеству только излишним благом.

Степень Розы и Креста посвящена и символизирует окончательную победу истины над ложью, свободы – над рабством, света – над тьмой, жизни – над смертью, добра – над злом. Великая истина, которую она заключает в себе, состоит в том, что, несмотря на существование Зла, Бог беспредельно мудр, справедлив и благ; что, несмотря на то, что все свои земные дела мы вершим, не имея никакого представления о том, что есть добро, а что – зло, просто в силу ограниченности нашего сознания, – все, тем не менее, идет правильно, ибо всеми процессами на земле руководит Бог; что все зло, все горести и беды суть всего лишь капли в гигантском потоке, который течет вперед и вперед, направляемый Богом, к святой и благой цели; что в нужное время Он спасет и восстановит весь мир, и тогда Зло падет, несмотря на все свои силу, власть и основания; что достигнут этот результат Им будет посредством тех сил и орудий, которые Он для этого изберет, будь то Спаситель, Который уже приходил в этот мир, или Мессия, которому еще только предстоит явиться, будь то Его собственное воплощение или избранный Им для этого пророк, – мы как масоны не имеем права судить об этом. Пусть каждый судит и решает сам для себя.

Пока же мы должны трудиться во имя приближения этого дня. Нравственность древних, закон Моисея и Христа – это и наша нравственность. Мы признаем всех учителей нравственности, всех великих

ее реформаторов своими братьями в этом великом труде. Орел для нас является символом свободы, циркуль – равенства, пеликан – человеколюбия, а наш Орден – братства. Труды во славу этого – с верой, надеждой и милосердием – это наше оружие, и мы намерены терпеливо ожидать окончательного триумфа Добра и полного проявления Слова Господня.

Никто из масонов не имеет права в стенах масонского Храма судить и определять для другого масона меру почтения к тому или иному великому реформатору нравственности или основателю той или иной религии. Мы не наставляем своих адептов ни в какой определенной вере, как ни в коем случае не наставляем мы их и в безверии. Какими бы возвышенными свойствами ни обладал или предположительно обладал, или не обладал вовсе, великий Основатель христианской религии, мы никогда не забудем, что он наставлял в высокой и истинной нравственности, рискуя всем, даже жизнью Своей. Он был не только благодетелем обездоленного человечества, но и высочайшим примером праведной жизни для всех людей. Всем сердцем Он любил народ Израиля. К нему Он пришел и ему Он благовествовал, и Весть эту Его ученики потом донесли до всех народов Земли. Он стремился к тому лишь, чтобы избавить Избранный народ от духовных уз разложения, невежества и ложного мудрствования. Любя все человечество, отдав жизнь Свою ради искупления и прогресса своих собратьев, Он непременно должен быть почитаем и восхваляем и христианами, и иудеями, и магометанами.

Римская империя чувствовала неизбежность и близость своего падения. Язычество, основания храмов которого ранее сотрясли пламенные речи Сократа и Цицерона, уже сказало свое последнее слово. Бог иудеев не был никому известен за пределами Палестины. Древние религии не сумели дать миру счастье и покой. Вечно бормочущие и брюзжащие друг на друга философы смешали все понятия и идеи, на все доводы нашли контрдоводы, и в конечном итоге люди перестали верить вообще во что бы то ни было: и в Бога, и в благо, и в милосердие, и в человеческие добродетели, и в себя самих. Человечество было разделено на два основных класса: хозяев и рабов, могущественных и слабых, высоких и низких, тиранов и толпу, и первые были совершенно удовлетворены все более страшным и глубоким падением вторых в бездну нищеты и вырождения.

И вдруг чу! слабый голос одного человека в отдаленной римской провинции – Иудее – заявляет о заключении Нового Завета, о новом Слове Божьем сломленному, истекающему кровью человечеству. Свобода мысли, всеобщее равенство людей пред Богом, всеобщее человеческое братство! Новое учение, новая вера – древнейшие Истины, снова возвещенные роду людскому.

Человека учат снова поднять глаза вверх, к своему Богу. К Богу, более не сокрытому непроницаемой пеленой тайны, не бесконечно удаленному от населенной людьми Земли и появляющемуся лишь изредка и с той лишь целью, чтобы поразить Своим гневом вероотступника; но «новому» – доброму, мудрому, благому и милосердному Богу, Всеобщему Отцу, любящему всех людей, всех своих чад любовью безграничной и неиссякающей, Который милостиво взирает на всех нас, сочувствует нам во всех наших предприятиях и посылает нам и боль, и испытания, и катастрофы затем только, чтобы мы развивали в себе те добродетели, которые позволят нам впоследствии обрести Жизнь Вечную и в течение всей этой жизни пребывать вместе с Ним в Его чертогах.

Иисус из Назарета, Сын Человеческий – провозвестник Нового Закона Любви. Он призывает к Себе всех униженных, бедных, отверженных всем миром. Первой же фразой первой проповеди Он благословил мир и объявил ему Свою Благую Весть: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся»[11]. Он изливает смягчающий елей на все раны пробитого и истекающего кровью сердца. Каждый страдалец – член Его паствы. Он сострадает каждому во всех горестях и разделяет с ним его страдания.

Он поднимает с колен грешника и, как и добрую самаритянку, учит надеяться на прощение. Он прощает блудницу. Он набирает Себе учеников не из фарисеев или философов, а из малых сих, из галилейских рыбаков. Он лечит больных и кормит голодных. Он говорил: «Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божье.[12] Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божьими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное… Если ты принесешь дар твой к жертвеннику

и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой, пред жертвенником, и пойди, прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой… Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас… И что будут люди вам делать, то и вы делайте им, ибо в этом закон и пророчества. Кто не возьмет креста своего и последует за Мною, недостоин Меня. Новый завет даю Я вам ныне: любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы возлюбите друг друга, тогда узнают, что вы учились у Меня. И нет большей любви, как если человек отдал жизнь за друзей своих…».[13]

Евангелие Любви Он запечатал Своей кровью. Жестокость иудейского священства, невежественная злоба толпы и равнодушие Рима к варварству маленького провинциального народа привели Его на крест, и Он испустил там дух, благословляя все человечество.

Умирая там, Он передал людям Свое учение как величайшее, неоценимое, вечное наследие. Искаженное и исковерканное, оно легло в основу многих религиозных верований и даже стало, по мнению его неверных толкователей, причиной преследований и нетерпимости. Мы же в наших Храмах учим этим истинам во всей их первозданной чистоте. В этом наше масонство, ибо под этими истинами подпишется каждый праведный человек, какой бы веры он ни был.

Бог благ и милостив, Он любит и сочувствует Своим чадам, которых Он сотворил; перст Его виден во всех вещах и делах материальной, разумной и духовной Вселенной; все мы – Его дети, возлюбленные и воспитанные Им; все люди – наши братья, ошибки которых мы должны им прощать, которым мы должны помогать в часы невзгод, мнение которых – уважать, вред, наносимый которыми – терпеть; человек обладает бессмертной душой, свободой воли и правом на свободу мысли и действия; все люди равны пред Богом; лучше всего мы служим Богу скромностью, сдержанностью, добротой, вежливостью и прочими добродетелями, одинаково доступными как сильным мира сего, так и малым сим, – вот в чем состоит Новый Закон, вот в чем состоит Слово, которого столь долго и столь отчаянно ожидал мир; и каждый истинный Рыцарь Розы и Креста всегда с неизменным почтением относится к памяти Того, Кто первым наставил в этой новой вере человечество, и сохраняет снисходительность даже к тем, кто приписывает Ему природу,

весьма отличную от его, Рыцаря, собственного мнения о Нем, кто даже отрицает Его Божественность.

Вот что говорил Филон, иудей-эллинист: «Созерцательная душа, если она неверно направляема – иногда к изобилию, иногда к опустошению – пусть и постоянно продвигается вперед и вверх, все равно освещается изначальными истинными Идеями, этими лучами, проистекающими от Божественного Разума, как только она возвышается до истинных сокровищ Божественного Знания. И наоборот, когда она претерпевает падение, она опустошается и нисходит в те сферы, которые по традиции именуются ангельскими... ибо когда душа лишается Божественного Света, ведущего ее к познанию вещей, ей приходится довольствоваться лучами лишь вторичного, слабого света, который дарует ей понимание не вещей, а лишь их обозначающих слов, да и то лишь в нижнем мире... Пусть же удалятся скупые душой и запечатают уши свои! Мы передаем священные наши таинства тем лишь, кто прошел святое посвящение, кто практикует истинную религию и кого еще не успели поработить пустой блеск слов или языческие суеверия... О вы, посвященные, вы, чьи уши очищены, примите сие в свои души как таинство, которое утратить невозможно! Не открывайте его профанам! Держите и храните его в себе как нетленное сокровище, непохожее ни на золото, ни на серебро, но более ценное, чем что бы то ни было, ибо это – Знание Великой Причины, Природы и того, что порождают та и другая, и ежели встретится вам другой посвященный, донимайте его своими мольбами, чтобы – если известны ему другие таинства, не известные вам, – он открыл их вам, и не успокаивайтесь, покуда их не познаете! Что же касается меня, пусть я и был посвящен в Великие Мистерии Моисеем, Другом Божьим, когда я встретился с Иеремией, я признал его не только как посвященного, но и как иерофанта, и я последовал за учением его школы».

Мы вслед за ним признаем всех посвященных своими братьями. Мы не принадлежим ни к какой из известных религий или философских школ. В каждой религии есть Истина, в каждой присутствует чистая Нравственность. И посему любая религия наставляет в масонских Истинах, которые мы все почитаем; всех великих реформаторов нравственности и учителей человечества мы также почитаем и восхищаемся ими.

У масонства также есть своя собственная миссия. Его традиции уходят корнями в вековую древность, а его символы древнее даже

самых древних монументов древнего Египта. И тем не менее, оно приглашает всех людей всех вероисповеданий встать под свои знамена и вместе с ним воевать против невежества, зла и несправедливости. Ты теперь Рыцарь масонства, и служению ему ты поручаешь свой меч. Да станешь ты благим воином во имя благой цели!

Примечания переводчика

предисловие

1 *Les mémoires d'une Palladiste,* Paris, 1896, in *Les Mystères Occultes* par J.-C. Trouceau, Ontario, 1966.

2 John Hallum, *Biography and Pictorial History of Arkansas,* 1887.

3 *Arkansas and Its People,* 1930, vol. IV.

4 В предисловии к «Морали и Догме» руководство ВС Южной юрисдикции для США отдельно указывает на то, что термин «догма» используется Пайком в заголовке его труда в исконном греческом значении «учение».

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

1 Со временем мнения стареют и умирают, вслед за этим рождаются и взрослеют другие мнения, иные или даже противоположные прошлым (лат.).

УЧЕНИК

1 «Тебя, Господи (славим)!» (лат.) – католический гимн.

2 1 Коринфянам, 2:16–17. Библейские цитаты здесь и далее в книге приводятся по тексту русского Синодального перевода.

3 Около 52 см.

4 Бытие, 28:12.

5 Исаия, 60:19–22.

6 3 Царств, 7:12.

7 Другое название табеля – масонского ковра, расстилаемого на полу во время собрания ложи.

8 Иоанн, 13:34–35.

ПОДМАСТЕРЬЕ

1 Раздел зоологии, изучающий раковины и моллюсков.
2 Подметные письма (фр.).
3 Соборное Послание апостола Иакова 1:23–26; 2:14, 19–20, 26.
4 Иов, 2:7.
5 Тем самым, по факту (лат.).
6 Божественное право (лат.).
7 Откровение, 1:12–16.
8 Исаия, 49:1–2.
9 Осия, 6:5.
10 К Евреям, 4:12.
11 К Ефесянам, 6:17.
12 Откровение, 2:12.
13 Городу и миру (лат.); здесь: всем и каждому.
14 Бытие, 2:10–14.
15 Захария, 6:5.
16 Иезекииль, 1:10, 15.
17 Откровение, 4:6–8.
18 Даниил, 7:3.
19 Захария, 3:9; 4:10.
20 Откровение, 2:1.

МАСТЕР

1 2 Коринфянам, 12:2–4.
2 К Римлянам, 7:14–15; 8:16–21.
3 Лука, 16:13.
4 Притчи, 14:34; 25:5.
5 Геракл Тирский Непобедимый.
6 «Об Исиде и Осирисе».
7 Екклесиаст, 11:1.
8 Священных.
9 Бытие, 1:25.
10 В русской транскрипции чаще Элохим (Элогим) и Саваоф.
11 Аббревиатура, полученная путем соединения первых букв фразы «Ата Гебор Ле-олам Адонай» – «Ты велик в веках, Господи!».

ТАЙНЫЙ МАСТЕР

1 Екклесиаст, 9:13–16.
2 Екклесиаст, 11:6.
3 Вере должно служить (лат.).

СТАРЕЙШИНА И СУДЬЯ

1 Лука, 6:37–38.

ДОСТОСЛАВНЫЙ РЫЦАРЬ ИЗБРАННИК ПЯТНАДЦАТИ

1 Имеется в виду Генрих VIII (1491–1547), король Англии, ставший в 1534 г. главой англиканской церкви, проведя таким образом в своей стране Реформацию и выйдя из подчинения Римской курии. В 1536–1539 гг. провел секуляризацию монастырских земель, сопровождавшуюся жестоким преследованием католиков.

ВЕЛИКИЙ МАСТЕР-АРХИТЕКТОР

1 Псалом 71:1–5.

ЦАРСТВЕННЫЙ СВОД СОЛОМОНОВ

1 Амос, 5:26.
2 Бытие, 5:23–24.

СОВЕРШЕННЫЙ ИЗБРАННИК

1 Соборное послание ап. Иакова, 1:27.
2 Соборное послание ап. Иакова, 5:19–20.
3 Эльбрус (древнеиран.).

КНЯЗЬ ИЕРУСАЛИМСКИЙ

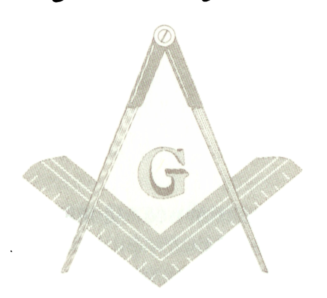
1 Захария, 7:9–10; 8:16–17; Исаия, 32:1–2, 5–6; 33:15–16.

РЫЦАРЬ ВОСТОКА И ЗАПАДА

1 Иосиф Флавий приводит имя дочери фараона Рамзеса II (Сезостриса) как «Термутис»; Диодор Сицилийский – «Атирта», традиция мидрашей – «Батья». Кроме того, существует версия имени «Бентанат» (Souruozian H., *Henut-mi-re, fille de Ramses II et grande épouse du roi.* // ASAE 69 (1983), pp. 365–371; Troy L., *Patterns of Queenship in Ancient Egyptian Myth and History.* Uppsala, 1986, p. 169. NO. 19.3). Словарь Брокгауза и Эфрона также предполагает, что в легенде могла фигурировать и Хатасу – дочь Тутмеса I. Автор же вслед за Манефоном и Евсевием отождествляет библейскую «дочь фараона» и египетскую царицу Таусерт (Туорис, Фуорис) – супругу фараона Сети II, действительно одну из дочерей Сезостриса.
2 Так называемый «египетский крест», или «анх», представляющий собой крест в форме буквы «тау», увенчанный кругом или овалом.
3 Матфей, 3:1.
4 Матфей, 11:3.
5 Матфей, 13:3, 10–12.

РЫЦАРЬ РОЗЫ И КРЕСТА

1 Антропопатия – наделение Бога свойствами и страстями человека.
2 Иоанн, 8: 12.
3 3 Царств, 18: 24.
4 «Огнем добывается селитра из росы» (лат.).
5 «Справедливо умерщвлять богохульных царей» (лат.).
6 «Сим знаком победиши» (лат.).
7 «X и Р – Христа – Имя – Святое – Прими» (лат.).
8 Здесь: в трудную минуту (лат.).
9 Марк, 9: 24.
10 В равновесии (лат.).
11 Матфей, 5: 4.
12 Марк, 10: 14.
13 Матфей, 5: 2–6, 7: 12, 11: 2.

G

Центр «Шечен» занимается исследовательской и издательской деятельностью в области философии, особенно в аспекте сравнительного анализа различных эзотерических традиций (буддизм, индуизм, неоплатонизм, гностицизм, алхимия). В своей издательской деятельности мы ориентируемся как на трактаты классиков, так и работы современных исследователей, носящие систематический, академический характер и характеризуемые высоким уровнем научного анализа, отсутствием профанизма и эклектики.

www.shechen.ru

Журнал «Святой Грааль» имеет своей целью духовное просвещение и затрагивает широкий спектр аутентичных духовных традиций: Телему, Тантризм, Каббалу, Масонство, Суфизм, Адвайту и др. Журнал можно приобрести через сайт «Ордена Восточных Тамплиеров» (**www.oto.ru**) и интернет-магазин «Омстор».

www.ganga.ru
ganga@ganga.ru

Альберт Пайк

Мораль и Догма

Перевод с английского, предисловие и примечания
Евгения Кузьмишина

Художественное оформление
издательской группы «Шастрок»

Дизайн обложки
Инны Горцевич

Оригинал-макет и верстка
Сергея Фёдорова

Заказы на разработку макетов и оформление
просим присылать на адрес: arjuna93@bk.ru

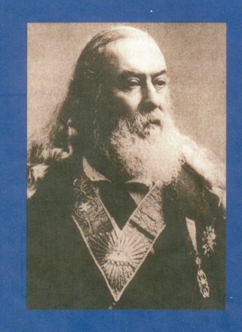
Корректор
Наталья Фомина

ООО «Издательство „Ганга“»
196143, г. Москва, ул. Голубинская, 17/9–501.
www.ganga.ru
ООО «ЦБИ „Шечен“»
www.shechen.ru

Книга подготовлена на оборудовании Apple Macintosh
Гарнитуры: ITC Charter, Cataneo BT, Palatino Linotype.

Подписано в печать 27.01.2007.
Формат 60×84/16. Объем 24.5 п. л.
Тираж 2000 экз. Печать офсетная. Заказ № 1892.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

Книга «Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава» является основополагающим трудом по истории и философии масонства как посвятительного Ордена, носителя мировой эзотерической традиции. Альберт Пайк – один из наиболее авторитетных масонских ученых всех времен, и его труд стал итогом многолетней работы по преобразованию и совершенствованию системы Шотландского Устава в США, а также лег в основу всех последующих масонских исследований в рамках данного Устава. Структурно книга «Мораль и Догма» воспроизводит систему масонского посвящения, поскольку изначально представляла собой цикл лекций, с которыми более опытные вольные каменщики обращались к посвященным в очередную степень. «Мораль и Догма» представляет собой путеводитель по практически всем основным мировым эзотерическим учениям и обществам от Мистерий Осириса и Исиды до современных Пайку неотамплиеров. Книга «Мораль и Догма» впервые переведена на русский язык.

